Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Тубалова Инна Витальевна

ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В УСТНЫХ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДИСКУРСАХ

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант
доктор филологических наук, профессор
Резанова Зоя Ивановна

Томск – 2015

Оглавление

Введение 6

Глава 1. Теория полифонической организации текста 30

1.1 Текст как предмет исследования. Проблема формирования понятия текстуальности 30

1.2 Полифонический текст как особый объект филологического анализа 40

1.2.1 Формирование концепции полифонического текста в литературоведческих исследованиях 44

1.2.2 Формирование концепции полифонического текста в лингвистических исследованиях 56

1.2.2.1 Концепции полифонического текста в лингвистических исследованиях художественной речи 61

1.2.2.2 Концепции полифонического текста в исследованиях нехудожественной речи 66

1.3 Полифоническая организация текста личностно-ориентированных дискурсов: теоретические презумпции и подходы к анализу 91

1.3.1 Полифонический текст. Полифоническая организация текста 91

1.3.2 Модусно-диктумное основание стилистического своеобразия дискурсов 95

1.3.3 Полифоническое включение. Типы полифонических включений 110

1.3.3.1 Обоснование термина «полифоническое включение» 110

1.3.3.2 Типы полифонических включений 115

Выводы к главе 1 135

Глава 2. Личностно-ориентированный дискурс как особая сфера текстопорождения 139

2.1 Повседневность как особая сфера человеческой деятельности 140

2.2 Обыденный человек в структуре повседневного и неповседневного социального существования 147

2.3 Дискурсивный подход к исследованию институционально не регулируемой деятельности обыденного человека 152

2.3.1 Личностно-ориентированная деятельность обыденного человека в дискурсивном аспекте 152

2.3.2 Проблема типологии дискурсов. Социолингвистическая типология дискурсов 156

2.3.3 Личностно-ориентированные дискурсы обыденного человека 158

2.3.3.1. Типология личностно-ориентированных дискурсов в соответствии с фактором дискурсивной интенции 158

2.3.3.2. Личностно-ориентированные дискурсы в аспекте экстралингвистических дискурсивных факторов 166

2.3.3.3 Речевая форма личностно-ориентированных дискурсов 195

2.3.3.3.1. Стиль личностно-ориентированных дискурсов 195

2.3.3.3.2. Текст устного личностно-ориентированного дискурса: текстуальность, интертекстуальность, полидискурсивность 211

Выводы к главе 2 217

Глава 3. Источники формирования полифонической структуры текста устных личностно-ориентированных дискурсов 220

3.1 Социальный авторитет дискурса как основание трансляции его речевых форм субъектом личностно-ориентированных дискурсов 220

3.2 Социально авторитетные дискурсы как источники

полифонической организации текста личностно-ориентированного дискурса 234
3.2.1 Дискурс документа как источник полифонической организации текста личностно-ориентированного дискурса 235
3.2.1.1 Дискурс документа как социально авторитетный 235
3.2.1.2 Речевые формы дискурса документа, направленные на междискурсивное распространение 248
3.2.2 Политический дискурс как источник полифонической организации текста личностно-ориентированного дискурса 255
3.2.2.1 Политический дискурс как социально авторитетный 255
3.2.2.2 Речевые формы политического дискурса, направленные на междискурсивное распространение 273
3.2.3 Фольклорный дискурс как источник полифонической организации текста личностно-ориентированного дискурса 295
3.2.3.1 Фольклорный дискурс как социально авторитетный 295
3.2.3.2 Речевые формы фольклорного дискурса, направленные на междискурсивное распространение 305
Выводы к главе 3 316
Глава 4. Полифонический текст устных личностно-ориентированных дискурсов как результат междискурсивного распространения социального авторитета источника 321
4.1 Факторы, обеспечивающие специфику формирования полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов интерпретационной направленности, и подходы к анализу 322
4.2 Модусное содержание дискурсов-источников в полифоническом тексте повседневных дискурсов 354
4.2.1 Полифоническая организация текста повседневного

дискурса как результат обращения к модусно-диктумному содержанию дискурсов-источников 335
4.2.1.1 Нейтрализация модусов дискурса-источника 356
4.2.1.2 Междискурсивная трансформация модусов дискурса-источника 346
4.2.2 Полифоническая организация текста повседневного дискурса как результат дискурсной деятельности субъекта определенного социально-речевого типа 372
4.3 Полифонический текст в неповседневных личностно-ориентированных дискурсах как результат обращения к содержанию дискурса-источника 393
4.3.1 Модусное содержание дискурсов-источников в полифоническом тексте неповседневных дискурсов 393
4.3.1.1 Сопротивляемость нейтрализации модусов дискурса-источника 396
4.3.1.2 Междискурсивная трансформация модусов дискурса-источника 400
4.3.2 Полифоническая организация неповседневного дискурса как результат дискурсной деятельности субъекта определенного социально-речевого типа 412
4.4. Полифоническая организация текста неповседневного личностно-ориентированного дискурса как результат обращения к наддискурсивно значимой информации 419
Выводы к главе 4 438
Заключение 441
Список условных сокращений 450
Список литературы 452
Список источников 537

Введение

Настоящее диссертационное сочинение представляет результаты анализа полифонического текста устных личностно-ориентированных дискурсов, образованного в результате использования говорящим иноречевых форм[1].

Актуальность исследования, в первую очередь, определяется его отнесенностью к функциональной парадигме современной лингвистики.

В рамках разрешения кризиса структурной лингвистики были обнаружены принципы функциональной детерминации речи, создана концепция языка как действующей системы. В результате вербальная коммуникация приобрела статус особого исследовательского объекта. Обращение к новому объекту потребовало формирования новой исследовательской методологии. При ее реализации лингвистика обратилась к рассмотрению процесса порождения речи в его социальной и когнитивной обусловленности.

Одно из наиболее значимых направлений развития новой методологии в лингвистике проявилось в рамках французской школы дискурс-анализа (П. Анри, Ж. Лакан, М. Пешё, П. Серио, М. Фуко и др.), идеи которой получили дальнейшее развитие в целом ряде научных направлений: в постструктуралистских исследованиях (Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.), в критическом дискурс-анализе (Р. Водак, Т. ван Дейк, Р. Фэрклоу и др.) и др.

В работах, выполненных в этих направлениях, говорящий человек предстал во власти не только лингвистических, но и социально-идеологических систем. Процесс порождения речи стал рассматриваться как результат воплощения говорящим (1) его индивидуального речевого опыта, его представления «о реальных или вымышленных мирах, относительно которых мы уже обладаем большим количеством знаний и убеждений» [Дейк, 1989, с. 51] и (2) его знания о типах функционирующих в данном социуме в данный конкретно-исторический

---

[1]Под речевой формой понимается фрагмент текста (от слова до целого высказывания), созданный и функционирующий как относительно устойчивая речевая единица в определенном дискурсе.

период дискурсов [там же]. Индивидуальный речевой опыт субъекта при таком подходе рассматривается как полидискурсивный.

Один из аспектов такого подхода связан с осознанием **многообразия социальных практик** и признанием **самостоятельной ценности** каждой из них. Данный аспект играет ведущую роль в гуманитарной исследовательской парадигме XX-XXI века (в основе – философия экзистенциализма М. Хайдеггера, феноменологическая социология А. Щюца, социология знания П.-Л. Бергера, структурный функционализм Р.-К. Мертона и др.). При его реализации особое внимание уделяется практикам не только институциональным, но и личностно-ориентированным, а в концепции социальной детерминации человека особое место отводится **человеку обыденному** – как **функциональной социально-ролевой позиции**, которая, с учетом вариативных внешних условий его бытия, противопоставляется позиции институционально заданной. В результате вся осуществляемая человеком деятельность (в том числе и речевая) предстает как результат реализации социальных ролей, предполагающих определенные модели поведения.

Современная лингвистика активно обращается к исследованию институциональных дискурсивных практик. **Личностно-ориентированные дискурсивные практики** описаны значительно менее подробно, но обращение к специфике восприятия и воплощения языка обыденным человеком уже на протяжении более полувека сохраняет актуальность, которая в последние десятилетия даже усиливается (конверсационный анализ – G Jefferson, W. Labov, H. Sacks, E.A. Schegloff и др., отечественные исследования устной разговорной речи – Т.Г. Винокур, В.Д. Девкин, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, М.В. Китайгородская, Е.В. Красильникова, О.А. Лаптева, Н.В. Орлова, Н.Н. Розанова, О.Б. Сиротинина, Е.Н. Ширяеви др., диалектологические исследования – Р.И. Аванесов, Л.И. Баранникова, В.Е. Гольдин, Л.Г. Гынгазова, О.И. Блинова, Т.А. Демешкина, Е.В. Иванцова, Г.В. Калиткина, О.Ю. Крючкова, Е.А. Оглезнева, Л.М. Орлов, Р.Н. Порядина и др., исследования в области социальной психологии и психолингвистики – Л.С. Выготский, И.Н. Горелов,

К.Ф. Седов, Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев и др., теории речевых жанров – В.В. Дементьев, Н.Б. Лебедева, К.Ф. Седов, Т.В. Шмелева и др., теории обыденного сознания – Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, А.Н. Ростова и др.). Обращенность к специфике личностно-ориентированного общения – еще один аспект **актуальности** данной работы.

С точки зрения теории дискурса личностно-ориентированная речевая деятельность предстает как результат действия множества локальных институционально не регулируемых дискурсивных целей. Интенциональная специфика определяет ее информационную открытость, социальное уравнивание говорящих субъектов и регулируемость особыми правилами, выработанными в процессах повседневного общения. Эти правила предполагают особую лояльность к проникновению в текст личностно-ориентированного дискурса иноречевых форм, в том числе – усвоенных обыденным человеком в процессе его участия в институциональных практиках. Включение институциональных речевых форм в текст личностно-ориентированного дискурса осуществляется на основании локальных дискурсивных интенций – с учетом условий коммуникации и смыслов, которые говорящий стремится выразить. Текст личностно-ориентированного дискурса, образованный при участии иноречевых форм, является **полифоническим.**

Идея полифоничности текста основана на его понимании как *вербальной последовательности, обладающей цельностью и связностью не только за счет внутренней организации его элементов, но и за счет его включенности во внешний вербальный контекст, в результате чего как его отдельные элементы, так и текст в целом получают динамический потенциал множественной интерпретации, обеспечивающий генерацию нового смысла*.

Еще один аспект **актуальности** представляемого исследования связан с проблематикой формирования полифонического текста.

Данная проблематика обсуждается в рамках подхода, восходящего к идеям М. Бахтина и занявшего устойчивые позиции в филологии XX века начиная с 60-х гг. (работы Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Деррида и др.). В его рамках импульс

активного развития получают концепции интертекстуальности и полидискурсивности, играющие магистральную роль при обосновании процессов порождения и восприятия текста в филологии конца XX – начала XXI в. (И.В. Арнольд, Г.В. Денисова, А.К. Жолковский, Н.А. Кузьмина, Н. Пьеге-Гро, Р. Лахман, И.П. Смирнов, Н.А. Фатеева, В.Е. Чернявская и др.). Их развитие осуществляется в русле общефилософской синергетической концепции, согласно которой «человек в стремлении выразить себя (для другого) колеблется между бесконечно недостижимыми пределами, между такими событиями в своей жизни, как состояние полного отождествления, так и разотождествления с самим собой в той или иной языковой форме» [Киященко, 2000, с. 70].

Проблематика нашего исследования формируется на пересечении названных проблем.

Объектом исследования являются тексты русских устных личностно-ориентированных дискурсов.

Обозначенный объект рассматривается в его социальной обусловленности. Он формируется под влиянием личностно-ориентированных дискурсивных интенций и противопоставляется текстам дискурсов институциональных.

Предмет исследования – полифоническая организация текста как результат реализации свойственных личностно-ориентированному общению дискурсивных интенций.

Цель работы – выявить ***факторы и механизмы*** формирования полифонического текста русских устных личностно-ориентированных дискурсов.

Обращение к тексту личностно-ориентированных дискурсов в заявленном аспекте предполагает необходимость учета (1) специфики дискурсивной области его реализации; (2) специфики дискурса-источника иноречевой формы.

Для анализа выбраны тексты русских личностно-ориентированных дискурсов, полифоническая организация которых включает речевые формы **дискурса документа, политического и фольклорного дискурсов**, обладающих общими яркими признаками институциональности, социальным авторитетом, но

кардинально различающихся характером институциональности и спецификой дискурсивной интенции.

С учетом взаимодействия с источником текст, рассмотренный в аспекте его полифонической организации, определяется как *результирующий* текст.

Обозначенная цель определяет следующие **задачи.**

1. В рамках общей теории интертекстуальности и полидискурсивности разработать лингвистическую теорию полифонической организации текста, сформировать понятия полифонического текста, полифонической организации текста, полифонического включения.

2. Выявить факторы, влияющие на формирование полифонического текста.

3. Выявить типы полифонических включений в структуре полифонического текста.

4. Выявить специфику полифонической организации текста устных личностно-ориентированных дискурсов.

5. Проанализировать личностно-ориентированную речевую деятельность в социодискурсивном аспекте, выявить типы личностно-ориентированных дискурсов, обнаруживающих специфику полифонической организации текста.

6. Выявить общие и специфические свойства дискурса документа, политического и фольклорного дискурсов, определяющие потенциал междискурсивного распространения их речевых форм, и типы этих речевых форм, составляющие указанный потенциал.

7. Выявить факторы формирования полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах.

8. С учетом дискурсивных факторов, влияющих на формирование текста личностно-ориентированных дискурсов, разработать модель анализа его полифонической организации.

9. Применяя данную модель анализа, выявить механизмы формирования полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов и результаты междискурсивных трансформаций инодискурсивных речевых форм различного типа.

Методологические основы работы формируются в области функционального направления современной лингвистики и опираются на следующие его положения.

1. Значимые для решения задач настоящего исследования свойства его объекта – **текстов устных личностно-ориентированных дискурсов** – выявляются на основании следующих положений.

1.1. **Текст** определяется как динамическая, интенционально обусловленная речевая последовательность, целостный смысл которой задан социальными условиями ее реализации, деятельностным авторским началом и особенностями адресата (М.М. Бахтин, К.-А. Богранд, Т.А. ван Дейк, В. Дресслер, М.Я. Дымарский, Е.С. Кубрякова, Т.М. Николаева и др.).

1.2. Текст рассматривается как коммуникативно обусловленная речевая форма, как результативная сторона дискурса. Под дискурсом понимается, во-первых, отдельное «коммуникативное событие» – «ситуационный дискурс» (Т.А. ван Дейк), участники которого порождают текст в соответствии с реализуемой интенцией и условиями коммуникации, во-вторых – совокупность «коммуникативных событий» определенного типа, объединенных на основании единства социально заданной интенциональности и формирующих общие правила текстопорождения. Порождая текст в отдельном ситуационном дискурсе, его автор опирается не только на конкретные условия коммуникации, но и на свой дискурсивный опыт – знание обо всех существующих в данном социуме типах дискурса (Т.А. ван Дейк, В.З. Демьянков, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, М. Пешё, О.Г. Ревзина, П. Серио, И.В. Силантьев, Л. Филипс, М.В. Йоргенсен, М. Фуко, Н. Фэрклоу и др.).

1.3. Характеристика **типа дискурса** основывается на социолингвистическом положении о зависимости языка от социальных условий его существования, т.е. комплекса внешних обстоятельств, в которых он реально функционирует: тип общности участников дискурсной деятельности, социальная структура общества, социальные различия между участниками дискурса, а также различия в их речевом поведении в зависимости от ситуации общения (W. Labov, В.Е. Гольдин,

Л.К. Граудина, Т.В. Кочеткова, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, О.Б. Сиротинина, А.Д. Швейцер, Е.Н. Ширяев, Д.Н. Шмелев и др.).

1.4. Каждый тип дискурса обладает особым **содержанием**. Специфика содержания дискурса отражается в специфике дискурсивного стиля (А.Н. Приходько, З.И. Резанова, А.А. Кибрик, Ю.С. Степанов и др.). Стиль дискурса, рассмотренный как когнитивный процесс выбора его участником средств и способов организации речи, формируется (1) на основании дискурсивной интенции, условий и ролевой структуры общения – как результат конкретно-деятельностной обусловленности – и (2) на основании опыта участия субъекта в практиках других дискурсов – как результат его реализации (Т.А. ван Дейк). Социальная и коммуникативная обусловленность стиля как характера речи рассматривается с учетом достижений отечественной функциональной стилистики (Н.С. Болотнова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Т.Г. Винокур, Н.В. Данилевская, К.А. Долинин, Л.Р. Дускаева, М.Н. Кожина, А.Н. Кожин, М.П. Котюрова, А.В. Курьянович, Т.В. Матвеева, В.В. Одинцов, А.К. Панфилов, В.А. Салимовский, Г.Я. Солганик и др.), риторической стилистики (Ю.В. Рождественский, А.П. Романенко, Г.Г. Хазагеров и др.), коммуникативной стилистики (Н.С. Болотнова и др.).

1.5. Обращение **к сфере внеинституционального существования человека** опирается на заданную в исторических, философских, культурологических, психологических исследованиях идею особой значимости внеинституциональных социальных практик в парадигме человеческого существования – как универсальной предпосылки всех форм человеческой активности, имеющей специфическую структуру. Истоки такого подхода – в феноменологии Э. Гуссерля, учении о Бытии М. Хайдеггера, его развитие – в исторических, философских, культурологических, психологических методологических исследованиях конца XX – начала XXI века (Ф. Бродель, П. Бергер, С.В. Журавлев, Е.В. Золотухина-Аболина, И.Т. Касавин, В.Д. Лелеко, Ю.М. Лотман, Т. Лукман, О.В. Сергеева, В.Н. Сыров, А. Шюц и др.).

1.6. Исследование специфики внеинституциональных практик**в социальном аспекте** предполагает учет социально-ролевой позиции обыденного человека, обращение к которой реализовано на основании социологической статусно-ролевой концепции личности (Дж. Мид, Р. Минтон, Т. Парсонс и др.), а также лингвистических концепций обыденного человека и обыденного сознания (Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, А.Н. Ростова, Г.Р. Хазиева, П.В. Челышев, А.Д. Шмелев и др.).

1.7. **Дискурсивный подход** к исследованию личностно-ориентированного общения основывается на противопоставлении рассматриваемого типа дискурса дискурсам институциональным (В.И. Карасик и др.) и определяет его специфику как институционально не регулируемого, полиинтенционального, «наименее структурированного из всех типов дискурсов» [Макаров, 2003, с. 175], информационно открытого (В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, И.А. Ревзина, И.В. Силантьев и др.). Специфика внеинституциональных форм речевого общения рассмотрена с опорой на достижения теории разговорной речи (Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, М.В. Китайгородская, Е.В. Красильникова, О.А. Лаптева, Б.И. Осипов, Н.Н. Розанова, О.Б. Сиротинина, Ю.М. Скребнев, Е.Н. Ширяев, А.А. Юнаковская и др.), конверсационного анализа (G Jefferson, W. Labov, H. Sacks, E.A. Schegloff и др.), естественной письменной речи (А.В. Курьянович, Н.Б. Лебедева и др.), коммуникативной диалектологии (В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова и др.), социальной психологии и психолингвистики (Л.С. Выготский, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов, Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев и др.), теории речевых жанров (В.В. Дементьев, Н.Б. Лебедева, Н.В. Орлова, К.Ф. Седов, Т.В. Шмелева и др.).

1.8. Исследование **специфики текстопорождения** в повседневных и неповседневных личностно-ориентированных дискурсах опирается на концепцию повседневности как сферы коммуникативной деятельности человека, базовыми признаком которой является ее рутинный, типичный, регулярно

воспроизводимый характер, привычный для индивида и близкий к автоматическому (Н.Н. Козлова, Ю.М. Лотман, В.Н. Сыров и др.).

1.9. Специфика, накладываемая на личностно-ориентированное речевое общение **устностью канала передачи информации**, определяется с опорой на исследования устной формы реализации языка и дискурса (В.Д. Девкин, К.А. Долинин, Е.А. Земская, А.А. Кибрик, О.А. Лаптева, Ю.М. Лотман, М.Л. Макаров, И.А. Ревзина, У. Чейф, Е.Н. Ширяев, Д.Н. Шмелев, G Jefferson, W. Labov, H. Sacks, E.A. Schegloff и др.).

1.10. При решении проблемы **субъектной упорядоченности текстопорождения (речевого контроля)** использовались различные концепции осознанного порождения речи (А. Вежбицкая, И.Т. Вепрева, В.Г. Гак, Н.Д. Голев, А.А. Залевская, Н.Б. Лебедева, С.Е. Никитина, А.Н. Ростова, Т.Н. Скат и др.).

2. Предмет настоящего исследования – **полифоническая организация текста** – мы определяем на основании следующих положений.

2.1. Концепция **полифонического текста** строится на положении о том, что говорящий в процессе текстопорождения использует иноречевые формы, претерпевающие в процессе включения в текст определенные трансформации в соответствии со спецификой социального типа дискурса, конкретизированной с учетом специфики дискурса ситуационного. В результате текст реализует такое свойство, как интертекстуальность («взаимозависимость между порождением или рецепцией одного данного текста и знанием участниками коммуникации других текстов» [Богранд, Дресслер, 1981, с. 188]), рассматриваемое как проявление его текстуальности (И.В. Арнольд, Р. Барт, М.М. Бахтин, Б.М. Гаспаров, Г.В. Денисова, Ж. Деррида, Ж. Женетт, А.К. Жолковский, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, Р. Лахман, Н. Пьеге-Гро, И.П. Смирнов, Ю.Н. Тынянов, Н.А. Фатеева, В.Е. Чернявская и др.).

2.2. Исследования «чужого слова» **на материале текстов личностно-ориентированных дискурсов** – вне учета их характера как специфической сферы речевого общения, определяющей особенности текстопорождения, – предпринимались в рамках теории цитации (Н.Д. Арутюнова, А.А. Вежбицкая,

Б.С. Шварцкопф и др.), теории прецедентности (Н.Д. Бурвикова, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, В.В. Красных и др.), а также теории чужой речи (М.В. Китайгородская, О.А. Михайлова, О.И. Москальская и др.). На анализе смыслового потенциала «голосов», привнесенных в неинституциональный текст в результате дотекстового употребления его элементов, сосредотачивается концепция мотивного анализа Б.М. Гаспарова.

2.3. При анализе **условий реализации** текстом свойства **интертекстуальности** через посредство инодискурсивных речевых форм учитывается концепция дискурсивной картины мира (З.И. Резанова), положение о специфике информационного содержания дискурсов, выраженной в тексте (Т.А. ван Дейк, В. Кинч, В.З. Демьянков, М.Л. Макаров, И.А. Ревзина, З.И. Резанова, И.В. Силантьев, М.А.К. Хэллидей, У. Чейф и др.).

2.4. Выбор **дискурсов-источников**, особенности реализации содержания которых исследуются в результирующем тексте личностно-ориентированных дискурсов, определяется качественным разнообразием их интенциональности, задающей специфику текстовой формы, а также особой активностью использования их речевых форм в исследуемом дискурсе. Теоретической базой для выявления этой специфики являются работы, в которых рассматриваются свойства (а) дискурса документа (Б.Э. Азнаурьян, В.С. Григорьева, С.А. Канащук, М.К. Любимова, Т.А. Петрова, В.А. Пономаренко, О.П. Сологуб, О.С. Сыщиков, Н.С. Федотова и др.), (б) политического дискурса (В.З. Демьянков, М.В. Ильин, К.А. Богданов, А.Г. Кириллова, М.А. Кронгауз, Н.А. Купина, В.А. Маслова, А.П. Романенко, П. Серио, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.) и (в) фольклорного дискурса (С.Б. Адоньевой, Е.И. Алещенко, Ю.А. Эмер) и фольклорного текстопорождения (С.Б. Адоньева, С.Б. Артеменко, П.Г. Богатырев, К.А. Богданов, Г.А. Левинтон, С.Е. Никитина, С.Ю. Неклюдов, С.Е. Никитина, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, Н.И. Толстой, А.Т. Хроленко, Ю.А. Эмер и др.).

2.5. Верификация речевых форм как знаков дискурса, являющихся продуктом его стиля, проводится с опорой на положения о семиотическом представлении культуры (Р. Барт, Ж. Бодрийар, Ж. Деррида, Э. Кассирер,

Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, М. Фуко и др.), на разработанные в рамках лингвокультурологии положения об отражении культурной информации в языке, дискурсе и тексте (А. Вежбицкая, В. Гумбольдт, В.В. Красных, М.А. Кронгауз, В.А. Маслова, А.П. Романенко, Э. Сепир, Ю.С. Степанов, школа Н.И. и С.М. Толстых, Б. Уорф и др.).

Эмпирической базой исследования послужили тексты устного личностно-ориентированного дискурса, как представленные в виде аудио-/видеозаписей, так и письменно зафиксированные. Устные источники представлены записями городской и сельской речи, выполненными автором диссертационного исследования и его коллегами в 2003-2014 гг. (общая продолжительность – более 7 часов звучания; объем – более 50 страниц расшифрованного текста), студентами филологического факультета ТГУ во время прохождения учебной практики (продолжительность – около 4 часов звучания, объем –26,5 страниц). Среди письменных источников – записи сельской разговорной речи (объемом более 3000 страниц), сделанные студентами и преподавателями филологического факультета ТГУ во время диалектологических экспедиций (середина XX – начало XXI в.), материалы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), сборники материалов городской и сельской разговорной речи– Иванцова Е.В. «Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов» (Томск, 2007), «Русская деревня в рассказах ее жителей» / Под ред. Л.Л. Касаткина (М., 2009), «Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций». Вып. 2. «Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора» (Благовещенск, 2005), «Слово: Фольклорно-диалектологический альманах». Вып.3(Благовещенск, 2004), Китайгородская М.В. «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект» (Москва, 2005), Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. «Русский речевой портрет: Фонохрестоматия» (М., 1995), «Русская разговорная речь. Тексты» / Автор-сост. Г.Г. Инфантова (Таганрог, 2006), «Русская разговорная речь европейского северо-востока России: Сборник текстов» / Под ред. Н.С. Сергиевой и А.С. Герда (Сыктывкар, 1998), «Русская разговорная речь. Тексты» / Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе (М., 1978), «Русская разговорная

речь Заполярья: Норильск: Тексты» (СПб., 2002), «Живая речь уральского города. Тексты» (Екатеринбург, 1995), «Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия» (Екатеринбург, 2011), Богословская З.М. «Устная народная речь русских старожилов Сибири: сб. текстов» (Томск, 2007).

При лексикографической верификации мы обращались к *специальным лексикографическим источникам* – например, Коноплицкий В., Филина А. «Это – бизнес. Толковый словарь экономических терминов» (М., 1996); «Большой бухгалтерский словарь» / Под ред. А.Н. Азрилияна (М., 1999); «Политическая наука: Словарь-справочник» (М., 2010) и др. (полный список прилагается), – и *толковым нормативным словарям русского литературного языка*, среди них – «Словарь современного русского литературного языка»: в 17 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР(М.; Л., 1948-1965); «Словарь русского языка»: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой (М., 1984); «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений»: В 6 т. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой(т.1-3) (М., 1998-2003); Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. «Толковый словарь русского языка» (М., 1998) и др. Кроме того, при реализации данного метода мы обращались к «Полному словарю сибирского говора» под ред. О.И. Блиновой (Томск, 1992-1995), являющемуся диалектным словарем недифференциального типа, и к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля (М., 1978–1980), не являющемуся нормативным.

Для верификации принадлежности полифонических включений к источнику были использованы официальные документы: законы, указы, технические регламенты и др. (http://consultant.ru, http://docs.cntd.ru/ и др.), тексты советских СМИ (газета «Правда», «Известия», «Труд», «Знамя коммуны», «Тамбовская правда» и др. (http://www.oldgazette.ru/rubrik/1931.html; http://souz.info/library/lenin/whatissov.html; http://istmat.info/node/2201; http://otambove.ru/antiqua/?p=3429 и др.); политические документы советской эпохи: декреты, приказы, ориентировки, директивы и др. (http://www.runivers.ru; http://constitution.garant.ru/history/active/; http://army.armor.kiev.ua/hist/;

www.law7.ru/base18/part7/d18ru7878.htmидр.); труды советских классиков марксизма-ленинизма, в том числе опубликованные в СМИ (например, Сталин И.В. «Сочинения» (М., 1952); Ленин В.И. «Сочинения» (http://vilenin.eu/) и др.).

В качестве дополнительного материала (для верификации границ сферы реализации исследуемых текстовых форм) привлекались материалы текстовых источников (политические документы, разъяснительные и презентационные материалы), представленных на официальных сайтах современных государственных структур (например, ГУ МВД России по Алтайскому краю – http://22.mvd.ru/uvd/memory/victory; официальный сайт органов местного самоуправления Мытищинского района г. Москвы – http://www.mytyshi.ru/pravo/nalog и под.).

В результате в 1936 текстах личностно-ориентированных дискурсов было зафиксировано и верифицировано 2675 иноречевых форм, в том числе 922 – из дискурса документа (1763 случая использования), 643 – из политического дискурса (2046 случаев использования) и 110 – из фольклорного дискурса (118 случаев использования).

Методы исследования. Предмет и цель исследования обусловили формирование комплексной методики анализа текстов личностно-ориентированных дискурсов как способ применения различных методов.

Для **сбора материала** нами были использованы (1) *полевые методы* – включенное наблюдение и интервью-беседа (способы фиксации – аудио- и видеозаписи, рукописные записи в дневнике), (2) *метод сплошной* и *дифференцированной выборки* из первично обработанных источников, в том числе *корпусные методы*.

Выбор методов **исследования** осуществлялся на основании методологии **дискурс-анализа** – комплексной междисциплинарной методологии, предполагающей использование конкретных взаимно дополняющих друг друга методов и представляющей речевую деятельности как составляющую деятельности социальной.

На **первом этапе** исследования на основании *наблюдения* и *интроспекции* были выделены контексты, содержащие единицы, обладающие иноречевой природой.

Метод *наблюдения* позволил выделить контексты, содержащие иноречевые фрагменты, сопровождаемые метатекстовыми комментариями, то есть обнаруживающие осознанный характер (различной степени) их использования автором текста.

Метод *интроспекции* позволил произвести первичную выборку контекстов, содержащих иноречевые фрагменты, не сопровождаемые метатекстовыми комментариями. При использовании данного метода интерпретационной лингвистики мы учитывали, что он обладает целым рядом ограничений, связанных, в том числе, с обращением к анализу лингвокультуры, не совпадающий с лингвокультурой исследователя (например, при анализе диалектной лингвокультуры). Указанное ограничение в значительной степени снимается тем, что источник иноречевых фрагментов, как иноречевая/инотекстовая по отношению к результирующей сфера, в большинстве случаев не относится к области специфических для каждой лингвокультуры смыслов – документы, политика и фольклор являются общими для всех представителей национальной культуры коммуникативными сферами.

В дальнейшем была выполнена верификация результатов интроспекции, установлено содержание выявленных единиц в источнике. Для этого были использованы методы *лингвокультурологического* и *интертекстуального анализа* [Комарова, 2013, с. 622] (в том числе – прием *количественного анализа*, обнаруживающий количество интертекстуальных пересечений), *семантико-стилистического анализа* (включая прием *стилистической трансформации*), *контекстуального* и *денотативно-референтного анализа*, а также метод *семной интерпретации словарной дефиниции* [Попова, Стернин, 2007]. С помощью *описательного* метода (методик *интерпретации* и *классификации*) выделяются основания для формально-содержательной классификации выделенных иноречевых форм.

На **втором этапе** исследования с целью выявления результатов трансформации содержания речевой единицы источника в результирующем тексте используются приемы *сравнительно-сопоставительного* анализа, предполагающие сравнение содержания речевой формы и ее референции в источнике и в результирующем тексте личностно-ориентированного дискурса.

На **третьем этапе** для выявления факторов, влияющих на механизмы использования иноречевых форм различного типа в личностно-ориентированных дискурсах, применяются *социолингвистический* [Комарова, 2013, с. 501] и *коммуникативно-прагматический* [там же, с. 442] методы. Их результаты используются в дальнейшем для *дискурсивного моделирования* речевого процесса, основанного на установлении соотношения между внешними по отношению к тексту дискурсивными параметрами и обеспеченными ими текстоформирующими параметрами [Дейк, Кинч, 1998, Дейк, 1999]. Полученные модели дискурса соотносятся с типами включенной в текст иноречевой формы и типом ее трансформации, осуществляются количественные подсчеты иноречевых форм каждого типа. В результате выявляются социодискурсивные модели речевого поведения, реализуемые при использовании иноречевых форм различного типа.

В результате обобщения обнаруженных моделей выявляются факторы и механизмы формирования полифонического текста устных личностно-ориентированных дискурсов в их обусловленности типичными дискурсивными интенциями, задающими обращение к иноречевым формам различного типа, и характер их трансформации при включении в результирующий (полифонический) текст.

Научная новизна исследования обусловлена разработкой научной концепции и ее применением к анализу особого материала.

Исследование речевых единиц, выступающих в тексте в качестве знаков других текстов/дискурсов, имеет обширную филологическую традицию. В работе в рамках общей теории интертекстуальности и полидискурсивности впервые разработана концепция полифонического текста личностно-ориентированных

дискурсов. В ее рамках представлена типология речевых форм, участвующих в формировании полифонического текста, и факторы, его определяющие.

Новизна исследования состоит и в том, что в нем впервые выявлены факторы формирования полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах и описана специфика их действия. Выявлены типы личностно-ориентированных дискурсов, в которых полифонический текст формируется особым образом под влиянием специфики личностно-ориентированной дискурсивной интенции.

С учетом дискурсивных факторов, влияющих на формирование текста личностно-ориентированных дискурсов, разработана модель анализа его полифонической организации.

На основании данной модели описаны механизмы формирования полифонического текста в русских личностно-ориентированных дискурсах различного типа.

Впервые полифоническая организация текстов неинституциональной коммуникации проинтерпретирована как результат междискурсивного взаимодействия личностно-ориентированных и институциональных дискурсов, формирующихся на основании различной интенциональности, выполняющих различные социальные функции и отраженных в когниции обыденного человека в качестве речевого опыта.

В аспекте обозначенной концепции веден в научный оборот материал русской неинституциональной коммуникации.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом настоящего исследования в разработку проблем теории современного русского языка. Работа вносит вклад в развитие целого ряда направлений общей лингвистической теории в ее приложении к конкретному материалу русского языка.

1. В данном исследовании получили развитие идеи полифоничности, сформированные на материале текстов письменной, преимущественно художественной, коммуникации, а также некоторые отдельные положения, сформированные на материале личностно-ориентированной коммуникации.

В качестве их развития описаны дискурсивно обусловленные принципы стабилизации речевых форм, обеспечивающие их ориентированность на междискурсивное распространение, типы единиц, формируемых в рамках такой стабилизации, а также способы объективации дискурсивно стабилизированных единиц различного типа в дискурсе-источнике и в результирующем – личностно-ориентированном – дискурсе. Особенности личностно-ориентированных дискурсов как сферы реализации полифонического текста получили полное, развернутое описание.

Создана концепция полифонического текста в неинституциональной коммуникации. Выявлены факторы и механизмы его формирования.

Введены термины «полифонический текст», «полифоническая организация текста», «полифоническое включение».

В связи с этим работа вносит вклад в развитие *теории текста*, в том числе – *теории интертекстуальности и полидискурсивности*.

2. Обращение к новому материалу потребовало разработки новой методологии решения проблемы полифоничности.

С учетом дискурсивных факторов, влияющих на формирование текста личностно-ориентированных дискурсов, разработана модель анализа его полифонической организации, которая может быть применена при изучении текстов самого различного типа.

В связи с этим исследование вносит вклад не только в теорию текста, но и в методологию анализа текстов определенного типа, в решение проблем полифоничности текстов определенного типа и – как следствие – в *методологию текстологических исследований* в целом.

3. В работе развиваются идеи дискурс-анализа (концепция дискурсивной картины мира, дискурсивного стиля, своеобразие принципов внутренней организации личностно-ориентированных и институциональных дискурсов, принципы дискурсивного текстопорождения).

В качестве их развития описаны специфические особенности дискурса документа, политического и фольклорного дискурса в аспекте их

ориентированности на распространение речевых форм в обыденную коммуникацию. Также в аспекте влияния на полифоническую организацию текста описаны факторы и принципы текстопорождения в личностно-ориентированных дискурсах.

Введено понятие модусно-диктумной структуры дискурса, рассмотренной как основание его стилистического своеобразия. Проанализирована специфика дискурсивного стиля указанных институциональных и личностно-ориентированных дискурсов. Для обозначения указанного понятия введены термины «дискурсивный модус» и «дискурсивный диктум».

В связи с этим выполненное исследование имеет значение для развития *теории дискурса*.

4. Обращаясь к подробно исследованным параметрам социальной обусловленности текстопорождения, к определяющей его специфике русского социума, проведенное исследование выявляет результаты влияния этих параметров на формирование одного из важнейших свойств текста – его полифоничности. Тем самым, оно является значимыми для *социолингвистики*.

5. Результаты исследования значимы и для *когнитивной лингвистики*: исследование когнитивных структур личностно-ориентированного и институционального общения, участвующих в моделировании дискурсивных картин мира, выявление специфики востребуемых в личностно-ориентированном общении смыслов позволяет расширить и углубить представления о когнитивной специфике дискурсов обыденного человека.

6. Разработка концепции полифонического текста устных личностно-ориентированных дискурсов включает анализ специфики результатов деятельности говорящего субъекта в условиях непосредственного спонтанного общения. В связи с этим исследование вносит вклад в разработку *теории устной спонтанной речи*, принципов устного разговорного общения.

7. Исследование, обращаясь к принципам повседневного и неповседневного существования обыденного человека, вносит вклад в развитие гуманитарного знания в целом.

Практическая ценность исследования заключается в следующем.

Его результаты могут быть применены в учебно-педагогической практике, в разработке и чтении теоретических курсов для бакалавров, магистров и аспирантов гуманитарного профиля, а именно – курсов когнитивной семантики, дискурс-анализа, текстологии, жанрологии, теории разговорной речи, лингвокультурологии, этнолингвистики, в практике обучения основам научно-исследовательской деятельности, а также в практике преподавании русского языка как иностранного.

Результаты анализа восприятия обыденным человеком социального авторитета институциональных дискурсов могут быть использованы в практиках копирайтинга, PR-практиках и других видах манипулятивно ориентированных текстопорождающих практик. Выявленные принципы речевого поведения обыденного человека в институционально не регулируемых ситуациях различного типа могут учитываться в практике различных общественных структур, осуществляющих социальное регулирование, в социальной и социально-политической аналитической деятельности.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Любой текст может быть эпистемологически представлен как *полифонический* – обладающий *полифонической организацией* как особым способом организации текстовой информации, при котором ее производство и восприятие в коммуникативном процессе осуществляется за счет обращения к смысловому содержанию множества речевых фрагментов, созданных и получивших определенную смысловую нагруженность до конкретно-ситуативной реализации данного текста.

2. Формирование полифонического текста определяется (1) факторами, заданными спецификой дискурса – источника полифонической организации текста, а именно спецификой модусно-диктумного содержания дискурса-источника, заданной его интенциональностью, и спецификой его дискурсивного стиля; (2) факторами, заданными спецификой результирующего дискурса, формирующего полифонический текст, а именно интенциональным фактором

(взаимодействие субъектных и дискурсивных интенций) и диктумным фактором (отношение диктума результирующего дискурса к диктуму его источника).

3. Речевые единицы как носители инодискурсивной информации – полифонические включения – реализуются в полифоническом тексте в виде (1) цитатных речевых форм, сохраняющих не только общий модус дискурса-источника, но и его конкретизированное содержание, заданное в ситуационном дискурсе-источнике, и реализующих когнитивную установку говорящего на точное воспроизведение фрагмента «чужого» текста; (2) стилистико-ресурсных речевых форм, образованных на основе инодискурсивных стилистических ресурсов и реализующих инодискурсивное содержание независимо от того, осознает ли его говорящий.

4. Способность к стабилизации речевых форм в дискурсе, их междискурсивному распространению является продуктом их институциональности. Институциональные дискурсы выступают в качестве источников формирования полифонического текста на основании их способности закреплять в речевой форме *общий дискурсивный модус* – как константное интерпретирующее общедискурсивное содержание, заданное их интенционально обусловленной ценностной позицией по отношению к диктумному содержанию. Закрепленное за особой речевой формой стабилизированное содержание усваивается субъектом результирующего дискурса в процессах получения полидискурсивного опыта и в результирующем полифоническом тексте становится фактором регулирования его формально-содержательной организации.

5. Механизмы формирования полифонического текста устных личностно-ориентированных дискурсов определяются как условиями текстопорождения, ориентированностью на отработанные в повседневном общении модели полифонической организации, так и восприятием обыденным человеком социального авторитета институциональных дискурсов как ложного или истинного.

6. В полифоническом тексте личностно-ориентированных дискурсов модусное содержание источника реализуется вариативно (нейтрализуется,

сохраняется или трансформируется), что детерминируется их особой информационно-стилистической разомкнутостью. Полифонические включения, в которых сохраняется/трансформируется модус источника, выступают в качестве средств реализации субъектного текстового модуса.

7. Типы личностно-ориентированных дискурсов, обнаруживающие специфику полифонической организации текста, противопоставляются по характеру дискурсивной интенции, социально заданным условиям общения, определяющим уровень психологического комфорта субъекта в дискурсе. На основании специфики дискурсивной интенции выделяются *дискурсы практической направленности*, ориентированные на преобразование текущей экстралингвистической ситуации с привлечением речевых средств, и *интерпретационной направленности*, в которых порождение текста – действие доминантное, существующее относительно независимо от сопровождающих его неречевых действий. На основании социально заданных условий общения, влияющих на специфику субъектной интенции в дискурсе, выделяются *дискурсы повседневные,* протекающие по привычным для говорящего сценариям, освоенным в процессах получения дискурсивного опыта, и *неповседневные* – связанные с нарушением этих сценариев под влиянием социальных обстоятельств.

8. Обращение обыденного человека к инодискурсивным речевым формам в личностно-ориентированном общении является частью его интерпретационной дискурсной деятельности, проявленной в дискурсах *интерпретационной направленности*.

9. Формирование полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах интерпретационной направленности определяется (1) общими для полифонического текста любого дискурса факторами (положение 2), (2) особым для данного дискурса фактором социально-речевого типа говорящего субъекта. Фактор субъектной интенциональности имеет особый – дополнительный – аспект реализации, определяющий направленность его действия в соответствии с условиями комфортного/дискомфортного общения.

10. Модель анализа полифонической организации текста устных личностно-ориентированных дискурсов включает следующие этапы: (1) выявление иноречевых форм; (2) верификацию их принадлежности к источнику определенного типа; (3) анализ модусно-диктумного содержания полифонических включений в результирующем тексте и его сопоставление с модусно-диктумным содержанием в источнике; (4) анализ социолингвистических оснований их использования; (5) выявление функции полифонических включений в результирующем тексте, определяющих специфику его социолингвистически обусловленного смысла.

11. В неповседневных дискурсах концентрация институциональных полифонических включений выше, чем в дискурсах повседневных, что определяется установкой субъекта на повышение статуса собственного речевого произведения, заданной условиями дискурсивного дискомфорта. В повседневных дискурсах при меньшей концентрации институциональных полифонических включений регистрируется большее разнообразие результатов их модусной трансформации, что определяется более высокой активностью их адаптации к условиям ситуационного дискурса.

12. Для выражения субъектных интенций в личностно-ориентированных дискурсах модусные смыслы институциональных дискурсов-источников, транслируемые через полифонические включения, могут использоваться не только в соответствии с институционально заданным диктумным содержанием, но и вне обращения к нему. В повседневных дискурсах использование институционального модусного смысла допускает его нейтрализацию и активную трансформацию, в неповседневных – требует его последовательного сохранения, что обусловлено субъектной установкой на восстановление дискурсивного порядка. Полифоническая организация текста неповседневных дискурсов зависит от его диктумного содержания в значительно большей степени.

13. Различия социально-речевых типов субъекта русских личностно-ориентированных дискурсов, заданные спецификой их полидискурсивного опыта, уровнем владения эпистемологическими моделями освоения дискурсов,

определяют различие в уровне осознанности формирования полифонического текста. Субъект, обладающий высокой степенью освоенности дискурсивных практик, способностью дифференцировать результаты дискурсивного опыта в процессах речевого контроля, активнее адаптирует институциональные полифонические включения к условиям дискурса.

Апробация работы. Основные положения диссертации прошли апробацию на конференциях различного уровня и тематики.

Международная научная конференция «XXII Дульзоновские чтения» (Томск, 2000), Международная конференция ««Американский и сибирский фронтир» (Томск, 2001), Всероссийская научная конференция: «Актуальные проблемы русистики» (Томск, 2001), Международная научно-практическая конференция, посвященная 10-летнему юбилею кафедры русского языка и литературы ТПУ «Прикладная филология: Язык. Текст. Коммуникация» (Томск, 2002), всероссийская конференция «Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы междисциплинарного синтеза» (Томск, 2003), I и II Всероссийский конгресс фольклористов России (Москва, 2005, 2010), Международная научная конференция «Евроазиатский культурный диалог как инструмент национального самосознания: «свое» и «чужое» в историческом развитии национальной культуры» (Томск, 2005), Международная научная конференция «Актуальные проблемы словообразования» (Кемерово, 2005), Международная научная конференция «Актуальные проблемы русистики: языковые аспекты регионального существования человека» (Томск, 2005), Международная конференция «Язык и культура» (Томск, 2002, 2005, 2006, 2007, 2008, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015), Международная конференция «Американские идеи в исследованиях сибирских ученых» (Томск, 2007), Международная конференция «Концепт и культура» (Кемерово, 2008), Интернет-конференция «Лики советского в современной культуре» (2008), семинары Томского отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (Томск, 2004, 2007, 2008), Международная конференция «Советская культура в современном социопространстве: трансформации и перспективы» (Екатеринбург, 2008),

Всероссийская научная конференция «Исследование русской и мировой культуры в языке и тексте» (Томск, 2008), IX Международная научная конференция «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (Томск, 2009), «Когнитивные науки: междисциплинарное исследование мышления и интеллекта» (Томск, 2009), VII, VIII, XIX Международные научно-практические конференции «Прикладная филология: идеи, концепции, проекты» (Томск, 2008, 2009, 2010, 2011), Международная научно-практическая конференция «Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании» (Томск, 2009), «Ностальгия по советскому в социокультурном контексте современной России» (Томск, 2010), Международная научная конференция «Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI века» (Томск, 2012), VIII Международная научная конференция «Русская речевая культура и текст» (Томск, 2014), Международная научная конференция «Пятнадцатые филологические чтения. Проблемы интерпретационной лингвистики. Прагматика и словарь» (Новосибирск, 2014), Всероссийская научная конференция с международным участием «Славянские языки в условиях современных вызовов» (Томск, 2015), Вторая научная конференция памяти академика Ю.С. Степанова «Изменчивый ‘образ языка’ в науке и искусстве» (Новосибирск, 2015), Международная научная конференция «Шестнадцатые филологические чтения. Проблемы интерпретационной лингвистики: семантические и прагматические аспекты слова, высказывания, текста» (Новосибирск, 2015).

Базовые положения исследования представлены в 62 публикациях автора, в т.ч. в 20 статьях, опубликованных в ведущих журналах, рекомендованных ВАК, и разделах 7 коллективных монографий.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка условных сокращений, списка литературы и источников.

Глава 1. Теория полифонического текста

Обращение к категории «текст» в лингвистике второй половины XX века знаменует ее поворот к функциональной, междисциплинарной методологии. Многоаспектность указанной категории, определяемая ее внешней по отношению к языку обусловленностью и внутренней динамикой, создает множественность ее трактовок и подходов к ее изучению.

В соответствии с предметом настоящего исследования текст рассматривается в аспекте его полифонической организации – как результат дискурсной деятельности субъекта, в процессе которой текстопорождение осуществляется с привлечением инодискурсивных речевых форм.

Цель данной главы – представить логику формирования концепции полифонического текста как продукта дискурсной деятельности и вариант ее реализации, предлагаемый в данном диссертационном сочинении.

1.1 Текст как предмет исследования. Проблема формирования понятия текстуальности

Филология оперирует понятием «текст» на протяжении всего пути своего развития, но до начала XX века текст был методологически отделён от говорящего человека и как особый объект исследования не рассматривался.

В начале XX века позитивистские установки в филологии были подвергнуты критике, исследователи обратились к поиску объяснительных категорий текстопорождения. В связи с этим определились две линии постижения текста: первая основывалась на идеях структурализма (Ф. де Соссюр, И.А. Бодуэн-де-Куртенэ), вторая связана с идеями М. Бахтина.

Структурализм как общегуманитарное исследовательское течение, объясняющее устройство человеческой деятельности взаимообусловленностью ее элементов как составляющих целостной социокультурной заданной структуры, вплоть до 60-х гг. XX века играл в развитии гуманитарного знания ведущую роль.

В связи с методологической широтой его содержание крайне неоднородно, что проявилось и в трактовке текста.

Если идеи Ф. де Соссюра связываются с обращением к тексту как **материалу** для построения языковой системы, то в концепции Пражского лингвистического кружка (ПЛК) (С.О. Карцевский, В. Матезиус, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон и др.) уже в начале XX века формируется отношение к тексту как целостному **объекту**, реализующему язык в его **целеполагании** [Тезисы ПЛК, 1967]. Установка на целеполагание ориентировала на связь языка с «внелингвистическим контекстом», на **социальную** роль речевой деятельности, ее обращенность к слушающему [там же, 25], выявляла значимость отношений между говорящим и слушающим [там же, 26], – то есть по многим параметрам закладывала основы будущей лингвистической прагматики.

Идеи ПЛК получают развитие в отечественной функциональной стилистике (Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, Н.С. Поспелов и др.), не теряющей актуальности в работах современных исследователей (Н.С. Болотнова, М.Н. Кожина, Н.М. Разинкина, О.Б. Сиротинина и др.). В этих работах текст рассматривается в его обусловленности закономерностями употребления языка в различных социальных сферах общения [Кожина, 1968].

Современная трактовка текста как динамической, интенционально обусловленной **речевой формы** начинает складываться в начале XX века в философской концепции М.М. Бахтина, не нашедшей отклика у современников, преданных идеям структурализма. Идея внешней обусловленности текста впервые прозвучала в работе В.Н. Волошинова/М.М. Бахтина «Марксизм и философия языка» (1929 г.) [Волошинов, 1930] и развивалась в работах М.М. Бахтина 50-60 гг. XX в. Философская логика М.М. Бахтина, основанная на критике рационалистской концепции мироустройства в целом, в приложении к лингвистике выразилась в отрицании позитивистского подхода к языку и структурализма Ф. де Соссюра. Текст (высказывание) понимается М. Бахтиным как речевая единица, **целостный** смысл которой обусловлен **социальными**

условиями ее реализации, **деятельностным авторским** началом и особенностями **адресата**.

К 60-м гг. XX в. кризис структурной лингвистики и развитие идей постструктурализма приводит филологию к принципиальному методологическому повороту, придавшему тексту статус самостоятельного исследовательского **объекта**, а далее – и **предмета** исследования. Если ранее обращение к тексту, в основном, было связано с анализом функций отдельных речевых единиц (лексических, синтаксических, стилистических), то на данном этапе поиск общих закономерностей формирования и функционирования текста становится основной исследовательской задачей, связанной с изучением «языка в действии» (М.А.К. Хэллидей).

Различные аспекты внешней обусловленности текста (коммуникативная ситуация его порождения, социальный контекст, коммуникативная интенции говорящего) нашли особое отражение в новых исследовательских направлениях, формирующихся в 60-е гг. XX в.: теории речевых актов (Д. Остин, Д.Р. Серль), общей теории коммуникации (Дж. Гамперц, Д. Хаймс), социолингвистике (У. Лабов, Э. Щеглов, Г. Закс, В.М. Жирмунский, Д. Фишман, А.Д. Швейцер и др.) и психолингвистике (Ч. Осгуд, А.А. Леонтьев, Т.А. Зимняя, Р.М. Фрумкина, А.А. Залевская, Т.М. Дридзе и др.).

В исследованиях 60-70х гг. XX в. активно развивается мысль о статусе текста как **основной речевой** единицы, о его обусловленности целями общения и характером коммуникации (Х. Вайнрих, П. Хартманн, Б.С. Кандинский, В. Дресслер, М.А.К. Хэллидей и др.).

Уже на данном этапе начинают складываться два понимания текста[2]: **узкое** – как статического факта речевой формы, обладающего признаком завершенности (В. Кох, Я. Петефи и др.), – и **широкое** – как динамической единицы речи, реализующей «речевую программу говорящего» (В. Дресслер) (Х. Вайнрих, К. Гаузенблаз, В. Дресслер, П. Хартман, М.А.К. Хэллидей и др.).

---

[2] Об узком и широком понимании текста – например, [Касевич, 1988, с. 704].

Как отмечает Е.С. Кубрякова, обращение лингвистики к «языку в действии» в 60-70е гг. XX в. обнаруживало возвращение к идеям М.М. Бахтина, осуществляемое эволюционным (поиск базовых признаков текстуальности) и революционным (разрушение этих признаков) способом.

Эволюционное постижение текста, как поуровневое «движение» лингвистической мысли в свете «тенденции к укрупнению лингвистических единиц (от минимальных до самых объемных и сложных)» [Кубрякова, 2004, с. 520], выразилось в формировании **лингвистики текста**. В ее рамках вопрос о **признаках текстуальности** является центральным.

На первых этапах своего развития (60-е гг.) лингвистика текста наиболее активно занимается разработкой такой категории текста, как **связность** [Николаева, 1998, с. 267]. Текст рассматривается как формальная связная речевая структура, организованная по определенным правилам и служащая для отражения логически структурированного целостного содержания. Анализу, в основном, подвергаются различные формы реализации категории связности (например, «местоименные сцепления» [Харвег, 1964], тематическое единство [Кох, 1965], повторы [Адамец, 1966], интонационные структуры [Кандинский, 1968а, 1968б] и др.). Отдельное внимание уделяется синтаксической организации структурной единицы выше уровня предложения (абзаца, сложного синтаксического целого) [Лунева, 1972, Падучева, 2000[3] и др.]. Категория связности рассматривает специфику внутренней организации текста как особой речевой структуры, противопоставляя текст «не-тексту».

В 70-е гг. XX в. лингвистика текста выходит за пределы собственно-лингвистической методологии. В ней выделяются два направления, «объединенных общими законами **связности** текста и общей установкой на **цельность** текста [Выделено нами. – И.Т.]» [Николаева, 1998, с. 267]: 1) направление, рассматривающее текст с точки зрения правильности его построения – как формы реализации правильной коммуникации в целом [там же]; 2) направление, связанное с выявлением глубинных смыслов текста как готовой,

[3] Статья 1965 г. – в сборнике 2000 г.

замкнутой формы [там же, с. 268]. Таким образом, лингвистика текста обращается к другой базовой категории текстуальности – **цельности**[4], определяемой авторским замыслом и проявляющейся в единстве темы, стиля, канала трансляции текста и др. Единицы текста рассматриваются в аспекте их коммуникативной ориентации [Арнольд, 1971; Бухбиндер, Розанов, 1975; Гиндин, 1972; Лосева, 1980; Падучева, 1975; Поспелов, 1971 и др.]. Особую значимость приобретает проблема **высказывания** как единицы речевого общения [Ванников, 1979; Поспелов, 1990[5]; Торсуева, 1979 и др.], целостность которой определяется единством коммуникативного задания, что позволяет «понимать любое высказывание как органическую часть некоего целого в контексте или ситуации» [Поспелов, 1990, с. 122]. Категория цельности выявляет специфику отдельного текста по отношению к другим текстам в его обусловленности внешними условиями речевого общения: особенностями авторского замысла, социально-коммуникативными условиями текстопорождения и др.

Таким образом, в 60-70 гг. XX в. в условиях формирования функциональной исследовательской парадигмы лингвистика расширяет исследовательский объект, включая в его сферу внешние по отношению к тексту условия реализации коммуникативного процесса. В связи с этим текст становится **предметом исследования**.

Другая – революционная – исследовательская линия, ведущая к современному пониманию текста, связана с прямым апеллированием к концепции М. Бахтина. Постструктурализм, как философское исследовательское направление, формирующееся во Франции в этот же период (Ж. Деррида, Ю. Кристева, Р. Барт и др.), в своей идеологии ориентируется на революционное разрушение выявленных эволюционным путем базовых признаков текстуальности. Текст в категориях постструктурализма осознается как

---

[4] В ряде исследований дифференцируются такие категории текстуальности, как цельность и целостность. Их разграничение демонстрирует различие в отношении к тексту как к линейной единице (целостной) и нелинейной (цельной) (см., например, [Котюрова, с. 2003]). В некоторых исследованиях соответствующие термины рассматриваются как синонимичные (например, [Валгина, 1998]).

[5] Работа 1974 г.

динамическая внесубъектная сущность, лишенная референции (или полиреферентная), получающая знаковое оформление в соответствии с некоторым социальным кодом и наполняющаяся смыслом только в конкретных условиях его восприятия. Множественность реализуемых в тексте кодов **выводится за пределы ведения авторской интенции**, на смену бахтинскому «автору» приходит «скриптор» (Р. Барт). В тексте реализуется «письмо» – понятие, введенное Р. Бартом для актуализации социальной, идеологической, внесубъектной природы текстопорождения [Барт, 1989 и др.].

Положению о тексте как особой речевой единице, обладающей рядом специфических признаков и, тем самым, обособленной по отношению к другим текстам как речевым единицам, противопоставляется положение об **открытости границ текста**, его обращенности к **множеству культурных кодов**, не поддающихся систематизации.

Такая концепция текста воплощает **методологическую интеграцию теории текста в теорию дискурса**, формирование которой осуществляется параллельно (М. Фуко, А. Пеше и др.).

Современный дискурс-анализ объединяет две теоретических концепции дискурса: (1) как целостной социальной формации текстов – концепция, восходящая к идеям М. Фуко, французского дискурс-анализа и постструктурализма (социальный дискурс), и (2) как конкретного коммуникативного акта – концепция, восходящая к аналитической философии Л. Витгенштейна, теории речевых актов, теории коммуникации (П. Грайс), социолингвистическим и психолингвистическим исследованиям («ситуационный дискурс» – термин Т. ван Дейка).

Восприятие текста с позиции современного дискурс-анализа реализуется в осознании двойственной обусловленности текстопорождения – структурной и процессуальной. С позиций дискурс-анализа текст как речевая форма, обладающая цельностью и связностью, получает особую мотивацию своих базовых признаков. **Связность и цельность** текста – как динамической, во многих случаях спонтанной, недискретной речевой формы – обеспечиваются

системным характером порождающего текст дискурса, который, в отличие от текста, обладает свойством внутренней организованности на уровне социальной структуры («дискурсивной формации») (М. Фуко) и на уровне «коммуникативного события» (Т. ван Дейк). Системная организованность дискурса предполагает реализацию особой текстовой формы. Если дискурсные формации (социальные дискурсы) порождают тексты определенного типа, то каждый конкретный экземпляр текста оформляется на уровне отдельного коммуникативного события.

Текст, согласно данной концепции, предстает как результативная сторона дискурсивной практики. **Дискурсивная практика** – понятие, содержание которого было заложено М. Фуко и получило теоретическое обоснование в работах Ж. Дерриды и Ю. Кристевой, – *тип* ***социокультурно заданной*** *дискурсной деятельности субъектов как проявление* ***идеологической власти*** *дискурса над индивидом*.

Регулирование этой деятельности осуществляется на основании дискурсивных правил. Понятие дискурсивных правил (правил дискурсных формаций) восходит к работам М. Фуко, который понимает их как условия перераспределения дискурсивных данных (объектов, модальности высказываний, концептов и тематических выборов) [Фуко, 2004, с. 93]. В современных исследованиях понятие дискурсивных правил связывается с особым способом производства и понимания высказываний субъектом, основанном на его восприятии «традиций, социальных и профессиональных норм, правил языка, речи и поведения» [Петряков, 2014, с. 111], его дискурсивном мышлении [Порядина, 2007].

Опираясь на предшественников, в данной работе под **дискурсивными правилами** мы понимаем *социально заданные правила организации смысла в дискурсе – как результат кодификации дискурсивных практик, в том числе правила текстопорождения, предписывающие употребление языковых средств в соответствии с производимыми и организуемыми дискурсом смыслами*.

Идея **идеологической власти дискурса над индивидом** получает дальнейшее развитие в критических дискурсивных исследованиях (Р. Водак, Т. ван Дейк, Р. Фэрклоу и др.), ориентирующихся, в том числе, на решение практической задачи, связанной с выработкой стратегий сопротивления идеологическому насилию.

Начиная с 80-х гг. понятие «текст» последовательно связывается с процессом коммуникации. Окончательно оформляются две концепции текста, реализующие его (1) узкое и (2) широкое понимание.

(1) Текст в узком смысле рассматривается как статичный результат коммуникативно-речевой деятельности, организованный по принципу осознанной упорядоченности, лишенный спонтанности (И.Р. Гальперин, Л.М. Лосева, Е.А. Реферовская, З.Я. Тураева и др.). Его исследование направлено на формирование особой грамматики текста как речевой единицы, обладающей набором специфических по сравнению с другими категорий. Ведущим признаком текстуальности признается **связность** текста, выраженная в нем особыми языковыми способами, обеспечивающими **внутреннюю** упорядоченность его элементов. **Цельность** текста предстает как результат его связности и проявляется как его смысловая законченность и завершенность.

(2) Текст в широком смысле осознается как компонент коммуникативного процесса, его природа определяется как динамическая (Р.А. Богранд, В.Н. Базылев, Т.А. ван Дейк, В. Дресслер, И.Н. Горелов, А.А. Залевская, В. Кинч, Т.В. Матвеева, К.Ф. Седов, Ю.А. Сорокин и др.). Ведущим признаком текстуальности в рамках данного подхода становится **цельность** текста, определяющая его границы и внутреннюю связность не на уровне самой текстовой формы, а **за ее пределами** – в рамках коммуникативной ситуации, реализующей коммуникативную интенцию.

В рамках реализации широкого понимания текста особую значимость приобретает обращение к **устной** форме речи – как объекту динамическому, спонтанному, ситуативно обусловленному по своей природе (конверсационный анализ [Labov, 1972, Sacks, 1974 и др.], отечественные исследования устной

разговорной речи (Т.Г. Винокур, В.Д. Девкин, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, М.В. Китайгородская, Е.В. Красильникова, О.А. Лаптева, Н.Н. Розанова, О.Б. Сиротинина, Е.Н. Ширяев и др.)).

В данном исследовании мы используем **широкое** понимание текста. При таком подходе текст рассматривается как компонент дискурса, его динамическая результативная сторона. В подобной трактовке текста мы опираемся на исследовательскую традицию коммуникативного обоснования текстопрождения, проявленную в работах по теории текста и теории дискурса – Р.-А. Богранда, В. Дресслера, Б.М. Гаспарова, Т. ван Дейка, В. Кинча, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, М.Л. Макарова, Т.В. Матвеевой, О.И. Москальской, В.Е. Чернявской и др.

При таком подходе текст рассматривается как результат реализации конкретно-ситуативной субъектной интенции, заданной направленностью индивидуального сознания на определенный объект в рамках отдельного коммуникативного акта – **ситуационного дискурса**. Формирующая текст конкретно-ситуативная субъектная интенция реализуется с учетом типовой субъектной интенцией особой коммуникативной сферы, в рамках которой этот коммуникативный акт осуществляется, – **социального дискурса** – *совокупности коммуникативных актов, объединенных на основании социальной стратификации конкретного общества и подчиняющихся на этом основании общим правилам динамического развития*. Итак, процесс порождения текста регулируется «двойной» интенциональностью: (1) **ситуативной субъектной интенцией** его автора и (2) **интенцией дискурсивной**, понимаемой, с одной стороны, как типовая интенция типового субъекта социального дискурса, а с другой – как результат восприятия субъектом ситуационного дискурса, участвующим в типовой дискурсивной практике, социально заданных дискурсивных правил (проявление «власти дискурса»).

Текст личностно-ориентированных дискурсов в рамках этого подхода рассматривается в его обусловленности (1) опытом участия субъекта в различных дискурсивных практиках и (2) конкретно-ситуативными дискурсивными

интенциями, обладающими особой мотивирующей силой в рамках исследуемых дискурсов.

Применение данного подхода позволяет обнаружить и проинтерпретировать реализацию в конкретном тексте результатов межтекстового/междискурсивного взаимодействия в их обусловленности спецификой источника полифонической организации текста и коммуникативной сферы его порождения.

Отношение к тексту как результативной стороне дискурса углубляет понимание базовых свойств текстуальности.

Основная функция текста – обеспечение процессов коммуникативного взаимодействия – не может быть реализована вне учета общих для участников коммуникации социокультурных знаний и способов их представления. В результате каждый отдельный экземпляр текста как продукт особого ситуационного дискурса не может существовать изолированно – вне связи с широким социокультурным пространством иных текстов/дискурсов, образованных на основании иных дискурсивных правил. Каждый конкретный текст, порождаемый конкретным автором-субъектом в конкретных коммуникативных условиях, формируется на основании его личного дискурсивного опыта, обеспечивающего присвоение общих социальных знаний, субъектную базу моделей развертывания ситуаций и способов их представления [Дейк, 1989, 2013 и др.]. В своей внутренней организации текст включает результаты взаимодействия с другими текстами/дискурсами.

Новое понимание цельности и связности текста предполагает его обусловленность не только конкретной ситуацией его порождения, но и всем полидискурсивным пространством существования его автора и адресата. В результате в базовые категории текстуальности включаются такие свойства текста, как **интертекстуальность** и **полидискурсивность** [Арнольд, 1995, 1999, Барт, 1989, Белоглазова, 2009, Богранд, Дресслер, 1981, Булатова, 2010, Костяшина, 2009, Кристева, 2000, 2004, Кузьмина, 1999, 2004, 2011, Курьянович, 2014, Силантьев, 2006, Тубалова, 2009, 2010, Чернявская, 2003, 2007, 2009 и др.].

Категория интертекстуальности с позиции лингвистики текста определяется как «взаимозависимость между порождением или рецепцией одного данного текста и знанием участниками коммуникации других текстов» [Богранд, Дресслер, 1981, с. 188]. Подобная трактовка не исключает, но и не эксплицирует значимость коммуникативной природы «других текстов», «знание» которых интегрировано в «знание» ситуации, в рамках которой участник коммуникации получил соответствующий дискурсивный опыт. Кроме того, формирование модели порождения текста осуществляется не только на основании «знания» конкретных текстов и опыта обращения к ним, но и на основании совокупности моделей порождения текстов определенного типа, усвоенных субъектом и закрепленных в его «эпизодической памяти» [Дейк, 1989] в виде различных элементов надтекстового характера.

Данное положение позволяет обнаружить такое свойство текста, как полидискурсивность, проявляющееся в том, что «…всякий текст полиморфен в дискурсном плане постольку, поскольку невозможно произвести высказывание в рамках одного и абсолютно чистого, однородного дискурса» [Силантьев, 2006, с. 31].

Таким образом, в рамках новой – дискурсивной – концепции текста интертекстуальность и полидискурсивность рассматриваются как базовые свойства текстуальности, особым образом реализующие его цельность и связность.

1.2 Полифонический текст как особый объект филологического анализа

Концепция интертекстуальности и полидискурсивности текста, позволяющая рассматривать любой текст как полифонический, прошла в филологии определенный путь развития. Различные подходы к его анализу фокусируются на разных свойствах полифонического текста.

Текст в свете **теории полифоничности** предстает как *вербальная последовательность, обладающая цельностью и связностью не только за счет внутренней организации его элементов, но и за счет его включенности во внешний вербальный контекст, в результате чего как его отдельные элементы, так и текст в целом получают динамический потенциал множественной интерпретации, обеспечивающий генерацию нового смысла*.

Формирование философской, многомерной теории полифонического текста мотивировано логикой развития человеческой культуры и человеческого мышления. Возросшая степень доступности произведений искусства и культуры, трансформация информационно-коммуникационной модели реальности (распространение радио, телевидения, печатных СМИ) и спровоцированное этим широкое распространение массовой культуры привели к формированию установки на всеобщую известность, повторяемость и тиражируемость всех потенциально возможных культурных моделей и жизненных сценариев. В условиях тиражирования текстов теория полифонического текста получила статус одной из наиболее адекватных методологических концепций анализа новой, единой, самообусловленной реальности человеческого существования. Интертекстуальность стала, с одной стороны, одним из самых выдвинутых приемов постмодернистского дискурса [Фатеева, 2006, с. 31], а с другой – «одним из основных принципов постмодернистской критики» [Ильин, 1996, с. 224].

Такой подход привел к осознанию того, что любые межтекстовые отношения не могут быть рассмотрены как прямые и однозначные, законы трансформации смысла не исчерпываются даже многообразием природы порождающих их идеологических систем, оставаясь в сфере мотивации единоактных «случайностей». По справедливому мнению многих современных исследователей (Н.А. Кузьмина, Г.В. Денисова и др.), именно «постмодернистская революция» в филологии определила формирование современной концепции текста как «генератора смысла», как динамической, дискурсивно обусловленной речевой формы.

Идея полифоничности текста впервые была развернута в работах М.М. Бахтина, поставившего под сомнение идею нормативной тождественности форм языка для субъективного сознания говорящего [Волошинов, 1930 и др.].

Концепция полифонического текста М.М. Бахтина оказала крайне значительное влияние на формирование нового понимания текстуальности, на переход от идеи внутренней цельности и связности текста к идее включенности текста в широкий социокультурно заданный вербальный контекст. В результате признаки текстуальности обнаруживаются не только в специфике внутренней организации текста, но и в его внешней обращенности к этому контексту.

Проблему «чужого высказывания» («чужого слова») сам М.М. Бахтин относит к частным проблемам, решаемым в рамках поиска мотивирующих основ текстопорождения [там же, с. 11]. В раках его концепции обращение к «чужому слову» в процессе порождения текста регулируется управляющей этим «чужим словом» «социологической закономерностью» [там же, с. 12]. При этом каждый текст, по М.М Бахтину, «является чем-то индивидуальным, единственным, неповторимым», реализация его замысла связана «с другими текстами (неповторимыми) особыми диалогическими и диалектическими (при отвлечении от автора) отношениями» [Бахтин, 1979, с. 283-284].

Теория полифонического текста во всех ее многообразных проявлениях основывается на понимании текста как вербальной сферы реализации «чужого слова», как среды, эксплицирующей его «чужесть». Каждый подход к анализу «чужого слова» основывается на **различном понимании сущности текста** как обуславливающей его категории.

Лингвистика обратилась к исследованию «чужого слова» значительно позже, чем литературоведение (за исключением анализа отдельных риторических фигур), и первые монографические описания подобных концепций были предприняты лингвистикой на материале художественных текстов. Лингвистическая теория полифоничности текста во многом опирается на достижения литературоведения.

Литературоведение рассматривает текст как речевой компонент художественного произведения, как речевую форму выражения художественной целостности, являющейся продуктом единого акта творческой воли его автора. Но, в то же время, текст – феномен не только индивидуально-авторский, но и историко-культурный. Погруженный в культуру, автор воплощает в тексте художественного произведения свой опыт взаимодействия с ней. Художественное воплощение автором этого опыта обнаруживает внешнюю, социальную обусловленность художественного произведения и текста как формы его представления.

Границы текста как речевой формы определяются границами художественного произведения. **Целостность, герметичность** текста художественного произведения изначально воспринимается как его онтологическое свойство. «Чужое слово», как форма реализации в тексте художественного произведения межтекстовых связей, выделяется в нем на фоне заданной **автором** смысловой целостности и, в то же время, является значимым элементом этой целостности, постулирующим авторское начало.

В трактовке текста как речевого компонента дискурса лингвистика и литературоведение максимально сближаются, и вариативность концепций полифонического текста обнаруживается, в основном, не в определении объекта исследования (вариативном и в литературоведении, и в лингвистике), в рамках которого реализуется «чужое слово», а в специфике методологии его анализа. Лингвистику «чужое слово» интересует как **конкретная единица текстовой формы** (полифонического текста) в ее обусловленности другой **единицей как текстовой формой** (текстом-источником). Она обращается к механизмам функционирования этой единицы в полифоническом тексте, обеспечивающим формирование его содержания, а также к типам таких единиц. В центре внимания литературоведения – **межтекстовые смысловые связи**, обеспечивающие формирование смысла художественного произведения, а также типы этих связей[6].

---

[6] О различии лингвистического и литературоведческого подхода к интертекстуальности – [Чернявская, 2007].

Рассмотрим динамику формирования концепции полифонического текста в литературоведческих и лингвистических исследованиях.

1.2.1 Формирование концепции полифонического текста в литературоведческих исследованиях

Современная литературоведческая концепция интертекстуальности, в целом основанная на развитии идей французского постструктурализма, начинает формироваться задолго до его появления. Нельзя не согласиться с И.П. Смирновым в том, что научная практика анализа межтекстовых отношений, складывающаяся на протяжении XX века и даже ранее, не сводится исключительно к «критике источников» [Смирнов, 1995]. В отдельных своих проявлениях она закладывает основы целого ряда современных положений рассматриваемой концепции (востребованных, в том числе, и лингвистикой), формируя новую – полидискурсивную – концепцию текста.

Рассмотрим эти положения.

1. Одной из проблем, решаемых в рамках обнаружения полифонической организации текста как с литературоведческих, так и с лингвистических позиций, является **проблема роли автора** в формировании полифонического текста, в **выборе источника** его полифонической организации.

Со времен Аристотеля (в трудах которого зародилась теория подражания) художественное творчество воспринималось как способ познания мира, соответственно, исследователей всегда интересовали формы такого познания и отражения, проявленные в художественном произведении. В этом смысле межтекстовые связи художественных произведений и отражение этих связей в конкретном произведении рассматривались как форма фиксации автором исследуемой реальности, как форма выдвижения, находящаяся в ведении автора. Роль авторского начала при формировании текста художественного произведения предъявлялась как конвенционально заданная.

Концепция полифонического текста формируется и развивается в рамках оформления идеи взаимодействия авторской интенции с общей интенцией художественного дискурса, а само понимание источника, к которому обращается конкретный автор в отдельном художественном произведении, развивается по пути расширения и обобщения.

Началом формирования концепции полифонического текста можно считать тот момент, когда исследователи обнаруживают, что формирование произведения основывается на взаимодействии не только с конкретными источниками, к которым осознанно обращается автор, но и с различным литературным архетипами, усваиваемыми автором. Так, А.Н. Веселовский, анализируя генезис литературного творчества в рамках компаративистского подхода, объясняет факт «миграции сюжетов» внутренними механизмами культурной памяти человечества [Веселовский, 1989]. Роль автора при этом заключается в особой способности уловить «народно-поэтический спрос» [там же, с. 58] (как внешнюю автору культурную интенцию, соответствующую текущему периоду развития художественного дискурса).

Зачатки интерпретации роли автора в формировании полифонического текста можно обнаружить в классификации межтекстовых связей Б.В. Томашевского (1920-е годы), в основе которой – роль автора и степень конкретности источника. Выявленные типы межтекстовых связей включают: (а) сознательное обращение к конкретному источнику; (б) «бессознательное воспроизведение литературного шаблона»; (в) «случайное совпадение»» (приводится по: [Хализев, 2005, с. 240]). Таким образом, Б.В. Томашевский обнаруживает, что (1) источник «чужого слова» – не только конкретный текст; (2) автор использует его как сознательно, так и бессознательно.

В идеях бессознательного обращения автора к источнику (Б.В. Томашевский) и наличия исторической потребности в нем (А.Н. Веселовский) обнаруживаются истоки концепции дискурсивной обусловленности формирования полифонического текста, а в идее обращения к

литературному шаблону (Б.В. Томашевский) – концепции формирования архетипических смыслов.

Крайне значимой в развитии положения о динамической целостности художественного дискурса является идея «объективной памяти жанра» М.М. Бахтина [Бахтин, 1994 и др.], выводящая формирование полифонического художественного произведения **за пределы** ведения исключительно **авторской интенции**. Авторская интенциональность трактуется М.М. Бахтиным также особым образом. В «чужом слове» автор реализуется как «расщепленный» (Ю. Кристева) субъект, а его «расщепленность» – результат его включенности не только в литературно-художественный, но и в более широкий – **социокультурный** – контекст. В результате, дистанцируясь, автор «может использовать чужое слово для своих целей» [Бахтин, 1963, с. 63].

Концепция «чужого слова» М.М. Бахтина определяет онтологические и гносеологические основания постструктуралистской концепции интертекстуальности и – через идею деконструкции – гносеологические основания современных концепций полифонического текста (его интертекстуальности и полидискурсивности).

Идея расширения понятия источника «чужого слова» и переосмысления роли автора при обращении к нему находит отражение и в работах Ю.М. Лотмана и Тартуско-Московской семиотической школы. В рамках данной концепции автор художественного произведения сопоставляет текст «с известной ему литературной традицией, со своими собственными предшествующими произведениями, с окружающей действительностью» [Лотман, 1994а, с. 214] – понятие конкретного источника растворяется в широком **семиотическом контексте**, в который включены как автор, так и читатель, и заменяется понятием глубины семиотического прочтения. «Чужое слово» становится элементом многоуровневого, иерархически организованного **семиотического кода**. Такое понимание источника может быть рассмотрено как соответствующее современному положению о дискурсивной/полидискурсивной обусловленности полифонического текста.

Наиболее кардинальное решение рассматриваемой проблемы реализуется в работах представителей французского постструктурализма (Р. Барт, Ю. Кристева, М. Риффатер и др.). Полифоничность в данной концепции трактуется как имманентное свойство любого текста. Существующее ранее понятие текстуальности разрушается, а теория «чужого слова» лишается формально-смысловой конкретности. Тем самым, опровергается сама возможность непосредственного выявления и анализа отношений между *конкретными* текстами как таковая. Роль автора при формировании конкретного текста в концепции постструктурализма нейтрализуется («смерть автора» (Р. Барт)): если у М.М. Бахтина обращение к источнику регулируется автором, включенным в социокультурный контекст и за счет этого транслирующим его, то в постструктуралистской концепции деятельное начало передается борьбе внесубъектных (внутрисубъектных) «идеологий» [Кристева, 2004].

Само понятие источника устраняется как утратившее релевантность, так как между текстом-источником и любым (полифоническим) текстом существует некоторый «гено-текст» (Ю. Кристева), «текстовый универсум», «культурный код» (Р. Барт) – «перспектива множества цитаций, мираж, сотканный из множества структур» [Барт, 1989, с. 27]. Сам акт межтекстового взаимодействия, осуществляемый независимо от автора, обнаруживается внутри отдельного текста (Ю. Кристева).

Дальнейшее развитие идей постструктурализма породило обращение к полифоническому тексту в аспекте не только его **порождения** (концепция порождения интертекста И.П. Смирнова, генеративная поэтика А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова, теория процесса интертекстуализации Н.А. Фатеевой и др.), но и **восприятия** (постструктурализм У. Эко, рецептивная теория – М. Риффатер и др., мотивный анализ Б.М. Гаспарова, теория смыслового структурирования текста Р. Лахман, названная концепция Н.А. Фатеевой и др.), что привело к исследовательской фокусировке на роли его **читателя**. Так, в рамках мотивного анализа Б.М. Гаспарова обращение к источнику регулируется личностью интерпретатора текста, обладающего определенным читательским опытом и

устанавливающим внешние связи на его основании [Гаспаров, 1993, 1996 и др.]. Активность роли читателя в экспликации межтекстовых связей последовательно анализируется в работах начала XXI века [Пьеге-Гро, 2008, Фатеева, 2006 и др.].

Современные литературоведческие концепции полифонического текста в решении проблема роли автора в формировании полифонического текста, в выборе источника его полифонической организации, с одной стороны, последовательно ориентируются на идеи М. Бахтина и французского постструктурализма, а с другой – стремятся к обнаружению внутренней ограничительной логики формирования отдельного художественного произведения.

Так, в концепции И.П. Смирнова литература и – шире – искусство как особый вид коммуникации представляют собой канал передачи «архетипической смысловой информации» [Смирнов, 1995, с. 44]. Авторская интециональность при обращении к источникам регулируется дискурсивной интенцией, ограничивающей сферу их выбора определенным «тематическим заданием» [там же]. Таким образом, полифоничность И.П. Смирнов рассматривает как **онтологическое свойство** любого **художественного** текста, содержательно обращенного к **тематическим архетипам**, которые обнаруживаются «в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или предшествующей литературе» [там же, с. 11].

Идея обусловленности формирования полифонического текста регулирующей спецификой художественного дискурса развивается в работах Н.А. Фатеевой [Фатеева, 1997, 1998, 2006 и др.]. Особенность ее концепции заключается в обнаружении исторической динамики художественного дискурса от начала XX века до современности (в процессе становления постмодернистской парадигмы), проявленной в изменении роли интертекстуальности как способа формирования полифонического текста. Эта динамика проявляется в изменении как роли **автора** художественного текста, усиливающего установку на выдвижение межтекстовых связей, так и позиции **читателя**, усиливающего установку на их обнаружение [Фатеева, 2006].

Представленные в начале XXI века классификации межтекстовых связей (например, [Пьеге-Гро, 2008, Фатеева, 2006]) отражают обращение автора/читателя как к конкретным источникам полифонического текста, так и к архетипам различного характера.

Таким образом, современные концепции полифонического текста рассматривают его как продукт художественного дискурса, обладающего особой динамической целостностью, предполагающей обращенность отдельного художественного произведения к широкому литературному контексту, который, в свою очередь, обладает особой организацией. Круг возможных источников полифоничности осознается как максимально широкий, но, в отличие от французского постструктурализма, не безграничный. Авторская интенция при ее формировании подчиняется интенции дискурсивной, но не исключается из мотивирующих обоснований, в чем также обнаруживается отличие от французского постструктурализма. Полифоничность задается обращением (1) к конкретным источникам (что в большей степени находится в ведении авторской интенции), (2) к сознательно или бессознательно усвоенным автором литературным архетипам, что отражает дискурсивно обусловленные отношения между произведением и кодом, неравным коду этого произведения.

2. Еще одной проблемой, связанной с обращением полифонического текста к его источнику, является **проблема объективации содержания источника**, определяющей его ориентированность на распространение и обеспечивающей сохранность связи с источником в новом художественном произведении. Объективация содержания выражается в его закреплении за определенным элементом художественной формы, в том числе и речевой, что имеет особое значение для последующей постановки лингвистической проблемы обращения к речевым единицам как носителям межтекстовых связей.

Данная проблема решается исследователями в соответствии с особенностями трактовки категории источника и способов его представленности в полифоническом тексте.

Структурное литературоведение с процессом объективации содержания источника связывает способ «подготовки» элемента произведения для встраивания в иное произведение как новую структуру. Так, Ю.Н. Тынянов в рамках теории пародии в качестве условия, определяющего возможность распространения определенного элемента (приема) источника, называет «механизацию» его функциональных качеств в процессе его перехода в новую художественную систему [Тынянов, 1977]. В рамках позднеструктуралистской теории подтекста (К.Ф. Тарановский и его школа) эта проблема решается через обращение к лингвистической форме, обеспечивающей объективацию одного и того же или похожего образа («похожую идею, выраженную разными словами, мы подтекстом не считаем /…/ такой подтекст – понятие строго лингвистическое» [Тарановский, 2000[7], с. 38]), что приближает данную концепцию к лингвистической.

Если в структуралистских работах процесс объективации содержания связывается с обработкой автором конкретных элементов (приемов, образов) источника, то в концепции М.М. Бахтина он охватывает целые социокультурные системы, за которыми закрепляется особый стиль («речевой центр», «речевой контекст» [Бахтин, 1963]). За счет этого в полифоническом тексте «чужое слово» получает особое **стилистическое значение** [там же], а смысловая связь устанавливается с социокультурно определенным (типичным «для определенного лица, для определенного социального положения, для определенной художественной манеры» [там же]) «речевым контекстом».

Французский постструктурализм, подвергнув деконструкции понятие источника полифонического текста, деконструировал и закономерности его объективации. Процесс объективации содержания источника был отделен от самого источника (утратил зависимость от его внутренних свойств) и передан в ведение самого производящего/воспринимающего текст субъекта, который устанавливает межтекстовые связи непосредственно в процессе коммуникации. Таким образом, в рамках данной логики объективация источника – акт

[7] Работа 1967 г.

единичный, а «отношение [текста – И.Т.] к языку носит перераспределительный (деструктивно-конструктивный) характер, поэтому при анализе текстов следует пользоваться скорее логическими и математическими, чем чисто лингвистическими категориями» [Кристева, 2004, с. 400].

Идея вариантности форм объективации элементов источника активно развивается в литературоведческих исследованиях и проявляется в связи с анализом типологии межтекстовых связей, обнаруживающих разные способы такой объективации (от цитаты, как точного «лингвистического» повтора, до воспроизведения «механизированного» приема или моделей поэтической парадигмы (например, [Женетт, 1982, Пьеге-Гро, 2008, Смирнов, 1995, Тороп, 1981, Фатеева, 2006 и др.])).

3. На протяжении всего периода исследования «чужого слова» большое внимание уделяется решению проблемы **воплощения в полифоническом тексте смысла источника** (способов его включения в новое содержание). Сама идея полифоничности текста основывается на осознании множественности интерпретации смысла, проявленного в нем. Но разные концепции представляют разные способы вхождения элементов содержания источника в полифонический текст.

Еще А.Н. Веселовский отмечает, что в художественном произведении «исстари завещанные» образы наполняются «новым пониманием жизни» [Веселовский, 1989, с. 40]. Таким образом, еще в XIX веке обнаруживается возможность нового прочтения «чужого слова» (как объекта трансформации) в соответствии с изменением внешнего ему жизненного контекста, что не противоречит будущей идее М.М. Бахтина.

В работах М.М. Бахтина оформляется идея коммуникативной обусловленности содержания «чужого слова». «Чужое слово» у М.М. Бахтина – это «двуголосое» слово. С одной стороны, оно сохраняет содержание источника (слово, «имеющее свою собственную предметную интенцию и сохраняющее ее» [Бахтин, 1963, с. 63]), а с другой – является результатом его особой переакцентуации, переосмысления (автор вкладывает в него «новую интенцию»

[там же]), обеспечивающих полифоническое прочтение. Содержание источника в концепции М.М. Бахтина **трансформируется** в результате его **подчинения** художественным условиям литературного произведения, в котором оно реализуется, и суть этой трансформации заключается в координации исходного и нового смысла.

В рамках структурализма конкретное литературное произведение являлось исходным объектом выявления определенных типов структур, его форма (в том числе и речевая) осознавалась как определенная смысловая структура, а инотекстовые элементы получали структурную обусловленность. Их включение в иную структуру понималось как результат трансформации их синтагматики и парадигматики. В связи с этим в понимании текстовой полифонии активно проявляется **идея борьбы смыслов**, предполагающая изменение как элемента исходной структуры, так и новой структуры за счет установления новых межтекстовых и внутритекстовых отношений между ее элементами.

Крайне значимой в плане развития исследуемой проблематики является теория пародии Ю.Н. Тынянова. В основе его концепции – положение о **борьбе** как основе литературной преемственности, о построении содержания нового произведения на основе конфликта с содержанием произведения – источника межтекстовых связей. Расширяя понятие пародии и презентуя принцип пародичности как один из приемов создания художественного произведения, Ю.Н. Тынянов настаивает на том, что «в пародии обязательна неувязка обоих планов, смещение их» [Тынянов, 1977, с. 201]).

Идея борьбы смыслов, сохранения их художественно значимой противопоставленности, проявленной в «чужом слове», развивается в работах Ю.М. Лотмана. Внетекстовые отношения в многоуровневой структуре художественного текста получают статус структурных элементов определенного уровня [Лотман, 1994а, с. 214]. Перекодирование «чужих голосов» предполагает сохранение их самостоятельности, обеспечивающей «смысловое напряжение» [Лотман, 1996д, с. 124]. Как и у Ю.Н. Тынянова, смысл «чужого слова» прочитывается на основании конфликтности, борьбы, но это конфликт не только

со смыслом источника, но и с общим смыслом нового произведения, что становится основой для **формирования нового значения** (в художественном тексте «значение возникает не только за счет выполнения определенных структурных правил, но и за счет их нарушения» [там же]).

Отдельно отметим, что обозначенный принцип формирования смысла Ю.М. Лотман относит к специфическим особенностям художественного текста, тогда как для нехудожественного текста такое «раздвоение» смысла оценивается им как аномалия. В возможности реализации многоуровневого смысла нехудожественному тексту, организованному на основании единого кода языка как первичной моделирующей системы, Ю.М. Лотман практически отказывает.

В позднеструктуралистской теории подтекста К.Ф. Тарановского перечень видов отношений между смыслом источника и нового произведения расширяется. В типологию подтекстов включаются как неконфликтные (например, «текст, поддерживающий или раскрывающий поэтическую посылку последующего текста» [Тарановский, 2000, с. 32]), так и конфликтные («текст, являющийся толчком к поэтической полемике» [там же]) подтексты. Такая типология представляет воплощение смысла источника в полифоническом тексте на основании его простого представительства (сохранности) или конфликтного переосмысления.

Положение о сохранности/трансформации смысла источника в соответствии с общим смыслом текста, обращенного к нему, значимо для современной концепции полифонического текста.

Постструктурализм, подвергнув деконструкции понятие источника, представил идею борьбы смыслов (как формы борьбы «идеологий» (Ю. Кристева)) в качестве основополагающего принципа существования текста. Текст «образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [Барт, 1989, с. 418]. Анонимные высказывания, взятые из других текстов, в полифоническом тексте «перекрещиваются и нейтрализуют друг друга» [Кристева, 2004, с. 136]. Содержание любого текста, в силу его включения в сложную, лишенную структурной организации систему

межтекстовых связей, порождает множественность его прочтений в соответствии с внешними коммуникативными условиями его экспликации.

Идея множественности вариантов прочтения текста активно развивается в рамках подхода к его анализу с «читательских» позиций.

В качестве примера обратимся к представленной выше концепции мотивного анализа Б.М. Гаспарова. С одной стороны, ее формирование выросло из идей структурализма Ю.М. Лотмана и тартуско-московской школы, из логики синтаксических теорий, а с другой – данная концепция качественным образом противополагается им.

Метод мотивного анализа первоначально был применен автором к анализу художественного текста (например, [Гаспаров, 1993]), а впоследствии – и к анализу текстов различного типа [Гаспаров, 1996] (подробнее о лингвистическом аспекте данной концепции – в разделе 1.2.2.2). В результате такого анализа текст предстает как «бесконечный поток близких и далеких, спорных и бесспорных источников, подтекстов, аллюзий» [Гаспаров, 1993, с. 163], возникающих в сознании его интерпретатора. Некоторые исследователи характеризуют примеры мотивного анализа Б.М. Гаспарова как «не бесспорные», но «бесспорность» противоречит методологической концепции автора.

В концепции Б.М. Гаспарова восприятие художественного текста основывается на возможности множественного прочтения смысла элементов его «мотивной инфраструктуры» – как базовых содержательных элементов, интерпретируемых читателем на основании личного опыта. В отличие от постструктуралистской логики, множественность интерпретаций «чужого слова» рассматривается как фактор усиления герметики текста, которая за счет его адаптации к внешней ситуации (включающей особое соположение смыслов) повышается.

Идея выработки смысла в процессе восприятия художественного произведения конкретным читателем, погруженным в его собственный социокультурный (включая литературно-художественный) контекст, развивается

в современных исследованиях полифонического текста [Пьеге-Гро, 2008, Фатеева, 2006 и др.].

Таким образом, литературоведческая концепция полифонического текста на протяжении своего развития сформировала ряд идей, значимых не только для развития литературоведческой методологии, но и для филологии в целом.

1. Идея динамического взаимодействия общей интенциональности художественного дискурса с интенциональностью автора и читателя как его субъектов, включенных в социокультурный процесс; непрямых отношений между полифоническим текстом и его источником, опосредованных указанными типами интенциональности. Эта идея коррелирует с особым пониманием текста как вербальной последовательности, цельность и связность которой определяется его включенностью в исторически конкретную социально-дискурсивную систему. В результате обнаруживается возможность обращенности полифонического текста не только к конкретному источнику, но и к социокультурным (в том числе – литературным) архетипам.

2. Идея непрямых отношений между полифоническим текстом и его источником особым образом аспектируется в связи с анализом специфики объективации смысла источника, определяющей его ориентированность на распространение и обеспечивающей связь с ним в полифоническом тексте. Среди вариантов такой объективации обнаруживаются как вербальные ее формы – цитаты в широком смысле (включая бессознательные речевые повторы), а также стилистические средства, – так и невербальные (логико-смысловые).

3. Идея коммуникативной, динамической обусловленности выработки смысла полифонического текста, основанной на потенциальной множественности его прочтения, эксплицируемой в зависимости от конкретных условий его порождения/восприятия, обеспечивающих возможность сохранности/трансформации смысла источника.

4. Идея вариативности (сохранности и трансформации) смысла текста-источника в результирующем тексте, обусловленной общим содержанием последнего.

Названные идеи получают развитие в лингвистических исследованиях.

1.2.2 Формирование концепции полифонического текста в лингвистических исследованиях

Если литературоведение, обращаясь к анализу текста, в целом фокусируется на свойствах текста художественного (только в особых – редких – случаях акцентируя внимание на его сравнении с нехудожественным), то лингвистика рассматривает художественный текст как один из его типов, обнаруживая специфические свойства художественного и нехудожественного текста.

При этом на начальных этапах формирования концепции полифонического текста лингвистика основывается на **разных подходах к анализу художественного и нехудожественного текста**.

Истоки такое разделение, возможно, берет в положении В.В. Виноградова о двух аспектах построения стилистики: (1) стилистики разговорной и письменной речи и (2) стилистики поэтической речи, «которая организует литературно-художественные произведения» [Виноградов, 1923, с. 200]. Отметим, что первые лингвистические исследования интертекстуальности – работы И.В. Арнольд [Арнольд, 1997, 1999 и др.] – позиционируются их автором в рамках стилистической концепции.

Кроме того, значимым основанием концепции интертекстуальности является осознание единства текста, включенного в интертекстуальный контекст. Проблема единства художественного текста, обеспеченного единством художественного произведения, не провоцирует активных исследовательских рефлексий[8].

Разность подходов заключается в следующем.

---

[8] Во многом на основании таких рефлексий вырастает лингвистика текста (до ее трансформации в лингвистику дискурса), которая строит свои исследования, в основном, на материале нехудожественных текстов.

При анализе художественного текста исследователи изначально фокусируют внимание на функциональной значимости интертекстуальных единиц различного типа при реализации общего содержания художественного произведения как целостной коммуникативной системы.

При анализе нехудожественного текста исследователи первоначально сосредотачиваются на коммуникативных функциях отдельного вида интертекстуальных единиц, в дальнейшем расширяя объект анализа до целого текста, включающего единицы различного типа.

Если лингвистический подход к анализу художественного текста уже на ранних этапах его формирования прямо апеллирует к результатам литературоведческого анализа, востребованным как общефилологические результаты, то подход к анализу отдельных единиц нехудожественного текста, обладающих свойством «двойного» прочтения, обращается к ним только на определенном этапе своего развития.

Несмотря на исходную разницу подходов, начиная с самых первых работ в области интертекстуальности лингвистика художественного и нехудожественного текста обращается к **коммуникативной обусловленности** функционирования конкретных единиц текста, которые отражают содержание другого текста, созданного иным автором.

Лингвистика художественного текста наследует этот подход из литературоведческих концепций, а лингвистика нехудожественной речи на материале полисубъектных единиц развивает идеи конверсационного анализа, отечественных исследований устной разговорной речи и др. концепций коммуникативной обусловленности нехудожественного текста.

В связи с этим исследовательский фокус перемещается на результативную сторону межтекстовых связей, и содержание этих единиц рассматривается как органичный компонент текстового содержания, подчиненный ему.

В центре внимания лингвистики оказываются три типа единиц: 1) **результирующий (полифонический) текст** – *коммуникативно самостоятельная, цельная и связная речевая форма, содержание которой*

формируется с учетом интертекстуальной отсылки; 2) **текст-источник** – другая самостоятельная речевая форма, также обладающая цельностью и связностью; 3) внутренняя **единица результирующего текста** (интертекстуальное вложение, «чужое слово»), обеспечивающая отсылку к тексту-источнику за счет установления адресантом/адресатом ее содержательной связи с текстом-источником.

Осознание текста как речевой формы, содержание которой создается с учетом интертекстуальной отсылки, было обусловлено лингвистическим усвоением постмодернистского положения об **открытости границ текста**, о его обращенности к **множеству культурных кодов**, формированием новой лингвистической концепции текста как конкретной, материальной, но динамической речевой формы. В основе единства и динамики текста, согласно такой его интерпретации, лежит субъектная и дискурсивная интенциональность, которая, с одной стороны, скрепляет его, а с другой – размыкает по отношению к социальному миру, отраженному в субъектном речевом опыте. Эта концепция позволяет выделить внутри текста особую единицу – разноструктурную, разнофункциональную, обусловленную принципами осуществления данной культуры[9], являющуюся носителем текстовой динамики за счет возможности множественного прочтения – и обнаружить в качестве принципа ее вычленения механизм ее вхождения в текст.

Именно поэтому исследование интертекстуальности с лингвистических позиций началось значительно позднее, чем с литературоведческих: тогда, когда лингвистика обнаружила значимость не только системно-языковых, но и контекстно-ситуативных детерминаций в процессе текстопорождения.

Лингвистический анализ «чужого слова» во многом был основан на исследованиях литературоведческих, постоянно апеллировал к его достижениям и, в свою очередь, дополнял его.

---

[9] См., например, о разграничении «словаря» и «энциклопедии» знаний у Г.В. Денисовой [Денисова, 2003, с. 143-145].

Разрабатываемые в литературоведении идеи (рассмотренные в разделе 1.2.1), на разных этапах интегрированные в лингвистику художественного и нехудожественного текста, оказались продуктивным для формирования следующих лингвистических положений.

1. Формирование полифонического текста регулируется динамическим взаимодействием общей интенциональности порождающего его дискурса с субъектной интенциональностью говорящего и слушающего, включенных в социокультурный процесс и обладающих на этом основании определенным речевым опытом.

2. Сферой формирования единиц, являющихся носителями интертекстуальных связей, является не только конкретный текст-источник, но и определенная парадигма текстов, объединенных на социокультурных основаниях, обеспечивающих общность их конкретно-речевых свойств.

3. Эти конкретно-речевые свойства становятся носителями определенного содержания источника, обеспечивая его сохранность при трансляции в результирующий текст. Разрабатываемые в литературоведении типологии межтекстовых связей [Женетт, 1989, Смирнов, 1995, Пьеге-Гро, 2008, Тороп, 1981, Фатеева, 2000 и др.] в лингвистике находят выражение в функциональной типологии единиц – их носителей, обнаруживаемых как в художественном [Арнольд, 1999, Денисова, 2003 и др.], так и в нехудожественном [Баженова, 2010, Дронова, 2004, Олизько, 2003 и др.] тексте.

4. Содержание полифонического текста формируется на основании динамической, вариативной, коммуникативно обусловленной интерпретации этих единиц.

Фокусировка внимания лингвистики на специфике единиц текста, их роли в трансляции преобразованной данным конкретным текстом вербально зафиксированной до его появления информации позволяет обнаружить, что «чужое слово» играет значительную роль в процессах порождения/восприятия не только художественного текста, но и речевых произведений самого **различного характера**. Принцип коммуникативной обусловленности формирования

полифонического текста распространяется на самые разные сферы вербальной реализации человека, обнаруживая специфику условий его формирования. Даже обращаясь к текстам художественным, лингвистика интерпретирует их как один из видов текста, обнаруживая специфику функционирования «чужого слова».

Усваивая литературоведческий опыт анализа полифонического текста, лингвистика, в то же время, возвращается к истокам концепции «чужого слова»: к теории М.М. Бахтина, утверждавшего, что «подлинная среда высказывания, в которой оно живет и формируется, – диалогизованное разноречие, безымянное и социальное как язык, но конкретное, содержательно-наполненное и акцентуированное как индивидуальное высказывание» [Бахтин, 1975, с. 86]. Сам термин «чужое слово» ориентирует исследователей на обращение к конкретной вербальной единице, а не к отношениям между вербальными системами.

1.2.2.1 Концепции полифонического текста в лингвистических исследованиях художественной речи

Прямая связь лингвистической теории интертекстуальности художественного текста с литературоведческой теорией проявляется, кроме вышесказанного, в том, что – как в литературоведении [Блум, 1998, Гаспаров, 1993, 1996, Жолковский, 1994, Пьеге-Гро, 2008, Смирнов, 1995, Фатеева, 2000 и др.], так и в лингвистике [Арнольд, 1999, Вербицкая, 2000, Денисова, 2003, Кузьмина, 1999, 2009, Солодуб, 2000 и др.] – после постструктуралистской деконструкции она развивается в направлении поиска методологической опоры для **возвращения к текстуальности** (о практике воплощения идей французского постструктурализма – например, [Белоглазова, 2009, Ильин, 1996 и др.]).

Лингвистический подход к анализу художественного текста как полифонического изначально построен на обращении к тексту как целостному объекту исследования. Такой подход предполагает учет специфики художественного текста (в сравнении с нехудожественным), влияющей на реализацию содержания его единиц как носителей внешних связей.

Обнаруживая такую специфику, многие исследователи отмечают, что значимость контекстно-ситуативных детерминаций (проявленных в данном случае через интертекстуальные связи) в художественном тексте оказывается выше, чем в нехудожественном[10]. Эта позиция отражает еще одно – косвенное – объяснение того, что лингвистическое исследование полифонического текста началось на материале текстов художественных.

Первыми лингвистическими концепциями интертекстуальности художественного текста, стали стилистика декодирования И.В. Арнольд [Арнольд, 1999[11]] и синергетическая концепция Н.А. Кузьминой [Кузьмина, 1999

---

[10] В различных аспектах данное положение предъявлялось в [Денисова, 2003, Дымарский, 2004, Кузьмина, 2004 др.]; например, Н.А. Кузьмина мотивирует выбор языкового материала для исследования особой ролью традиции в художественной литературе, и особенно в лирике [Кузьмина, 2004, 99].

[11] Сборник статей, включающий работы разных лет.

и др.], рассматривающие данную категорию в аспекте **восприятия** (И.В. Арнольд) и **порождения** (Н.А. Кузьмина) текста. Кроме того, к данной проблеме практически с этого же времени лингвисты обращаются в рамках работ по общей теории художественного текста (например, [Лукин, 1999]). В настоящее время полифонический характер художественного текста для лингвистов, обращающихся к его анализу, уже не требует доказательства [Бабенко, Казарин, 2004, Болотнова, 2006 и др.]. В целом ряде современных работ сквозь призму особых интертекстуально нагруженных единиц рассматриваются различные аспекты формирования его художественно заданного смысла, выявляется специфика этих единиц в текстах художественных произведений различного типа [Баева, 2003, Воскресенская, 2004, Коломиец, Медведева, 2013, Лушникова, Панова, 2005, Лушникова, 2008, Малаховская, 2007, Петрова, 2005, Троицкая, 2008, Шилихина, 2008 и др.]. Отдельно отметим монографию Г.В. Денисовой [Денисова, 2003], где в аспекте проблематики художественного перевода представлена концепция лингвокультурного сознания, исторически и социально мотивирующего обращенность полифонического текста к художественным и нехудожественным источникам.

Опираясь на разработанные в литературоведческих исследованиях положения, лингвистика художественного текста развивает их в следующих аспектах.

1. Начиная с самых первых работ, исследующих полифоничность художественного текста, лингвистика рассматривает интертекстуальность как явление, обнаруживающее включенность этого текста в общую систему вербальной реализации мировой культуры, опосредованную включенностью в эту систему его **автора и читателя**. Особое значение приобретает категория **субъекта речи**, идея **вариативности** субъекта-автора и субъекта-читателя [Арнольд, 1999, Кузьмина, 1999, 2004, 2009], играющей ведущую роль в процессах формирования импликационного потенциала художественного текста.

Если И.В. Арнольд специально не обращается к проблеме специфики полифонии художественного текста в сравнении с нехудожественным (отмечая

при этом, что материалом для ее исследования является художественная речь [Арнольд, 1999, 2002 и др.]), то Н.А. Кузьмина рассматривает интертекстуальность как онтологическое свойство **любого** текста [Кузьмина, 1999, с. 25]. При этом полифоническую интерпретацию текста она считает актом творческой деятельности, связанной со своеобразием личности автора [там же, с. 59] («задача, которая посильна лишь творческой личности, обладающей значительным энергетическим потенциалом» [там же]), а художественный полифонический текст – наиболее активной формой его проявления.

Современные исследования полифонического художественного текста активно обращаются к особенностям его автора как творческой личности, определяющим специфику формирования полифонии. Концепция коммуникативной обусловленности формирования полифонического текста воспринимается как изначально заданная. В связи с этим в сферу мотивирующего обоснования его специфики попадают не только особенности творческого мира отдельного автора (например, [Баева, 2003, Воскресенская, 2004, Лушникова, Панова, 2005, Подъяпольская, 2011]), но и общие социокультурные характеристики его личности (например, гендер [Хачмафова, Лучинская, 2012], билингвизм [Денисова, 2003]). Кроме того, все большую активность приобретает идея специфики авторской/читательской интерпретации художественного текста по сравнению с интерпретацией текста нехудожественного [Денисова, 2003, Лашина, 2012 и др.].

2. В лингвистических исследованиях художественного текста активно развивается идея обусловленности источника полифонического текста социокультурной сферой его формирования, устанавливающей с единицей «чужого слова» определенные отношения. Данная идея с лингвистических позиций проявляется в последовательной дифференциации единиц интертекстуальности, в качестве которых рассматриваются (1) цитаты из конкретных текстов и (2) различные вербальные маркеры художественных и нехудожественных текстовых парадигм. Эти единицы различным образом участвуют в формировании содержания художественного полифонического

текста. В литературоведческих исследованиях подобная дифференциация рассматривалась в аспекте межтекстовых отношений. Основой для выявления единиц второго типа можно считать, например, обращение к категории разноречия М.М. Бахтина [Бахтин, 1975 и др.], к категории многоязычия Ю.М. Лотмана [Лотман, 2000] и др.

Так, в качестве единиц, фиксирующих интетекстуальные связи, – «интертекстуальных знаков» – Н.А. Кузьмина выделяет цитату («фрагмент текста, принадлежащий Другому» [Кузьмина, 2004, с. 100]) и поэтическую формулу (единицу, которая существует над конкретными текстами и вне конкретных субъектов и «воспринимается как уже созданный знак (дотекстовый, «преднаходимый»)» [там же]). Таким образом дифференцируются конкретно-текстовые и парадигматически обусловленные единицы **внутри** поэтической парадигмы.

И.В. Арнольд осуществляет подобную дифференциацию на другом основании. В рамках ее концепции, представляющей художественный текст в системе художественного стиля речи, конкретные инотекстовые единицы, созданные в рамках этого стиля, противопоставляются включениям «иностилевой специфической лексики или, реже, грамматических форм, характерных для тех или иных функциональных стилей» [Арнольд, 1999, с. 369] («кодовая интертекстуальность» [там же]). Определяя статус последних с позиций функциональной стилистики, автор, тем не менее, характеризует условия их контрастирования с принимающим (результирующим) текстом в более широком коммуникативном плане, по сути, рассматривая эти единицы как продукты коммуникативных сфер иной дискурсивной природы: «эти элементы ассоциируются с теми ситуациями, средой и типами текстов, где они обычно употребляются и с которыми связаны. /…/ Они связаны с типом коммуникации, отличным от представленного в тексте» [там же].

Идея функционирования в художественном тексте не только цитат, но и особых единиц, заданных спецификой различных социокультурных сфер, активно развивается в современных лингвистических исследованиях. На ее основании

разрабатываются более подробные классификации «чужого слова» в художественном тексте [Баева, 2012, Денисова, 2003, Подъяпольская, 2011 и др.], исследуется специфика кодовой интертекстуальности как одного из видов единиц полифонического текста [Троицкая, 2008, Коломиец, Медведева, 2013 и др.], выявляются особенности их реинтерпретации художественным текстом как сферой их вторичной реализации [Лашина, 2012 и др.].

Таким образом, лингвистический анализ полифонического художественного текста рассматривает его как речевой компонент художественной коммуникации, участником которой являются автор и читатель как ее субъекты. Формирование такого текста осуществляется при обращении к особым речевым единицам, специфика которых обеспечена взаимодействием данного текста с другими текстами этой же коммуникативной сферы (цитата), межтекстовыми кодовыми элементами этой же сферы («поэтическая формула» Н.А. Кузьминой), а также кодовыми элементами других коммуникативных сфер («кодовая интертекстуальность» И.В. Арнольд). На материале художественного текста исследователи обнаруживают общие свойства реализации «чужого слова» (И.В. Арнольд) и специфику его реализации в особой текстовой сфере (Н.А. Кузьмина).

Использование рассматриваемых единиц в художественном тексте осознается либо как форма **выдвижения**[12] – реализация определяемой общей интенцией художественного дискурса авторской установки на подчинение формальной организации текста решению определенной художественной задачи (интенция автора), либо как форма экспликации внутренней энергии художественного дискурса (интенция дискурса).

---

[12] Термин «выдвижение» был первоначально разработан в трудах представителей русской формальной школы и ПЛК. Его содержание получило активное развитие в современных отечественных и зарубежных исследования, где под выдвижением понимаются «способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» [Арнольд, 1990, с. 62]; качество художественной текстовой формы, позволяющее читателю воспринимать ее содержание определенным образом через «эстетическую упорядоченность контекста» [Арнольд, 1999, с. 208].

На материале художественного текста выявляются два типа единиц – носителей внешней информации, различным образом участвующих в интерпретации его содержания: (1) единицы, являющиеся фрагментами других текстов (или целые другие тексты, включенные в результирующий текст); (2) единицы архетипического, кодового характера – (а) сформированные в рамках иных по отношению к сфере формирования данного текста коммуникативных сферах (элементы «чужого» кода), (б) сформированные в рамках общей для данного и других подобных текстов коммуникативной сферы (элементы «общего» кода).

1.2.2.2 Концепции полифонического текста в исследованиях нехудожественной речи

Как уже отмечалось, несмотря на то, что истоки формирования современной концепции полифонического текста на материале как художественной, так и нехудожественной речи основываются на осознании коммуникативной природы текстопорождения, логика ее формирования при обращении к художественной и нехудожественной коммуникации различается.

Помимо обозначенного выше эпистемологического различия исследовательских подходов, это объясняется онтологическим различием художественного и нехудожественного текста, определяемым различием формирующих их дискурсов.

Художественный текст изначально носит характер той или иной степени заданности, контролируемости, осуществляемой автором и определяемой принципами художественной коммуникации как таковой. Его целостность, как и целостность источника его полифонии, задается внешними рамками литературного произведения. Полифоническое содержание его единиц основывается на презумпции единства концепции художественного произведения. Это касается использования не только цитат (того же или иного авторства), но и единиц кодового характера, источник которых – иные по

отношению к авторскому дискурсы, обладающие особыми, отличными от задающих авторскую речевую манеру, дискурсивными правилами. С позиций дискурс-анализа можно говорить о том, что в художественном произведении автор, руководствуясь творческой волей, подчиняясь логике вторичного моделирования реальности, осознанно или неосознанно «уточняет» дискурсивные правила художественного дискурса, определяющие авторскую художественную манеру. В рамках этого процесса автор руководствуется правилами иных – самых различных – дискурсов, реализуя в тексте произведения различные вербальные коды.

В **нехудожественной** коммуникации говорящий принимает правила дискурса, участником которого он становится, с различной степенью осознанности применяя их в процессе текстопорождения, в том числе и в процессе формирования полифонического текста. Целостность полифонического текста, как и целостность его источника, задается единством формирующего его дискурса.

Обозначенные различия художественного/нехудожественного текстов определяют специфику исходных исследовательских установок их анализа.

1. Целостность художественного текста обладает для исследователей большей очевидностью, чем соответствующий признак нехудожественного текста[13], поэтому любая его единица изначально рассматривалась как компонент этой целостности, тогда как единица нехудожественного текста могла восприниматься как обладающая самостоятельной коммуникативной обусловленностью.

2. Процесс формирования художественного текста в значительной степени воспринимается как осознанная реализация творческой программы его автора

[13] Отметим, что, не ограничивая сферу приложения данной идеи особым материалом в теории, на практике Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида и другие представители данного направления обращались к анализу исключительно текстов художественных, что особо подчеркивает Б.М. Гаспаров: «Децентрализованный динамический подход с готовностью устремляется в относительно ясно очерченные, ограниченные области языковой деятельности, не затрагивая, либо в лучшем случае скользя по поверхности того, что, как мне кажется, составляет квинтэссенцию всей проблемы – языка в его повседневном конвенциональном употреблении» [Гаспаров, 1996, с. 39].

(как форма выдвижения), а отношение к процессу формирования нехудожественного текста реализуется как к более тяготеющему к спонтанности[14]. В результате единицы художественного текста уже на исходных позициях его лингвистического анализа рассматриваются в контексте решения общей авторской художественной задачи. В исследованиях вербальной структуры нехудожественной коммуникации последовательно дифференцировались единицы, осознанно включенные в авторскую речь и использованные им неосознанно.

3. В основе как литературоведческих, так и лингвистических исследований художественного текста – идея единства художественного дискурса, очевидность которой определяется в его сопоставлении с нехудожественной – «естественной» – коммуникацией.

Обозначенные исследовательские установки объясняют особую направленность вектора формирования концепции полифонического нехудожественного текста: от обнаружения особых единиц, осознанных говорящим как заимствованные из конкретного источника, к обоснованию дискурсивно обусловленной многослойности смысла любого текста, проявленной в его единицах.

В становлении концепции полифонического нехудожественного текста можно проследить следующие этапы.

(1) Анализ особых единиц, **сознательно** выделенных говорящим в **конкретных** текстах-источниках («чужая речь» и «цитата»). Их заимствование сопровождается особыми **показателями осознанности** переноса в иную речевую сферу. Целостность единиц такого типа формируется на основании

---

[14] Отметим, что проблема осознанности формирования художественного текста решается далеко не однозначно. В частности, идея возможности как сознательного, так и бессознательного обращения к «чужому слову» регулярно возникает в литературоведческих исследованиях начиная уже с работ А.Н. Веселовского. При решении проблемы дифференциации художественного и нехудожественного текста на основании осознанности/неосознанности текстопорождения можно говорить не более чем о приоритетах, причем далеко не всякий нехудожественный текст таким приоритетом обладает. Так, по уровню спонтанности значительно отличаются устный/письменный текст, письменный текст личного письма/научной статьи, научный текст устного доклада/научной статьи и под.

исключительно интенциональности говорящего – они не обязательно обладают свойствами узнаваемости и воспроизводимости. Так, при сравнении высказываний (а) *Я знаю, что* ***над городом пронесся ураган***, (б) *Заголовок первой сегодняшней новости на портале: «****Над городом пронесся ураган****»* и (в) *Мне уже сообщили: «****Над городом пронесся ураган****»* в контекстно-синтаксическом статусе выделенных единиц обнаруживается значительное различие. В высказывании (а) выделенный фрагмент имеет композитивный характер. В высказываниях (б) и (в) тот же фрагмент получает интенционально заданную говорящим целостность, формируемую за счет ее сознательной, синтаксически оформленной отсылки к иному текстовому источнику. Но эта целостность ситуативна: она проявляется только за счет специального оформления и вне контекста не обладает узнаваемостью и воспроизводимостью.

(2) Обнаружение единиц, целостность которых оформляется **независимо от воли говорящего** – на основании внешней ему интенциональности («прецедентное высказывание/текст»). Такие единицы осознаются как носители культурного кода и обладают свойствами узнаваемости и воспроизводимости, в связи с чем использование специальных показателей осознанности их употребления не является для говорящего обязательным. Так, в высказывании *Ты главное забыл:* ***не плюй в колодец – пригодится воды напиться*** формально-смысловая целостность выделенного фрагмента определяется его включенностью в общекультурный вербальный код. Целостность фрагмента не зависит от дискурсивно обусловленной цельности текста. Для восприятия культурно обусловленного содержания пословицы не требуется специально оформленная отсылка к источнику – она обладает узнаваемостью и воспроизводимостью.

(3) Обнаружение полифонической сущности любого текста, определяющей обращенность его особых единиц к иным текстам/дискурсам. Целостность таких единиц формируется на основании дискурсивной интенциональности их источника, а их включение в текст регулируется интенцией субъекта дискурса (осознанной или неосознанной), подчиненной, в свою очередь, дискурсивной интенции. Так, в тексте кулинарного блога выделенный фрагмент отражает

ироническую интенцию автора за счет заложенной в нем осознанной отсылки к речевой сфере институционального дискурса: *До сих пор не* ***приняли единогласного решения****, по поводу того, что класть в мешочек коричневого сахара, чтобы он не затвердевал: использовали и ломтик яблока, и кусочек хлеба, и керамический черепок*[15]. «Следы» отраженной в нем официальной интенции источника выражаются в стилистическом контрасте. На фоне результирующего дискурса, характеризующегося раскованностью общения и бытовой тематикой, они формируют целостность данного фрагмента, которая, в свою очередь, определяется в рамках дискурсивно обусловленной цельности всего текста. Сравним приведенный пример с примером использования идентичного фрагмента в заголовке новости, размещенной на сайте компании, производящей товары для здоровья: *Профсоюзы* ***приняли единогласное решение*** *по поводу отношений работников с работодателями*[16]. Официальный характер коммуникативной сферы, а также тематическая специфика предполагают использование особого стиля, и форма рассматриваемого фрагмента «растворяется» в результирующем тексте как органичная для данного дискурса.

Рассмотрим развитие названной концепции в соответствии с обозначенными этапами.

(1) Первоначально лингвистика обратилась к единицам – носителям «чужого слова» как формы выдвижения, то есть к единицам, использование которых автором текста является результатом **осознания** их внешней по отношению к данному тексту природы.

Исследование форм присутствия «чужого слова» в нехудожественном тексте началось с анализа наиболее выпуклых его форм, особо оформленных самим автором текста. Их обнаружение привело к формированию **теории**

---

[15] ХОЗЯЙКАМ НА ЗАМЕТКУ (Кулинарные хитрости - полезные советы из инета) [Электронный ресурс] // LiveInternet. – Электрон. дан. – 2015. – URL: http://www.liveinternet.ru/users/natalica_ja/post368962524/ (дата обращения: 12.08.2015).

[16] Профсоюзы единогласно [Электронный ресурс] // Галеника: фармацевтическая компания (официальный сайт). – Электрон. дан. – Белград, 2015. – URL: http://www.galenika.rs/index.php?Itemid=712&id=239:sindikati-jednoglasni&lang=ru&option=com_content&view=artic (дата обращения: 12.08.2015).

цитирования[17] [Арутюнова, 1986, Вежбицкая, 1982, Земская, 1990, Костомаров, 1965, Салова, 1989 и др.] и **теории чужой речи** [Китайгородская, 1993, Кулагин, 1969, Максимова, 2006, Москальская, 1981, Чумаков, 1977, Михайлова, 1996 и др.].

Цитата и чужая речь как **единицы анализа** на наиболее ранних этапах обращения к ним рассматривались в рамках логико-синтаксической теории предложения/высказывания и определялись как единицы синтаксической грамматики [Костомаров, 1965, Чумаков, 1977 и др.]. Первые факты такого обращения совпали, во-первых, с периодом зарождения и активной разработки коммуникативной теории текста, во-вторых, с периодом активного исследования разговорной речи, что определило формирование коммуникативного подхода к исследованию указанных форм. Понимание текста как коммуникативно обусловленной, но статичной, завершенной речевой формы позволило сосредоточить внимание на отношениях «своего» и «чужого» в его структуре, четко обозначив границы «своего» – как в формально-синтаксическом отношении (при исследовании художественного текста «свое» текстовое пространство априорно связывалось с границами художественного произведения), так и в отношении распределения текстовой информации между участниками коммуникации. Обращение к разговорной речи, коммуникативно ориентированное уже в соответствии со спецификой объекта, заставило исследователей обратиться к особенностям форм представления смыслов в устной речи, в том числе к специфике форм передачи информации, источником которой субъект речи не является.

Таким образом, теория цитации и теория чужой речи в нехудожественной коммуникации возникли в контексте осознания коммуникативной неоднородности текста/высказывания, разнообразия форм его полисубъектного

[17] В данном случае имеется в виду «узкое» понимание цитирования (цитации) – как точного воспроизведения фрагмента текста-источника. Данный термин также используется исследователями и в широком смысле – как любое проявление «чужого слова» в результирующем тексте.

воплощения. При этом рассматриваемые теории демонстрируют качественное различие при характеристике реализации этой неоднородности.

Теория чужой речи строится на анализе двойственности коммуникативного субъекта («Специфика текстов, включающих чужую речь, состоит в том, что в них присутствует третье действующее лицо – автор воспроизводимого текста» [Китайгородская, 1993, с. 66]), определяемой «особой структурой речевой ситуации» [Москальская, 1981, с. 126]. Виды источников чужой речи и характер ее вхождения в текст рассматриваются в зависимости от коммуникативных намерений и индивидуальных речевых способностей говорящего, уровня соответствия языковой компетенции говорящего и автора воспроизводимой речи, темы речи и ее жанровой принадлежности [Китайгородская, 1993]. В результате «чужое слово» в рамках теории чужой речи рассматривается как «знак ситуации, предшествующей ситуации говорения».

Теория цитации представляет «чужую речь» как вторичный знак, обладающий коммуникативно обусловленной двойной референцией. Отсылка к «готовому» тексту определяет восприятие цитаты как «инородного элемента» текста, его «неразложимого элемента» [Вежбицкая, 1982, с. 237] – т.е. **речевой единицы**, обладающей **целостным** смыслом. Коммуникативную обусловленность цитации сквозь призму логической структуры текстовых элементов (предложения (А. Вежбицкая) / диалогической структуры (Н.Д. Арутюнова)) рассматривают А. Вежбицкая [Вежбицкая, 1982] и Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1986].

Отметим, что в исследованиях по теории цитации и теории чужой речи обращение к материалам личностно-ориентированной сферы общения, в основном, не сопровождается ни анализом ее специфики, обусловливающей специфику реализацию «чужого слова», ни анализом «коммуникативной заряженности» этих единиц в источнике. При этом отдельные наблюдения в данном аспекте в рамках обозначенных теорий можно обнаружить.

Так, М.В. Китайгородская в цитируемой выше работе мотивирует степень трансформации текста-источника свойствами устного общения, противопоставляя

его письменной *книжной* речи [Китайгородская, 1993], и дифференциация от «книжной» сферы косвенным образом характеризует эту трансформацию как специфическое свойство личностно-ориентированной сферы общения.

В качестве примера наблюдений, отражающих специфику реализации «чужого слова» в неинституциональном общении, можно привести рассуждения Б.С. Шварцкопфа об использовании цитаты в художественном произведении. Заявляя о специфике ее реализации в тексте художественном, автор, в числе прочих, обращается к анализу отраженных в указанном типе текста ситуаций бытового общения и на этом материале переходит к анализу цитирования в тексте личностно-ориентированного дискурса как такового. Опираясь на положение о закрепленности в общественном сознании различных социально обусловленных способов говорения («официальный разговор», «служебный», «интимный», «семейная беседа», «судебный процесс», «дискуссия», «прения» и др.), выдвинутое В.В. Виноградовым [Виноградов, 1959], Б.С. Шварцкопф рассматривает с позиции теории цитирования факты использования единиц, стилистически не соответствующих основной текстовой структуре, обнаруживая, тем самым, их исходную «коммуникативную заряженность» (кодовую функцию). Кроме того, в обращении к ним он усматривает проявление особых свойств бытового общения, подчеркивая их специфические функции не только по отношению к реализации художественного образа, но и по отношению к отраженным в художественном произведении **бытовым** речевым ситуациям [Шварцкопф, 1970].

Особо отметим работу О.А. Михайловой [Михайлова, 1996], где реализация форм чужой речи определяется спецификой устной коммуникации на фоне коммуникации художественной. Анализируя способы присутствия «другого» в речи жителей города, О.А. Михайлова постоянно подчеркивает наличие особых средств усиления различных оттенков модальности текста-источника, отражающих не только смысл, но и эмоциональные особенности, настроение «другого» [Михайлова, 1996]. Таким образом, О.А. Михайлова обращает внимание на значимость коммуникативных **особенностей среды порождения**

текста-источника, закрепленных в речевой форме, при ее интерпретации в результирующем тексте.

В последнее время проблематика чужой речи вновь стала объектом исследовательского интереса [Гынгазова, 2000, Максимова, 2006, Одинцов, 2006, Терентьева, 2004 и др.]. Так, Н.В. Максимова впервые рассматривает чужую речь как коммуникативно-лингвистическую категорию, презентирующую процессы диалогического взаимодействия и обладающую спецификой функционирования в качестве способа осуществления его коммуникативных стратегий [Максимова, 2006].

Включение в текст «чужого слова», исследуемого в рамках теории цитирования и теории чужой речи, всегда является результатом осознанной деятельности его автора, осознается им и его принадлежность к тексту-источнику, обладающему иным авторством.

(2) Если теория чужой речи и теория цитации строятся на идее конкретно-ситуативной обусловленности полисубъектности текста либо двойной референции его элемента, то **теория прецедентности текста** сосредотачивает внимание на качественной специфике самой речевой единицы. Стабильность формы и содержания этой единицы обеспечивается ее **особой значимостью в рамках национальной лингвокультуры**, что обусловливает ее **узнаваемость** и **воспроизводимость** [Гудков, 1999, Залевская, 2000, Караулов, 1986, Костомаров, Бурвикова, 1994, 1996, Красных, 1998, Красных, Гудков, Захаренко, Багаева, 1997, Кузьмина, 2011, Слышкин, 2000 и др.]. Признанный родоначальник данной теории – Ю.Н. Караулов – определяет прецедентные тексты как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1986, с. 105]. В рамках данной теории особо подчеркивается принадлежность текстов такого типа к национальной культуре, их значимость как формы трансляции культурного кода, что сближает

данную теорию с идеями исследователей художественного текста как носителя культурно значимой информации. При этом наряду с художественными прецедентный характер могут иметь тексты «мифов, преданий, устно-поэтических произведений, /…/ библейские тексты, и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т.п.), и публицистические произведения историко-философского и публицистического звучания» [Караулов, 1986, с. 105].

Обозначенные качества прецедентных текстов определяют **четкость границ их отражения** в результирующем тексте, **осознанность** обращения к ним адресата и адресанта сообщения.

В концепции Ю.Н. Караулова обращение к прецедентному тексту рассматривается как фактор характеристики языковой личности, для которой «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторжения от соответствующей культуры» [Караулов, 1986, с. 106], тем самым, данная категория представляет говорящего человека со стороны содержания его **культурно-речевого опыта**. Если цитата и чужая речь как единицы источника вычленяются говорящим непосредственно в процессе коммуникации, то единица рассматриваемого типа формируется до момента говорения и заимствуется говорящем в готовом виде.

Развитие теории прецедентности текста связано, во-первых, с расширением зоны исследования феноменов, образующих содержание культурного кода, отражаемого в результирующем тексте (по В.В. Красных – «прецедентные феномены»: «прецедентный текст», «прецедентное имя», «прецедентное высказывание», «прецедентная ситуация» [Красных, 1998]) [Красных, 1997, 1998, 2002, Кушнерук, 2006, Нахимова, 2004 и др.], во-вторых, с анализом функционирования прецедентных феноменов в аспекте их лингвокультурологической и когнитивно-дискурсивной обусловленности [Банникова, 2004, Белякова, 2005, Кушнерук, 2006, Нахимова, 2004, Пикулева, 2003, Семенец, 2004, Слышкин, 2000 и др.], а также в аспекте экспликации феномена языковой личности [Иванцова, 2000, 2002].

Исследование прецедентных текстов в функциональном аспекте обнаруживает специфику конкретно-коммуникативной реализации речевого опыта субъекта как представителя определенного культурного сообщества. В отличие от теории цитирования и теории чужой речи, представляющих отношения между единицей результирующего текста и ее источником как линейные, теория прецедентности текста придает исследуемой единице статус транслятора общего культурного кода, представляя отношения с источником как непрямые.

Исходя из последнего, развитие концепции полифонического нехудожественного текста на данном этапе приводит к идее **архетипической обусловленности его единицы**, на протяжении всего XX века разрабатываемой в литературоведческих исследованиях (как идея содержательной архетипичности, проявленной в межтекстовых связях) и воспринятой лингвистикой художественного текста (как идея кодовой, архетипической интертекстуальности, проявленной в конкретной единице текста).

При этом прецедентный текст как особый тип «чужого слова» отличается от единиц кодовой интертекстуальности И.В. Арнольд (1) ориентированностью не на «чужой», а на общий код, (2) содержание которого обусловлено не особыми условиями коммуникации, а общностью содержания данной культуры, выраженного в общности речевых форм. С другой стороны, по архетипическому основанию взаимодействия с источником прецедентно-текстовая единица обнаруживает сходство с поэтическими формулами (Н.А. Кузьмина), но отличается от них, в первую очередь, средой формирования (поэтической), подчиняющей их «требованиям эстетического канона – того литературного направления, к которому принадлежит автор» [Кузьмина, 2004, с. 199].

В целом кодовое содержание единицы результирующего текста, с точки зрения теории прецедентности, **формируется уже в тексте-источнике** (как культурно значимом тексте), за счет чего она приобретает особую формально-содержательную конкретность и воспроизводимость, обеспечивающие ее выдвижение в результирующем тексте.

Таким образом, теория прецедентности текста обнаруживает наличие особого внешнего по отношению к конкретно-ситуативным условиям его реализации культурно обусловленного речевого кода, обращение к которому регулируется общим речевым опытом субъектов определенной лингвокультуры.

Исследование «чужого слова» в нехудожественной коммуникации в определенном смысле прошло тот же путь, что и исследование данного явления на материале текстов художественных (имеется в виду путь от изучения конкретных источников и влияний к осознанию наличия широкого интертекстуального контекста [Смирнов, 1995 и др.], где текст рассматривается как часть универсального текста, от которого он зависит во всех своих аспектах, а интертекстуальность – как «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст» [Пьеге-Гро, 2008, с. 48]). Применительно к **лингвистической** теории «чужого слова» в **нехудожественной** коммуникации это проявилось в переходе от (1) рассмотрения конкретных, оформленным автором единиц результирующего текста в их отношении к конкретным единицам текста-источника к (2) анализу функций этих единиц в их обусловленности широким социокультурным речевым кодом.

Теория цитации, теория чужой речи, теория прецедентности были ориентированы на анализ единиц, онтологически связанных с конкретным текстом-источником, осознанно использованных автором результирующего текста.

Так, теория цитации (в узком смысле) акцентировала внимание на **точности** воспроизведения источника и системно-речевых принципах включения «чужого слова» в результирующий текст. Трансформация источника при цитировании относится к разряду особых случаев, что подчеркивается, например, терминологически («квазицитация» [Земская, 1990]). По своей природе термин «цитата» ориентирован на **письменный** источник и на письменную же форму воспроизведения [Земская, 1990, Салова, 1989 и др.]; при расширении объекта исследования за счет включения фактов использования «чужого слова» в устной речи [Арутюнова, 1986, Шварцкопф, 1970 и др.] фактор значимости конкретного

источника сохраняется. В фокусе внимания теории цитации – **линейные** отношения между **текстами**: текстом-источником и текстом результирующим (текст$_1$ – текст$_2$).

Теория чужой речи, наоборот, ориентирована на речь **устную**, и точность воспроизведения источника для нее определяется как точка отсчета возможных **формально-смысловых** трансформаций. При этом внимание исследователей акцентируется на множественности **говорящих субъектов** – субъекта-источника и субъекта-транслятора «чужого слова», за счет чего перенос также выглядит как **линейный** (субъект$_1$ – субъект$_2$).

Теория прецедентности из трех рассматриваемых оказывается наиболее близкой к пониманию интертекстуальности сквозь призму широкого семиотического контекста: прецедентные источники осознаются как знаки национально-культурного кода. Но, сосредотачивая внимание на семиотической стабильности источника, данная теория не рассматривает проблему множественности интерпретации текста в его отношении к этому коду (т.е. текст, включающий «чужое слово», еще не рассматривается как полифонический). В аспекте дотекстовой заданности формы рассматривается только ограниченный круг единиц, представляемых как формы выдвижения. Источники прецедентности, как знаки указанного кода, всегда точно определены, контуры включения этих знаков в результирующий текст четкие, содержание стабильно.

Отношения между источником «чужого слова» и результирующим текстом, где оно используется, уже осознаются как **нелинейные**. Но если динамически представить эти отношения как «конкретный текст-источник – семиотически значимый прецедентный феномен как компонент культурного кода – его вербально-текстовый репрезентант», то можно обнаружить, что эта нелинейность реализуется только на первом этапе формирования полифонического содержания рассматриваемой единицы (от конкретного текста-источника к формированию архетипического содержания). Второй же этап (как процесс включения прецедентного феномена в новый текст) представляется как прямое, линейное формально-содержательное заимствование: адаптация «чужого слова» в тексте не

рассматривается. Функциональная мотивировка использования «чужого слова» в результирующем тексте выражается в специфике архетипического источника (или – в некоторых вариантах данной теории – в специфике культурно значимого факта экстралингвистической действительности, закрепленного в его номинировании), то есть представляется как системно-функциональная. Текстовая функциональность единицы не эксплицируется, поэтому качеством полифоничности характеризуется особая единица, но не текст в целом.

(3) Осознание «чужого слова», используемого в нехудожественной коммуникации не только как формы выдвижения, но и как носителя самой разнообразной информации, задаваемой **субъектом речи** в определенных **коммуникативных условиях** с учетом его **коммуникативно-речевого опыта**, было связно с новым пониманием текстуальности – как свойства речевой формы, цельность и связность которой обеспечивается социокоммуникативно.

Р.-А. де Богранд и В.У. Дресслер впервые определили текст как «коммуникативное событие», знаменуя, тем самым, начало перехода от лингвистики текста к лингвистике дискурса. Интертекстуальность в их работе в связи с такой трактовкой текста рассматривается как универсальное свойство любого текста, как средство «контроля **коммуникативной деятельности в целом** [выделено нами – И.Т.]» [Beaugrande, Dressler, 1981, с. 215]. В обнаружении универсального характера интертекстуальности как свойства **любого художественного текста** литературоведение значительно опередило лингвистику. В лингвистике же новое понимание текста определило почву для восприятия разработанных в литературоведении идей, первоначально воспринятых лингвистикой художественного текста, а затем примененных к нехудожественному текстовому материалу.

При таком подходе интертекстуальность становится одним из признаков текстуальности, и знание говорящим других текстов осознается как одно из оснований текстопорождения [там же, с. 188]. Данная идея была расширена и стала основополагающей в концепции смыслообразования французского дискурс-анализа: именно «примат интердискурсивности» [Серио, 1999, с. 29] в

отношениях между дискурсными формациями позволяет «за определенной семантической единицей» восстановить «движение высказывания, которое под двойным нажимом уже сказанного и говоримого должно учитывать требования и языка, и интердискурса» [там же, с. 30].

Итак, концепция интертекстуальности как «внутритекстовой категории, отражающей устройство многомерной структуры целого текста» [Баженова, 2010, с. 60], была основана на концепции восприятия текста как «коммуникативного события» [Beaugrande, Dressler, 1981] и сформировалась в рамках перехода от лингвистики текста к лингвистике дискурса. Специфика интертекстуальной организации текста в лингвистике дискурса предстает как его особое свойство [Водак, 1997, Григорьева, 2007, Карасик, 2002, 2001, Олянич, 2007, Ревзина, 2004, 2005]. На смену идее полифоничности отдельных единиц текста приходит идея **полифоничности самого текста**, выраженная в дискурсивно обусловленной множественности интерпретации его единиц.

Практически одновременно с переходом к рассмотрению межтекстовых отношений с позиций дискурс-анализа рождаются такие исследовательские категории, как **интердискурсивность** (используется в [Гончарова, 2001, Мишанкина, 2010, Силантьев, 2006, Чернявская, 2001, 2003, 2004, 2007, 2009, Шевченко, 2008] и др.) и **полидискурсивность** (используется в [Белоглазова, 2009, Булатова, 2010, Костяшина, 2009, Силантьев, 2006, Тубалова, 2009, 2010] и др.). Они акцентируют внимание на взаимодействии не только коммуникативно обусловленных текстовых форм, но и дискурсов, объединенных в сознании субъекта (для номинирования указанных категорий некоторые авторы также используют термины «междискурсивное взаимодействие» [Костяшина, 2009], «интерференция дискурсов» [Шевченко, 2008] и др.). «Чужое слово» начинает восприниматься не только как носитель информации из других текстов, но и как носитель информации (через инотекст и не только) из других дискурсов. «Чужое слово» как единица текста получает статус знака дискурса-источника, приобретающего в нем новую дискурсивно обусловленную интерпретацию.

В.Е. Чернявская впервые теоретически обосновывает разграничение отношений «текст–текст» и «дискурс–дискурс», определяя их как «интертекстуальность» и «интердискурсивность» [Чернявская, 2007]. В рамках отношений «текст-текст» В.Е. Чернявская рассматривает как отношения между конкретными текстами («текст$_1$–>текст$_2$»), так и отношения между текстом и его типом («текст$_n$–>текст$_2$»), т.е. типологическую интертекстуальность [Чернявская, 2007] (=архетипичекую интертекстуальность).

Интердискурсивность В.Е. Чернявская характеризует как ««переключение» на другую систему знания, кодов и другой тип мышления в сознании реципиента», «взаимодействие, взаимоналожение различных ментальных, т.е. над- и предтекстовых, структур, операций, кодовых систем, фреймов в процессе текстопроизводства» [там же], где средствами маркирования являются не только вербальные, но и «просодические, графические или иные признаки» [там же, с. 22], типичные для дискурса-источника.

Интертекстуальность и интердискурсивность при этом не являются взаимоисключающими отношениями: интердискурсивность может реализовываться через отношения интертекстуальные.

Отметим, что далеко не все авторы, использующие термины «интердискурсивность» и «полидискурсивность», обосновывают выбор одного из указанных терминов для маркирования взаимодействия дискурсов. Представляется, что термин «интердискурсивность» подчеркивает, в основном, динамику, процессуальность дискурсивной интерференции, а термин «полидискурсивность» в большей степени связывается с результативностью указанного процесса в конкретных текстах/дискурсах.

Обращение к проблематике «чужого слова» в нехудожественной коммуникации с новых исследовательских позиций еще больше заострило внимание на специфике среды реализации текста, обусловливающей его формирование с участием «дотекстовых» речевых форм. Функционирование в нем «чужого слова» получает дискурсивное обоснование, и специфика дискурса

обретает статус ведущей мотивирующей силы в реализации интертекстуальных/интердискурсивных связей.

Новый подход к анализу нехудожественного текста как текста полифонического был сопряжен с новыми исследовательскими задачами и новыми аспектами их решения.

1. Новое – дискурсивное – понимание цельности полифонического текста, а также обращение не только к конкретно-текстовым, но и к архетипическим (общедискурсивным) источникам текстовой полифонии определило необходимость учета характера дискурса-источника в аспекте его ориентированности на распространение речевых форм. На основании обозначенной специфики дискурса-источника строится концепция полифонического текста, например, в [Баширова, 2008, Костяшина, 2009, Терских, 2003, Тубалова, 2010, 2011, 2014 и др.].

2. Реализация нового похода приводит к расширению круга единиц, являющихся носителями интертекстаульного/междискурсивного взаимодействия. В рамках этого подхода обнаруживается возможность «двойного прочтения» единиц, не только являющихся формами выдвижения, но и включенных в текст вне позиции выдвижения. В результате особую актуальность получает проблема идентификации «чужого слова» в тексте, ранее эксплицируемая в лингвистике художественного текста и в литературоведении (во многих случаях – через обращение к конкретно-текстовым показателям (М.М. Бахтин, К.Ф. Тарановский и др.)).

Даже художественный текст/дискурс далеко не всегда представляет «чужое слово» как форму выдвижения. Исследовательские установки при анализе «чужого слова» в текстах нехудожественной коммуникации должны исходить из положения о том, что его использование еще менее последовательно обусловливается установкой субъекта на их выдвижение. В связи с этим требуется разработка методики выявления единиц, не отмеченных в качестве носителей иноречевой информации автором текста. Трудность их вычленения определяется тем, что во многих случаях говорящий при хорошем владении

языком, высоком уровне качества речевых произведений максимально растворяет границы «чужого слова» [Гаспаров, 1996, с. 173-174]. Исследовательская позиция по вычленению «чужого слова» оказывается изначально уязвимой, и данная проблема по-разному решается исследователями.

Значительную группу составляют исследования, рассматривающие единицы полифонического текста (в основном – цитаты и прецедентные тексты) **как формы выдвижения** [Аникина, 2004, Абанина, 2009, Баширова, 2008, Дубровская, 2010, Марченко, 2007, Попова, 2007, Салова, 1989, Филинский, 2002, Шейгал, 2000 и др.].

Работ, в которых проблема функционирования «чужого слова» в нехудожественном тексте институциональных дискурсов поставлена шире, в настоящее время пока не много [Гончарова, 2001, Костяшина, 2009, Кузьмина, 2009, 2011, Мишанкина, 2010, Попова, 2007, Терских, 2003, Тихомирова, 2009, Ускова, 2003, Чернявская, 2003 и др., Шевченко, 2008 и др.].

3. В рамках дискурсивного подхода исследователи обратили внимание на то, что организация полифонического текста обусловлена не только конкретно-коммуникативными условиями говорения, но и социально-дискурсивными.

Во-первых, значимым оказалось разграничение институциональных и личностно-ориентированных дискурсов как сфер реализации полифонического текста. Жесткость правил институциональных дискурсов определяет б*о*льшую последовательность реализации социальных факторов при формировании полифонического текста, чем в дискурсах личностно-ориентированных. В связи с этим большинство исследований, реализующих новый подход к анализу полифонического текста, ориентированы на анализ «чужого слова» в текстах **институциональных дискурсов** (например, медийного [Аникина, 2004, Абанина, 2009, Баширова, 2008, Костяшина, 2009, Кузьмина, 2009, 2011, Шевченко, 2008 и др.], судебного [Дубровская, 2010 и др.], политического [Марченко, 2007, Попова, 2007, Филинский, 2002, Шейгал, 2000 и др.], рекламного [Кузьмина, 2009, Терских, 2003, Ускова, 2003 и др.], научного [Гончарова, 2001, Мишанкина, 2010, Салова, 1989, Тихомирова, 2009, Чернявская, 2003 и др.]).

Во-вторых, при обращении к полифоническому тексту институциональных дискурсов особую важность приобрел учет типа институциональности, определяющий специфику дискурсивной интенции. Обращение к полифоническому тексту, сформированному на основании различного типа институциональности, стало осуществляться при ее последовательном учете. Различные типы институциональных дискурсов определяют разные принципы организации полифонического текста и разную значимость интертекстуальных/интердискурсивных обращений в системе дискурсивных правил.

В связи с особым (по сравнению с другими типами институциональной нехудожественной коммуникации) статусом этих отношений в научном дискурсе – первые специальные исследования в обозначенном аспекте обратились к материалам научной коммуникации. В настоящее время механизм интертекстуальности в научном дискурсе проанализирован наиболее подробно [Баженова, 2001, 2010, Гончарова, 2001, Гордиевский, 2006, Карасик, 2004, Михайлова, 1999, Мишанкина, 2010, Салова, 1989, Тихомирова, 2009, Чернявская, 1996, 1999, 2001, 2003 и др.]. Тексты научной коммуникации, с одной стороны, отличаются от текстов художественной коммуникации отсутствием эстетической обработанности, установкой на эксплицирование апелляции к научному сообществу, ориентацией на получение нового знания, а не нового взгляда на объект т.д. С другой стороны, в отличие от текстов нехудожественной коммуникации других дискурсивных сфер (прежде всего – личностно-ориентированных), они имеют сходство с текстами художественной коммуникации по значимости роли конкретного автора, ориентации на креативность в производстве нового знания, уровню контролируемости текстопорождения (о специфике научного дискурса – [Карасик, 2004, Мишанкина, 2010, Чернявская, 1996, 2006 и др.]). Все это делает научный дискурс особо привлекательным для анализа в аспекте интертекстуальности/интердискурсивности.

4. Идея стабильности единицы – носителя интертекстуальной/интердискурсивной информации, ее способности к трансляции некоторого инвариантного смысла (Н.А. Кузьмина и др.) определила возможность применения новых лингвистических методов ее анализа. Так, Г.В. Денисова указывает на необходимость лексикографирования интертекстуальных знаков [Денисова, 2003, с. 158], а также их экспериментального исследования [там же, с. 159]. Кроме того, Г.В. Денисова рассматривает возможность привлечения к исследованию материалов корпусной лингвистики, позволяющих проследить «судьбы отдельных интертекстов в рамках того или иного языка/культуры» [там же].

Личностно-ориентированный дискурс в рассматриваемом аспекте привлек внимание исследователей не более 15 лет назад, несмотря на то что в конце XX века появляется множество исследований бытовых текстов, направленных на обнаружение системных законов их формирования, а также целый ряд исследований преемников теории французского постструктурализма, обнаруживающих специфику порождения и восприятия художественных текстов на основании переосмысления автором и читателем множества предшествующих текстовых форм.

На этом фоне особым образом выделяется монография Б.М. Гаспарова «Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования» [Гаспаров, 1996[18]], где объектом исследования становится сфера бытового **речевого** существования человека – как часть его бытового существования в целом, организованного по единым принципам.

Центральные проблемы теории полифонического текста – (1) специфика его обусловленности источником полифонии, (2) специфика единицы – носителя полифонической информации и (3) специфика сферы его формирования – решаются Б.М. Гаспаровым следующим образом.

---

[18] **Лингвистическая** концепция полифонического текста, обращенная к текстам **художественным**, в это время находится еще на начальных этапах формирования.

(1) Развивая идеи, сформулированные при анализе художественного текста с позиции его восприятия, Б.М. Гаспаров заменяет тезис о «владении языком» и «использовании языка» тезисом о включенности **языковой личности** в повседневное языковое существование, о накоплении и развитии **опыта** «жизни в языке», о постоянном «приспособлении» этого опыта к решению повседневных задач [Гаспаров, 1996]. Этот опыт – как результат полидискурсивного существования субъекта – включает (а) индивидуальный, сугубо личный опыт, (б) «общий» опыт определенного круга говорящих, (в) «общий» опыт носителей определенного языка в определенном временном срезе [там же, с. 99-100]), источник его формирования – социален.

(2) Исходной единицей анализа (как единицей восприятия) является некоторый **фрагмент языкового материала** («коммуникативный фрагмент»), включенный в высказывание, вычленение которого осуществляется субъектом на основании личного языкового опыта. Б.М. Гаспаров обращает особое внимание на значительно более низкую степень осознанности и регулируемости восприятия коммуникативных фрагментов в тексте бытового общения в сравнении с текстом художественным, «создание которого (и понимание которого как творчески созданного целого) составляет предмет целенаправленных усилий как автора, так и его аудитории» [там же, с. 40].

(3) Реализация этого опыта определяется спецификой сферы институционально не регулируемой речевой деятельности субъекта в целом и конкретно-речевым контекстом («соположением» мотивов [там же, с. 336]).

На речевом материале Б.М. Гаспаров рассматривает специфику повседневной сферы человеческой жизни в целом: ее текучесть, динамичность, неоднозначность, многоаспектность. Повседневное языковое существование Б.М. Гаспаров противопоставляет процессу создания и восприятия культурно значимых текстов (текстов художественных – в первую очередь).

Выводы современных ученых о специфике повседневности как сферы человеческого существования, сделанные с позиций философского, культурологического, исторического знания (многие из них проведены уже в

первом десятилетии XXI века; подробнее: глава 2, раздел 2.1), в полной мере соответствуют выводам Б.М. Гаспарова, полученным на речевом материале.

В последнее время исследовательский интерес к личностно-ориентированной речевой сфере, особенно активный в 60-е – 70-е годы XX века и несколько угасший в последние его десятилетия, снова усилился. В значительной степени это связано с назревшей необходимостью в применении к этому особому материалу новых исследовательских подходов, что позволит – в соответствии с его спецификой – уточнить и углубить многие идеи, разработанные на институционально заданном речевом материале.

В рамках данной тенденции к текстам личностно-ориентированных дискурсов обратилась теория полифонического текста, расширяющая границы своего объекта.

Первые исследования, определившие начало формирования концепции полифонического текста личностно-ориентированного дискурса, обнаружили (1) особые источники его полифонии; (2) особые единицы ее реализации; (3) специфику сферы реализации полифонического текста. Особенности сферы реализации полифонического текста определили возможность (4) использования новых подходов к его анализу.

(1) Несмотря на то, что, не регулируемые институционально, тексты личностно-ориентированных дискурсов открыты для полифонического обращения к источникам самого различного типа, специфика этого **источника** рассматривается в качестве его обоснования в единичных работах. В качестве примера можно привести исследование М.В. Терских [Терских, 2003], обнаруживающее, что рекламный текст, как источник разговорной речи, в большей степени предполагает автоматическое воспроизведение (в отличие от художественного текста, публицистики, текстов пародийных жанров, которым свойственно намеренное установление интертекстуальных связей с рекламой). Это, по мнению автора, определяется закономерностью формирования самого рекламного текста по моделям разговорной речи [там же, с. 22]. Еще один пример осмысления архетипичности источника текстовой полифонии – работы

А.А. Павловой [Павлова, 2002, 2004], где рассматриваются возможности закрепления стабильных вербальных форм за определенной социально-коммуникативной сферой: семейной и публицистической. Квалифицируя способ включения этих вербальных форм в текст как стилистический, А.А. Павлова приближается к идее стилистической специфики социальных дискурсов, хотя прямо об этом и не говорит [там же].

(2) В связи с характеристикой **единиц, являющихся носителями интертекстуальной/интердискрусивной информации**, в исследованиях личностно-ориентированных дискурсов реализуется общая исследовательская тенденция, свойственная начальным этапам формирования концепции полифонического нехудожественного текста. Как и во многих современных работах, посвященных текстовой полифонии, в большинстве исследований полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов к анализу привлекаются единицы, идентификация и интерпретация которых представляется наиболее непротиворечивой в силу их выдвижения: в основанном, вербальные прецедентные феномены [Гунько, 2002, Климец, 2011, Медведева, 2002, Сергеева, 2005 и др.]. Исключение, помимо рассмотренной выше работы Б.М. Гаспарова, составляют единичные исследования. В качестве одного из примеров еще раз отметим работы А.А. Павловой [Павлова, 2002, 2004], выполненные на материале семейных нарративов. В них наряду с прецедентными высказываниями в их классическом (по Ю.Н. Караулову) понимании в качестве интертекстуальных единиц рассматриваются речевые формы, объективированные стилистическим способом, прецедентность которых, как отмечает автор, не всегда осознается говорящим [там же]. Обращение к единицам, реализующимся в полифоническом тексте вне позиции выдвижения, определяет необходимость анализа способов их маркирования, к которым А.А. Павлова относит «графические, композиционные, стилистические средства, использование слов- и сочетаний-стимулов, а также грамматические средства выделения чужой речи» [там же, с. 47].

(3) Влияние **сферы реализации** на специфику формирования полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов

проанализирована в рассматриваемых работах более подробно, чем рассмотренные выше факторы. В связи с этим исследования полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов обращаются не только к рассматриваемой коммуникативной сфере в целом [Гунько, 2002, Захарова, 2006, Терских, 2003 и др.], но и к отдельным ее компонентам, ограниченным в аспекте, значимом для ее анализа.

В силу свободы рассматриваемой сферы от институциональных принципов текстопорождения, накладывающих на формирование полифонического текста внешние ограничения, одна из общих тенденций ее анализа – повышенное внимание к специфике **субъекта дискурса** как автора текста. Это созвучно концепции Б.М. Гаспарова, реализующей данный аспект с позиции воспринимающего текст субъекта, а также концепциям анализа художественного текста, актуализирующим специфику субъектного опыта его конкретного автора. Специфика полифонического текста определяется индивидуально-личностными [Гынгазова, 2000, Иванцова, 2002] или типовыми (например, представитель молодежной речевой среды [Сергеева, 2005], подросток [Климец, 2011], представитель традиционной культуры [Медведева, 2002]) свойствами субъекта, причем типовые его свойства ограничивают сферу реализации полифонического текста в **социокультурном** аспекте (рассматривается социокультурный тип субъекта).

Коммуникативная специфика сферы реализации полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов в некоторых исследованиях также рассматривается. Например, Ю.А. Гунько выявляет такие факторы его формирования, как неподготовленность, непринужденность, конситуативная зависимость и устность [Гунько, 2002, с. 126].

Еще один аспект анализа сферы реализации полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов связан с обнаружением специфики его реализации в текстах определенного жанрового типа ([Павлова, 2002, 2004] – на материале текстов внутрисемейных родословных).

(4) Идея обусловленности формирования полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов спецификой субъектного опыта языковой личности (в первую очередь – типовой), а также идея специфики сферы его формирования, свободной от институциональных правил, определили возможность обращения к экспериментальным методам выявления его значимых единиц. О такой возможности было заявлено (как уже отмечалось) в работе Г.В. Денисовой [Денисова, 2003]. Пример ее реализации представлен в работе Г.Г. Сергеевой [Сергеева, 2005].

Таким образом, концепция полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов находится в начале пути своего развития.

В настоящее время заложены основы его анализа в соответствии с основными мотивирующими его формирование факторами.

(1) Обнаружены отдельные архетипические свойства некоторых дискурсивных источников его полифоничности (например, рекламы [Терских, 2003], публицистики [Павлова, 2002, 2004], семейного дискурса [там же]).

(2) Выявлены единицы – носители интертекстуальности/интердискурсивности, реализующие свои свойства как в позиции выдвижения (прецедентные тексты [Гунько, 2002, Климец, 2011, Медведева, 2002, Сергеева, 2005 и др.], чужая речь [Гынгазова, 2000 и др.]), так и вне ее [Павлова, 2002, 2004]. Описаны способы объективации этих единиц в полифоническом тексте, особо значимые для единиц, употребляемых говорящим не осознанно [там же].

(3) Описан ряд специфических особенностей личностно-ориентированных дискурсов как сферы реализации полифонического текста: наиболее подробно – социокультурно обусловленная специфика типового субъекта дискурса [Климец, 2011, Сергеева, 2005 и др.], а также ее конкретно-коммуникативная (например, [Гунько, 2002]) и жанровая (на материале отдельного жанра [Павлова, 2002, 2004]) специфика.

Все названные исследования крайне значимы для решения задачи «распутать хотя бы некоторые из бесконечных наслоений и переплетений

смысловой ткани, выделить хотя бы некоторые голоса в этом непрерывно звучащем в нашем сознании оркестре, грандиозном в своей анонимности» [Гаспаров, 1996, с. 108-109].

Рассмотрим способ решения этой задачи, предлагаемый в данном диссертационном сочинении.

1.3 Полифоническая организация текста личностно-ориентированных дискурсов: теоретические презумпции и подходы к анализу

Представляемое исследование предлагает еще один подход к анализу «чужого слова» в нехудожественной коммуникации, а именно – в текстах личностно-ориентированных дискурсов. В рамках данного подхода «чужое слово» рассматривается как компонент полифонически организованного текста, формируемого на основании свойственных личностно-ориентированному общению дискурсивных интенций. Определим специфику этого подхода и обозначим основные теоретические презумпции анализа.

1.3.1 Полифонический текст. Полифоническая организация текста

Полифоничность в данном исследовании рассматривается как внутренне присущее тексту свойство (как результативная сторона интертекстуальности и интердискурсивности), как один из аспектов текстуальности, обосновывающий его цельность и связность включенностью в дискурсивный контекст. Полифоничность текста определяется наличием в нем иноречевых форм, выступающих в качестве знаков других текстов/дискурсов.

Сформулируем положения, которые лежат в основе обозначенного подхода.

1. Текст есть результативная сторона дискурса, часть речевого потока, границы и способ организации которого заданы дискурсивными условиями его реализации [Богранд, Дресслер, 1981, Бондарко, 1978, Гаспаров, 1996, Дейк, Кинч

1988, Карасик, 2002, Кубрякова, 2001, Макаров, 2003, Матвеева, 1990, Москальская, 1981 и др.].

2. Текст всегда уникален и неповторим [Бахтин, 1979]. При этом механизм его порождения, направленный на воспринимающего субъекта, реализуется, с одной стороны, с опорой на языковую систему определенного языка, а с другой – на произведенные ранее в других текстах «готовые» речевые формы.

3. Текст, рассмотренный с позиций такого подхода, является **полифоническим**.

Термин «полифонический текст» называет не особый тип текста, противопоставленный «не-полифоническому», но призван обозначить определенный аспект его онтологии, находящийся в фокусе внимания и выявляемый с применением особой методологии, позволяющей обнаружить формально-смысловую неоднородность, нелинейность его речевой структуры (любой текст может быть эпистемологически **представлен** как полифонический).

Термин «полифонический текст» имеет истоки своего метафорического обоснования в работах М.М. Бахтина, который обнаружил в тексте (полифонического романа Ф.М. Достоевского) реализацию «голосов» множества сознаний: «я осознаю себя и становлюсь самим собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого» [Бахтин, 1979, с. 311]. Ю. Кристева переосмысляет данный термин, представляя его как отражение полифонии «сразу нескольких дискурсных инстанций», соприсутствующих в сознании «расщепленного субъекта» [Кристева, 2004, с. 15].

Несмотря на высокий уровень прецедентности данного термина, связанной с его апелляцией к авторитетным – «сильным» – исследовательским текстам, его использование не имеет широкой филологической традиции (возможно, как раз в связи с высоким уровнем его ангажированности «сильным» текстом). Среди немногих современных авторов, использующих его вариации в различной степени близости к первоисточникам, можно назвать Н.А. Фатееву («полифонизм текста» [Фатеева, 2006 и др.]) и О.В. Валентинову («полифоничный текст», «полифоничное слово», «неполифоничный текст» [Валентинова, 2005]).

В настоящем исследовании термин «полифонический текст» используется в большем соответствии с его переосмыслением Ю. Кристевой: при реализации иноречевой формы в полифоническом тексте значимость отсылки к тексту/дискурсу-источнику оказывается выше, чем значимость отсылки к иному субъекту (только для некоторых случаев использования иноречевых форм значимость субъекта-источника актуализируется).

Формирование полифонического текста регулируется на основании сложного комплекса субъектно-дискурсивной интенциональности: (1) интенции **субъекта** результирующего дискурса, обладающего особым полидискурсивным опытом и обращающегося к нему в процессах текстопорождения; (2) интенции **ситуационного дискурса** – конкретного коммуникативного акта, правила динамического развития которого обусловлены спецификой конкретной ситуации общения; (3) общей интенции **социального дискурса**. Субъектная интенция, связанная с обращением в процессе текстопорождения к иноречевым формам, подчиняется интенции ситуационного дискурса, которая, в свою очередь, подчиняется общей интенциональности социального дискурса. Характер интенциональности (взаимодействие субъектных и дискурсивных интенций) – одни из ведущих факторов формирования полифонического текста.

4. Полифонический текст характеризуется **полифонической организацией** – *особым способ организации текстовой информации, при котором ее производство и восприятие в коммуникативном процессе осуществляется за счет обращения к смысловому содержанию множества речевых фрагментов (речевых форм), созданных и получивших определенную смысловую нагруженность до конкретно-ситуативной реализации данного текста*. Речевой поток при таком подходе обнаруживает свойства динамичности и нелинейности.

5. «Готовые» речевые формы, включенные в полифонический текст, в свою очередь, были созданы с использованием единиц языковой системы в других текстах (**текстах-источниках** = **прототекстах**) и получили некоторое содержание на основании специфики коммуникативной сферы (**дискурса-источника**), связь с которой они сохранили. Содержательная специфика дискурса-источника,

заданная его интенциональностью, – еще один значимый фактор формирования полифонического текста. По отношению к источнику – как сфере исходного формирования этих речевых форм – полифонический текст получает статус **результирующего текста**, а дискурс, в рамках которого сформировался результирующий текст, – статус **результирующего дискурса**.

6. В полифоническом тексте содержание источника реализуется в виде «инварианта смысла» [Кузьмина, 2009], который «можно обнаружить во всех интерпретациях» [там же, с. 76], – то есть во всех вариантах использования данной речевой формы. Формирование обозначенного инварианта смысла осуществляется в процессе его **формально-смысловой стабилизации** – *закрепления за речевой формой некоторого константного содержания, заданного социально-речевой сферой,* ***воспринимаемой представителями данного социума*** *как сфера ее порождения*. В качестве такой сферы может выступать текст или дискурс, с которым в процессе функционирования данной речевой формы она сохраняет связь. Формально-смысловая стабилизация – результат интерпретации речевой формы с позиции дискурсивной системности. Наличие в дискурсе-источнике потенциала стабилизированных на формально-смысловом основании речевых форм, ориентированных на междискурсивное распространение, также является фактором формирования результирующего полифонического текста.

Данный инвариант смысла в результирующем тексте может (1) вступать в отношения «контрапункта» [Фатеева, 2006] с новым дискурсивным контекстом, встречая его сопротивление и формируя на этом основании качественно новый смысл, – или (2) гармонично входить в новый смысловой контекст, «растворяясь» или сохраняясь в нем на основании формально-смысловой преемственности.

7. Закономерности формирования полифонического текста поддаются объяснению только с учетом всего комплекса дискурсивных правил результирующего дискурса, регулирующих включение в текст «готовых» речевых форм, и дискурсивных правил дискурса-источника, регулирующих их стабилизацию. При этом какой бы очевидной ни были закономерности действия

этих дискурсивных правил – нельзя отрицать фактор случайности (или фактор индивидуально-личностный, психолингвистический – не идентифицируемый исследователем). В данной работе мы анализируем только те иноречевые формы, которые поддаются верификации лингвистическими методами, рассматривая их не в качестве «словесных выражений, корни которых перепутались совершенно произвольно» [Барт, 1989, с. 491], а в качестве функционально обусловленных единиц результирующего текста.

Находясь во внешней исследовательской позиции, речевой опыт субъекта невозможно описать исчерпывающе, во всей полноте определяющих его компонентов; невозможно выявить и все характеристики отношений, устанавливаемых субъектом внутри текста как продукта дискурсивной экспликации этого опыта. В связи с этим в настоящем исследовании мы сосредотачиваемся на анализе **внешней социальной обусловленности текстопорождения**, позволяющем обнаружить те элементы текста, иноречевой статус которых определяется в результате их соотнесенности с социально объективированными речевыми сферами: институциональными дискурсами. Эта соотнесенность верифицируется обнаружением особых свойств этих элементов, указывающих на их формирование в соответствии с принципами организации речевой формы определенных, отличных от результирующего, дискурсов.

Обозначенные принципы организации речевой формы дискурса, входящие в систему дискурсивных правил, формируют особый **дискурсивный стиль,** обеспечивающий специфику рассматриваемых единиц.

1.3.2 Модусно-диктумное основание стилистического своеобразия дискурсов

В традиционном лингвистическом понимании стиль рассматривается как способ организации поверхностной речевой структуры, направленный на выражение смысла. Различные собственно-лингвистические трактовки данного понятия (приводимые, например, в [Степанов, 1998]) аспектируют его системно-

лингвистическую («стиль языка» – его стилистические ресурсы) или функционально-речевую («стиль функциональный» – как социально обусловленный характер речи, «стиль автора» – как индивидуальная манера ее организации) природу. При этом стиль во всех вариантах трактуется как явление собственно вербальное, хотя уже в истоках его понимания лежит интенциональное, экстралингвистическое обоснование (например, в работах ПЛК [Тезисы…, 1967]).

В отечественной лингвистике термин «стиль», сосредотачивающий внимание на *социальной* обусловленности речевой формы, в первую очередь, связывается с объемной традицией его понимания как «стиля функционального» (В.В. Виноградов, Т.Г. Винокур, Д.Н. Шмелев и др.), который интерпретируется как «исторически сложившаяся, общественно осознанная речевая разновидность, обладающая специфическим характером речи, сложившимся в результате реализации особых принципов отбора и сочетания языковых средств в той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания, – наука, искусство, право и т.д.» [Кожина, 2006, с. 150-151]. Подобное понимание стиля частично сближается с позициями дискурс-анализа: функциональная стилистика направлена на изучение закономерностей употребления языка в разных сферах и ситуациях общения, акцентируя внимание на обращенности к **внешним условиям формирования речи** [Кожина, 2008, с. 19].

Но все же данные методологические установки качественно различаются, что вызывает активную потребность у отечественных исследователей соотнести обозначенные подходы [Баженова, 2005, Беляевская, 2010, Векшин, 2002, Карасик, 2004, Кибрик, 2009, Кожина, 2003, Макаров, 2003, Орлова О.В., 2009, 2012, 2013, Приходько, 2009, Ревзина, 2005, Резанова, 2011, Степанов, 1995, Хазагеров, 2005, Чернявская, 2005, 2007 и др., Шейгал, 2000 и др.].

Концепция стиля, приближенная к пониманию дискурса как совокупности текстовых манифестаций социальных структур данного общества (М. Фуко), сформировалась в отечественной стилистике, развивавшейся до определенного

времени в отрыве от западной теории дискурса. Она восходит к работам В.В. Виноградова, определявшего стиль как «общественно осознанную и функционально обусловленную, внутреннюю совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общенационального языка, соотносительную с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, 1955, с. 73].

Функциональный стиль как «характер речи» [Кожина, 2008, с. 91] может быть рассмотрен в категориях дискурс-анализа в качестве особого **социально** обусловленного типа организации *речевой формы*. При этом функциональная стилистика сосредотачивается на качествах самой речевой формы как носителя социально значимого смысла. Использование достижений функциональной стилистики в дискурсивных исследованиях основывается на положении о том, что «дискурс не может быть сведен к стилю» [Степанов, 1995, с. 41].

Одним из направлений, ориентированных на представление текста как коммуникативно обусловленной речевой формы, является коммуникативная стилистика текста [Болотнова, 1992, 1995, 2009 и др.].

Когнитивная методология расширяет лингвистическое понятие стиля, включая в него не только собственно-вербальный результат, но и деятельность сознания, направленную на его достижение. Под стилем понимается «комплекс когнитивных процедур обработки знаний, находящий соответствующую вербальную реализацию» [Leech, 2008, с. 35] (цит. по [Приходько, 2009, с. 27]), – как составляющая «стиля мышления» [там же].

В данном исследовании текст рассматривается как речевой компонент дискурса. Его стилистическая сторона отражает процесс и результат обработки знаний, заданных особой субъектно-дискурсивной интенциональностью. При таком подходе интерпретация стиля соответствует его когнитивной трактовке, в рамках которой заявленные «процедуры обработки знаний» рассматриваются в дискурсивном обосновании. Подобный подход к анализу стиля отражен в ряде

современных исследований (например, [Болотнова, 2012, Дейк, 1989, Любаева, Орлова Н.В., 2011, Резанова, 2011, Приходько, 2009] и др.).

Специфика стиля дискурса определяется тем, каким знанием оперирует его субъект, какие цели регулируют обработку этого знания в дискурсе и какие вербально направленные мыслительные операции при этом осуществляются.

Представим подходы к решению данных проблем, используемые в нашем исследовании.

Специфика содержания дискурсов, принципы его особой организации рассматриваются в целом ряде исследований [Дейк, Кинч, 1988, Дейк, 1989, Демьянков, 2002, Макаров, 2003, Ревзина, 2005, Резанова, 2006, 2007, 2011, Силантьев, 2006; Хэллидей, 1991, Чейф, 1983 и др.].

Мы опираемся на положение о том, что обрабатываемая в дискурсе информация организуется как **дискурсивная картина мира** – «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов и включенных в социальные практики» [Резанова, 2011, с. 43].

Полифоническая организация текста на основании этого рассматривается как составляющая дискурсивно обусловленной организации речевой формы, отражающей специфику дискурсивной картины мира, а иноречевые единицы – как носители обработанного дискурсом стилистического содержания.

В отличие от функциональной стилистики, дискурс-анализ обращается к тексту в «перспективе *субъекта*, его порождающего» [Резанова, 2011, с. 38], фокусируя внимание на выборе способов организации речевой формы конкретным участником дискурса, на дискурсивной интенциональности текстопорождения, обнаруживая значимость взаимодействия «*социальной и ситуативной обусловленности формирования смыслов (картин мира)*, а также моменты проблемности прочтения смыслов дискурса» [там же, с. 39].

По мнению З.И. Резановой, анализ дискурсивных картин мира осуществляется в двух исследовательских традициях: (1) исследование социокультурно, функционально обусловленной специфики организации смысла

в «дискурсной формации», выраженной в языковых инвариантах и существующей независимо от конкретно-ситуативной интенционально определенной деятельности говорящего субъекта; (2) исследование деятельностной природы организации смысла, заданной коммуникативно-ситуативной активностью говорящего субъекта, направленной на адресата и определяющей на выбор языковых форм [Резанова, 2011, с. 40-41]. Эти аспекты взаимосвязанны. Дискурсивная специфика содержания определяется взаимодействием «социальной и ситуативной обусловленности формирования смыслов (картин мира)» [там же, с. 39].

Заданные в системе социальных практик определенного типа конфигурации смыслов закрепляются в картинах мира дискурсов определенного типа, отражая этническую и социокультурную специфику. В свою очередь, они становятся основанием для трансляции социально, функционально обусловленного стилистического кода, преломляемого особым образом в конкретно-коммуникативной, интенционально ориентированной деятельности субъекта.

В данной работе содержание дискурса, выраженное в его речевой форме, представляется в виде модусно-диктумной структуры. При этом мы ориентируемся на заданное Ш. Балли [Балли, 1955] понятие коммуникативной структуры предложения, включающее объективное содержание (пропозицию, суждение) и «выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» [там же, с. 44], – **диктум и модус**.

Современная лингвистика, развивая и уточняя данные понятия, в целом ориентируется на концепцию Ш. Балли, а также – в отечественных работах – на концепцию В.В. Виноградова [Виноградов, 1975 и др.]. Т.В. Шмелева предлагает «говорить о модусе как комплексе таких субъективных смыслов, который может и должен выразить говорящий, вступая в тот или той вид общения и становясь автором высказываний, построенных по законам данного языка» [Шмелева, 1984, с. 80].

В основе модусного содержания высказывания лежит интенция говорящего (Е.В. Падучева, рассматривая модальность в разных аспектах, в одном из них

определяет ее как понятийную категорию, «которая характеризует /…/ иллокутивную силу, т.е. коммуникативную цель говорящего» [Падучева, 2014]).

Проецируя модусно-диктумную когнитивную модель высказывания на содержание социального дискурса, можно соотнести речевую интенционально ориентированную деятельность конкретного говорящего субъекта с социально заданной типовой деятельностью (дискурсивной практикой) типового субъекта социального дискурса. В ее основе – интенция социального дискурса (дискурсивная интенция) как проявление «дискурсивной власти».

В результате в содержании дискурса представляется возможным также выделить объективно-фактологический компонент – **дискурсивный диктум** – и интенционально обусловленную позицию дискурса по отношению к нему – **дискурсивный модус**.

Уточняя понятие «модус» применительно к высказыванию, Т.В. Шмелева отмечает, что «в модусе проявляется субъективность «в интересах говорящего»: отношения и оценки говорящего, основанием для которых служат положение автора относительно описываемых событий, его представления о достоверности той или иной информации, его «система ценностей» событий и т.п.» [там же, с. 81]. Интерпретируя на основании данной логики понятие «модус дискурса», можно сказать, что в нем выражается социально заданная специфика дискурсивного поведения субъекта, участвующего в дискурсивных практиках, вступление в которые вынуждает его транслировать оценки и ценности с учетом «дискурсивной власти». В связи с этим понятие «дискурсивный модус» соответствует понятию «модус высказывания/предложения» в аспекте (1) его участия в выражении интенциональности, (2) противопоставленности его интерпретационного смысла объективно-фактологическому. Но эти понятия кардинально расходятся в аспекте субъекта этой интенциональности: по отношению к конкретному говорящему модус дискурса является социально объективированным, «рамочным» смыслом, который он вынужден учитывать при реализации собственной частной цели. В системе средств реализации субъектной интенциональности модус дискурса занимает место, соответствующее общим

целям коммуникативного процесса, направленного на успешность коммуникации – «успешность субъекта в дискурсе». Термин «модус дискурса» имеет то же метафорическое обоснование, что и термин «дискурсивная интенция» (как «власть дискурса»). Субъект дискурса в процессах порождения текста должен учитывать дискурсивный модус, чтобы быть дискурсивно адекватным.

Обладая особой идеологией, дискурс устанавливает между модусом и диктумом особые отношения. Дискурсивный диктум не может существовать в отрыве от дискурсивного модуса. Востребование и производство дискурсом определенного диктумного содержания означает его дискурсивно обусловленную модусную ориентацию. Модусное содержание дискурса – обязательная часть его содержательной структуры, дополняющая диктумное содержание уже в процессе его отбора дискурсом.

Интерпретационная позиция дискурса проявляется уже в особом отборе содержания, представляемого в нем, его особом номинировании. Его отбор регулируется субъектной и дискурсивной интенциональностью. Их соотношение в разных дискурсах различно. В одних дискурсах (например, в политическом) субъект практически без ограничений может выбирать, о чем он будет говорить, но вынужден говорить об этом особым образом. В других дискурсах ограничение на отбор диктумного содержания оказывается более жестким. Так, дискурс документа накладывает запрет на содержательные смыслы, не поддающиеся документированию («любовь, «счастье» и под.).

Дискурсивный диктум включает (1) ту часть объективно-фактологического содержания, которая подвергается регулярной обработке в социально дифференцированных дискурсах, устанавливая с ними регулярную связь, – **дискурсивно значимый диктум**, и (2) другую его часть – содержание, привлекаемое к обработке нерегулярно – в процессе коммуникативно-ситуационной дискурсной деятельности, но также интенционально заданное. Диктум приобретает особую дискурсивную значимость в содержательной структуре дискурсов, производимых социальными институтами (институциональных дискурсах). Так, для политического дискурса особую

дискурсивную значимость приобретают объекты, связанные с политически значимыми действиями. Они имеют особую номинацию (*выборы, забастовка, революция, импичмент, депутат, парламент* и под.), закрепляющую связь с соответствующей социальной областью в процессах субъектной дискурсной деятельности, с ее идеологической позицией.

Специфика дискурсивного модусно ориентированного диктума проявляется в определенном «тематическом репертуаре» особого типа дискурса [Дейк, Кинч, 1989, с. 52], особом выдвижении отдельных концептов (тем), а также особой конфигурации концептов (тем), обладающих общекультурной и общей этнокультурной значимостью [Демьянков, 2002, Резанова, 2011, Чейф, 1983 и др.].

Таким образом, отбор диктумного содержания, осуществляемого в дискурсе, уже является результатом его ориентирующей деятельности.

Характер дискурсивной интерпретации действительности, определяемой социальными интересами и интересами типового субъекта, отражает дискурсивный модус.

Опираясь на утверждение З.И. Резановой об аспектах представления дискурсивной картины мира [Резанова, 2011], можно сказать, что дискурсивный диктум соотносится с дескриптивным компонентом дискурсивной картины мира, а дискурсивный модус с ее ценностным компонентом, существующем «в виде общего оценивающего тона дискурса» [там же, с. 49].

На основании взаимодействия дескриптивного, ценностного и деятельностного аспектов формируется дискурсивный стиль как способ вербализации дискурсивного мышления субъекта.

Ценностное ориентирование концептов в дискурсе осуществляется на основании **общего дискурсивного модуса** – типового модусного смысла, заданного на основании дискурсивной интенции. Так, политический дискурс требует от субъекта, участвующего в его практиках, ценностного ориентирования объективно-фактологической информации на основании определенной политической позиции. В результате вербальные формы реализации таких практик реализуют модус позитивной/негативной идеологически

ориентированной эмоциональной оценочности – общий дискурсивный модус политического дискурса (подробнее об этом – глава 3, раздел 3.2.2).

Отдельные концепты (темы) получают особую ценностную ориентацию в рамках общекультурной и этнокультурной картин мира. Ценностное содержание других концептов формируется в социальных дискурсах и определяет их особый статус в дискурсивной картине мира.

Так, особой общекультурной значимостью обладают концепты (темы) *большой и малой родины*, *природы*, концепты, связанные с героическими событиями в истории нации, и под. Общей этнокультурной значимостью для русской нации обладает, например, концепт *Великой Отечественной войны*. Ценностные модусы концептов такого типа заданы на наддискурсивном уровне, что определяет их особый статус.

В институциональных дискурсах это ценностное содержание может эксплуатироваться особым образом в соответствующих интересах, представая в особой модусной конфигурации. Так, общечеловечески значимое позитивнооценочное модусное содержание концептов *большой и малой родины* активно используется в политическом дискурсе, приобретая политико-идеологическую конфигурацию: *Российские коммунисты верны принципам. Мы не отступим, пока Красное знамя великих пролетарских борцов и могучих побед Советского Союза не воссияет вновь* ***над просторами нашей родины****. Мы верим – мир не обречен сгинуть в алчной пасти глобализма* (Г.А. Зюганов[19]) // *И сегодня я обращаюсь* ***ко всем жителям моего района****, ко всем близким и родным, к коллегам и сослуживцам, учителям и одноклассникам, соседям и знакомым, друзьям и друзьям моих друзей! Ко всем, кому близок и дорог свой дом, своя семья, кто каждый день зарабатывает себе на жизнь своим трудом. К людям разных поколений и судеб, разных профессий и взглядов, разного положения и достатка, горожанам и сельчанам, к тысячам неравнодушных и по-настоящему*

[19] Зюганов Г.А. Доклад на втором этапе XIV съезда КПРФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПРФ 18.12.2011. – Электрон. дан. – 2011. – URL: http://kprf.ru/rus_soc/100483.html (дата обращения: 14.05.2015).

влюбленных в нашу общую малую родину *– Багратионовский район!* (из открытого письма избирателям кандидата в депутаты областной Думы пятого созыва Виктора Вобликова (Калининградская область)[20].

Специфику модусной конфигурации концептов, сформированных внутри политического дискурса – на основании общего дискурсивного модуса и в соответствии с политической позицией, рассмотрим на примере концепта *коммунист*. Сформированное в советском политическом дискурсе его позитивнооценочное, пафосно-торжественное модусное содержание сохраняется в политическом дискурсе последователей соответствующих политических идей: *Российские* ***коммунисты уверенно смотрят в будущее****. /.../ В партии крепло стремление коммунистов-ленинцев* ***решить*** *наконец назревшие* ***проблемы****,* ***преодолеть*** *накопившиеся в обществе* ***негативные тенденции*** *и* ***выйти на новые рубежи****. /.../ Коммунисты* ***уважают*** *их* [политических союзников] *право на собственные взгляды и* ***не навязывают*** *своих* (из Программы КПРФ[21]). Взгляд с иной политической позиции может нейтрализовать (*Вот Молдавия, устроили оранжевую революцию, и* ***местные коммунисты потеряли большинство*** (В.В. Жириновский[22]) и даже переориентировать идеологический оценочный вектор, реализуя интенцию политических противников (*Эту* ***молитву*** *Геннадия Зюганова и его товарищей я слышу 25 лет,* ***ни одного слова****, кстати говоря,* ***не поменялось*** *про преступный курс, про социальную ориентированность коммунистов. Они 20 с лишним лет в Думе,* ***пусть*** *они* ***покажут какие-нибудь результаты своей нелегкой борьбы****, я не помню, сколько там сейчас* ***зарплата****,*

---

[20] Вобликов В. Открытое письмо избирателям кандидата в депутаты областной Думы пятого созыва [Электронный ресурс] // Тридевятый регион. Калининград. – Электрон. версия печат. публ. – 11.03.2012. – URL: http://gazeta39.ru/reg/component/content/article/533 (дата обращения: 15.02.2015).

[21] Программа КПРФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПРФ. – Электрон. дан. – URL: http://kprf.ru/party/program (дата обращения: 01.07.2014).

[22] Жириновский В. В. Выступление перед участниками форума «Территория смыслов» // Официальный сайт ЛДПР. – Электрон. дан. – URL: http://ldpr.ru/leader/speech/speech_of_the_president_of_the_liberal_democratic_party_vladimir_zhirinovsky_at_the_forum_the_territory_of_the_senses/ (дата обращения: 01.07.2014).

за 200 тысяч рублей *в месяц* (из выступления члена Политического комитета партии «Яблоко»[23])).

Специфика дискурсивного стиля проявляется через определенные дискурсивные стратегии формирования текста, которые «дают возможность пользователям языка производить выбор между альтернативными способами выражения примерно одного и того же значения; выбор осуществляется с учетом типа текста и контекстуальной информации (тип ситуации, уровень неформальности общения, типы участников и характер общих целей)» [Дейк, Кинч, 1983, с. 21].

Стиль дискурса, рассмотренный как процесс выбора его субъектом средств и способов организации речи, определяется (1) на основании **дискурсивной интенции, условий и ролевой структуры общения** – как результат конкретно-деятельностной обусловленности – и (2) на основании **опыта** участия **субъекта** в практиках других дискурсов – как результат реализации его инодискурсивного речевого опыта.

Указанные ракурсы формирования стиля дискурса качественно взаимодействуют. Стиль дискурса представляет стереомодель, в которой смыслы речевых фрагментов, синтезированные в иных дискурсах, взаимодействуют со смыслами, диктуемыми протекающим «здесь и сейчас» дискурсом.

Данная модель организации речи восходит к идеям французской школы дискурс-анализа, отражающей в категориях «интердискурса» и «интрадискурса» значимость субъектно-ориентированной переработки и трансформации внешних речевых форм в рамках некоторой дискурсивной целостности: «функционирование Идеологии в целом как обращения к индивидам в качестве субъектов (и в особенности в качестве субъектов их дискурса) осуществляется через комплекс идеологических формаций (и особенно через интердискурс, который в него вплетается) и снабжает «каждого субъекта» своей «реальностью»

---

[23] Иваненко С. Чего боится Путин? // Официальный сайт Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» – Электрон. дан. – URL: http://www.yabloko.ru/publikatsii/2015/06/16_1 (дата обращения: 25.03.2014).

в виде системы полученных, принятых и испытанных очевидностей и значений» [Пешё, 1999, с. 267].

Категория собственно-языкового опыта субъекта в особом – коммуникативно-текстовом – ракурсе рассматривается Б.М. Гаспаровым, представляющим в качестве единиц этого опыта коммуникативные фрагменты – «отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний» [Гаспаров, 1996, с. 119]. Б.М. Гаспаров подчеркивает наличие фиксации квантов опыта субъекта в собственно-речевых единицах. Особым свойством коммуникативного фрагмента, по Б.М. Гаспарову, является его «коммуникативная заряженность», которая «с одной стороны, способствует тому, что он ассоциативно притягивается к определенным коммуникативным ситуациям; он как бы сам собой возникает в памяти говорящего в процессе языковой деятельности, когда развертывающийся в его мыслях языковой ландшафт напоминает ему коммуникативную «среду обитания», в которой он привык мыслить данный фрагмент. Но с другой стороны, сам факт включения данного коммуникативного фрагмента в поле зрения говорящего способствует формированию того коммуникативного пространства, в котором он ощущает себя и в соответствии с которым строит свои языковые действия» [там же, с. 132].

Ценностная позиция дискурса реализуется в особом выборе языковых средств для социальных практик определенного типа. Так, если политический дискурс в качестве модусного содержания предполагает экспликацию определенной, иногда кардинально противоположной, оценочной позиции по отношению к политически значимым действиям (*разрушительная война, кровопролитная война* – с одной стороны – и *справедливая война, война за независимость* – с другой), то дискурс документа, наоборот, демонстрирует ценность объективно-констатирующего представления соответствующей информации (например, при номинировании официального статуса *ветеран войны, участник войны*).

Таким образом, модусно-диктумная структура реализуется в процессе его интерпретирующей деятельности и является основанием для выбора речевых форм.

Опыт участия в других дискурсах, с одной стороны, уникален для каждого субъекта (что определяется конкретно-коммуникативными условиями его получения), а с другой – социален (что определяется этнокультурными факторами существования языкового коллектива) (ср. положение Б.М. Гаспарова об аспектах языковой памяти [Гаспаров, 1996, с. 100-101]). В процессе конкретно-дискурсивного переживания речевой формы социальные компоненты опыта индивидуализируются, в результате чего формируется особый **стиль ситуационного дискурса** (в соответствии с трактовкой ситуационного дискурса Т. ван Дейком). Его системно-структурирующим основанием является особый дискурсивный код, обеспечивающий коммуникативное взаимодействие. Указанный код на основании дискурсивной и субъектной интенциональности перерабатывает и включает кодовые элементы социальных дискурсов («дискурсных формаций», по М. Фуко).

Обращение к социальным основам дискурсивного кода, определяющего стиль конкретно-дискурсивной деятельности, возвращает к идее соотнесения теории дискурсивного стиля с функционально-стилистической теорией, различающей и устанавливающей взаимоотношения между «функциональным стилем языка» (как системой стилистических ресурсов [Данилевская, 2003, с. 421]) и «стилем речи» [Кожина и др., 2008, с. 91]. З.И. Резанова, интерпретируя соотношения терминов «дискурс» и «функциональный стиль» в указанных терминологических сочетаниях, определяет данное соотношение следующим образом: «Стиль языка – это тип кода, используемый в дискурсах. Стиль речи – тип текстовой структуры, являющийся результатом определенного типа дискурсивной деятельности» [Резанова, 2011, с. 38].

Таким образом, в рамках дискурс-анализа следует учитывать наличие особых **стилей социальных дискурсов**, вырабатывающих принципы организации речевой формы, отвечающие их социальной интенциональности и

формирующие особую систему дискурсивных стилистических ресурсов, а также **стилей ситуационных дискурсов**, определяющих принципы организации речевой формы в соответствии с ситуативной интенциональностью.

Образование речевой формы ситуационного дискурса осуществляется на основании переработки социальных дискурсивных кодов, сложившихся в соответствии с условиями функционирования этносоциокультурных систем данного общества, выработавших соответствующие дискурсивные правила. Усвоенные в процессах дискурсивного опыта, эти правила преломляются субъектом в процессе конкретно-дискурсивной деятельности, образуя правила ситуационного дискурса, его особый речевой код, формирующий непосредственно речевую форму ситуационного дискурса. Рассмотрим пример: *[Из воспоминаний Т.Г. Винокур о детстве]: И триц седьмой год/ девочки/ он (с улыбкой в голосе выделяет слово книжного стиля) очень* ***амбивалентен****/ как… вы… можете догадываться// Значит вот люди которые… и щас мало кто верит/ […] Мне было тринац лет/ и у меня было* ***счастливое детство****// Может быть даже я пела «****спасибо великому Сталину****»/ возможно* (РМ). Вербальная организация данного текста основана на реализации говорящим сложного комплекса информативно-оценочных интенций, представленных в шутливо-иронической форме, что допускается условиями раскованного дружеского общения (=условиями ситуационного дискурса). Диктумное содержание текста является результатом отбора фактов социальной и – что здесь важнее – личностной значимости: социально значимая информация личностно обрабатывается. Оценочно-иронические модусные смыслы, формируемые при реализации субъектной интенции, формируются за счет использования говорящим кодовых элементов иных социальных дискурсов, трансформации модусов источника. Речевая форма *амбивалентен*, используемая с особой интонацией (отмечено собирателем), эвфемистически оформляет характеристику говорящим политической социальной действительности. Выделенная особым образом, эта единица устанавливает интерпретационную связь с содержанием институциональным, реализуя в рассматриваемом тексте оценочно-иронический

модус. Содержание единицы *счастливое детство*, а также цитаты из песни *спасибо великому Сталину* являются модусно ориентированными (позитивнооценочный модус) в политически ангажированных художественных дискурсах советского времени. Их использование в рассматриваемом тексте реализует интенции самоиронии в процессах осознания автором себя как типичного советского ребенка, а также маркирует его отношение к содержанию источника.

Социальные дискурсы (дискурсные формации) в своей кодовой системе содержат речевые фрагменты, получающие стабильное смысловое содержание, образуемое типом социальной интенции: «сами стилистические смыслы представляют собой точки зрения, закрепленные в языке как релевантные для языкового социума» [Ревзина, 2004, с. 14]. Эти единицы составляют систему **стилистических ресурсов**[24] **социальных дискурсов** и при трансляции в инодискурсивные сферы, с одной стороны, сохраняют статус **стилистических знаков** дискурса-источника, а с другой – используются в соответствии с требованиями конкретно-ситуативной субъектной интенции, обеспечивающей определенные смысловые трансформации.

Формирование стиля ситуационного дискурса осуществляется субъектом дискурса на основании «**образа правильной речи**» [Макаров, 2003, с. 175] – когнитивной категории, отражающей его представления о том, как следует говорить в данной ситуации, с данным собеседником на данную тему. С позиций дискурс-анализа наличие такого представления рассматривается как результат адаптации его дискурсивного опыта к условиям ситуационного дискурса[25]. Его реализация проявляется в **выборе** речевых средств, хранящихся в эпизодической памяти говорящего, их особой **организации**.

---

[24] Данный термин коррелирует с терминами «маркеры стиля» / «стилистические маркеры» [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, Кожина, 2003 и др.], «стилистические средства» [Салимовский, 2003 и др.], разработанными структурной и функциональной стилистикой.

[25] Что соотносится с показателем эффективности общения, рассматриваемом в [Гольдин, Сиротинина, 1997, Сиротинина, 2001, Ширяев, 1991, Граудина, Ширяев, 1999 и др.].

В процессе дискурсной деятельности говорящий «должен стремиться к установлению некоторой формы стилистической связности, отбирая или интерпретируя слова определенного регистра и показатели определенной личной или социальной ситуации» [Дейк, Кинч, 1988, с. 21]. Эти показатели отражают результат речевой кодификации на уровне **этносоциальных систем** (стилистические ресурсы дискурсных формаций) и на уровне **конкретно-коммуникативном** (стиль ситуационного дискурса).

Таким образом, **стиль дискурса** – это *вербально ориентированный процесс обработки дискурсивной информации, заданный субъектной интенцией и дискурсивными правилами*.

Одним из проявлений стилистического своеобразия дискурса является специфика полифонической организации текста, значимой единицей которого является полифоническое включение.

1.3.3 Полифоническое включение. Типы полифонических включений

1.3.3.1 Обоснование термина «полифоническое включение»

Единицей рассматриваемого полифонически организованного текста является **полифоническое включение** – *отдельный речевой фрагмент текста, обладающий некоторой «дотекстовой» информацией, закрепленной за ним в процессах бытования в других текстах/дискурсах на основании их дискурсивных правил и специфики дискурсивной картины мира, и способный испытывать в процессе заимствования определенные смысловые трансформации в соответствии с дискурсивными правилами и спецификой дискурсивной картины мира, реализуемыми в конкретно-ситуативных условиях.*

Современные исследования «чужого слова» как особого фрагмента текста, обладающего возможностью множественной интерпретации на основании связи с источником, предлагают различные терминологические обозначения единицы – носителя этой связи, каждое из которых отражает специфику исследовательской

концепции и на этом основании обладает особыми референцией и свойствами: *прецедентное высказывание/текст* [Караулов, 1986 и др., Костомаров, Бурвикова, 1994 и др., Красных, 1998 и др.], *цитата* [Арутюнова, 1986, Баширова, 2008, Варченко, 2007, Горшков, 2008, Земская, 1990, Кузьмина, 1999, Кожевникова, 1999, Падучева, 1996, Салова, 1989 и др.], *коммуникативный фрагмент* [Гаспаров, 1996], *интертекст* [Арнольд, 1999, Денисова, 2003 и др.] и некоторые другие.

Специфика полифонического включения как единицы текста, в первую очередь, определяется обусловленностью ее формирования правилами социальных дискурсов, выраженных в особенностях дискурсивного стиля, инодискурсивным/инотекстовым характером ее содержания в полифоническом тексте, обеспеченным сохранностью ее заданной в источнике речевой формы.

На основании этого референция термина «полифоническое включение» отличается от вышеназванных терминов следующими параметрами:

(1) тип источника – (а) конкретно-текстовый или кодовый (архетипический), (б) кодовый источник, в свою очередь, может использоваться в результирующем тексте как общий для всех текстов данной культуры код или как иноречевой код;

(2) положение рассматриваемой единицы в результирующем тексте, характеризующее (а) ее обязательное использование в позиции выдвижения или возможность ее использования как в позиции выдвижения, так и вне ее, а также (б) степень определенности границ представляющей ее речевой формы.

Сравним содержание термина «полифоническое включение» с содержанием наиболее востребованных терминов, коррелирующим с ним по обозначенным параметрам. Обозначим специфику концепций, в рамках которых они функционируют, по отношению к представляемой нами.

1. **Коммуникативный фрагмент**

Как и полифоническое включение, коммуникативный фрагмент отсылает к источникам **кодового** (архетипического) характера (единицам такого типа «не свойственна та определенность источника и формы, которая составляет сущность

цитаты в собственном смысле» [Гаспаров, 1996, с. 131]), освоенных говорящим в процессах речевого существования. Но если коммуникативный фрагмент формируется в неограниченном, безграничном поле **собственного** и **общего** речевого/культурного опыта, привлекаемом при производстве и восприятии текста, то полифоническое включение отсылает к речевой среде **иных** (формирующих «чужой» код) по отношению к сфере его реализации текстов/дискурсов. Инотекстовый/инодискурсивный статус является для полифонического включения принципиальным.

Как и полифоническое включение, коммуникативный фрагмент является единицей динамически заданной, реализуемой в результирующем тексте как в позиции выдвижения, так и вне ее. Но в рамках концепции Б.М. Гаспарова ключевую роль в формировании рассматриваемой единицы играет **отдельная языковая личность**, вычленяющая коммуникативный фрагмент, поэтому его внешняя форма и «дотекстовое» содержание обладают высокой подвижностью и вариативностью. Полифоническое включение реализуется как результат восприятия речевых форм, созданных в **социально заданных** текстах/дискурсах, и транслирует с разной степенью сохранности и трансформации смыслы, рожденные в них. В связи с этим в формально-содержательном отношении полифоническое включение обладает большей определенностью, хотя также не лишено динамики.

Таким образом, полифоническое включение, обладая всеми свойствами коммуникативного фрагмента, тем не менее, оказывается содержательно уже и конкретнее.

2. **Интертекст**

Данный термин большинство исследователей использует в соответствии с его содержанием, разработанным в концепции И.В. Арнольд. Особое использование данного термина реализовано в работе Г.В. Денисовой [Денисова, 2003].

В концепции И.В. Арнольд интертекст объединяет формы обращения к источникам конкретно-текстового и кодового характера, причем в качестве кода

выступает **иной** по отношению к **субъекту** текстопорождения (автору художественного текста) код. Иноречевой характер кода объединяет содержание данного термина с содержанием термина «полифоническое включение», но граница кодов для полифонического включения определяется не на основании дифференциации говорящих субъектов, а на основании дифференциации **социально заданных коммуникативных сфер**.

Кроме того, И.В. Арнольд рассматривает интертекст как форму выдвижения, что делает содержание данного термина *у*же по отношению к содержанию термина «полифоническое включение».

Г.В. Денисова, как и И.В. Арнольд, рассматривает интертекст как результат обращения к источникам кодового характера, но характер кода принципиально иной. Он формируется на основании общеизвестных текстов данной культуры, а также включает утратившие авторство «готовые» анонимные фразы, функционирующие в речи «аналогично клишированному выражению» [Денисова, 2003, с. 73]. Это код, **общий для всех субъектов** – представителей данной культуры, что отличает интертекст как единицу, исследуемую в концепции Г.В. Денисовой, от полифонического включения, принципиально отсылающего к **иному** текстовому/дискурсивному коду.

Интертекст в интерпретации Г.В. Денисовой обладает с полифоническим включением общей референтной зоной, в которую входят цитаты из текстов и клишированные фразы. Их иноречевой статус при употреблении в результирующем тексте определяется его социальной дифференциацией от источника (источник – иной социальный дискурс или текст, созданный в иной социально заданной ситуации того же социального дискурса). При этом как у полифонического включения, так и у интертекста, трактуемого рассматриваемым образом, существуют особые референтные зоны. Интертекст включает кодовые элементы, иноречевой статус которых для результирующего текста не актуален. Статус полифонического включения получают единицы не только текстового характера («утратившие авторство»), но и по своей природе онтологически не связанные с текстом-источником. Эти единицы являются продуктом социального

дискурса и стабилизированы в нем безотносительно конкретного текста (например, единицы лексического характера). Таким образом, референтные зоны терминов «полифоническое включение» и «интертекст» (Г.В. Денисова) находятся в отношениях пересечения.

3. **Прецедентный текст/высказывание**

Лингвистическая теория прецедентности (Ю.Н. Караулов и др.) рассматривает единицу результирующего текста, источником формирования которой является некоторая совокупность культурно значимых текстов, составляющих **общий код** представителей определенной лингвокультуры. По Ю.Н. Караулову, ее использование языковой личностью регулируется «набором готовностей», который «управляется и определяется не субъективными характеристиками и психологическими факторами, а, в первую очередь, социальными условиями и соответствующими ролями языковой личности» [Караулов, 1987, с. 65]. Полифоническое включение, обращение к которому говорящим также социально обусловлено, в результирующем тексте не просто используется в соответствии с социокультурно заложенным содержанием, но и содержательно **адаптируется** в соответствии с условиями ситуационного дискурса как единица, обладающая **иноречевым** статусом. В референтную зону термина «полифоническое включение» включаются только такие прецедентные высказывания и фрагменты прецедентных текстов, которые в структуре общего культурного кода обнаруживают принадлежность к определенным социальным сферам, что позволяет им приобретать в результирующем тексте иноречевой статус, предполагающий адаптацию содержания.

Кроме того, источниками полифонического включения становятся не только культурно значимые тексты (что предполагает позицию выдвижения при обращении к ним), но и социальные дискурсы, формирующие свою речевую оболочку при участии стабилизированных, органичных для них речевых форм (не только текстового характера), не предполагающих обязательного выдвижения.

Таким образом, рассматриваемые единицы находятся по отношению к референтной зоне термина «полифоническое включение» в отношениях пересечения.

4. **Цитата**

Термином «цитата» определяется фрагмент **конкретного текста**-источника, использование которого в результирующем тексте предполагает его обязательное **выдвижение**, устанавливающее его связь с источником и обнаруживающее его **иноречевой** статус. Цитата как фрагмент конкретного текста-источника является продуктом **социального кода**, формирующего этот текст, и в результирующем тексте, являющемся продуктом иного ситуационного (либо ситуационного и социального) дискурса, использование данной единицы требует адаптации. На этом основании цитата является одним из **видов** полифонических включений (раздел 1.3.3.2).

Таким образом, термин «полифоническое включение» обладает по отношению к другим терминам, отражающим различные концепции полифоничности текста, определенной спецификой. Его внутренняя форма метафорически отражает динамику формирования смысла в дискурсе и его вербализации.

Различные типы полифонических включений обнаруживают различные механизмы стабилизации, определяющие способ их вхождения в текст и форму взаимодействия с источником.

Рассмотрим типы полифонических включений по их положению в полифонически организованном тексте и по характеру отношения к источнику.

1.3.3.2 Типы полифонических включений

Специфика полифонических включений как компонентов полифонической организации результирующего текста определяется (1) характером их отношения к источнику; (2) способом стабилизации речевой формы, вошедшей в результирующий текст в качестве полифонического включения.

Модели отношений полифонического включения к источнику, образующие их типы, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Виды отношений результирующего текста к источнику полифонического включения и типы полифонических включений

<table>
<tr><td>Источник полифонического включения</td><td>Сфера реализации полифонического включения</td><td>1. Тип полифонических включений по характеру отношений результирующего текста и источника</td><td>2. Тип полифонических включений по характеру стабилизации исходной речевой формы</td></tr>
<tr><td>Текст$_1$ = прототекст (дискурс$_1$)</td><td>Текст$_2$ (дискурс$_1$)</td><td>1.1 внутридискурсив-ные</td><td rowspan="2">2.1 цитатные</td></tr>
<tr><td>Текст$_1$ = прототекст (дискурс$_1$)</td><td>Текст$_2$ (дискурс$_2$)</td><td rowspan="2">1.2 инодискурсивные</td></tr>
<tr><td>Дискурс$_1$</td><td>Текст$_2$ (дискурс$_2$)</td><td>2.2 стилистико-ресурсные</td></tr>
</table>

1. **Характер отношения** полифонического включения к источнику его формирования дифференцирует внутридискурсивные и инодискурсивные полифонические включения.

1.1. **Внутридискурсивные полифонические включения** образуются за счет заимствования из другого текста, функционирующего в дискурсе того же типа. Их включение в результирующий текст регулируется внутренними дискурсивными правилами и не сопровождается трансформацией общего дискурсивного модуса.

Так, в текстах представителей современных политических партий, позиционирующих себя как преемники КПСС, последовательно сохраняются речевые формы, стабилизированные в советском политическом дискурсе. Их использование подчеркивает стабильность политико-идеологической оценочной модусной направленности политического дискурса в целом и конкретной направленности оценочного вектора дискурса политических соратников. Например, речевая форма *трудовой народ* многократно фиксируется в текстах представителей КПРФ (*Банкротство правящей группировки обеспечивает всё более весомую поддержку инициативам КПРФ, направленным на защиту*

интересов ***трудового народа****. /…/ Все коммунисты обязаны добиваться понимания широкими народными массами, что только власть* ***трудового народа*** *принесёт избавление от гнёта капитала, восстановит социальные гарантии, обеспечит достойную жизнь всех трудящихся, ветеранов и молодежи* – Из резолюции XV Съезда КПРФ[26] // *Необходимо объединить усилия трудовых коллективов, рабочего и профсоюзного движений, обратить свои взоры к областному «Союзу рабочих», который защищает и отстаивает права* ***трудового народа*** (В.Г.Смирнова, Первый секретарь Вичугского горкома КПРФ[27]) и др.), РКРП (*Массовое участие в стачечных митингах ПАМЕ дало оглушительный ответ коалиционному правительству и всем тем, кто лжет, шантажирует и пытается сломить рабочий класс, заковать* ***трудовой народ*** *в цепи // Страдающий* ***трудовой народ*** *должен принять одно решение: напрячь свои силы и двинуться вперёд к окончательному размежеванию и свержению противостоящей ему системы. Иначе он окажется припёртым к стенке*[28]), «Трудовой России» (*Первоочередными мерами второго этапа освобождения станет экспроприация грабителей народа, возвращение земли и ее ресурсов, заводов и фабрик их подлинному хозяину –* ***трудовому народу****, советизация экономики, национализация банков, введение государственной монополии внешней торговли…* – из программы партии «Трудовая Россия»[29]. Для сравнения: в тексте к 60-летию Сталина (произнесенному Н.С. Хрущевым), являющемуся текстом советского политического дискурса, речевая форма *трудовой народ* употребляется 7 раз, например *Великий Сталин – сын* ***трудового народа****. Всю*

---

[26] Поднять трудовой народ на защиту его неотъемлемых прав. Резолюция XV Съезда КПРФ от 24.02.2013 г [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПРФ. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2013. – URL: http://kprf.ru/official/2013/02/25/xv-otchiotnovybornyi-sezd-kprf/113.html (дата обращения: 14.05.2015).

[27] Смирнов В. Г. Захимиченная паутина. О проекте строительства комбината химволокна в Ивановской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПРФ. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL: http://kprf.ru/party-live/opinion/138575.html (дата обращения: 10.06.2015).

[28] Трудовая Греция борется: массовые митинги в 70 городах: Информационный бюллетень ЦК Компартии Греции [Электронный ресурс] // Официальный сайт РКПРП. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL: http://tr.rkrp-rpk.ru/get.php?4516 (дата обращения: 10.08.2015).

[29] Программа партии «Трудовая Россия» [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Трудовая Россия». – Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL: http://trudoros.narod.ru/party/tr_prog.htm (дата обращения: 10.08.2015).

свою жизнь он посвящает революционной борьбе за дело коммунистического общества и др. [30] Все случаи употребления рассматриваемой речевой формы обнаруживают сохранность стабилизированного в советском политическом дискурсе идеологически ориентированного позитивнооценочного модуса.

1.2. **Инодискурсивные полифонические включения** образуются за счет заимствования из дискурса иного типа. Их включение в результирующий текст основано на изменении дискурсивных правил их использования, в результате чего выраженное в них в источнике модусное содержание может подвергаться новой дискурсивной интерпретации. Так, в документах избирательной комиссии, перечисляющих участвующие в выборах политические партии, нейтрализуется эмоционально-оценочный модус, заданный политическим дискурсом в их наименованиях (***Единая Россия****, избирательный блок «****Родина****»* и под.).

2. **Способ стабилизации** речевой формы источника, вошедшей в результирующий текст в качестве полифонического включения, дифференцирует включения (2.1) **цитатные** и (2.2) созданные на базе инодискурсивных стилистических ресурсов – **стилистико-ресурсные**.

2.1. **Цитатные** полифонические включения представляют собой цитаты и квазицитаты из конкретных текстов, сохраняющих в процессах стабилизации не только общий дискурсивный модус социального дискурса-источника, но и его конкретизированное содержание, заданное в породившем текст-источник ситуационном дискурсе. Ведущим определяющим их признаком является когнитивная **установка говорящего** на точное воспроизведение фрагмента **чужого текста**, что делает как онтологическую точность цитаты, так и достоверность текста-источника нерелевантными. При этом сохранность содержания текста-источника является принципиальной для автора результирующего текста. Адаптация полифонического включения такого типа в результирующем дискурсе не требует его содержательной трансформации.

---

[30] Хрущев Н.С. Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения / Н. С. Хрущев. – Электрон. версия печат. публ. – М., 1940. – С. 93-101. – URL: http://stalinism.narod.ru/vieux/hrusch.htm (дата обращения 01.03.2013).

Цитатные полифонические включения входят в результирующий текст как элемент его «контекстно-вариативной» [Гальперин, 1981, с. 52] структуры, как текстовый знак, который за счет своей атрибутированности нарушает линейную структуру текста и, тем самым, активизирует ее [Лотман, 1996д], оформляя многообразие точек зрения в рамках присвоения и ретрансляции чужого речевого опыта. Рассмотрим пример использования цитатного полифонического включения: *А между тем народ отдыхал, загорал и купался в спокойном море… Правильно сказал недавно посетивший наш город с юбилейным концертом Илья Резник: «**Сочи – это такой релакс, когда все уходит на второй план**» [Татьяна Александрова. В гостиницах Сочи нет свободных мест // Комсомольская правда, 2008.08.13]* (НКРЯ). Автор статьи использует цитату для подтверждения собственной идеи особого статуса описываемого города. Адаптация содержания текста-источника к результирующему дискурсу оформляется как оценка этого содержания (*Правильно сказал…*). Указание на авторство текста-источника подтверждает авторитетность этого содержания, активизирующего, в свою очередь, значимость позиции автора результирующего текста.

Стабилизация цитатных полифонических включений как речевых форм, сохраняющих связь с источником, осуществляется за пределами текста-источника и может быть (2.1.1) **системной** и (2.1.2) **ситуативной**.

2.1.1. **Системная** стабилизация основывается на сохранении связи с источником вне зависимости от результирующего контекста. Системно стабилизированные цитатные полифонические включения реализуются во множестве результирующих контекстов, сохраняя/трансформируя заданный текстом-источником инвариантный смысл. Этот инвариантный смысл может формироваться в результате взаимодействия модусов дискурса-источника, в котором был создан данный текст, и собственно-текстового модуса, востребуемых результирующим полифоническим текстом с разными приоритетами их выдвижения. Полифонические включения такого типа подвергаются стабилизации до их вхождения в результирующий (полифонический) текст.

Системная стабилизация, в свою очередь, может быть (2.1.1.1) **первичной** и (2.1.1.2) **вторичной**. Данное разграничение основано на специфике текста-источника, имеющего либо не имеющего статус **сильного** текста.

«Сильными» Г.В. Денисова, опираясь на понятие прецедентного текста Ю.Н. Караулова, называет «постоянно востребуемые тексты, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [Денисова, 2003, с. 128]. Среди значимых признаков сильного текста – его узнаваемость [Слышкин, 2000] (данное понятие и соответствующий ему термин используется также в [Гусева, 2004, Денисова, 2003, Кузьмина, 1999, 2011, Слышкин, 2000, Фатеева, 2006, Ямпольский, 1993 и др.]).

Таким образом, сильный текст «открепляется» от коммуникативной ситуации его порождения и хранится в коллективной культурной памяти как потенциально известный всем представителям данного культурного сообщества. При обращении к нему как цитатному источнику, в первую очередь, значимым оказывается его стабильное, культурно нагруженное, ценностно значимое содержание, закрепленное в определенном тексте как цельной и связной речевой форме[31].

Первичный/вторичный характер стабилизации различает непосредственно стабилизированные цитаты (текст-источник которых не стабилизировался как сильный) и цитаты, стабилизированные постольку, поскольку они являются фрагментами сильного – стабилизированного – текста.

2.1.1.1 **Первичная** системная стабилизация – это стабилизация отдельной цитатной речевой формы, сохраняющей связь с текстом-источником, не являющимся сильным текстом. Сам текст не хранится в культурной памяти социума, стабилизируется только отдельный его фрагмент, обнаруживающий множественную реализацию в результирующих текстах.

---

[31] Близким к рассматриваемому Г.В. Денисовой понятию «сильного текста» является понятие «прецедентного текста» в его трактовке некоторыми исследователями (например, [Красных, 1998, Прохоров, 2004, Слышкин, 2000, Слышкин, Ефремова, 2004] и др.), также опирающимися на исходную теорию Ю.Н. Караулова.

Так, первичной системной стабилизации подверглась цитата *Мы пойдем другим путем!*, авторство которой приписывается В.И. Ульянову-Ленину[32]. Текст-источник не является сильным, но данная речевая форма регулярно цитируется: *Другой, ну прямо как Ленин в молодости, насмотревшись по телевидению всякой рекламы, авторитетно заявил:* ***Мы пойдем другим путем****! И пошел. [Борис Левин. Инородное тело (1965-1994)]* (НКРЯ) // *За нас – природа. С нами – дети. Потому что не с ними же они!* ***Мы пойдем другим путем****. Ибо путь спасения страны прост. Это путь от бабы – к женщине. Пройдем его – победим! [Михаил Мишин. Бабы! (1991)]* (НКРЯ). При цитировании сохраняется (и во многих современных контекстах – иронически переосмысляется) оценочный модус дискурса-источника, ориентирующий содержание цитаты к социально-политическому контексту. Второй пример показывает реализацию иронического эффекта на основании сохранности эмоционально-оценочного пафоса, что обеспечивает органичное включение данной речевой формы в стилистическую систему результирующего текста.

2.1.1.2 **Вторичная** системная стабилизация – это стабилизация отдельной цитатной речевой формы, сохраняющей связь с сильным текстом-источником.

Продуцирование сильных текстов находится в ведении дискурсивных правил определенных институциональных дискурсов и регулируется дискурсивной интенцией. С другой стороны – статус текста как сильного определяется активностью обращения к нему в цитатных полифонических включениях.

Так, установка на производство сильных текстов входит в структуру институциональных целей литературно-художественного дискурса, принципиально ориентированного на читательскую востребованность. Высокую активность в производстве сильных текстов демонстрирует политический дискурс в силу своей манипулятивной интенциональности, ориентированности на

[32] Произнесена после казни (1887) его старшего брата, революционера-народовольца Александра Ульянова, который вместе со своими товарищами был осужден за подготовку покушения на российского императора Александра III [Серов, 2005].

привлечение политических сторонников. При производстве сильных текстов политический дискурс активно взаимодействует с другими дискурсами – в основном, с литературно-художественным (художественно-поэтическим) и медийным. Так, в качестве сильных функционируют тексты патриотических песен, фильмов и под. Яркий пример взаимодействия с медийным дискурсом – широко известный текст объявления о начале Великой Отечественной войны, озвученный В. Молотовым/Ю. Левитаном, где идейно-патриотическая составляющая не уступает в силе проявленности информативной.

Сильные тексты (в трактовке Ю.Н. Караулова [Караулов, 1999], В.В. Красных [Красных, 2002 и др.] и др. – прецедентные) бывают представлены в когнитивной памяти говорящих целиком либо в свернутом виде [Красных, 2002, с. 68] и реализуют свою прецедентность на основании наличия инварианта восприятия [там же, с. 69] (обладающего, согласно нашей концепции, дискурсивной обусловленностью). При этом «знакомство с самим прецедентным текстом (именно как с текстом) – желательно, но не обязательно» [там же].

В связи с тем, что сильный текст как целостный знак уже получил системную стабилизацию, стабилизация его фрагмента-цитаты является вторичной. Системность стабилизации подтверждается множественностью употребления цитатного полифонического включения.

Так, активно цитируется (во многих случая используется неточная цитата) фрагмент из романа А.С. Пушкина *Чем меньше женщину мы любим, Тем легче нравимся мы ей* (первичная стабилизация – сам текст романа).

Рассмотрим пример ее употребления: *Но как* раз *в подобного рода ситуациях / в ситуациях троих возникает то / о чем говорил Пушкин / «**Чем меньше женщину мы любим / тем легче нравимся мы ей»** [Беседа с психологом на радио (2002)]* (НКРЯ). В данном случае цитируемый фрагмент заимствуется из текста-источника безотносительно его функции в художественной структуре романа, которая не эксплицируется автором в процессе текстопорождения. Особое содержание полифоническое включение приобретает в результирующем тексте на основании обращения к широкому культурному контексту и

формируется за счет (1) общекультурной значимости содержания данного высказывания, (2) прямой апелляции к привлекаемому «авторитету» (*о чем говорил Пушкин*), к творчеству А.С. Пушкина в целом – как автора, являющегося «знатоком жизни», авторитетным в затрагиваемой области, и (3) уверенности автора результирующего текста в том, что собеседник имеет совпадающее с его собственным представление о предмете высказывания. Вторичная системная цитата выраженно сохраняет связь с текстом-источником, обобщенно, но активно эксплуатируя как модус авторитетности литературно-художественного дискурса в целом, так и модус авторитетности конкретного автора, заложенный конкретным текстом и зафиксированный в эстетически значимой речевой форме.

В других случаях общий дискурсивный модус при цитировании может оказаться приоритетным: собственно-текстовый модус при этом ослабевает. В качестве примера рассмотрим еще один факт использования данного полифонического включения, представленного на одном из Интернет-форумов[33] при обсуждении отношений между мужчиной и женщиной: *Молена 03-07-2003, 01:54* ***Чем меньше женщину мы любим, тем больше любит нас она)))))*** *Сомневаюсь, что недостаток любви и внимания может привести к большой женской любви. Вначале заводит, потом становится грустно, потом пусто....* В данном случае апелляция к авторитету автора текста-источника значительно ослабевает (так, в процессе обсуждения данная фраза упоминается в различных вариантах трансформации 9 раз, но ни разу не упоминается ее исконное авторство), его содержательная трансформация по линии «текст из романа А.С. Пушкина «Евгений Онеги» –> текст А.С. Пушкина как «знатока жизни» –> некоторый авторитетный текст» осуществлена за пределами рассматриваемого дискурса. Участник форума обращается к некоторому общему знанию, при этом текстовая природа источника сохраняется за счет стабильности ритмико-интонационной структуры высказывания («коммуникативного контура высказывания», по Б.М. Гаспарову [Гаспаров, 1996]), выделяющейся на фоне

[33] Конференция [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. г.] – URL: http://a.farit.ru/i/t-8676.html (дата обращения: 20.02.2013).

текста сообщения в целом и способствующей реализации его знаковой природы, несмотря на формально-смысловую трансформацию источника, подчиненную установкам результирующего текста.

Таким образом, в рассмотренных примерах представлены различные способы апелляции полифонического включения к тексту-источнику – как прямо обращенные к конкретному авторскому тексту, так и обращенные в целом к дискурсу-источнику, проявленному через сильный текст.

Цитатные полифонические включения такого типа реализуются в инотекстовом пространстве в виде **прецедентных высказываний** – как особых форм цитатных полифонических включений, обращенных к тексту-источнику как носителю целостного смысла, отраженного в свернутом виде, и обладающих признаками узнаваемости и воспроизводимости. Значимость авторства и условий порождения текста-источника снижается до минимума: *[№ 0] А вы что хотели сказать? [№ 2, муж, 59] Ну это / пожалуй / единственная партия. [№ 1, муж, 46] Ну они как знали два действия арифметических / значит / вычитание и деление / и вот действительно они только эти два действия и знают.* ***Весь мир насилья мы разрушим до основанья / а затем****. Вот разрушить-то они разрушили / а вот строить они не умеют и не хотят учиться* (НКРЯ).

Отметим, что термин «прецедентное высказывание» используют и другие исследователи. Так, в рамках концепции В.В. Красных его содержание фокусируется на **текстопорождающем потенциале** соответствующей единицы [Красных, 2002 и др.]. В настоящем исследовании мы используем данный термин для обозначения цитатной речевой формы (цитатного полифонического включения), являющейся **результатом** системной трансляции смысла из текстового источника, представленного в сознании говорящего в виде инварианта его восприятия, а высокий текстопорождающий потенциал прецедентного высказывания подтверждает системность его стабилизации в источнике.

Системная стабилизация цитаты предполагает возможность ее использования в качестве цитатного полифонического включения как в сопровождении специальных метатекстовых показателей, эксплицирующих связь

с текстом-источником, так и без них (что показывают вышеприведенные примеры).

2.1.2 **Ситуативная** стабилизация осуществляется непосредственно в результирующем тексте при единичном, ситуативно обусловленном обращении к **случайному** (выбранному автором результирующего текста) тексту-источнику, в рамках реализации субъектной интенции автора в результирующем тексте, поэтому такая стабилизация всегда является **первичной** (п. 2.1.1.1 данного раздела). Наиболее значимым основанием для цитирования является содержание цитаты, приобретающее для автора полифонического текста ситуативную значимость. Знаковые качества текста-источника в целом релевантностью в этом случае не обладают, но не последнюю роль играет специфика выражения значимого для цитирующего содержания – емкость, образность, лаконичность и др. эстетически значимые признаки его представления: *Несколько лет назад про настоящую зону хорошо сказал начальник архангельского СИЗО: «**У нас тут не сахар, но мы сюда никого не звали**» [Комсомольская правда, 2006.01.26]* (НКРЯ). Наряду с содержанием, основанием для цитирования могут выступить другие значимые дискурсивные признаки источника (чаще всего – особый дискурсивный статус автора текста-источника), усиливающие значимость содержания цитаты: *Валентин Распутин однажды хорошо сказал: «**Мне стыдно называть себя писателем**». Я тоже пережил это чувство. [Труд-7, 2006.08.08]* (НКРЯ) // *[Лукин, муж] Абсолютно правильно сказал Ясин / **будьте бдительны**. И мы будем бдительны /спасибо / что вы думаете одинаково с нами по многим вопросам / что и не удивительно / мы родились в одном городе. [Беседа В. Лукина со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004]* (НКРЯ).

Ситуативная стабилизация цитаты предполагает возможность ее использования в качестве цитатного полифонического включения только в сопровождении специальных метатекстовых показателей, эксплицирующих связь с текстом-источником (что показывают вышеприведенные примеры).

Независимо от типа стабилизации, наличия/отсутствия специальных метатекстовых показателей – использование цитатного полифонического включения говорящим всегда имеет **осознанный характер**.

2.2. **Стилистико-ресурсные полифонические включения** представляют собой речевые формы, образованные на основе инодискурсивных стилистических ресурсов. Их стабилизация в качестве речевой единицы как носителя целостного «дотекстового» (по отношению к результирующему тексту) содержания осуществляется **в рамках дискурса-источника** в соответствии с качествами его дискурсивного стиля, независимо от того, обладают ли они онтологической связью с конкретно-текстовым источником, может ли он быть определен с исследовательских позиций и осознает ли его прототекстовую принадлежность субъект дискурса результирующего. Такая стабилизация **системна** (п. 2.1.1 данного раздела). Это подтверждается множественностью реализации речевых форм такого типа, в первую очередь, **в текстах дискурса-источника**, а во вторую – в инодискурсивных текстах. Как и цитаты, стилистико-ресурсные полифонические включения транслируют **дискурсивно обусловленное смысловое содержание** – как результат интерпретирующей деятельности дискурса-источника, зафиксированный его ресурсно-стилистической системе, но, в отличие от цитат, входят в результирующий текст как знак стилистический.

Стабилизации подвергаются речевые формы, получившие в дискурсе-источнике статус его **стилистических ресурсов**.

Наличие у единицы статуса дискурсивного стилистического ресурса определяется:

1) внутридискурсивной стабилизацией на системном уровне – то есть установлением регулярного, системного взаимодействия между стандартной, эксплицируемой в речевом потоке формой и дискурсивно обусловленным содержанием, которое, в свою очередь, является значимым компонентом информационного содержания дискурса (дискурсивной картины мира), занимая в нем особую позицию по отношению к прочим элементам;

2) потенциалом трансляции этой стабилизированной единицы в единстве формы и содержания в другой дискурс, что верифицируется множественностью контекстов ее инодискурсивной реализации;

3) формированием смыслового содержания высказывания, созданного в иной дискурсивной сфере при участии данной единицы, на основании отсылки к ее содержанию в дискурсе-источнике, при котором все возможные трансформации данной единицы определяются в соотношении с исходной формой/содержанием.

Использование речевых единиц, созданных на базе инодискурсивных стилистических ресурсов, в качестве полифонических включений осуществляется на основании полидискурсивного опыта говорящего субъекта. Их системный статус в дискурсе-источнике предполагает возможность **как осознанного, так и неосознанного** их употребления в результирующем тексте.

Стилистико-ресурсное полифоническое включение становится носителем смысловых компонентов, присущих некоторому первичному типу дискурса, не совпадающему с типом дискурса его реализации, в полифоническом результирующем тексте. От дискурса-источника сохраняется некоторый **инвариантный смысл**, формируемый в рамках его интерпретирующей деятельности на основании его дискурсивных правил, который транслируется в результирующий текст в соответствии с правилами дискурса результирующего.

Стилистико-ресурсные полифонические включения входят в результирующий текст в качестве стилистических элементов результирующего дискурса на основании формирующегося у субъекта потребности в использовании инодискурсивных стилистических ресурсов для передачи стабилизированных ими элементов содержания (образ правильной речи).

Рассмотрим пример употребления стилистико-ресурсного полифонического включения *(прибыть) с официальным дружественным визитом*, представленный на одном из «женских» форумов: *Для его приготовления надо взять черную редьку, белокочанную капусту, кислые (по вкусу, а не по методу приготовления) яблоки и морковь. Скажем прямо: ингредиенты дешевые, где-то даже*

простецкие, а получается блюдо, которое не стыдно и самому королю подать, ежели таковой ***прибудет*** *к вам* ***с официальным дружественным визитом***[34].

В качестве полифонического включения выступает речевая форма новостного дискурса СМИ – частотно и регулярно транслируемого. Безотносительно специфики дискурсивного употребления ее смысл условно может быть рассмотрен как композитивный, т.е. сформированный в результате контекстуального взаимодействия смыслов ее структурных элементов: «с» + «официальный» + «дружественный» + «визит». В процессе регулярного использования данной формулы в дискурсе-источнике (*У Банго* ***прибыл*** *в Ташкент* ***с официальным дружественным визитом*** *в Узбекистан*[35]; *Хэ Гоцян* ***прибыл*** *в Москву* ***с официальным и дружественным визитом*** *в Россию*[36]; *Напомним, Чэнь Биндэ по приглашению начальников генеральных штабов вооруженных сил Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана* ***с официальными дружественными визитами*** *посещает вышеупомянутые государства*[37] и др.) формируется ее целостный смысл, а смыслы отдельных элементов обобщаются. Дискурсивно обусловленный целостный смысл данной формулы получает такие компоненты, как а) «взаимодействие официальных лиц на государственном уровне», б) «политическая лояльность данных государств по отношению друг к другу»; в) «позитивная значимость взаимодействия данных государств для осуществления государственной политики», г) «позитивная

---

[34] Ignio [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. г.] – URL: http://www.ignio.com/r/cook/200602/17/001/ (дата обращения: 11.02.2014).

[35] У Банго прибыл в Ташкент с официальным дружественным визитом в Узбекистан [Электронный ресурс] // Министерство Иностранных Дел Китайской Народной Республики: официальный сайт. – Электрон. дан. – 2011. – URL: http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t861104.htm (дата обращения: 11.02.2014).

[36] Хэ Гоцян прибыл в Москву с официальным и дружественным визитом в Россию [Электронный ресурс] // Китайский информационный Интернет-центр при Управлении издательства литературы на иностранных языках КНР: официальный сайт. – Электрон. дан. – 2012. – URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2012-06/19/content_25684011.htm (дата обращения: 11.02.2014)

37 Начальник Генштаба НОАК встретился с А. Акиловым и Ш. Зухуровым [Электронный ресурс] // Информационное агентство ОЗОДАГОН. – Электрон. дан. – 2012. – URL: http://catoday.org/politics/7092-nachalnik-genshtaba-noak-vstretilsya--s-a.-akilovym-i-sh.-zuhurovym.html (дата обращения: 11.02.2014).

значимость известности о визите для рядовых представителей государства (обывателей)» и под.

В рассматриваемом результирующем тексте, полифоническая организация которого реализует игровую, ироническую установку дискурса, исследуемое полифоническое включение транслирует инвариантный смысл «лояльность по отношению к гостю, обладающему высоким статусом», который конкретизируется результирующим дискурсом как «высокое качество изготовляемого блюда».

Стилистические ресурсы дискурса при трансляции в инодискурсивную сферу реализуются в виде речевых форм следующего типа: (1) лексических дискурсивно-стилистических средств, (2) дискурсивных выражений и (3) дискурсивных формул.

(1) **Лексические дискурсивно-стилистические средства** – это лексические единицы, получившие в дискурсе-источнике особый функциональный статус в связи с маркированием элементов содержания, производство которых осуществляется в рамках данного дискурса на основании специфики дискурсивной интенции. Формирование указанных элементов содержания может либо сопровождаться появлением в дискурсе новых лексических единиц (*лексема, фонема* – в научном филологическом дискурсе, *подсудимый, иск* – в судебно-правовом дискурсе и под.), либо дискурсивно обусловленной трансформацией содержания уже имеющихся в языке лексических единиц (*перестройка, ускорение* – в отечественном постсоветском политическом дискурсе 90-х, *договор, распоряжение* – в дискурсе документа и под.).

В совокупности рассматриваемые единицы дискурса-источника эксплицируют специфику дискурсивной картины мира, транслируя дискурсивно обусловленное содержание. В соответствии с указанным содержанием эти единицы функционируют во множестве текстов дискурса-источника, при этом они не имеют онтологической связи с каким-либо конкретным текстом, не устанавливается такая и связь и говорящим в процессе их использования.

(2) **Дискурсивные выражения**, как и лексические дискурсивно-стилистические средства, получают в дискурсе-источнике особый функциональный статус, связанный с маркированием дискурсивно обусловленного содержания. С одной стороны, они отличаются от лексических средств структурно-содержательной композитивностью, с другой – за счет единства дискурсивного модуса получают не только определенную смысловую целостность, но и признаки узнаваемости (в аспекте принадлежности к некоторой смысловой сфере) и воспроизводимости, которые объединяют их с прецедентными высказываниями (*нести трудовую вахту, на боевом посту, благодарность за бдительную службу, дать N центнеров с гектара* и под.). В дискурсе-источнике данные речевые стандарты также занимают сильную позицию, но не на основании отсылки к сильному тексту: как и для лексических средств, их связь с каким-либо конкретным текстом не устанавливается.

(3) **Дискурсивные формулы**, в отличие от лексических дискурсивно-стилистических средств и дискурсивных выражений, сохраняющих связь с дискурсом-источником на содержательном основании, реализуют эту связь в соответствии со спецификой формы представления информации, заданной правилами дискурса-источника. В содержательном отношении они не отличаются от своих общеупотребительных аналогов, которые могут быть обнаружены при их формальной трансформации: *в соответствии с требованиями* (дискурс документа) – *как требуется/требуют, принять к исполнению* (в дискурсе документа) – *начать выполнять/делать, по-над (речкой)* (в фольклорном дискурсе) – *над (речкой), у моёго у милого ...* (в фольклорном частушечном дискурсе) – *у моего друга/парня/любимого* и под. В дискурсе-источнике они маркируют дискурсивно обусловленную конфигурацию внедискурсивной (наддискурсивной) информации с учетом специфики дискурсивной картины мира. При этом сама форма оказывается содержательно значимой в связи с отсылкой к значимому для определенного дискурса содержанию, представленному в нем в особой дискурсивной модусной конфигурации.

Таким образом, цитатные полифонические включения характеризуются тем, что соответствующие им речевые формы стабилизируются за пределами их источника (текста) – либо до вхождения в результирующий ситуационный дискурс (системно стабилизированные цитаты), либо непосредственно в результирующем ситуационном дискурсе в процессе формирования результирующего текста (ситуативно стабилизированные цитаты). Речевые формы, соответствующие стилистико-ресурсным полифоническим включениям, стабилизируются в рамках их источника (дискурса), их стабилизация системна и определяется их знаковым положением в системе дискурсивного стиля.

Установим **соответствие** между типами полифонических включений по **характеру их отношения к источнику** и по **способу стабилизации** исходной речевой формы.

В силу единства дискурсивных правил, единства дискурсивного стиля **внутридискурсивные** полифонические включения получают статус иноречевой (инотекстовой) формы только в рамках их особого выдвижения, осуществляемого либо с помощью специальных метатекстовых показателей (указание на авторство текста-источника, на его особый статус в дискурсе – например, ссылка одного документа на другой в дискурсе документа и под.), либо на основании широкой известности текста-источника среди участников общения. В результате **внутридискурсивные** по характеру отношений результирующего текста и источника полифонические включения обнаруживают характер стабилизации исходной речевой формы только по **цитатному** типу, отсылая к коду **иного ситуационного дискурса** (конкретизирующему общий код социального дискурса). Речевые формы, созданные на основании стилистических ресурсов социального дискурса, в текстах этого дискурса органично выражают результаты действия внутренних дискурсивных правил и включениями не являются.

Инодискурсивные полифонические включения образуются согласно способам стабилизации, свойственным как **цитатным**, так и **стилистико-ресурсным** включениям.

Инодискурсивные цитатные полифонические включения отсылают к коду иного социального дискурса как единицы, образованные в ситуационном дискурсе, конкретизирующем правила иного по отношению к результирующему социального дискурса.

Инодискурсивные стилистико-ресурсные полифонические включения отсылают к коду иного социального дискурса как единицы, образованные на основании дискурсивных правил этого иного по отношению к результирующему социального дискурса.

Рассмотрим фрагмент доклада Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова, представленного на официальном сайте КПРФ: *У нас есть строго научный критерий отнесения человека и к* ***рабочему классу****, и к* ***буржуазии*** *– его место в системе* ***производственных отношений****. /…/ Мы знаем, что общенациональный кризис, который В.И. Ленин назвал* ***революционной ситуацией****, включает в себя «****обострение выше обычного нужды и бедствий угнетённых классов****»*[38]. Интенциональная специфика политического дискурса, конкретизированная на основании политической позиции КПРФ, позиционирующей себя как продолжателя идей В.И. Ленина, предполагает использование выделенных в тексте речевых форм для выражения дискурсивно обусловленной интерпретации действительности, то есть не обнаруживает отсылки к иному дискурсу. При этом речевые формы *революционной ситуацией, обострение выше обычного нужды и бедствий угнетённых классов* реализуются как результат особого выдвижения, оформленного с помощью специальных метатекстовых показателей (*В.И. Ленин назвал…*) и кавычек, что обнаруживает их иноречевой (инотекстовый) статус и определяет их как внутридискурсивные цитатные полифонические включения. Речевые формы *рабочему классу, буржуазии, производственных отношений* выступают как органичные элементы дискурсивного стиля, стабилизированные

[38] Зюганов Г. А. Положение рабочего класса в России и задачи КПРФ по усилению влияния в пролетарской среде»: доклад Председателя ЦК КПРФ на октябрьском 2014 года Пленуме ЦК КПРФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПРФ. – Электрон. дан. – 2014. – URL: http://kprf.ru/party-live/cknews/134950.html (дата обращения: 01.08.2015).

как знаки дискурса, но не формирующие полифонических включений. Статус стилистико-ресурсных полифонических включений они регулярно проявляют в иных дискурсивных сферах, обнаруживая связь с дискурсом-источником и на ее основании формируя новые дискурсивно обусловленные смыслы: *Разве я похож на праздного человека? Вы знаете, миф о времяпрепровождении «звезд» связан со статьями «желтой прессы». У бездельников всегда много времени. Мы –* ***рабочий класс*** *в музыке: у меня свободного времени попросту нет [Елена ТИМОШИНА. Лидер группы «Ляпис Трубецкой» в Туле: «Я не колю ботокс» // Комсомольская правда, 2011.04.26]* (НКРЯ) // *Новенькая квартира Владимира находится в элитном районе «Белый парус», под усиленной охраной, с автостоянкой и прочими радостями* ***буржуазии*** *[Анжелика Заозерская. Машкову подарили квартиру в Одессе // Труд-7, 2010.07.22]* (НКРЯ) // *В отдельный раздел исследователи поместили ложь, сопутствующую взаимоотношениям мужчин и женщин – мужей и жен, просто партнеров. Здесь первое место заняла фраза «Конечно же, я тебя люблю». Второе: «Что ты?! У меня с ней (с ним) чисто* ***производственные отношения****…» Третье: «Нет, в этой юбке твой зад не выглядит толстым» [Владимир ЛАГОВСКИЙ. Стянуть что-нибудь с работы? Святое дело! // Комсомольская правда, 2009.09.15]* (НКРЯ) и под.

Таким образом, отношения между результирующим текстом и источником формирования полифонического включения могут являться результатом взаимодействия двух **текстов** – текста-источника (прототекста) и текста результирующего – или двух **дискурсов** – дискурса-источника и дискурса результирующего, в рамках которого формируется результирующий текст.

Дискурс-источник при таком взаимодействии может проявляться либо через конкретный текстовый знак, созданный согласно его дискурсивным правилам, либо через стилистический знак, созданный на основе ресурсов его дискурсивного стиля.

Результирующий дискурс проявляет себя через результирующий текст, созданный в определенных дискурсивных условиях и обладающий полифонической организацией.

Источником полифонического включения может выступать (а) иной текст того же дискурса; (б) иной текст инодискурсивной природы; (в) ресурсы дискурсивного стиля иного по отношению к результирующему дискурса.

Выводы к главе 1

Представленная в данной работе концепция полифонического текста формируется в рамках теории интертекстуальности и полидискурсивности, формирующейся в филологии XX-XXI века.

Первоначально идея обусловленности текста внешними межтекстовыми связями зародилась в литературоведческих исследованиях, прошедших путь от изучения конкретных источников и влияний к осознанию наличия широкого интертекстуального контекста (И.П. Смирнов). Основные достижения в этой области были усвоены лингвистикой художественного текста только в конце XX века, воплотившись в анализе конкретных единиц художественной речевой формы.

В исследованиях художественного текста сформировались следующие положения, обладающие общефилологической значимостью.

1. Интенция художественного дискурса находится в динамическом взаимодействии с интенциональностью автора и читателя как его субъектов, что определяет непрямые отношения между полифоническим текстом и его источником, возможность интертекстуального обращения не только к конкретному источнику, но и к литературным архетипам.

2. Источник может быть объективирован в художественном тексте в виде определенных вербальных средств (наряду с логико-смысловыми).

3. Смысловой компонент источника в художественном результирующем тексте реализуется динамически, получает множество вариантов прочтения, что обусловлено внешними условиями порождения/восприятия текста.

Лингвистика нехудожественного текста двигалась к усвоению данной идеи в отрыве от общей филологической концепции интертекстуальности, но развивалась на основании подобной логики: от обнаружения конкретных, оформленным автором единиц результирующего текста, связанных прямыми отношениями к конкретным единицам текста-источника (теория цитации, теория

чужой речи), – к анализу функций этих единиц в их обусловленности социокультурным речевым кодом (теория прецедентности).

Интеграция названных идей в лингвистику нехудожественной речи была обусловлена общей «постмодернистской революцией» и формированием современной концепции текста как «генератора смысла», как динамической, дискурсивно обусловленной речевой формы. Идеи интертекстуальности и полидискурсивности применяются не только к художественным текстам, но и к текстам нехудожественным – вплоть до исследований в данном аспекте речевой повседневности (Б.М. Гаспаров).

Текст начинает трактоваться как динамический вербальный компонент коммуникативного процесса, результативная сторона дискурса. Его цельность и связность рассматриваются в их обусловленности не только внутренней формально-смысловой согласованностью его элементов, но и их включенностью в широкий дискурсивный контекст, объединяющий сферы полидискурсивного существования субъекта текстопорождения. Такое понимание текста позволяет рассматривать любой текст как полифонический – организованный при участии инодискурсивных речевых форм.

В рамках предлагаемой концепции формирование полифонического текста определяется как обусловленное (1) спецификой формирующего его дискурса (результирующего); (2) спецификой дискурса – источника формирования единицы, транслируемой в иной дискурс; (3) спецификой речевой единицы – носителя инодискурсивной информации.

В качестве мотивирующих оснований использования субъектом результирующего дискурса иноречевой формы рассматриваются (а) интенциональность ситуационного дискурса – конкретного коммуникативного акта, правила динамического развития которого обусловлены спецификой ситуации общения; (б) общая интенция социального дискурса – как совокупности коммуникативных актов, объединенных на основании социальной стратификации конкретного общества, задающего общие правила их динамического развития.

В качестве единицы – носителя смысла источника – рассматривается полифоническое включение. Значимым компонентом этого смысла является дискурсивный модус источника – как результат обработки информации в дискурсе. Вербальным результатом такой обработки являются стабилизированные речевые формы – продукты дискурсивного стиля, обладающие потенциалом междискурсивного распространения и способные при этом выступать в качестве полифонических включений.

Специфика полифонических включений как компонентов полифонической организации результирующего текста определяется (1) характером их отношения к источнику; (2) способом стабилизации речевой формы, вошедшей в результирующий текст в качестве полифонического включения.

1. По характеру отношения полифонического включения к источнику его формирования выделяются внутридискурсивные (образующиеся за счет апелляции к другому тексту, функционирующему в дискурсе того же типа) и инодискурсивные (образующиеся за счет апелляции к дискурсу иного типа) полифонические включения. При трансляции в дискурс иного типа общий дискурсивный модус источника может быть реинтерпретирован.

2. По способу стабилизации речевой формы источника, вошедшей в результирующий текст в качестве полифонического включения, выделяются полифонические включения цитатные (цитаты и прецедентные высказывания) и созданные на базе инодискурсивных стилистических ресурсов (стилистико-ресурсные).

Стилистические ресурсы дискурса при трансляции в инодискурсивную сферу реализуются в виде (1) лексических дискурсивно-стилистических средств, (2) дискурсивных выражений и (3) дискурсивных формул.

Стабилизация полифонических включений как речевых форм, сохраняющих связь с источником, может быть системной и ситуативной.

Системная стабилизация основывается на сохранении связи с источником вне зависимости от результирующего контекста. Системность стабилизации определяет реализацию полифонических включений во множестве контекстов как

дискурса-источника, так и результирующего дискурса при сохранении/трансформации заданного источником инвариантного смысла. Ситуативная стабилизация осуществляется непосредственно в результирующем тексте при единичном, ситуативно обусловленном обращении к случайному тексту-источнику, в рамках реализации субъектной интенции автора в результирующем тексте.

Системной стабилизации подвергаются речевые формы, реализуемые в результирующем тексте как в качестве цитатных, так и в качестве стилистико-ресурсных полифонических включений.

Ситуативной стабилизации подвергаются только речевые формы, реализуемые в результирующем тексте в качестве цитатных полифонических включений.

В рамках концепции полифонического текста тип полифонического включения используется как способ отражения факторов его формирования – специфики формирующего его дискурса и дискурса-источника.

Для анализа полифонической организации текста устных личностно-ориентированных дискурсов обратимся к описанию этой коммуникативной сферы.

Глава 2. Личностно-ориентированный дискурс как особая сфера текстопорождения

Становление и развитие междисциплинарного, антропоцентрического подхода в лингвистике выразилось в усилении исследовательского внимания к проблеме экстралингвистической обусловленности текстопорождения. Среди факторов, его определяющих, можно выделить внутренние по отношению к говорящему человеку (его индивидуально-личностные особенности, личный опыт и под.) и внешние (различные социокультурные условия его бытия, конкретно-ситуативные условия коммуникации). Существование говорящего человека предполагает его участие во множестве социальных практик, которые можно дифференцировать по разным основаниям.

Объектом данного диссертационного сочинения являются тексты устных личностно-ориентированных дискурсов. Для их характеристики наиболее значимыми являются следующие параметры дифференциации социальных практик.

1. По источнику интенции, регулирующей человеческое поведение, выделяются практики **институциональные** (заданные интенциями социальных институтов) и **личностно-ориентированные** (обусловленные конкретно-ситуативной интенцией внеинституциональной деятельности).

2. По степени освоенности моделей поведения, их привычности/непривычности, обусловленной регулярностью участия говорящего человека в них, выделяются практики **повседневные** и **неповседневные.**

Повседневное поведение людей Ю.М. Лотман определяет как «обычное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное, «нормальное»», и противопоставляет их всем видам «торжественного, ритуального, внепрактического поведения: государственного, культового, обрядового», воспринимаемым «самими

носителями данной культуры как имеющие самостоятельное значение» [Лотман, 1992, с. 249].

Для дифференциации повседневных и неповседневных практик обратимся к рассмотрению повседневности как сфере «естественного», «нормального» поведения человека, формирующей и отрабатывающей исходные принципы его речевого поведения.

2.1 Повседневность как особая сфера человеческой деятельности

Вторая половина XX века ознаменовалась глобальным изменением гуманитарной исследовательской парадигмы, проявленном в переходе от нормативно-ориентированного подхода к объективно-ориентированному («Назад, к самим вещам!» – Э. Гуссерль). В его рамках в зону исследовательского внимания в качестве крайне значимого объекта попадает такая **сфера человеческого бытия**, как **обыденность, повседневность**, обращение к которой связывается исследователями с переходом «к постмодернизму, заменившему универсализм партикуляризмом, монизм – релятивизмом, порядок – случайностью, тотальность – фрагментацией, а науку познания, эпистемологию – дискурсом» [Пушкарева, 2005, с. 23].

Повседневность как особый объект гуманитарного познания, терминологически обозначенный в начале XX века в работах М. Хайдеггера ([Хайдеггер, 2003] и др.), отрефлексирована в исторических, философских, культурологических, психологических методологических исследованиях сравнительно недавно [Бродель, 1986, Бергер, Лукман, 1995, Золотухина-Аболина, 2003, Касавин, 2005, Лелеко, 2002, Журавлев, 2000, Лотман, 1992г, 1994б, Розенберг, 2010, Сергеева, 2009, Сохань, 1999, Сыров, 2000, 2010, Шюц, 1988, Ярмахов, 1994 и др.]. Однако истоки анализа данной сферы обнаруживаются уже в работах античных философов (категория «общего здравого смысла» у Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Горация), затем – в философских трудах эпохи Возрождения (Николай Кузанский, Эразм

Роттердамский), в работах Ф. Бэкона, Р. Декарта и Т. Гоббса, прагматиков XIX в. (У.Джеймс, Ч.Пирс), наконец, у З. Фрейда в работе «Психопатология повседневной жизни» (1904) (обзор в [Пушкарева, 2010]). Особо следует отметить исследования историков школы «Анналов» (Ф. Бродель, Ф. Арьес, А.Я. Гуревич), в трудах которых был разработан методологический подход к анализу повседневности, сыгравший значительную роль в формировании современной интерпретации данной категории.

Осознание повседневности как особой сферы человеческого существования поставило перед исследователями вопрос об определении ее места в парадигме человеческого существования, о законах ее регулирования, о специфике методологии ее анализа. Указанные аспекты активно дискутируются в современных исследованиях, в трактовке обсуждаемой категории нет однозначности.

В качестве специфических признаков повседневности исследователи выделяют самоочевидность и «реальность» (переживание индивидом конструируемого мира как реального) [Бергер, Лукман, 1995, с. 37], интерсубъективность (наличие общих для определенного сообщества представлений и стереотипов), ориентированность на типизацию [там же], тесную связь с историей (зависимость от состояния общества) [Чулкина, 2007, с. 15], особую роль языка [там же] и др.

Содержание данной сферы может быть описано в противопоставлении «неповседневным» сферам (по N. Elias [Elias, 1982]; приводится по: [Вамбольдт, Шубина, 2006]). Обобщив приведенные противопоставления и дополнив их на основании ряда современных исследований [Касавин, 2005, Лелеко, 2002, Сыров, 2010 и др.], обозначим параметры дифференциации повседневности/неповседневности, задаваемые различными исследователями:

1) по типу субъектов – повседневность как жизнь рядовых членов общества может быть противопоставлена жизни высокопоставленных его членов;

2) по типу деятельности –

а) повседневность как деятельность в нерабочее время противопоставляется деятельности в рамках трудового процесса,

б) повседневность как рутинная деятельность (в том числе трудовая) противопоставляется деятельности, для осуществляющих ее субъектов нетипичной;

3) по соотносимой с данной сферой предметной реальностью – повседневность как сфера обращения с миром бытовых предметов противопоставляется предметной сфере «высоких», «креативных» артефактов: книг, произведений искусства и под.;

4) по уровню социальной значимости – повседневность как сфера частной, личной жизни человека противопоставляется его общественной жизни;

5) по способу освоения реальности –

а) повседневность как сфера бытового мышления противопоставляется праздничности,

б) повседневность как сфера наивного, личностно обусловленного мировосприятия противопоставляется освоению мира сквозь призму его институциональной организации.

Указанные противопоставления демонстрируют вариативность понимания онтологической сущности повседневности.

Определим, что понимается под повседневностью в рамках представляемого исследования.

При характеристике онтологической сущности повседневности как сферы человеческого бытия в качестве наиболее значимых ее признаков мы выделяем ее **рутинный, типичный, регулярно воспроизводимый** характер. Это сфера деятельности, характер которой **для индивида привычен** и **близок к автоматическому**, ориентированная на самовоспроизводство.

Значимым для нас также является то, что повседневная деятельность человека основывается на **особой форме освоения мира** [Сыров, 2000, 2010 и др.]. Это взгляд на мир, в основе которого – его восприятие с индивидуально-личностной позиции человека, с позиции обыденного сознания.

Данный подход к определению повседневности отличается от подхода, обращающегося к повседневности как к особой предметной области, включающей «в большей мере непроизводственную, потребительскую сферу, сферу досуга, чем производственную /…/, в большей мере сферу частной жизни, чем общественной» [Лелеко, 2002, с. 16]. Согласно такому подходу, в индивидуально-личностном плане может быть по-особому воспринята и особым образом организована производственная и непроизводственная, частная и общественная сферы.

Определяя повседневность как сферу, где реализуется поведение людей, «которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное, «нормальное»» [Лотман, 1992, с. 249], следует обратить внимание на то, что именно привычность внешних условий задает особый способ конструирования реальности, которому свойственна «ориентация на вписывание в существующие структуры, а не на их преобразование» [Сыров, 2000, с. 157]. Активность носителей повседневности направлена на восстановление ее структур, регулируемое принципами наглядности, телесности, полезности, создающими эффект непосредственно данной, переживаемой реальности [там же].

Повседневность обладает особым статусом по сравнению с неповседневными сферами бытия: во-первых, доминирующим, во-вторых, первичным по отношению к ним [Бергер, Лукман, 1995, Кнабе, 1989, Шюц, 1988 и др.]. Это сфера формирования и отработки всех моделей человеческого поведения, являющаяся «верховной инстанцией, смыслообразующим центром и критерием оценки других сфер жизни» [Лелеко, 2002, с. 25].

Сам характер повседневной деятельности внутренне неоднороден.

Повседневность охватывает как сферу личностно-ориентированной деятельности (регулярно воспроизводимая, привычная деятельность в бытовой сфере), так и деятельность, регулируемую с позиции социальных институтов (регулярная профессиональная деятельность, требующая воспроизводства определенных профессиональных навыков в институциональной сфере).

При этом если бытовая повседневная деятельность по своему содержанию стремится к однородности, относительной однотипности для всех ее участников, то повседневная профессиональная деятельность принципиально **многообразна в различных видах профессиональности**.

Характер институционально регулируемой повседневной деятельности оказывается различным для **агентов** социальных институтов (экспертов) и его **клиентов** (дилетантов). Повседневная деятельность агентов социального института связана с наличием определенных навыков и их регулярной реализацией. Деятельность клиентов, вынужденных вступать в институциональные отношения в ответ на требования социума, имеет характер повседневной, если обращение в социальный институт для них оказывается регулярным (например, регулярная оплата кредитного взноса или регулярное посещение врача).

Квалификация описанных видов институционально регулируемой деятельности как повседневной требует некоторых уточнений.

Первое связано с определением границ повседневной и неповседневной институционально регулируемой деятельности. Различные виды деятельности в рамках социального института оказываются в различной степени подвержены переходу в рутинность. В связи с этим можно говорить о разном соотношении повседневной и неповседневной деятельности в различных институциональных практиках. Так, в институциональных практиках, связанных с деятельностью интеллектуальной (например, преподавание или научно-исследовательская деятельность), элемент рутинной деятельности ниже, чем в практиках прикладных.

Второе уточнение касается трансформации самой природы институциональности в рамках институционально регулируемых повседневных практик. Многие исследователи особо подчеркивают, что повседневные практики «никогда не выступают в форме проектов, программ, доктрин социального изменения. Повседневные практики не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные «свободные зоны», защищенные или

защищающиеся от институциональных давлений» [Козлова, 1992, с. 49]. Используемая в данной работе концепция повседневности допускает возможность обнаружения институциональных повседневных практик как рутинной деятельности в рамках социального института. Но в этом случае заданные институтом модели ее реализации воспринимаются индивидом как личностно присвоенные, не нуждающиеся во внешней рефлексии, а их институционально заданная нормативность становится для него частью собственного нормативного, естественного мировосприятия, в которое они встраиваются, образуя «свободные зоны» в рамках институционально заданной деятельности.

Обладая общим свойством естественности и привычности, повседневность в конкретике жизнедеятельности человека для каждого индивида наполняется по-разному. В институциональных сферах содержание деятельности, определяемой как повседневная, дифференцируется способом регулярного участия индивида в функционировании соответствующего института. В индивидуально-личностных сферах специфика ее содержания соответствует формам регулярной бытовой человеческой активности, которая, при общем стремлении к однородности, все же для разных индивидов дифференцируется, включая как привычные для большинства виды деятельности (например, семейный ужин или уборка квартиры), так и относительно специфические ее формы (например, ежевечернее исполнение песен под гитару).

Таким образом, сфера человеческой деятельности, определяемая нами как повседневная, может быть дифференцирована только с учетом ее внутренней диалектики. Место базовых моделей ее реализации, вписанных в общую структуру деятельности человека, отражает схема 1.

Схема 1. Повседневность в структуре деятельности человека

Таким образом, при определении границ рассматриваемой сферы наиболее важными для нас являются следующие ее признаки.

1. Повседневность – сфера рутинной, регулярно воспроизводимой деятельности, реализация которой для индивида имеет характер, близкий к автоматическому.

2. Указанная деятельность осуществляется индивидом в привычных для него внешних условиях.

3. События повседневности воспринимаются как естественные, привычные, «нормальные»; освоение мира осуществляется по принципу его подчинения особой, отработанной нормативности. Усвоенные человеком, первоначально внешние для него правила и нормы поведения становятся частью его личного опыта, за счет регулярности использования приобретают свойства обыденности, оформляются в форме стереотипов поведения, входя в его личный стабильный мир и, тем самым, становятся частью его повседневного существования.

Одним из аспектов регулирования динамики содержательного наполнения повседневных/неповседневных практик является социально-ролевая позиция их участника.

Рассмотрим специфику повседневной/неповседневной деятельности индивида, находящегося в социально-ролевой позиции обыденного человека.

2.2 Обыденный человек в структуре повседневного и неповседневного социального существования

Социальная природа речевого поведения определяет значимость обращения при его анализе к специфике социально-ролевой позиции говорящего.

Статусно-ролевая концепция личности является наиболее распространенной в современной социологии (в ее основе – работы Дж. Мида, Р. Минтона, Т. Парсонса и др.). Согласно данной концепции, человек, обладая определенным социальным статусом, выполняет в обществе предписанную им социальную роль. Таким образом, человеческое поведение рассматривается как результат социальной детерминации, проявленной, в первую очередь, через систему социальных институтов.

При этом одним из актуальных гуманитарных измерений XX века становится подход к человеку как носителю индивидуально-личностной экзистенции, определяющий детерминацию его деятельности в ее обусловленности партикулярными интересами, намерениями и стимулами. Именно в данном аспекте в сферу исследовательского внимания попадают категории «человека обыденного» и «обыденного сознания» [Голев, 2000, 2008а, 2009а, 2009б, 2011, Хазиева, 2011, Челышев, 2008, Шмелев, 2008 и др.], оформляющие модель поведения, основанную на удовлетворении приватных интересов, свободную от институционального регулирования. Данная модель поведения обладает тесной связью с повседневной практической деятельностью. Эта связь, <u>во-первых</u>, **генетическая**: именно в повседневной практике формируются принципы человеческого существования, которые в дальнейшем могут подвергаться трансформации за ее пределами. Нельзя не отметить и обратное влияние: вступая в нерегулярные институционально определяемые отношения, обыденный человек «научается» сформированным в их рамках моделям поведения, что способствует их дальнейшему «присвоению» и обеспечивает возможность реализации в неинституциональной обыденной

позиции. Во-вторых, это связь **функциональная**: естественное, партикулярно ориентированное поведение человека наиболее органично реализуется в неинституциональной обыденной сфере («естественный человек /…/ во всех своих делах и заботах ориентирован на мир» [Гуссерль, 1986, с. 114]).

Структура социального бытия предполагает реализацию отдельной личности во множестве социальных ролей, дифференцируемых по различным основаниям: социальная позиция, занимаемая индивидом, имеет динамический характер. Одним из значимых аспектов социально-ролевой дифференциации является противопоставление социальной роли **обыденного человека** и человека **институционального**.

Категория обыденного человека рассматривается нами как его **функциональная социально-ролевая позиция**, которая, с учетом вариативных внешних условий его бытия, противопоставляется позиции институционально заданной[39]. В целом в функционально-деятельностном аспекте вся осуществляемая человеком деятельность (в том числе и речевая) может быть представлена как результат реализации социальной роли, которая представляет собой определенные модели поведения.

Обыденный человек реализуется свою социальную роль как в личностно-ориентированной, так и в институциональной сферах, с одной стороны, и как в повседневной, так и в неповседневной сферах – с другой (схема 1).

Деятельность индивида, в основе которой – модель поведения обыденного человека, можно структурировать в двух аспектах: 1) в аспекте ее повседневного/неповседневного характера; 2) в аспекте институционального/индивидуально-личностного характера ее регулирования. В результате структура указанной деятельности индивида, находящегося в социально-ролевой позиции обыденного человека, предстает в виде следующих типов: 1) индивидуально-личностно обусловленная повседневная деятельность; 2) индивидуально-личностно обусловленная неповседневная деятельность; 3)

[39] О дискурсивной реализации социальной роли обыденного человека см. [Тубалова, 2014].

институционально регулируемая повседневная деятельность; 4) институционально регулируемая неповседневная деятельность.

1) **Индивидуально-личностно обусловленную повседневную деятельность** можно обозначить по отношению к остальным как прототипическую. Это деятельность, воспринимаемая индивидом как привычная, регулярная, при этом не заданная установками каких-либо социальных институтов. В основе ее осуществления – индивидуально-личностные интенции. Она осуществляется в семейном, дружеском, «соседском» и др. видах бытового неофициального общения и реализует социально-ролевую модель обыденного человека как максимально органичную и стабильную (например, сезонные работы на семейном огороде, ежедневное приготовление пищи и под.).

2) **Индивидуально-личностно обусловленная неповседневная деятельность** – это деятельность, в основе которой – также индивидуально-личностные интенции, но ее отличает нерегулярный характер реализации, особые, выходящие за рамки привычных, условия осуществления, следовательно, данная деятельность воспринимается индивидом как непривычная, исключительная. При этом, оставаясь в рамках социальной роли обыденного человека и не имея специального опыта подобной деятельности, индивид специфическим образом использует модели поведения, усвоенные/выработанные им в рамках повседневного общения. К такому типу относится деятельность в условиях экстремальных ситуаций (форс-мажоров) индивидуально-личностного (неинституционального) взаимодействия, создающих необходимость незапланированного контакта с незнакомым собеседником, осуществления непривычных бытовых действий и под. (например, деятельность по устранению бытовых неисправностей и под.).

3) Повседневное существование человека требует от него регулярных контактов с различными социальными институтами, в рамках которых индивид усваивает определенные требования, предъявляемые к нему как к их клиенту. При этом статус клиента (например, клиент банка, постоянно пользующийся его услугами), в отличие от статуса агента (сотрудник этого банка), не предполагает

изменения функциональной роли обыденного человека: социальная позиция непрофессионала сохраняется. Подобная деятельность характеризуется как **институционально регулируемая повседневная**.

4) В условиях взаимодействия с социальными институтами выход индивида, занимающего позицию обыденного человека, за пределы повседневных моделей поведения также имеет место. Деятельность в подобных условиях, обозначенная как **институционально регулируемая неповседневная**, связана, например, с участием в политических выборах, с особыми, нерегулярными случаями обращения в официальные инстанции и под.

Специфика повседневной и неповседневной деятельности индивида в институциональной и личностно-ориентированной сферах его бытия (схема 1), реализуемая им в рамках социальной роли обыденного человека, представлена в схеме 2.

Схема 2. Виды повседневной/неповседневной деятельности обыденного человека

В фокусе исследовательского внимания в данной работе – принципы текстопорождения, используемые говорящим в социально-ролевой позиции **обыденного человека**, реализуемой в условиях осуществления **личностно-ориентированной** – повседневной и неповседневной – деятельности.

За пределами социальных институтов деятельность обыденного человека регулируется совокупностью конкретно-ситуативных условий его бытия.

Значительная часть его деятельности протекает регулярно, в относительно стабильных внешних условиях, характеризуется свойством воспроизводимости и регулируется отработанными алгоритмами, усвоенными индивидом. Ориентация на алгоритмы обеспечивает психологический комфорт и не требует рефлексии. Указанным образом ролевая позиция обыденного человека реализуется в неинституциональной повседневной сфере.

Помимо повседневности, как сферы регулярно воспроизводимой деятельности, воспринимаемой как «нормативная», обыденный человек реализует соответствующую социальную роль и за ее пределами – в условиях для него ненормативных.

Поведение человека в определенной социальной роли предполагает наличие системы социальных ожиданий, формирующих его предсказуемость как для самого человека, так и для других членов социума. Специфика социальной интеракции, основанная на социально-ролевых позициях ее участников, рассматривается в одном из аспектов исследования социально-ролевой структуры – **коммуникативном аспекте**.

Сфера повседневности является одной из сфер коммуникативной активности обыденного человека, где в процессах коммуникации он действует в соответствии с предписанными его ролью социальными ожиданиями.

В настоящей работе исследуются **принципы текстопорождения**, реализуемые в личностно-ориентированной деятельности обыденного человека. При этом его повседневная речевая деятельность при формировании принципов текстопорождения рассматривается как первичная, определяющая, а принципы неповседневного текстопорождения мотивируются различными способами нарушения повседневности.

2.3 Дискурсивный подход к исследованию институционально не регулируемой деятельности обыденного человека

В настоящем исследовании неоднородное, фрагментарное пространство неинституциональной деятельности обыденного человека рассматривается с точки зрения **теории дискурса**, где дискурс понимается как «коммуникативное событие» (Т. Ван Дейк), как «особый способ общения и интерпретации окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» [Филлипс, Йоргенсен, 2004, с. 18]. В рамках такого подхода специфика повседневной/неповседневной личностно-ориентированной деятельности индивида, а также специфика реализации социальной роли обыденного человека учитывается в едином аспекте их проявления – **коммуникативном**. Обыденный человек, вступающий в неинституциональную коммуникацию, рассматривается как участник личностно-ориентированных дискурсов различного типа – повседневных и неповседневных.

2.3.1 Личностно-ориентированная деятельность обыденного человека в дискурсивном аспекте

В рамках дискурсивного подхода все рассмотренные выше общие свойства повседневной и неповседневной личностно-ориентированной деятельности обыденного человека рассматриваются как мотивирующие основы текстопорождения.

Институционально не регулируемая коммуникативная деятельность обыденного человека реализуется во множестве дискурсов, определяемых не только позицией человека «в физическом пространстве и внешнем времени», не только «статусом и ролью в рамках социальной системы», но и его «моральной и идеологической позицией», «биографической детерминированностью» ситуации [Шюц, 1988, с. 130], то есть его индивидуально-личностными установками и условиями его конкретно-ситуативного существования.

При обращении к личностно-ориентированной деятельности обыденного человека с позиций дискурс-анализа феноменологический «опыт познающего сознания» (Э. Гуссерль) может быть рассмотрен как его социально-речевой опыт, а процесс порождения текста – как воплощение этого опыта, получение которого определено условиями полидискурсивного существования человека.

Производство текста на основании опыта субъекта, согласно этому подходу, осуществляется **в конкретно-коммуникативных условиях, сообразно которым этот опыт преломляется** [Дейк, Кинч 1988, Дейк, 1989, Богранд, Дресслер, 1981, Гаспаров, 1996, Макаров, 2003 и др.].

Тип дискурсного механизма, описанный в рамках концепции французского дискурс-анализа, учитывается при квалификации социального типа дискурса (социального дискурса); квалификация моделей коммуникативной ситуации («ситуационный дискурс», по Т. ван Дейку и др.) применятся при учете условий реализации исследуемого текста. Мы опираемся на положение Т. ван Дейка о том, что выбор коммуникантом стратегии порождения текста определяется, с одной стороны, его индивидуальным опытом, представлениями «о реальных или вымышленных мирах, относительно которых мы уже обладаем большим количеством знаний и убеждений» [Дейк, 1989, с. 51], с другой – его знаниями о типах функционирующих в данном социуме в данный конкретно-исторический период дискурсов [там же].

Современная лингвистика активно исследует структуру дискурсной деятельности носителей языка. При этом исследователи, в основном, обращаются к социально-исторически обусловленной системе дискурсов, в основе которой – принцип институциональности.

Личностно-ориентированная коммуникативная сфера как область социальной реальности на протяжении XX века неоднократно становится объектом философско-исторической рефлексии (философия экзистенциализма М. Хайдеггера, феноменологическая социология А. Щюца, социология знания П.-Л. Бергера, структурный функционализм Р.-К. Мертона и др.). Все исследователи отмечают особый статус обыденного сознания как универсальной предпосылки

всех форм познавательной активности, имеющей специфическую структуру и выполняющую самую активную роль.

Обращение к дискурсивным основам существования обыденного человека активно проявилось в ряде западных направлений гуманитарного знания в 70-е гг. XX века (см., например, лингвистические исследования в русле конверсационного анализа [Labov, 1972, Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974 и др.]), в первую очередь – в связи с анализом структуры различных форм внеинституционального общения.

В эти же годы в русской филологии формируется объемная традиция исследования разговорной речи (работы Т.Г. Винокур, В.Д. Девкина, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Е.Н. Ширяева, Л.А. Капанадзе, Н.Н. Розановой, Е.В. Красильниковой, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой и др.). В ее рамках проведен подробный поуровневый анализ разговорных речевых структур, выявлены их особенности, но сама специфика деятельности, порождающей данный тип речи, не получила целостного описания.

Письменные формы реализации личностно-ориентированной речевой деятельности – естественная письменная речь – получили развернутый анализ в исследованиях барнаульско-кемеровской школы [Лебедева, 2001а, 2001б, 2006, Лебедева и др., 2011 и др.]. Неофициальные эпистолярии были рассмотрены в [Курьянович, 2008а, 2008б, 2010, 2011, 2013а и др.].

Отдельные специфические характеристики внеинституциональных (=бытовых, =обиходных, =разговорных) дискурсов нашли отражение в [Гаспаров, 1996, Карасик, 2002, Кашкин, 2000, Кибрик, 2009, Макаров, 2003, Ревзина, 2005, Силантьев, 2006, Тубалова, 2009, 2010, 2011а и др.] и др.

Исследование внеинституциональной деятельности человека сквозь призму его речевой деятельности активно разрабатывалось в социальной психологии и психолингвистике (см. работы Л.С. Выготского, И.Н. Горелова, К.Ф. Седова, Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева и др.).

Дискурсы рассматриваемого типа в рамках социолингвистического подхода В.И. Карасик определяет как **личностно-ориентированные**, противопоставленные дискурсам институциональным [Карасик, 2002], и это

противопоставление является при анализе дискурсов такого типа определяющим. Фактор институциональности оказывает стабилизирующее воздействие на дискурсы (часто условия общения в рамках институциональных дискурсов оговариваются специально в различных предписаниях, законах, инструкциях, руководствах и под.). Индивидуально-личностная коммуникация же характеризуется принципиальной открытостью границ. В ее рамках действуют стереотипные дискурсивные правила, основанные на практическом опыте участников общения, отработанные в данном национально-культурном сообществе и освоенные индуктивным способом.

Важнейшей для понимания специфики дискурсов такого типа является их характеристика как «наименее структурированного из всех типов дискурсов» [Макаров, 2003, с. 175]. Если институциональные дискурсы образуют типологию (типы дискурсных формаций, по М. Фуко) на основании зависимости от общественных институтов, то личностно-ориентированные дискурсы не могут быть сведены к определенным типам, выделенным на основании комплекса параметров, – каждый параметр предполагает особый перечень дискурсивных группировок. Отсутствие прямой ориентации на общественные институты определяет негомогенность дискурсивной структуры. Особую значимость для дискурс-анализа имеет обращение к конкретными коммуникативными ситуациями («коммуникативными событиями», по Т.А. ван Дейку [Дейк, 1978]), каждая из которых формирует дискурс, уровень специфичности которого в ряду других личностно-ориентированных дискурсов значительно превышает уровень специфичности ситуационных институциональных дискурсов единого социального типа.

Совокупность личностно-ориентированных дискурсов рассматривается, с одной стороны, как единая сфера общения, противопоставленная институциональным сферам, а с другой – как негомогенная палитра конкретных коммуникативных ситуаций, которые, в свою очередь, могут быть объединены в различные типы, соответствующие описанным типам деятельности обыденного человека (раздел 2.2).

Рассмотрим, какое положение занимают личностно-ориентированные дискурсы в разработанной дискурсивной типологии и каковы основания их внутренней типологизации.

2.3.2 Проблема типологии дискурсов. Социолингвистическая типология дискурсов

Проблема типологии дискурсов и – соответственно – признаки обусловленности текста дискурсом определенного типа не имеет в современной лингвистике окончательного решения и заслуживает особого внимания. По выражению М.Л. Макарова, «не все гладко с критериями выделения типов дискурса, сфер и эпизодов общения, – не все типологии могут похвастаться логикой построения классификации, пока еще не набран достаточный эмпирический материал» [Макаров, 2003, с. 210]. На решение данной проблемы в настоящее время направлены отдельные исследования [Борботько, 2006; Карасик, 2002; Кибрик, 2009; Красных, 1998; Макаров, 2003; Олянич, 2007; Правикова, 2004; Ревзина, 2005; Силантьев, 2006 и др.].

Типология дискурсов выстраивается исследователями по разным **основаниям**: социальному, национально-культурному, тематическому и др.

Каждая типология предполагает особые свойства дискурса определенного **типа**, выражающие обусловленность специфики его речевой формы (ее **конкретно-текстовых признаков**) определенными **экстралингвистическими факторами** (которые в онтологическом плане можно обозначить как факторы образования «порядка дискурса», по М. Фуко). Обозначенные свойства дифференцируют процессуальную (экстралингвистическую – например, ролевая структура общения и др.) и результативную (речевую – например, особенности организации текста и др.) стороны осуществления дискурса, актуализируя условия его протекания и специфику текстовых манифестаций, определяемую данными условиями.

Сложность построения типологии дискурсов определяется рядом причин. Во-первых, это причины социокультурные – «формы дискурса столь же разнообразны, как и формы самой человеческой жизни» [Кибрик, 2009, с. 4]. Во-вторых – коммуникативные: границы дискурсов не могут быть четко очерчены, их проницаемость определяется полифункциональностью субъекта дискурсной деятельности, имеющего разнообразный опыт текстопорождения и обладающего навыками его использования в различных коммуникативных ситуациях. По выражению О.Г. Ревзиной, «дискурсивные формации переплетаются между собой, частично совпадая по коммуникативным и когнитивным признакам, по используемым жанрам. Для дискурса релевантным является принцип «семейного сходства»» [Ревзина, 2005, 68]. Именно поэтому большинство существующих типологий дискурсов выстраиваются по тем основаниям, которые отвечают конкретным исследовательским задачам [Филипс, Йоргенсен, 2005].

В данном исследовании мы ориентируемся на **социолингвистическую** типологию дискурсов, истоки формирования которой восходят к концепции дискурса М. Фуко. Данная типология дифференцирует коммуникативную деятельность человека как **институциональную** и **личностно-ориентированную**.

Социолингвистическая дифференциация институциональных и личностно-ориентированных дискурсов и их типов впервые представлена в работах В.И. Карасика [Карасик, 1998, 2000, 2002 и др.]. В основе такой классификации – цель общения, его типовые обстоятельства и участники. Каждый тип институционального дискурса соответствует социально заданному типу институциональности (политический, образовательный, религиозный и др.), формирующему особу коммуникативную цель (дискурсивную интенцию), реализуемую в институционально заданных типовых условиях общения. Типовыми участниками институциональной дискурсной деятельности являются агенты дискурса (представители соответствующего социального института) и его клиенты, вступающие в дискурс в социально-ролевой позиции обыденного человека.

Институционально ориентированная коммуникативная деятельность обыденного человека противопоставляется личностно-ориентированной (как одному из аспектов деятельности обыденного человека, рассмотренных в разделе 2.2 (схема 2)), которую также можно представить в виде определенных социально заданных типов.

Базовым фактором дискурсообразования, по мнению исследователей, является характер **дискурсивной интенции** – как универсальный фактор формирования дискурса (см., например, [Арутюнова, 1999, Дейк, 1989, Карасик, 2002, Макаров, 2003, Ревзина, 2005] и др.). Кроме того, исследователи выделяют такие экстралингвистические дискурсивные факторы, как **тип деятельности участников, формальность группы**, **условия общения** (прагматика дискурса), **ролевые отношения** участников дискурса, **степень знакомства коммуникантов**, «коррелирующая с делением групп на первичные (психогруппы) и вторичные (социогруппы)» [Макаров, 2003, 210], а также **свойства субъекта общения** [Дейк, 1989, 2013; Карасик, 2002, Макаров, 2003, Ревзина, 2005; Хэллидей, 1991 и др.].

На основании специфики социально обусловленной дискурсивной интенции выделим типы личностно-ориентированных дискурсов. Проанализируем их специфику в аспекте экстралингвистических дискурсивных факторов и конкретно-текстовых признаков речевой формы дискурса.

2.3.3 Личностно-ориентированные дискурсы обыденного человека

2.3.3.1. Типология личностно-ориентированных дискурсов в соответствии с фактором дискурсивной интенции

Сложность внутренней организации личностно-ориентированных дискурсов определяется **множественностью дискурсивных целей и локальностью их характера** [Макаров, 2003, 175]. Локальные цели личностно-ориентированных дискурсов устанавливаются в рамках каждой конкретной коммуникативной

ситуации: «частное знание проступает в режиме реального времени и порционно, информационно-прагматическая ценность этих порций высока, но в повседневной жизни она в стереотипных ситуациях погашается немедленным действием, в чем, собственно, и проявляется принцип забвения – «дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны» (М.Фуко)» [Ревзина, 2005, с. 74].

Обращение к личностно-ориентированным дискурсам должно осуществляться с учетом **множественности** конкретных **базовых целей** их протекания (по А. Шюцу, человек, находясь в «биографически детерминированной ситуации», обладает возможностью будущей практической или теоретической деятельности, регулируемой «наличными целями» [Шюц, 1988, с. 131]). Множественность целей личностно-ориентированной коммуникации определяется общими принципами регулирования внеинституциональной деятельности, формируемыми «на местах». При этом такие дискурсивные факторы, как **условия общения**, **тип субъекта** и **ролевые позиции коммуникантов**, получают в личностно-ориентированных дискурсах особый статус, вступая с фактором интенциональности в отношения взаимной обусловленности[40].

Множественность целей личностно-ориентированных дискурсов, многообразие условий их осуществления и отсутствие институциональной заданности ролевых позиций не лишают внеинституциональное общение внутренней организованности. Мысль о том, что внеинституциональное общение развивается вне всяких внешних правил и норм, опровергнута всей логикой дискурс-анализа, начиная с работ М.М. Бахтина, указывающего на обусловленность разговорной речи своей, особой, идеологией [Волошинов, 1930]. М.М. Бахтин особо подчеркивает, что «организующий центр всякого высказывания, всякого выражения – не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь» [там же, с. 95]. Если институциональное общение, как и вся институциональная деятельность, регулируется требованиями социальных

[40] О специфике организации дискурсов повседневности см. [Тубалова, 2011, 2012, 2014].

институтов, то внеинституциональная коммуникация, как и вся внеинституциональная деятельность обыденного человека, регулируется национально-культурно обусловленными принципами повседневного общения, усвоенными им в процессах участия в рутинных внеинституциональных практиках. При реализации дискурсивных практик эти принципы приобретают статус дискурсивных правил.

Классифицирование личностно-ориентированных дискурсов может быть построено по различным основаниям, соответствующим задачам их анализа (один из немногих известных лингвистике примеров – классификация личностно-ориентированных дискурсов В.И. Карасика, дифференцирующая бытовой и бытийный дискурсы, а также их разновидности [Карасик, 2002]).

В настоящем исследовании, направленном **на выявлении специфики формирования полифонического текста** обыденным человеком, участвующим в коммуникации за пределами социальных институтов, представим классификацию личностно-ориентированных дискурсов, обосновывающую указанную специфику.

Формирование **полифонического текста** обыденным человеком в личностно-ориентированных дискурсах регулируется рядом факторов (подробнее – в разделе 4.1 главы 4), среди которых ведущую роль играют:

1) коммуникативно-прагматическая специфика дискурсивной интенции;

2) субъектная интенция, специфика реализации которой определяется положением в дискурсе обыденного человека как его участника, для которого вступление в дискурс может носить либо **рутинный, привычный характер**, либо иметь характер **непривычной, исключительной** речевой деятельности, основанной на нарушении регулярного режима общения.

Опираясь на базовые модели коммуникации, рассмотрим **типы личностно-ориентированных дискурсов**, выделенные на заявленных основаниях (см. об этом [Тубалова, 2014]).

1. По характеру дискурсивной интенции можно выделить (1) дискурсы, направленные на преобразование экстралингвистической ситуации, – дискурсы

практической направленности – и (2) дискурсы, направленные на интерпретацию действительности, – дискурсы **интерпретационной** направленности.

В дискурсах **практической направленности** речевой процесс сопровождает осуществление участниками каких-либо неречевых действий.

Дискурсы практической направленности являются компонентом деятельности, нацеленной на решение конкретных бытовых задач. В их рамках речевой процесс сопровождает осуществление участниками каких-либо бытовых действий (ремонт, копка картошки, уборка, покупка в магазине, устранение бытовых неисправностей и т.д.), организуя их, регулируя бытовое поведение (диалог между соседями о благоустройстве жилья, между супругами – о специфике приготовления пищи и под.). Речь состоит из лаконичных фраз, стандартных по структуре, что определяется спецификой дискурсивных целей – добиться осуществления повседневных **неречевых** действий в желаемой форме: *В.П.: А ты окучил картошки-то? Г.Д.: Ага, счас окучил. Ну, я то'ко край туда, видишь, а Нина [жена] гыт, «это я подобью». Не доверя'т. В.П.: Не доверяя'т, больши', ага? Подбива'т, наверно? Г.Д.: Ага.* (СГсб1) // *Б. А ты молоко будешь? В. Я пил вообще-то// Потом может// Б. Вот яблоко можешь// В. Яблоко да// Б. На// В. Угу//* (РРР) // *[Дочь, жен, 16] Мама / можно* я пойду погулять сегодня*? [Мать, жен, 40] Ты же мне обещала помочь? [Дочь, жен, 16] А я завтра помогу… [Мать, жен, 40] Нет / лучше сегодня помоги / а завтра пойдешь гулять!* (НКРЯ). В процессе текстопорождения используются отработанные в личностно-ориентированной сфере относительно стандартные речевые модели, наиболее востребованные при решении текущих практических задач, на решении которых сосредоточена когнитивная деятельность субъектов.

Для дискурсов **интерпретационной направленности** порождение текста – действие доминантное, вербализуемый обмен фактами и мнениями имеет самостоятельное значение и существует относительно независимо от сопровождающих его неречевых действий (семейный разговор за ужином, болтовня с соседкой, направленный разговор информанта с собирателем,

«кухонные» разговоры и т.д.). Н.Д. Арутюнова, определяя один из видов подобной деятельности как «праздноречевую», отмечает, что данная деятельность «не имеет /…/ практической цели, но очень важна как регулятор психического состояния людей, их взаимоотношений; она развивает художественные задатки, тренирует интеллектуальные способности» [Арутюнова, 1999, с. 605].

Достаточно подробно специфика речевой деятельности рассматриваемого типа была проанализирована в рамках теории речевых жанров [Дементьев 1997 и др., Седов, 2001 и др., Шмелева, 1997 и др.]. Так, К.Ф. Седов определяет жанровую принадлежность таких текстов как «разговор», включающий такие разновидности, как бытовой разговор (болтовня), разговор по душам, разговор в компании (дружеская беседа) и светский разговор (светская беседа) [Седов, 2001].

Формулирование общей цели личностно-ориентированных дискурсов интерпретационной направленности возможно только в максимально обобщенном виде: любое обозначение в этом случае, скорее, выражает тип целей, их характер, но не может продемонстрировать цель в ее конкретике. В качестве их общей цели обозначим **удовлетворение потребности в общении** [Винокур, 1993б и др.].

Тексты в дискурсах такого типа часто образуют объемные нарративные структуры, в них активно реализуются не только собственно-информативные, но и оценочные субъектные интенции: *Много, много вот этыю в двадцать девятых, в тридцатых, в тридцать первых, в тридцать вторых- третьих, много людей погубили. Как только чаво сказал – ворон черный, и пошел. Ворон черный, и пошел. И без вести. Да. Боже сказать избавь. У нас один пацан там в школе сыграл песню, как Ленин сидит на горе, грызет кобылью ногу. А и хтой-то донес. «Ты идее эту песню, хто тебе сыграл?» - «Папа». Ага. Прибегаеть один и говорит: «Ахрем, уходи, сейчас приедет черный ворон, заберёть: песню сыграл»* (РД).

Именно дискурсы такого типа создают условия для разнообразия речевой формы, в том числе для активного привлечения иноречевых форм. Обращение к ним регулируется принципами междискурсивного взаимодействия – принципам

адаптации инодискурсивных правил организации речевой формы к правилам принимающего дискурса. Так, бытовые аналогии институциональных правил оказываются постоянно востребованными обыденным человеком в его личностно-ориентированной интерпретационной речевой деятельности: *[1] Вот будет у тебя* ***паспорт*** *– будешь когда угодно домой приходить! / [2] Пусть идет куда хочет – у нас в семье* ***демократия*** (РРТ). Рассматриваемый дискурс требует переосмысления институционально значимого содержания в соответствии с его личностной значимостью. Усвоенные в рамках регулярного институционального опыта смыслы используются для выражения личностно-ориентированного содержания (наличие паспорта (а) как показатель институционального гражданского статуса, обеспечивающего доступ к институционально оформленным правам и свободам, – (б) как показатель доступа к свободе от семейных авторитетов; демократия как (а) институционально значимый тип лояльной политической позиции – (б) личностно значимый тип лояльных семейных отношений).

Безусловно, для реальной практики речевого события не характерна жесткая дифференциация обозначенных типов дискурсов. В процессе текстовой деятельности цели могут варьироваться, трансформироваться и уточняться, соответственно, дискурсы могут перетекать из одного в другой: так, практико-ориентированный разговор легко перетекает в «общение ради общения», а элементы практических и интерпретационных интенций обнаруживаются в большинстве фактических речевых ситуаций. Кроме того, особая конвенциональность личностно-ориентированного общения позволяет прочитывать некоторые формально практико-ориентированные речевые модели как в большей степени интерпретационные. Рассмотрим повседневный семейный диалог: *[Мать – сыну, который пьет молоко из общей бутылки] Кружку возьми, кру-жку возьми-и-и! [Сын] Использование лишних предметов крайне затрудняет процесс! Да, пап? [Отец] Взрослый стал, что ли?!* (РРТ). В данном случае не только реплика отца, но и реплика матери, в первую очередь, носит оценочный характер, прочитывающийся в рамках ситуационной дискурсивной

конвенциональности. Практическая ориентация дискурса на первых этапах диалога выступает как мотивированная дискурсивно обусловленной интерпретацией действительности, а на последующих его этапах нейтрализуется. Восприятие реплики матери как оценочной провоцирует сына на ироническую реакцию, в рамках которой осознанное ироническое использование подчеркнуто-неуместных инодискурсивных речевых форм выражает не отказ от совершения требуемого действия (практическая реакция), а ответ на полученную оценку (интерпретационная реакция).

2. Коммуникация, протекающая в привычном либо непривычном для ее участника русле, формирует особые дискурсы, что определяет специфику их речевой составляющей, в том числе – специфику формирования полифонического текста.

Представленная в разделе 2.1 модель видов деятельности обыденного человека показывает, что его личностно-ориентированная деятельность реализуется в двух институционально не регулируемых сферах: (1) сфере институционально не регулируемой повседневности и (2) сфере институционально не регулируемой неповседневной деятельности (схема 2).

В обозначенных сферах деятельности реализуются соответствующие им дискурсы. Дискурсы, привычные для обыденного человека, в которые он вступает регулярно, мы определяем как **повседневные**, а дискурсы непривычные, исключительные для него – как **неповседневные**.

Характер целей субъектов дискурсов, реализуемых в обозначенных сферах, различается.

В повседневных дискурсах «наличные цели» субъектов направлены на поддержание отработанного порядка дискурса, что обеспечивает его протекание по относительно стабильным моделям.

В сфере институционально не регулируемой неповседневной дискурсной деятельности, участвуя в реализации непривычного сценария общения, субъект в рамках коммуникативных целей как речевого сопровождения бытовых действий,

так и удовлетворения потребности в общении вынужден дополнительно искать пути восстановления дискурсивного порядка.

В процессе реализации интенций неповседневного общения, пытаясь «удержаться» в дискурсе, субъект испытывает особые трудности, в том числе в связи с отсутствием «речевой безопасности» (как возможности свободного, раскованного производства речевой формы). Это выражается в активизации речевого самоконтроля, находящего в тексте особое проявление: *И есть в регионах его... ну / как сказать... подразделения. То же самое / как в Приморском крае. У них есть эти данные... Но / я думаю / что все-таки... дело в том /что... ну / как сказать... миграционные процессы в нашей стране / они очень такие... единичные. И поэтому уследить за всем / что происходит... ну / как бы очень трудно. И я думаю / что как бы последняя вот эта... предстоящая перепись населения / как одна из больших ревизий / она будет вполне оправдана и необходима / я думаю. Потому что последняя перепись населения проводилась... где-то в восьмидесятых годах / да?* (НКРЯ).

Многообразие личностно-ориентированных дискурсов повседневности определяется количеством регулярно возникающих в привычной речевой деятельности субъекта коммуникативных целей и в совокупности отражает общую систему стабильности стратегий их достижения.

Достижение тех же, что и в повседневном общении, коммуникативных целей (информирования, убеждения, оценки и под.) в неповседневных дискурсах становится возможным только при условии трансформации реализующих их стратегий. В основе такой трансформации – реакция субъекта на нарушение дискурсивного порядка и ориентация дискурсивных стратегий на его восстановление. Многообразие личностно-ориентированных неповседневных дискурсов выстраивается на основании множественности форм нарушения привычных для субъекта сценариев общения и стратегических решений, эти нарушения компенсирующих.

Типология личностно-ориентированных дискурсов в соответствии со спецификой дискурсивной интенции представлена в схеме 3.

Схема 3. Типология личностно-ориентированных дискурсов

Рассмотрим специфику обозначенных типов устных личностно-ориентированных дискурсов в аспекте действия значимых для формирования полифонической структуры текста дискурсивных факторов.

2.3.3.2. Личностно-ориентированные дискурсы в аспекте экстралингвистических дискурсивных факторов

Специфика речевой формы личностно-ориентированных дискурсов по сравнению с речевой формой дискурсов институциональных, а также специфика речевой формы личностно-ориентированных дискурсов различного типа (практической и интерпретационной направленности, повседневных и неповседневных), в первую очередь, определяется характером дискурсивной интенции – как базового фактора дискурсообразования. При этом в личностно-ориентированных дискурсах особую значимость приобретает субъектная интенция, на характер которой оказывает особое влияние целый ряд других экстралингвистических факторов дискурсообразования.

Проведенное исследование показало, что наиболее значительную роль среди них играют такие экстралингвистические факторы, как **условия общения, тип субъекта общения, содержание общения, ролевая структура коммуникации**, а также **канал передачи информации**.

Рассмотрим действие названных экстралингвистических факторов относительно их проявления в выделенных типах дискурсов.

Условия общения

Условия институционального общения предписываются внутренними правилами интенционально ориентированного существования социального института. Перечень потенциально возможных ситуаций институционального взаимодействия его участников коррелирует со спецификой деятельности института и заранее регламентирован, в том числе стабилен перечень возможных условий общения. В личностно-ориентированных дискурсах условия общения значительно более вариативны, их влияние на специфику протекания общения, в том числе на характер речевой формы, более выраженно.

Дифференциация условий общения в институциональных и личностно-ориентированных дискурсах выражается в различии **уровня формальности общения** (рассматриваемого в [Дейк, Кинч, 1988, Дейк, 1989, Макаров, 2003 и др.]). Высокий уровень формальности общения задается его протеканием в институциональных условиях, **внешней** предписанностью характера общения, отсутствием у субъекта возможности выбора сценария дискурсивного поведения.

При этом различие в уровне формальности общения не создает дизъюнктивной оппозиции, скорее, оно формирует шкалу формальности, характеризующую различную степень формальности не только в рамках противопоставления институциональных и личностно-ориентированных дискурсов, но и внутри них (например, в институциональных дискурсах документа и деловых переговоров).

Личностно-ориентированные дискурсы, в целом демонстрирующие более низкий, чем дискурсы институциональные, уровень формальности общения, также характеризуются различным уровнем формальности. Это определяется динамикой условий общения.

Наиболее подробно различные типы личностно-ориентированного общения в соответствии с условиями их реализации рассматривались исследователями в рамках теории речевых жанров [Дементьев 1997, 2007 и др., Китайгородская, Розанова, 1999, 2010, Седов и др., 2007, Седов, 2001, 2006, 2009а, 2009б и др.].

Ситуационный характер формирования дискурсивной интенции при личностно-ориентированном речевом взаимодействии, ориентация личностно-ориентированных дискурсов на «примат локальной организации», «на процесс» [Макаров, 2003, с. 175] определяют особую роль условий общения в формировании речевой составляющей, причем наиболее выраженно мотивирующее влияние данного фактора проявляется в дискурсах интерпретационной направленности.

Условия общения в **ситуационном дискурсе интерпретационной направленности** – многоаспектный фактор, который может быть представлен в виде субфакторов **времени**, **места** и **психологических условий** общения.

Пространственно-временные параметры в личностно-ориентированных дискурсах обладают меньшей мотивирующей силой, чем в дискурсах институциональных.

Личностно-ориентированные дискурсы, свободные от институциональных правил, не только характеризуются множественностью возможных условий их протекания, но и обладают по отношению к этим условиям особой пластичностью. Ни институционально значимые локусы (офис, медицинское учреждение, научный институт и под.), ни время, социально предназначенное для институциональных процедур (рабочий день, время работы официальной инстанции), не накладывают запрет на реализацию личностно-ориентированного общения и не обусловливают формирование речевой формы особого типа. Хронотоп личностно-ориентированных дискурсов вариативен.

Отсутствие локативной маркированности – один из признаков исследуемых дискурсов. Наряду с локусами, ориентированными на условия внеинституционального общения (дом, парк, детская площадка и под.), в зону его распространения достаточно органично входят локусы, сформированные на

институциональных основаниях (например, в ситуации «бытовые разговоры на рабочем месте»).

Временной режим протекания дискурсов исследуемого типа также является достаточно свободным – это время, свободное от институциональных процедур, время личной свободы и самореализации обыденного человека.

Наибольшей значимостью для формирования дискурсивной специфики личностно-ориентированного общения обладает фактор **психологических условий общения**, играющий значительную роль в дифференциации речевой формы повседневных и неповседневных дискурсов (в отличие от общения институционально заданного, где данный субфактор – на периферии, т.к. общение регулируется, в первую очередь, официальным статусом его субъектов).

Субфактор психологических условий общения дифференцирует **комфортный/дискомфортный для его участников речевой обмен**, определяемый наличием/отсутствием у говорящего осознанной установки на адаптацию к адресату, проявляющейся в повышенном уровне контроля дискурсивного поведения – **речевого контроля**. Именно психологический дискомфорт субъекта личностно-ориентированного дискурса приводит к **повышению уровня формальности общения**.

Отметим, что признак комфортности характеризует соответствие характера общения субъектным ожиданиям: комфортным является такое общение, сценарии которого предсказуемы. В связи с этим в институциональных дискурсах комфортность общения, наоборот, повышается в условиях его институционально заданной формальности.

В условиях комфортного общения реализуются привычные дискурсивные сценарии: формируются **повседневные** дискурсы. Условия дискомфортного общения ограничивают реализацию привычных сценариев речевого общения, в результате говорящий демонстрирует особую речевую настороженность: формируются **неповседневные** дискурсы.

Комфортность/дискомфортность речевого обмена, связанная с формированием повседневных/неповседневных дискурсов, создается рядом

конкретно-ситуативных **признаков** личностно-ориентированного общения, характеризующих (1) особенности речевого партнера и (2) способ взаимодействия с ним. Рассмотрим эти признаки.

1. Признак **публичности/непубличности общения** характеризует **особенности речевого партнера**: единичность/множественность адресата и близость знакомства с ним. Выделяя данный признак, мы ориентируемся на дифференциацию публичного/непубличного общения, использованную К.Ф. Седовым при построении типологии речевых жанров внеинституционального общения [Седов, 2009а, 2009б, 2010].

Публичность общения усложняет адаптацию к адресату, в первую очередь, в силу его множественности.

Признак публичности/непубличности общения не прямо определяет уровень его комфортности. С одной стороны, общение с множеством хорошо знакомых собеседников (например, компании друзей) может быть для говорящего гораздо более комфортным, чем индивидуальное общение с незнакомым либо знакомым, но не лояльным собеседником. С другой стороны, при индивидуальном общении с незнакомым собеседником говорящий транслирует информацию не конкретной личности (знакомой, привычной), а «человеку вообще», ориентируясь на обобщенного участника по типу множественной коммуникации: фактор публичности «не имеет бинарного противопоставления, а скорее представляет собою два крайних полюса, между которыми признак публичности может проявляться с нарастающей или убывающей силой» [Барнет, 1985, с. 89] (цит. по [Седов, 2007, с. 10]). Признак публичности/непубличности общения является одним из определяющих по отношению к уровню его комфортности.

2. Еще один признак, определяющий комфортность/некомфортность общения, – **конфликтность/неконфликтность**. Данный признак характеризует **способ взаимодействия с собеседником**. Конфликтное общение – безусловно, общение дискомфортное. При этом, в зависимости от **типа собеседника**

(близкое/неблизкое знакомство), конфликт может протекать как по привычным, так и по непривычным сценариям (подробнее – далее).

3. Комфортность/некомфортность общения определяется также признаком **латентной институциональности**. Данный признак также характеризует **специфику адресата** в его восприятии адресантом. Наличие/отсутствие латентной институциональности связано с осознанием говорящим реального/потенциального институционального статуса собеседника, с которым он вступает в личностно-ориентированное взаимодействие.

Обозначенные признаки в совокупности формируют наиболее типичные условия реализации повседневных и неповседневных личностно-ориентированных дискурсов (таблица 2).

Таблица 2 – Типичные ситуации (условия) повседневного и неповседневного личностно-ориентированного (ЛО) общения

тип ЛО-общения	тип ситуации		публич-ть	конфл-ть	латент. инст-ть	комф-ть
повс-й	1	общение с близкими людьми (конфликтное и неконфликтное; индивидуальное и множественное)	-	-/+	-	+(-)
	2	индивидуальное неконфликтное общение с неблизкими, но хорошо знакомыми собеседниками	-	-	-	+
	3	множественное неконфликтное общение с неблизкими, но хорошо знакомыми собеседниками	+	-	-	+
неповс-й	1	индивидуальное конфликтное общение с неблизким, но знакомым собеседником	-	+	-/+	-
	2	множественное конфликтное общение с неблизкими, но знакомыми собеседниками	+	+	-/+	-
	3	индивидуальное общение с незнакомым речевым партнером	(-)+	-/+	+	-
	4	множественное общение с незнакомыми речевыми партнерами	+	-/+	+	-

Повседневные личностно-ориентированные дискурсы формируются в следующих условиях (ситуациях) общения.

1) Неконфликтное общение с близкими людьми (в семье или с друзьями) – не публичное, не ограниченное латентной институциональностью – не требующее особой адаптации к собеседнику. Даже при множественном характере участников общение не приобретает характер публичного: его участники, обращаясь к одному из присутствующих, практически не корректируют дискурсивное поведение в связи с наличием третьих лиц.

Общение в подобных дискурсивных условиях либо протекает как «легкое, поверхностное, скользящее по ассоциативному принципу дискурсивное поведение» («болтовня») [Седов, 2009б, с. 87], либо представляет собой «исповедальное общение, где разрешаются вопросы, судьбоносные для его участников» («разговор по душам») [там же, с. 88]. Говорящий ориентируется на стабильные – возрастные, гендерные, неофициально-статусные (сосед; лидер в устойчивой микрогруппе; признанный «умелец» в каком-то деле и под.) – характеристики собеседника.

Даже в случае возникновения конфликта с собеседником такого типа, нарушающего комфортный характер общения, повседневный характер дискурса не нарушается: конфликтные сценарии общения являются отработанными, привычными для его участников.

2) Внеинституциональное индивидуальное неконфликтное общение с неблизкими, но хорошо знакомыми собеседниками (коллегами, партнерами по профессиональной и непрофессиональной деятельности) – не публичное, не требующее адаптации к собеседнику. Речевое взаимодействие в подобных условиях чаще осуществляется по модели «болтовни» [Седов, 2009б, с. 87], реже может принять характер «разговора по душам» [там же, с. 88].

Как и в предыдущем случае, говорящий ориентируется на стабильные личностные характеристики собеседника. Известный говорящему особый институциональный статус собеседника (при его наличии) выводится на

периферию (проявление признака латентной институциональности сводится к минимуму).

3) Внеинституциональное множественное неконфликтное общение с неблизкими, но хорошо знакомыми собеседниками – публичное, но также не требующее особой адаптации к собеседнику в силу использования регулярных сценариев публичного взаимодействия. Говорящий, как и в вышеописанных условиях, ориентируется на стабильные характеристики собеседника. Известный говорящему особый институциональный статус собеседника (при его наличии), как и в предыдущем случае, выводится на периферию (проявление признака латентной институциональности также сводится к минимуму).

Подобный тип общения К.Ф. Седов определяет как «дружеское общение», относя к нему как «неофициальное общение и людей, объединенных одной профессией (например, разговор в школьной учительской или на кафедре в вузе), и индивидов, связанных общим увлечением (автомобилистов, рыбаков, любителей бани и т.п.)», так и «многие формы речевого взаимодействия родственников и друзей (например, застольное общение)» [там же]. Отметим, что условия взаимодействия родственников и друзей в силу указанных выше причин мы относим к 1-му типу.

Неповседневные личностно-ориентированные дискурсы формируются в следующих условиях (ситуациях) общения.

1) Индивидуальное конфликтное общение с неблизким, но знакомым собеседником – дискомфортное в силу его конфликтности. Конфликт с неблизким собеседником всегда имеет для субъекта статус события исключительного. Привычные для говорящего личностные качества не близкого, хотя и знакомого собеседника в условиях конфликта уходят на периферию. Проявление собственных личностных качеств также минимизируется. При наличии у участников общения особого институционального статуса активизируется латентная институциональность. Взаимодействие приобретает характер, приближенный к официальному. Общение не может протекать по привычным

сценариям и определяет неповседневный характер личностно-ориентированного дискурса.

2) Множественное конфликтное общение с неблизкими, но знакомыми собеседниками, дискомфортное уже из-за его конфликтности (как и в предыдущем случае), усиливается публичным характером его протекания. Сценарии реализации соответствующих дискурсов также уточняются в процессе его развития.

3) Индивидуальное общение с незнакомым речевым партнером независимо от его конфликтного/неконфликтного характера требует особой адаптации к собеседнику, что определяет его дискомфортный характер.

Если собеседник не знакомый, возможность учета говорящим специфики адресата снижается, адресанту приходится ориентироваться на «среднего» собеседника, что сближает данный тип взаимодействия с публичным. Ориентация на обобщенного собеседника выводит на периферию и его идентифицируемые стабильные индивидуальные характеристики – гендерные, возрастные и под., приближая, тем самым, тип общения к официальному.

4) Множественное общение с незнакомыми речевыми партнерами – также независимо от его конфликтного/неконфликтного характера требует особой адаптации к собеседнику/собеседникам, что определяет его дискомфортный характер.

К последним двум видам – из вышеназванных – условий общения относятся условия формирования жанра «светская беседа», выделенного К.Ф. Седовым как вежливое общение не близко знакомых коммуникантов, принадлежащих к образованным слоям социума [Седов, 2009б]. К.Ф. Седов характеризует ситуации его реализации как «кулуарное общение на научной конференции, неофициальный разговор на разного рода презентациях и торжественных собраниях и т.п.» [там же, с. 87]. Но условия общения, соответствующие типам (3) и (4), свойственны не только образованным слоям социума. Субъект любого типа, вступая во взаимодействие с незнакомым собеседником, особый институциональный статус которого либо известен, либо потенциально возможен,

в общении испытывает особый дискомфорт. Признак публичности проявляется активно. Данный признак вступает во взаимодействие с также активным признаком латентной институциональности и становится основанием для коммуникативного неравенства собеседников. Выход за пределы институциональности рассматривается как некоторое продолжение институционального общения, что делает личностно-ориентированную коммуникацию несколько искусственной, требующей особого самоконтроля и, тем самым, формирует неповседневный характер общения.

Особый случай реализации условий общения рассматриваемого типа – направленное общение с целью сбора определенной информации, импульс которого задан институционально (направленный сбор речевого материала социологом, филологом и под.). Внешне признак институциональности активно не проявляется. Коммуникативное неравенство определяется, в первую очередь, наличием в числе участников коммуникации выраженного инициатора общения, ведущего в диалоге/полилоге. Инициатор общения скрыто регулирует его в соответствии с институциональной задачей, решение которой требует внешнего контроля. Например, если социолог анализирует общественное мнение по социально значимой проблеме – его вопросы ориентируют информантов на ее обсуждение; в результате его регулирующая роль на протяжении всего общения остается достаточно выраженной, хотя внешне оформляется по модели институционально нейтрального участия лидера в личностно-ориентированном разговоре. При сборе материалов для лингвистического исследования чаще всего такое регулирование проявляется еще меньше, в результате публичная и латентно-институциональная доминанты общения, выраженные в начале разговора такого типа (сбор анкетных данных и под. институционально значимые действия), ослабевают в процессе его развития. Информанты переключаются на раскованный режим общения. Если в разговоре с социологом публичная доминанта личностно-ориентированного дискурса, как правило, поддерживается на всем его протяжении (в силу установки собирателя на поддержание социально значимой тематики и отсутствия ориентации на создание естественных условий

общения), то в разговоре с филологом-собирателем условия общения часто приближаются к естественным, тематика не ограничивается и неповседневный дискурс может плавно перетекать в повседневный.

Таким образом, ведущую роль при формировании специфики личностно-ориентированных дискурсов играют психологические условия общения, определяемые уровнем комфортности взаимодействия с речевым партнером, являющимся социально заданными. Время и место реализации общения для формирования их специфики не обладает выраженной значимостью.

Условия дискомфортного общения приводят к повышению уровня речевого контроля, повышению уровня формальности общения.

Ролевая структура

Способ протекания ситуационного дискурса в значительной степени определяется характером коммуникативно-ролевого распределения участников общения. Если в институциональных дискурсах такое распределение задано статусно-ролевой концепцией социального института [Водак, 1997, Карасик, 2002 и др.], соответствующей уровню формальности общения [Макаров, 2003], то в дискурсах личностно-ориентированных ролевые отношения субъектов формируются вне зависимости (или в крайне ослабленной зависимости) от институционального статуса.

О.Г. Ревзина обращает внимание на то, что в дискурсах исследуемого типа «не действует сформулированный М. Фуко принцип «прореживания говорящих субъектов»» [Ревзина, 2005, с. 74] – вступление субъекта в дискурс и принципы его дискурсивного поведения не ограничиваются никакими его социальными характеристиками. Ролевые позиции характеризуются особой динамикой.

Если в рамках институциональных дискурсов типы позиций участников общения формируются в пресуппозиции и статусное общение предлагает его участникам фиксированную схему коммуникативных ролей [Макаров, 2003, с. 175], то в неинституциональном общении ролевая структура дискурса

формируется на уровне каждой конкретной ситуации общения. Личностно-ориентированную дискурсивную сферу в целом характеризует «относительно свободная мена коммуникативных ролей» [там же].

«Относительность» свободы ролевой структуры ситуационного дискурса определяется презумпцией отработанных в **повседневных** личностно-ориентированных дискурсах отношений, в основе которых – равноправие/неравноправие речевых партнеров. Привычные сценарии общения реализуются в рамках стабильно-группового, а также общекультурно и национально-культурно заданного характера отношений «лидера» («признанного знатока», «родителя», «старшего по возрасту», «главы семьи», «мужчины» и под.) и «ведомого» («нуждающегося в поддержке», «женщины», «ребенка», «младшего по возрасту» и под.). Результаты стабильно-группового, общекультурно и национально-культурно заданного ролевого распределения отражают **внешнедискурсивные роли**.

Ролевые позиции обыденного человека в повседневном общении достаточно стабильны, но, в отличие от институционального общения, множественны: в разных ситуациях межсубъектного взаимодействия его роль варьируется, ситуация диктует **принятие заданной принципами повседневного общения** роли, а в некоторых случаях вступление в ситуационный дискурс требует **выбора** роли (например, ролевые отношения вопрошающего/информированного могут накладываться на отношения старшего/младшего по возрасту). Результаты ситуационного ролевого распределения представляют **внутридискурсивные роли**.

Применительно к каждой ситуации ролевая структура повседневного личностно-ориентированного дискурса представляется достаточно определенно организованной и подчиняется типичной ситуационной интенциональности. Так, в дискурсах, ориентированных на получение информации, проявляются роли вопрошающего и отвечающего (информированного, обладающего знанием), в дискурсах, направленных на оценку действительности, – роли «судей» и «защитников», в бытовых обучающих дискурсах – роли «специалистов» и

«учеников» и под. Стабильность ролевого распределения подтверждается, например, регулярным обращением к повседневным аналогиям при характеристике институциональных ролевых отношений (*Совершенно очевидно / что в российской политической элите / да и в целом в обществе / происходит отход от отношений с Украиной как отношений между* ***старшим и младшим братом*** (НКРЯ) и под.).

Таким образом, ролевая структура повседневных личностно-ориентированных дискурсов формируется на двух основаниях: 1) ролевые отношения внутренне соответствуют локальной дискурсивной цели и ею определяются (внутридскурсивные роли); 2) ролевые отношения определяются константными принципами повседневной коммуникации – условиями общения, индивидуальными свойствами субъекта (внешнедискурсивные роли). Указанные основания в процессе формирования ролевой структуры локального личностно-ориентированного дискурса вступают во взаимодействие, при этом, в отличие от дискурсов институциональных, локальная цель в ролевой организации дискурса определяет выбор ролевых позиций.

В **неповседневных** личностно-ориентированных дискурсах значимость внешнедискурсивных ролевых позиций, установленных в рамках привычных сценариев общения, снижается. На ведущее место выходят латентно-институциональные внешние дискурсивные роли (так, применительно к материалу нашей работы особое место занимает реализация внешнедискурсивной роли исследователя – собирателя речевого материала, при общении с которым информанты могут испытывать дискомфорт, определяющий наличие в общении признаков латентной институциональности). Кроме того, в условиях неповседненвого общения внешнедискурсивный ролевой статус его участников может быть не актуален для них.

При реализации различных интенций в неповседневных дискурсах субъект вынужден активизировать особую стратегию освоения дискурса – стратегию **ролевого распределения**, потребность в которой может определяться (1) конфликтом внешней и внутренней дискурсивной роли; (2) непроявленностью

внешних ролевых позиций в ситуационном дискурсе (ср.: в институциональных дискурсах ролевые отношения заданы социальным институтом – например, *начальник/подчиненный*, в повседневных личностно-ориентированных дискурсах они либо заданы на уровне национально-культурном – например, *дети/родители*, – либо отработаны в процессах их регулярной реализации – например, *друг, сосед* и под.). Незавершенность ролевого распределения создает для субъекта дискурса особый дискомфорт.

(1) Конфликт внешней и внутренней дискурсивной роли проявляется в ситуации, требующей нарушения стабильного ролевого распределения (например, младший по возрасту выступает как «специалист» или субъекты с неравным институциональным, профессиональным статусом вынуждены вступать в полярно переориентированные коммуникативные отношения в быту).

(2) Непроявленность внешних ролевых позиций в ситуационном дискурсе, требующая создания нового ролевого распределения, реализуется, например, при общении с незнакомым речевым партнером.

В указанных случаях стратегия ролевого распределения выходит на ведущие позиции, оформляя особый способ реализации интенции «общения ради общения», что порождает особые стратегии восстановления дискурсивного порядка, определяемые ситуационно-дискурсивной интенциональностью. Поиск нового ролевого распределения активизирует латентную институциональность при оценке субъектом речевого партнера. Если партнер по коммуникации обладает более высоким институциональным статусом, то в неповседневном личностно-ориентированном общении его лидерство сохраняется. Если незнакомый собеседник ситуативно демонстрирует лидерство в диалоговедении, в стратегии реагирования субъекта обнаруживаются признаки институционально отработанных принципов общения. Так, подобным образом на начальных этапах общения строится реакция информанта на вопросы филолога-собирателя, воспринимаемого как представителя некоторой официальной инстанции, с которым информант вступает в общение, регулируемое извне.

Таким образом, ролевая структура неповседневных личностно-ориентированных дискурсов формируется, в первую очередь, на основании локальной дискурсивной цели, определяющей установление субъектом собственной ролевой позиции.

Социально-речевой тип субъекта

Ведущими социолингвистически значимыми характеристиками субъекта дискурса являются **содержание его индивидуального дискурсивного опыта** и **навыки эффективного речевого общения**.

Указанные характеристики формируют специфику субъекта как представителя определенной социально-речевой культуры.

С одной стороны, в данном аспекте субъект дискурса рассматривается с точки зрения специфики продуцируемой им речи, но, с другой стороны, эти качества речи характеризуют субъекта социально, заданы его социальным положением и проявляются при вступлении в любой ситуационный дискурс – вне зависимости от его типа. В связи с этим социально-речевой тип субъекта общения мы рассматриваем как экстралингвистический фактор текстопорождения.

Социальная типология речевых культур разработана в [Гольдин, Сиротинина, 1993, 1997, Гольдин, 2001, 2002, Кочеткова, 1996, Курьянович, 2011, 2013а, Сиротинина, 2001, Сиротинина и др., 2007, Ширяев, 1991, Граудина, Ширяев, 1999 и др.]. Исследователями выделено 5 типов речевой культуры, определяемых социокультурным статусом говорящего субъекта и характеризующих его в аспекте уровня владения русским языком: полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный, литературно-жаргонизирующий и обиходный [Сиротинина, 2006, с. 343-347]. Указанные типы выявлены на основании комплекса параметров, в целом характеризующих уровень эффективности речевого общения [Сиротинина, 2001], заданный типом культуры.

В данном исследовании в качестве одного из параметров, определяющих специфику речевой формы личностно-ориентированных дискурсов, рассматривается специфика субъектов дискурса как представителей различных речевых культур (социоречевых типов (СРТ) субъектов дискурса).

Характер СРТ интерпретируется на основании уровня владения правилами дискурсов, речевым опытом обращения к которым они обладают, способности дифференцировать результаты дискурсивного опыта в процессах речевого контроля.

СРТ субъекта дискурса проявляется в характер речевой формы дискурса, порождаемой им.

Внеинституциональное общение обладает определенной спецификой, не позволяющей учитывать приведенную классификацию речевых культур и – соответственно – СРТ субъекта дискурса с заданной в ней степенью подробности. С одной стороны, личностно-ориентированные дискурсы нивелируют социально-статусное ролевое распределение в единой, индифферентной к нему, позиции обыденного человека, с другой стороны – дискурсы такого типа, свободные от институциональных правил, отличает многообразие, текучесть, ситуативный характер. Особым обоснованием речевого сближения субъектов различных речевых культур является устность общения (ср.: в эпистолярии – как письменной форме неофициальной межличностной коммуникации – элитарный тип речевой культуры проявляется отчетливо [Курьянович, 2011, 2013а и др.]). При этом различие в характере текстопорождения субъектами различного типа все же отчетливо прослеживается.

В результате в заявленном аспекте мы выделяем два социоречевых типа субъекта личностно-ориентированного дискурса, выступающего в социальной роли обыденного человека. Первый (**СРТ-1**) – имеет широкий спектр дискурсивного существования и владеет дискурсивными правилами текстопорождения, характерными для широкого круга дискурсов, а также правилами их дифференциации, демонстрирует высокий уровень осознанности текстопорождения и высокий уровень адаптации языка к условиям ситуационного

дискурса. Второй (**СРТ-2**) – слабее реагирует на специфику дискурсивных правил, усвоенных в рамках дискурсивного опыта, слабее дифференцирует их.

Субъект СРТ-1 оперирует б**о**льшим, чем субъект СРТ-2, количеством освоенных дискурсов и демонстрирует более высокий уровень освоенности их правил. Кроме того, субъект СРТ-1, имея более отчетливое представление об общей структуре речевой коммуникации, различает области, хорошо освоенные им в процессах полидискурсивного опыта, и области неосвоенные или освоенные слабо. В связи с этим субъект СРТ-1, выступая в социальной роли обыденного человека, в процессах личностно-ориентированного общения **активно** привлекает полидискурсивный опыт **только** из **хорошо освоенных** областей, полученный им в иной социальной роли (например, в профессиональной, предполагающей повседневный опыт участия в дискурсе определенной профессии, где он выступает не только как клиент, но и как агент дискурса). Помимо этого, участвуя в дискурсах в позиции клиента (оставаясь в социальной роли обыденного человека), субъект СРТ-1 больше, чем субъект СРТ-2, уделяет внимание специфике их организации, их форме, имея выработанный в процессах получения образования и социальной деятельности навык освоения дискурса в целом (хорошо владея гносеологическими моделями его освоения).

Таким образом, субъекты личностно-ориентированных дискурсов, представляющие СРТ-1 и СРТ-2, различаются по уровню дифференцированности ситуационных образов правильной речи, что определяет эффективность общения. Эффективность общения достигается за счет особого выбора средств языка и особой организации речевой формы, соответствующих наиболее адекватной реализации субъектной интенции.

О.Б. Сиротинина, рассматривая специфику литературно-разговорного и фамильярно-разговорного типов речевой культуры (соотносимых с СРТ-2), указывает на то, что «хорошую речь носители этих типов могут продуцировать только в непринужденном персонально адресованном общении в неофициальной обстановке. В таких ситуациях их хорошая речь может ничем не отличаться от хорошей речи в этих же ситуациях носителей элитарного или

среднелитературного типа: такое же соблюдение ортологических норм, доступность и понятность речи собеседнику, возможны творческие удачи, т.е. в таких ситуациях разговорные типы речевой культуры достаточно эффективно обслуживают повседневную коммуникацию» [Сиротинина, 2001б]. При этом она отмечает, что «совершенно беспомощными носители разговорных типов /…/ оказываются в любой официальной ситуации» [там же]. В данном утверждении О.Б. Сиротининой для нас важным является то, что представители речевых культур различного типа при производстве речевой формы различным образом реагируют на изменение условий общения. При этом представляется, что если «официальная обстановка» является для субъекта СРТ-2 привычной (например, институциональный повседневный дискурс, в который он регулярно вступает в рамках своей профессиональной деятельности), то адаптация языка к условиям дискурса будет не менее эффективной, чем в повседневном личностно-ориентированном общении. Таким образом, субъекты СРТ-1 и СРТ-2 различным образом реагируют на такое изменение условий общения, которое нарушает привычные сценарии его развития.

Повседневные дискурсы, развивающиеся по привычным сценариям общения, предъявляют к субъекту меньше требований, связанных с активизацией речевого контроля. В связи с этим речевая форма повседневного общения субъектов СРТ-1 и СРТ-2 различается меньше, чем в общении неповседневном. При этом и в повседневном общении субъект СРТ-1 использует более широкий спектр речевых средств, более активно адаптируя их к условиям дискурса.

Вступление в **неповседневный дискурс** активизирует речевой контроль в деятельности субъекта любого СРТ. При этом успешность его реализации для представителей СРТ-1 и СРТ-2 оказывается различной. Субъект СРТ-1, лучше владея гносеологическими моделями освоения дискурса, более адекватно адаптирует средства языка к непривычным сценариям общения, что определяет его эффективность. Субъект СРТ-2 при наличии установки на речевой контроль испытывает больше затруднений в такой адаптации. В результате речевая форма

неповседневного общения субъектов СРТ-1 и СРТ-2 различается больше, чем в общении повседневном.

Когнитивное содержание

Каждый дискурс обладает определенной спецификой знаний, содержащихся в нем, некоторых потенциальных информационных полей, которыми располагают участники дискурса в процессе текстопорождения.

Содержание **личностно-ориентированных** дискурсов характеризуется принципиальной открытостью.

Их **диктумное содержание** включает: (1) информацию, производство которой осуществляется в институциональных дискурсах в соответствии с их социально обусловленной интенциональностью: например, в дискурсе документа – документирование процессов государственного и производственного регулирования и личной биографии членов социума и под., в политическом дискурсе – отношения государства (власти) и общества, борьба за власть различных политических структур, взаимоотношения сторонников и противников власти и под.; (2) информацию бытового характера, производство которой осуществляется внутри личностно-ориентированных дискурсов.

Формирование **модусного содержания** личностно-ориентированных дискурсов регулируется, в первую очередь, общечеловеческими и национально-традиционными ценностными установками, социокультурно отработанными в процессах повседневного общения. Модусные смыслы, заданные в дискурсах институциональных (например, в политическом дискурсе – модус идеологически ориентированной оценки политически значимого содержания; подробно о модусах институциональных дискурсов – в разделе 3.2 главы 3), усваиваются обыденным человекам в процессах участия в них. В процессах личностно-ориентированного общения они подвергаются реинтерпретации, преломляясь особым образом в соответствии с позицией обыденного человека по отношению к

ним[41]. Это отношение также приобретает типовой характер, отрабатываясь в процессах повседневного общения (подробно об этом – раздел 3.1 главы 3).

В целом характер стратегического использования имеющегося знания [Дейк, Кинч, 1988] определяется содержанием полидискурсивного опыта обыденного человека.

Если институциональные дискурсы реализуют свою интерпретирующую функцию в отборе содержания и его статусной дифференциации, проявляющейся в выделении ключевых концептов, то содержание личностно-ориентированных дискурсов имеет неспецифический характер, а особые – ключевые – концепты в них не выделяются. Интерпретирующая деятельность субъектов личностно-ориентированных дискурсов проявляется в сохранении общечеловеческих и национально-культурных ценностных установок и в реинтерпретации в соответствии с ними ценностей дискурсов институциональных. Личностно-ориентированный дискурс «как губка, втягивает в себя тематически ориентированные дискурсы, поддерживает и одновременно растворяет их в своем теле» [Силантьев, 2006, с. 29], а также «проверяет на выживаемость тематические дискурсы, оценивает их значимость и выстраивает их иерархию» [там же].

Ведущее место в этой иерархии получают концепты, обладающие общекультурной и общей этнокультурной (наддискурсивной) значимостью (родина, труд, любовь, дружба и под.): их особый статус последовательно поддерживается, ценностная позиция обыденного человека по отношению к ним отличается стабильностью. Например, в личностно-ориентированных дискурсах поддерживается общекультурная ценностная ориентация концептов большой и малой родины, постулирующие их речевые средства реализуют позитивнооценочный модус (*А любовь / это любовь к самой… ну / к самой Родине! К самой к земле нашей русской! Не тока к селу / к своему селу / а вообще так… ко… ко всей Родине русской! (НКРЯ) // Ведь любовь к городу, ну, что заложено в нас с детства, то, что называется родиной, то, что начинается «с*

[41] См. об этом [Тубалова, 2014].

картинки в твоем букваре». Но самое главное – это то, в чем есть частица твоего труда, частица твоего «я» (РРЗ)).

Личностно-ориентированные дискурсы **практической направленности** в своем базовом проявлении обращаются к информации, жестко связанной с конкретной ситуацией общения, направленного на реализацию практического действия. Эту информацию они представляют как самостоятельно значимую, эмоционально-оценочно нейтральную (повышенная эмоциональность речи может оформлять отношение к ситуации ее порождения, но не к диктумному содержанию). Текстовое содержание ориентировано на сопровождение практического действия, верифицирует которое в ценностном аспекте результативность этого действия, т.е. ценностная позиция реализуется за пределами текста.

Для личностно-ориентированных дискурсов **интерпретационной направленности**, наоборот, характерным качеством является эмоционально-оценочное ориентирование информации, не только не ограниченной ситуацией общения, но и не связанной с ней.

В **повседневных** дискурсах интерпретационной направленности ее модусное ориентирование осуществляется в поле привычных, стабильных общечеловеческих ценностей. Оценочные категории и вектор аксиологической ориентации также достаточно стабильны, что обеспечивает комфортное повседневное существование обыденного человека: «С самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [Шютц, 1988, с. 130].

В повседневных дискурсах, развивающихся по отработанным сценариям общения, ориентация оценочного вектора включается в систему дискурсивных правил: повседневный дискурсивный опыт, включая опыт реинтерпретации модусов институциональных дискурсов, определяет наличие у обыденного человека отчетливых представления о том, кого/что и как нужно «ругать» и «хвалить», чтобы достигнуть указанной цели. Специфика дискурсивного модуса

организуется отработанным порядком типового ситуационного дискурса, в первую очередь – его целью, типом его участников и темой общения.

Так, социокультурно отработанными, «узнаваемыми» оказываются дискурсивные модусы, формирующиеся в рамках повседневного «общения ради общения» на **бытовую тематику** представителей старшего поколения, обсуждающих молодежь (*[Пенсионер, жен] Эта молодежь совсем распустилась! [Пенсионер2, жен] И не говорите Вальмира Игоревна! Ужас какой-то! [Пенсионер, жен] Татьяна Александровна / видали новую моду ихнюю с железом в носу / в брови?! Волосы дыбом встают! [Пенсионер2, жен] Это родительское воспитание все! [О молодежи // Из материалов Ульяновского университета, 2007]* (НКРЯ)), дачников, обсуждающих обед (*[№ 3, жен, 43] Мы же туда ненадолго поедем / нам же вечером надо тут быть / ты не забывай / у нас же шашлычок. [№ 1, муж, 44] Да я овощной суп сделаю за десять минут. [№ 3, жен, 43] Ну надо же / чтобы все компоненты были. [№ 1, муж, 44] Так что у него морковки /картошки нет что ли? [№ 3, жен, 43] Ну / может быть. [№ 2, жен, 67] Зелени тут нарвем. [№ 1, муж, 44] Да / и сделаем ему супик вкусный /горячий. [Разговор о дачной жизни (2005)]* (НКРЯ)) и под. Дискурсивная интенция эмоционального единения в варианте его разрушения реализуется не только в кооперативном, но и в конфликтном общении, где стандартизованная «логика эмоций» также играет ведущую роль: *[Семен, муж, 15] Не ори! Иду уже! [Ольга, жен, 19] Идиот! [Семен, муж, 15] Сама дура! [Разговор сестры и брата // Из коллекции Ульяновского университета, 2007]* (НКРЯ).

Особым образом в личностно-ориентированных повседневных дискурсах представлены концепты, содержание которых получило отчетливое оформление **в институциональных дискурсах** и проходит «проверку на выживаемость» (И.В. Силантьев) в дискурсах личностно-ориентированных. Модусная трансформация основывается на социально заданной стабильности институциональной ориентации концепта в дискурсе-источнике. Результативный модус также стабилен, отработан в повседневном личностно-ориентированном

общении и основывается на реинтерпретации институционально заданного модуса.

Так, разговоры о политике для многих личностно-ориентированных дискурсов становятся частью регулярного, привычного речевого действия, оформленного в жанре «болтовни (бытового разговора)» [Седов, 2009]. Концепт «власть», в политическом дискурсе обладающий статусом ключевого и в процессах междискурсивного распространения ориентированный как «власть для народа», особым образом трансформируется в рассматриваемых дискурсах. Повседневный разговор о власти формирует типичный дискурсивный модус «власть против народа»: *[Р., муж, 74] И все остальные оппозиционеры / это всё* ***конъюнктурщики****. Жириновский / Зюганов / Лапшины* ***и прочие*** */ [Л., жен, 65]* ***Только рвутся к власти. Только рвутся к власти / больше ничего****. [Р., муж, 74]* ***Демагоги / стопроцентные демагоги****. [Л., жен, 65] Да / да /да / да. [Р., муж, 74] И вот кто из них / из* ***этих вот «ваших» / и «наших»*** */ кто настоящий (РМ) // [Вика, жен, 20] К 8 марта такой подарочек будет… [сокурсница, жен, 20] Да / к 8 марта… [Вика, жен, 20] Хорошо б конечно / но… Ой /* ***какие же всё-таки сволочи все эти власти****… [Диана, жен, 20] Ой / а я вот не помню /говорила я тебе или нет. Вик / представляешь / что… Представляешь / что… Значит /* ***я читала одну статью политическую****… [сокурсница, жен, 20]* ***О-о-о… Нет /*** *Диану* ***опять понесло на политику*** *[Разговор студенток о посте и о кризисе (2009)]* (НКРЯ) // *[№ 2, жен] Ну да / конечно… Хотя / вон / передавали / что в школах повысили зарплаты. [№ 1, жен]* ***Да / повысили / из куля в рогожку…что вы? Разве не знаете наши власти? Они наобещают с три короба… а п…*** *куда он едет-то? Совсем / что ли / дорогу не видит? Идиотизм какой-то! [Разговор в автобусе (2006)]* (НКРЯ). Оценка власти оформляется как внешняя (в отличие, например, от представления категории «молодежь», содержание которой формируется на основании личностно-ориентированного опыта участника дискурса). Концепт «власть» эксплицируется в рамках общечеловеческих ценностно значимых категорий «честность», «доверие», «справедливость» и с позиции обыденного человека интерпретируется достаточно однозначно: власть

ценностно противопоставляется обыденному человеку. Вектор аксиологической ориентации оказывается противоположным заявленному на основании дискурсивной цели политики как института (где «власть действует **в интересах** народа»). Такой дискурсивный модус реализуется в самых разнообразных информационных контекстах, с одной стороны – подчиняясь ситуативной дискурсивной интенции, а с другой – интерпретируя концепт «власть» в особой «дискурсивной конфигурации» (об особенностях дискурсивной конфигурации концептов – [Резанова, 2011]). Стабильность оценочного вектора поддерживается за счет особой значимости эмоционального единения участников дискурса, приводящей к консолидации оценки.

В **неповседневных** личностно-ориентированных дискурсах интерпретационной направленности реализуется иной, по сравнению с повседневными дискурсами, способ представления информации, задаваемый характером нарушения повседневности. Точкой отсчета для трансформации модусного содержания могут становиться не только стабилизированные в институциональных дискурсах модусы, но и типичные модусы неинституциональной повседневности. Так, в поздравительных жанрах праздничного дискурса ценностно значимые категории регулярного существования обыденного человека, нормативные для повседневных дискурсов, выдвигаются как особые, обладающие повышенной ценностной значимостью, что продиктовано спецификой цели, условий общения и ролевых позиций ситуационного дискурса: [фрагмент праздничного тоста:] *Я знаю именинницу очень давно! Я давно наблюдаю, как она каждый день ходит на работу, летом ездит на дачу, сама водит машину, детей везде отвозит… Всегда соседям помогает и не ссорится никогда ни с кем! Замечательная хозяйка, бабушка и мать!* (РРТ). Отметим, что в праздничном дискурсе, как неповседневном, подобным образом трансформируются и социально заданные категории институциональных повседневных дискурсов: [из праздничной речи на школьном выпускном вечере:] Ваши учителя дали вам знания, научили всему, подписали путевку в жизнь! (РРТ). Таким образом, в рассматриваемых дискурсах

содержательные элементы повседневных дискурсов (как личностно-ориентированных, так и институциональных) предстают в особой форме ритуализованного, эмоционально насыщенного модусного выдвижения, обеспеченного праздничным способом нарушения повседневного бытия.

Другим аспектом нарушения повседневного течения жизни обыденного человека определяется ситуация публичного общения с незнакомым собеседником (например, разговор на заданные исследователем социально значимые темы, протекающий в условиях публичного, латентно-институционального – дискомфортного – общения). В качестве иллюстрации рассмотрим специфику реализации представленного выше концепта «власть» в условиях сбора социологической информации: *[10, жен, 30] № 10. Ничего нам не сделали. Плюс к тому / мало того / что ничего не сделали / если сейчас сравнить с Москвой / нас сейчас вообще правительство бросает просто-напросто / то есть нам сейчас будут выплачивать мизерную сумму / а остальное всё на усмотрение городских властей. А что же городские власти делают? А городским властям не нужно образование. Ковалев сказал / что нам это не нужно/ дети нам не нужны. Как? [Беседа в Воронеже // Фонд «Общественное мнение», 2003]* (НКРЯ) // *[0] Как вы думаете / как в такой ситуации должны вести себя власти? [№ 10] Я думаю / что власти* ***как раз*** *адекватно поступили в этой ситуации. То есть / и режим ввели усиленный / и достаточно оперативно сработали / чтобы минимизировать отрицательные последствия взрыва [Беседа в Новосибирске // Фонд «Общественное мнение», 2000]* (НКРЯ). Ситуация предполагает активизацию аналитических интенций говорящего (в условиях повседневной «болтовни» их статус вторичен). Соответственно, во-первых, аксиологический вектор оказывается не столь однозначным (не однонаправленным), хотя отрицательных оценок намного больше, что связано с ориентацией на отработанную в повседневности модель восприятия власти. Во-вторых, при любой направленности указанного вектора оценка власти реализуется на аналитических (логических) основаниях, а собственно-эмоциональные основания лишь сопровождают процесс аналитики, что находит

выражение в развернутой аргументации, которая в повседневных диалогах может быть крайне редуцированной. Отметим, что в последнем примере использование уточняющей частицы как раз указывает на наличие «внутреннего диалога» автора высказывания с отработанной в повседневных дискурсах моделью оценивания власти.

Таким образом, принципиальная неоднородность личностно-ориентированного общения реализуется не только в свободном варьировании участников дискурсной деятельности, но и в неограниченности содержания.

Представление информации в **повседневных** личностно-ориентированных дискурсах интерпретационной направленности основывается на интенции эмоционального единения их участников, «общения ради общения». Модусная ориентация, с одной стороны, отличается стабильностью, стабилен и характер трансформации модусов, получивших социальное закрепление в институциональных дискурсах. С другой стороны, подчиняясь порядку повседневных дискурсов, модусная реинтерпретация заданного в институциональных дискурсах содержания осуществляется активно, результат его трансформации может отличаться от содержания источника кардинально, в большей степени соответствуя множественной структуре значимых для повседневности смыслов и в меньшей степени сохраняя смысл источника.

В **неповседневных** личностно-ориентированных дискурсах модусное представление содержания интенционально регулируется стремлением к восстановлению порядка дискурса. Субъект обращается к стабилизированным в институциональных и личностно-ориентированных повседневных дискурсах ценностным позициям. В результате модусное представление диктумного содержания в большей степени подчиняется ситуативной дискурсивной интенции, демонстрируя меньшую, чем в повседневных дискурсах, стабильность. При этом трансформации заданного в иных дискурсах содержания осуществляются менее активно, субъект чаще стремится сохранить исходный модус, являющийся для него показателем дискурсивного порядка.

Канал передачи информации

Канал передачи информации является наиболее глобальным фактором дифференциации дискурсов [Кибрик, 2009].

Объектом настоящего исследования являются личностно-ориентированные дискурсы, протекание которых регулируется **устным** каналом передачи информации. Наиболее значимым в данном отношении оказывается противопоставление устного канала передачи информации **письменному**, представленному в его базовом варианте[42]. Устность канала передачи информации реализует влияние описанных экстралингвистических факторов формирования личностно-ориентированных дискурсов особым образом.

Влияние канала передачи информации на характер протекания дискурса впервые было описано У. Чейфом [Чейф, 1983], различные свойства устного дискурса обсуждались в [Кибрик, 2009; Макаров, 2003; Ревзина, 2005 и др.]. При этом многие специфические свойства устного общения были рассмотрены раньше [Девкин, 1979, Долинин, 1978, Земская, 1981, Лаптева, 1978, Лотман, 1992е, Ширяев, 1982, Шмелев, 1977, Labov, 1972, Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974 и др.].

При разграничении устного и письменного каналов передачи информации исследователи выделяют следующие аспекты:

1) пространственно-временное взаимодействие коммуникантов – непосредственное/опосредованное [Кибрик, 2009; Лотман, 1992е; Ревзина, 2005; Чейф, 1983];

2) природа адресата – конкретная/обобщенная (в письменной речи – «потенциальный», по Ю.М. Лотману, адресат [Лотман, 1992е]);

3) степень «авторитетности» самого канала передачи информации и, соответственно, адресанта сообщения [там же];

4) спонтанность/подготовленность [Девкин, 1979; Земская, 1981];

---

[42] Не базовым можно считать, например, особо отмеченный А.А. Кибриком [Кибрик, 2009] язык глухих, реализующийся через зрительный канал передачи информации, но представляющий собой вариант непосредственного общения его участников и поэтому обладающий многими свойствами устного общения.

5) сфера бытования (устный канал – преимущественно в бытовой сфере [там же][43)];

6) способ подачи и восприятия информации – квантовый / целостный [Кибрик, 2009; Ревзина, 2005; Чейф, 1983], дискретный, линейный / недискретный, континуальный [Лаптева, 1978; Лотман, 1992е], допускающий / не допускающий нарушения логичности, последовательности и т.д. [Лаптева, 1978; Ширяев, 1982].

Специфика устного канала передачи информации оказывает влияние на действие социолингвистических факторов взаимодействия коммуникантов, обеспечивающих специфику речевой формы (в частности – специфику его полифонической организации).

Непосредственный характер пространственно-временного взаимодействия коммуникантов, **конкретность адресата** речевого сообщения («вовлеченность говорящего и адресата в ситуацию» [Кибрик, 2009, с. 5]) определяют особую значимость **условий общения и ролевых отношений** его участников, возможность прямо следовать привычным сценариям речевого общения либо необходимость искать возможные формы адаптации своего речевого опыта к ситуации общения с непривычным речевым партнером при прямом взаимодействии с ним.

Отметим, что непосредственный характер общения предполагает участие в трансляции информации как просодических средств вербального обмена, так и невербальных средств (мимика, жесты, другие кинетические проявления субъекта), воспринимаемых через зрительный канал, сопровождающий слуховое восприятие в большинстве ситуаций устного взаимодействия (исключение, например, общение по телефону). Эти средства также могут повлиять на

---

[43] Отметим, что не все исследователи соглашаются с указанным утверждением. Так, К.А. Долинин рассматривает не только бытовые сферы реализации как устной, так и письменной речи [Долинин, 1978]. Подобной точки зрения придерживается и Д.Н. Шмелев [Шмелев, 1977]. Мы также считаем, что устный канал передачи информации свойственен не только бытовой речи и в особом аспекте дифференцирует как институциональные, так и личностно-ориентированные дискурсы. При этом устный канал передачи информации формирует ядерную зону личностно-ориентированного общения и оказывает особое влияние на форму реализации его письменной зоны.

изменение уровня речевой безопасности собеседника, определяющее переход от повседневного общения к неповседневному. Кроме того, они могут стать значимыми показателями распределения смысла текста субъектом устного общения, например, зафиксировать осознанность выбора речевых средств.

Пониженная, по сравнению с письменным, **авторитетность** устного канала передачи информации предполагает активизацию обращения субъекта к различным формам компенсации его авторитетности. Особая потребность в такой компенсации возникает в неповседневных дискурсах, протекающих в дискомфортных условиях общения. Субъект дискурса может реализовывать данную потребность за счет создания эффекта отстраненности (частично компенсирующего названное выше свойство вовлеченности участников устного общения) [Кибрик, 2009], выраженного в приближении формы устного сообщения к форме сообщения письменного (например, устный монолог по модели письменного заявления – с низкой частотностью личных местоимений 1 и 2 лица и высокой частотностью форм пассивного залога[44] и др.). Несмотря на то, что распространение **устного дискурса** не ограничивается бытовой сферой, в сознании обыденного человека письменная форма сообщения обладает когнитивной соотнесенностью с официальными сферами общения. В связи с этим проникновение признаков письменной речи в устное сообщение личностно-ориентированного дискурса можно рассматривать как способ **повышения его авторитетности**, осуществляемый в виде обращения к речевым формам социально авторитетных дискурсов.

Спонтанность устного общения, его развертывание в on-line-режиме увеличивает степень значимости/востребованности привычных моделей построения текста, с одной стороны, и повышает возможность некорректного – с точки зрения эффективности общения – смешения различных речевых средств – с другой.

---

[44] Признаки, приводимые А.А. Кибриком в качестве примера особенностей письменного дискурса [Кибрик, 2009].

Квантовый, дискретный, линейный характер передачи информации, отличающий устный дискурс, оказывает прямое влияние на специфику формирования текстовой стороны исследуемого дискурса, целостность которой обеспечивается, в первую очередь, единством реального взаимодействия конкретных речевых партнеров в конкретном пространственно-временном измерении, что формирует особые когезивно-когерентные свойства, обладающие по отношению к самому тексту внешней заданностью.

Таким образом, устность канала передачи информации определяет особую значимость условий общения, повышает степень дифференциации речевой формы, порождаемой в условиях комфортного/дискомфортного общения, а также обеспечивает особую значимость экстралингвистических факторов при формировании различных принципов текстуальности.

2.3.3.3 Речевая форма личностно-ориентированных дискурсов

В совокупности рассмотренные выше экстралингвистические факторы определяют формирование речевой формы личностно-ориентированных дискурсов. Рассмотрим специфику их дискурсивного стиля и специфику организации текста.

2.3.3.3.1 Стиль личностно-ориентированных дискурсов

Стиль личностно-ориентированных дискурсов формируется как результат действия описанных выше экстралингвистических дискурсивных факторов, которые, в свою очередь, определяются интенциональной спецификой личностно-ориентированной коммуникации, в целом направленной на внеинституциональное общение как таковое.

Стиль личностно-ориентированных дискурсов, во-первых, обнаруживает специфику по отношению к стилю дискурсов институциональных, во-вторых, он характеризуется внутренней неоднородностью.

Рассмотрим специфику **стиля личностно-ориентированных дискурсов по сравнению со стилем дискурсов институциональных**.

Условия общения, дифференцирующие институциональные и личностно-ориентированные дискурсы по уровню формальности общения, определяют, соответственно, и уровень формальности их речевой составляющей.

Шкала формальности общения, дифференцирующая его по степени внешней – внесубъектной, социально-дискурсивной – обусловленности, реализуется и в дифференциации стилистических принципов институциональных и личностно-ориентированных дискурсов.

Граница между личностно-ориентированной и институциональной сферой на этой шкале определяется, во-первых, степенью допустимости выбора средств и способов организации речевой формы (для институциональных дискурсов заданной соответствующей интенцией), во-вторых, консолидирующим/ситуативным характером обоснования этого выбора (институциональные дискурсы предполагают относительное единство дискурсивного стиля – личностно-ориентированные дискурсы более разнообразны в своем стилистическом проявлении).

Более низкая, чем в институциональных дискурсах, формальность речевой составляющей личностно-ориентированных дискурсов, проявляется в отсутствии внешней заданности использования речевых средств формального общения. В институциональных дискурсах каждый их социальный тип формирует специфические средства стилистической формальности: например, специфические речевые конструкции, термины и под. средства, обязательные в дискурсе документа. В личностно-ориентированных дискурсах использование подобных средств допустимо, но не обязательно.

Значительную роль в формировании стиля личностно-ориентированных дискурсов играет **канал передачи информации**.

Письменные формы институционального общения определяют более высокий уровень формальности, чем устные. Для личностно-ориентированного общения (способного протекать и в письменной форме) устность является

прототипической формой реализации и – при равенстве прочих факторов – оказывает влияние на уровень стилистической формальности. Устное личностно-ориентированное общение занимает на шкале формальности стиля самые низкие позиции.

Неформальной речи, по М.Л. Макарову, «свойственны меньшая структурированность, эллипсис, повторы слов, хезитации, более высокий темп и ритм речи, а значит, меньшая длина ее единиц, тематическое разнообразие, снижение уровня когезии и т.д.» [Макаров, 2003, с. 212].

Открытость **содержания** личностно-ориентированных дискурсов, нейтрализация институционально-ролевых позиций его участников определяет возможность изменения функции речевых форм, произведенных в институциональных дискурсах с целью трансляции институционально значимого содержания (тематически обусловленные номинации производственной сферы, в том числе – обладающие общеупотребительными аналогами, конструкции, выражающие специфику институционально-ролевого распределения – *Прошу разрешить мне…; К NN (дата) необходимо представить…* и под.). В личностно-ориентированном общении использование обозначенных речевых форм определяется ситуационно-дискурсивными и субъектными интенциями. В результате их функции могут быть как трансформированы на основании институционально заданных, так и кардинально изменены.

Так, функция маркирования институциональной значимости предмета обсуждения при «добровольном» использовании таких речевых форм субъектом внеинституционального общения может быть расширена за счет функции повышения статуса его речевого произведения, реализующего особый статус не столько темы общения, сколько позиции говорящего: Я не могу себе представить/ чтобы <u>люди</u> / **администрация президента** / да и сам **президент** добровольно **сложили** с себя все **полномочия** / <u>как бы ушли в сторону</u> (НКРЯ). В данном примере выделенные речевые формы, заданные институционально значимой тематикой личностно-ориентированного общения, используются в контекстуальном взаимодействии с речевыми формами общеупотребительными и

разговорными (*люди – администрация президента*; *сложили … полномочия – как бы ушли в сторону*). Их функция – маркирование «осведомленности» говорящего, реализация его субъектной интенции, но не интенции дискурсивной: личностно-ориентированный дискурс не требует экспликации стилистических средств формальности.

Кардинальное изменение функции институциональных речевых форм проявляется, например, при их использовании вне заданной источником тематики общения. Так, институциональные речевые формы достаточно активно используются субъектом личностно-ориентированных дискурсов для реализации шутливо-иронических интенций (*[В ответ на критику недошитого платья]: Сама просила «примерь-примерь», а слова доброго от тебя не услышишь! Это, между прочим, только* ***демонстрационная версия****, в* ***конечном продукте*** *я буду неотразима!* (РРТ)).

Неоднородность коммуникативного пространства личностно-ориентированного общения предполагает его стилистическую неоднородность.

Рассмотрим специфику **внутренней дифференциации стиля личностно-ориентированных дискурсов**.

Внутренняя стилистическая неоднородность текстовых форм личностно-ориентированных дискурсов мотивируется многообразием **локальных дискурсивных целей**, в свою очередь определяющих (1) **условия** и (2) **ролевую организацию** общения, характер (3) **содержания** дискурса. Эти параметры определяют специфику стиля ситуационного (повседневного и неповседневного) дискурса в «вертикальном» отношении.

Вербально ориентированная когнитивная обработка знаний в личностно-ориентированных дискурсах осуществляется на основании ситуационно обусловленного выбора субъектом речевых средств, усвоенных им как в практиках институционального общения, так и в практиках повседневного внеинституционального общения. Значимость субъектной интенциональности во внеинституциональном общении повышается – субъект обладает большей свободой в выборе речевых средств. В связи с этим значительную роль в

формировании речевой составляющей дискурса играет (4) **тип субъекта общения**, выступающий в качестве «горизонтального» определителя ситуационно-дискурсивного стиля.

Проанализируем результаты влияния обозначенных экстралингвистических факторов на организацию речевой формы личностно-ориентированных дискурсов различного типа.

Стиль **повседневных** личностно-ориентированных дискурсов характеризуется отработанностью принципов организации речевой формы.

(1) **Условия общения** в повседневных дискурсах характеризуются признаком комфортности, который в личностно-ориентированных дискурсах определяет низкий уровень формальности общения и, соответственно, неформальность стиля. Кроме того, комфортность общения определяет снижение уровня речевого контроля, также выступающего как фактор дискурсивно-стилевого своеобразия.

Образ правильной речи, формируемый субъектом повседневного дискурса, допускает максимальную свободу в выборе речевых средств, активность реализации субъектных интенций при их использовании. Речевая организация повседневных дискурсов не только допускает использование речевых форм самых различных дискурсов (как проявление общего свойства стиля личностно-ориентированных дискурсов любого типа), но и наиболее частотно подвергает речевые средства дискурсов, соответствующих более высокому уровню формальности, функциональной трансформации, отражающей специфику ситуативной субъектной интенции: *[А, жен, 40] Дома иногда говорят по-английски сыновья. Там очень много об искусстве разговоров / литературе и всего всего прочего. [Б, жен, 30] Угу. [А, жен, 40] И* ***руководство*** *все мамино. Все мамино. [Б, жен, 30] Ну конечно. [А, жен, 40] И конечно / жену подобрать очень трудно* (НКРЯ) // *[№ 1, муж] Ну что /* ***внедрим*** *что ли пивка? [№ 2, муж] нет / я сегодня воздержусь. [№ 1, муж] А что так? Что-то на тебя не похоже* (НКРЯ).

(2) Стабильность внешнедискурсивного и типовой характер внутридискурсивного **ролевого распределения**, их гармоничное взаимодействие

в повседневных дискурсах также реализуется в формировании субъектом образа правильной речи и выражается в специфике стиля.

В условиях сложившегося ролевого распределения, свойственных повседневному общению, субъект дискурса использует прямые субъектные формы выражения ролевой дифференциации – речевую самоэкспликацию. Субъект дискурса, позиционирующий себя как «лидер» («родитель», «старший», «осведомленный» и под.), активно привлекает глаголы в повелительном наклонении (*сначала думай, а потом говори; не бери пример с …*), в том числе – повелительно-запретительные конструкции (*не смей так говорить; не вздумай этого делать*), используются особые – субъектные, прямо выраженные – формы прямой оценки «неосведомленного» собеседника (*А ты прямо в этом разбираешься! // Ты ничего в этом не понимаешь! // Откуда тебе знать, что...*), личные местоимения 1 лица в функции подлежащего при выражении собственной позиции, особые формы самооценки (*Я знаю, как… // уж я-то, понимаю, как… // Долгую жизнь я прожил, много повидал…*) и под.

Активность прямых средств оценки реальности определяется в повседневных дискурсах интерпретационной направленности стабильностью ролевого положения говорящего (комфортность дискурса определяет активность реализации ролевой позиции). Оценочные модусы (как ведущие в дискурсах рассматриваемого типа), в соответствии с ролевой лидерской позицией говорящего, активно используются при реализации интенций категоричности, дидактичности, «воспитательности» и под. Это выражается не только в высокой частотности обращения к собственно-оценочным средствам, но и в их особом отборе и конфигурировании: использовании поляризованных в содержательном отношении оценочных номинаций, средств выраженной эмоциональной оценочности и под.

Так, снисходительно-оценочный модус активно используется при реализации «воспитательных» интенций представителей старшего поколения в общении с младшими: Был урок – Вавилонская башня, **ишшо не убедились**. Вот, **а теперь что? Неправильно** эта политика идёт, **неправильно**. **Нельзя так**

делать. И ишшо можно так сказать… Теперь каждый чцеловек это понимает… На земли **порядка нету**, теперь **хлеба не сеем**, ничё… ну пусь там где-то что-то, а здесь хоть бы животноводство можно держать ведь – **всё прекратили**. Да не только здесь, дак **и по всей России. Всё-всё** (НКРЯ). Категоричность и эмоциональность проявляются в использовании прямых оценочных средств (неправильно), негативно-ориентирующих риторических вопросов (…а теперь что?), обобщенных характеристик негативных ситуаций (ишшо не убедились; порядка нету; хлеба не сеем; всё прекратили), конструкций долженствования (Нельзя так делать) и др.

Ролевая позиция «обладателя знания» определяет активность дидактических интенций, также выражаемых при участии оценочности: *Вот в Троицю тожо* ***нельзя выгонять*** *скотину.* ***Надо*** *если дак уж, до Троици* ***выгонить****. Или после Троици* ***выгонять*** *скотину на пастбищё* (НКРЯ). Категоричность оценки выражена в использовании конструкций долженствования (*нельзя выгонять; надо выгонить*).

(3) Как уже отмечалось, открытый характер **содержания** личностно-ориентированного общения предполагает возможность обращения к диктумному содержанию как институционального, так и бытового характера. При этом образ правильной речи, формируемый субъектом **повседневных дискурсов** при трансляции институционально заданного содержания, значительно меньше, чем в неповседневных дискурсах (см. далее), зависит от модусов источника, выраженных в нем определенными стилистическими средствами. Кроме того, в повседневных дискурсах стилистические ресурсы институциональных дискурсов достаточно активно используются при выражении бытового содержания, подвергаясь при этом активной содержательной трансформации.

Стилистические принципы, заданные институциональным источником для выражения выработанного в нем содержания, в повседневных дискурсах могут (а) игнорироваться; (в) трансформироваться; (б) сохраняться.

(а) Игнорирование стилистических принципов формальности источника при передаче институционально заданного содержания проявляется в активном

использовании речевых средств неформального общения (сниженная лексика, разговорные конструкции, выдвижение бытовых смыслов, выраженное в нарочитом использовании их номинаций, использование оценочных средств, содержание которых не соответствует оценке источника и под.), особых принципов интерпретации содержания институционального источника субъектом повседневного дискурса. Так, в приведенном тексте говорящий интерпретирует содержание романа Э.М. Ремарка «Три товарища»: *Ну он да / он ...*[45] *стимулирует такой // Дома есть «Три товарища» / где три* ***чувака*** *вернулись с войны после первой мировой короче // ... /Германия просто разрушена вся на ... там // полный ... творится / там* ***пивные*** *путчи ... /* ***мордобой*** *на улицах / бунты короче // расстрелы ... / ну го... голодовка голодовка ... в смысле что ...* ***жрать нечего*** *короче / кризис в стране экономический* (НКРЯ). Стилистические принципы формирования самого текста-источника, принципы передачи художественного текста и принципы передачи исторически значимого содержания, отработанные в институциональных дискурсах, субъектом повседневного общения игнорируются. При этом активно используются стилистические средства неформального общения: жаргонные и просторечные номинации (*три* ***чувака, мордобой, жрать*** *нечего*), номинации, актуализирующие бытовое восприятие институционально значимых событий (***пивные*** *путчи*), нецензурная лексика и др.

(б) В комфортном повседневном общении активно проявляются креативные субъектные интенции, выраженные в особом – непрямом, интерпретативном – использовании речевых средств, в том числе речевых средств институциональных источников, созданных в них для фиксации институционально заданного содержания. В результате стилистические средства институциональных дискурсов (как дискурсов с более высоким уровнем формальности общения) подвергаются функциональной трансформации, например – используются в иронической функции при выражении бытовых смыслов: *А. ...Которому я можно сказать сам того не желая/ отомстить не отомстил но* ***воздал по его делам***

[45] Пропуски в данном примере заменяют нецензурные лексические единицы.

вот в «Литературной России»… (РРР) // *[Об игрушке «железная дорога»] Б. – Вот пойдешь работать и купишь себе// А. – Будет ли* ***в надежде на светлое будущее****? // Б. – Сразу иди работать на железную дорогу//* (РРУ). В основе использования выделенных стилистических средств – зеркальная трансформация образа правильной речи (субъект намеренно формирует образ «неправильной» речи), что является одним из стилистических качеств повседневного общения.

(в) Сохранность отдельных стилистических элементов институциональных дискурсов в повседневном общении определяется, в основном, интенцией передачи институционально заданного содержания: рассказ об институционально значимых событиях, потребность в номинировании институционально значимых реалий, не имеющих общеупотребительных аналогов, и под. При этом в речевом стиле повседневного общения рассматриваемые элементы занимают подчиненную позицию, а принципы организации речевой формы в целом соответствует принципам неформального общения: *[продолжает рассказ о своей защите] [№ 1, муж, 40] Вот. Ну / слушай что дальше значит. Ну я ему… он* ***зачитал*** */ я ему ответил / он сказал три четыре фразы на мой ответ / и сел. Потом* ***второй оппонент*** *значит начинает / я [пауза] толкаю [пауза] председателя / [мэ?] «Алексей Семеныч / тут вот написано / что* ***мнение зависит****…* ***суждение зависит*** *от того как я отведу / как мол я его* ***удовлетворил своими ответами****? Он же не сказал в сущности». Значит кончил* ***второй оппонент*** */Пигарев обращается к этому самому… к Машовцу / «Владим Петрович / вот тут у вас сказано то-то и то-то /* ***как вы считаете /диссертант ответил на ваши вопросы****?» Он сказал «да /* ***я считаю что ответил****». Ну и тут у меня камень с души свалился… [№ 6, муж, 30] Да уж* (РРР; НКРЯ). В данном тексте стилистические средства формального общения, в основном, используются для номинирования смыслов, выработанных институциональным дискурсом, опыт участия в котором представляет говорящий (*зачитал; второй оппонент; диссертант* и др.). В основном, среди них – отдельные лексические единицы и словосочетания; развернутые формально-стилистические конструкции (*диссертант ответил на ваши вопросы* и под.)

используются только в цитатных высказываниях. В целом же организация рассматриваемой речевой формы подчиняется стилистическим принципам неформального общения, диктуемым повседневным дискурсом: активно используются личные формы местоимений (*Ну я ему…*), неформальные средства прямого обращения к собеседнику (*Ну / слушай что дальше значит*), разговорные местоимения и частицы (*то-то и то-то*; *мол*), средства разговорной фразеологии (*тут у меня камень с души свалился*) и под.

(4) Как уже отмечалось, речевая форма повседневного общения субъектов СРТ-1 и СРТ-2 (**тип субъекта общения**) различается меньше, чем в общении неповседневном. При этом и в повседневном общении субъект СРТ-1 использует более широкий спектр речевых средств, более активно адаптируя их к условиям дискурса.

Так, широта дискурсивного опыта субъекта СРТ-1, высокий уровень осознанности этого опыта проявляется в активном цитировании самых различных источников, в том числе основанном на преимущественно игровой, формальной установке, что требует особой адаптации содержания цитаты к ситуации «общения ради общения»: *Про такого переводчика я даже не слышала. Он, оказывается, еще и поэт. – Да,* ***поэт в России больше, чем поэт****. – Он мне обещал, если я приеду на методобъединение, индивидуальную программу. В музей меня сводит… [со смехом]* ***Я поведу тебя в музей, сказала мне сестра*** (РРТ) // *А тебе что не спится в ночь глухую? – Не знаю. Наверное, рано легла. –* ***Я рано начал – кончу ране****?* (РРТ).

Таким образом, стиль повседневного личностно-ориентированного дискурса характеризуется низким уровнем формальности, широтой спектра используемых речевых средств, свободой принципов организации речевой формы. К его формированию, в соответствии с качеством субъектной интенции, наряду со стилистическими ресурсами личностно-ориентированного дискурса могут привлекаться инодискурсивные стилистические ресурсы, сформированные в дискурсах более высокого уровня формальности (институциональных), на использование которых рассматриваемый дискурс не накладывает ограничений.

При этом инодискурсивные стилистические ресурсы подвергаются в повседневных дискурсах активной функциональной трансформации, обусловленной процессами адаптации к речевой форме повседневного общения.

Принципы стилистической организации речевой формы субъектов СРТ-1 и СРТ-2 различаются не значительно.

Специфику стиля **неповседневных** личностно-ориентированных дискурсов определяет субъектная установка на восстановление дискурсивного порядка, формирующаяся в условиях нарушения привычных сценариев общения.

(1) Изменение **условий общения** и формирование признаков дискомфортного общения, определяющих переход от повседневности к неповседневности, сопровождается повышением уровня субъектного речевого контроля при организации речи: повышением частотности использования метатекстовых средств оценки речевых форм в аспекте их уместности/неуместности (*здесь лучше сказать…; как бы грамотно выразиться…; простите за базарное выражение, но это называется…; выражаясь простым языком…*), точности/неточности номинирования объекта (*правильнее будет сказать…; как бы это вернее выразить…*); авторитетности/неавторитетности (*специалисты назвали бы это…; как умные люди говорят…; официально это бы прозвучало как…*) и под., различных средств хезитации, отражающих процесс подбора речевых форм. В таких условиях субъект отдает особое предпочтение речевым средствам, с его точки зрения, формального общения – стилистическим ресурсам институциональных дискурсов, которые способствуют повышению уровня речевой безопасности в силу социальной авторитетности их источника: *[№ 1, муж, 32]* Ну / я так... **понимаю… в смысле / думаю** / что все-таки перепись населения / **основная ее задача направления переписи населения** / это... полностью **ревизия населения** / для того / чтобы... как я уже раньше говорил / более грамотно и оптимально **вести… проводить социальную политику** (НКРЯ).

(2) В неповседневных дискурсах незавершенность **ролевого распределения** не предлагает стабильных социально-ролевых позиций («лидер», «знаток в

определенной области» и под.) и нейтрализует идентифицируемые социально значимые индивидуальные характеристики собеседника (гендерные, возрастные и под.). Это реализуется в формировании субъектом особого образа правильной речи и выражается в специфике стиля.

Находясь в состоянии адаптации к дискурсу, субъект оказывается ограниченным в использовании отработанных в повседневных дискурсах субъектных средств прямого выражения позиции «осведомленного»: ограничение накладывает незавершенность процессов статусно-ролевого распределения.

Субъект дискурса, находящийся в дискомфортных условиях незавершенного ролевого распределения, при попытке обозначить себя как «лидера»/«знатока» чаще использует непрямые, несубъектные формы выражения ролевой дифференциации, за которые он «прячется» при отсутствии речевой безопасности. К ним относятся безличные конструкции с возвратными глаголами с семантикой предположительности и личными местоимениями в косвенном падеже (*мне думается; мне кажется*), модальные конструкции в значении вероятности (*вероятно; возможно*), различным образом оформленные ссылки на источники (*как это обычно говорится; как вон по телевизору сказали; в одной умной книге написано*) и др.

Стремление субъекта представить себя наиболее выгодным образом реализуется не только за счет аргументативной структуры высказывания, не только за счет содержания аргументов, но и за счет повышения статуса продуцируемого им речевого произведения, что обеспечивается описанными выше способами реализации речевого контроля (особым предпочтением в выборе речевых средств, использованием метатекстовых средств оценки выбранных речевых форм, предпочтением в использовании средств формального общения и т.д.): *...А счас в нашей деревне молодежи маленькая* ***количества*** (СГ) // *[...Почему в вашей бригаде остается много демобилизованных воинов?] – /.../ Ну, и затем то* ***количество*** *воинов, которые попадают в бригаду, они сразу попадают,* ***так надо сказать, ну,*** *в такой объем внимания,* ***что ли, или как там*** (НКРЯ) // *Попадаются иногда экземпляры. Но чтобы такое произведение*

хорошее, мне один только экземпляр достал, Достоевского и все, и его прочитаю, а так – нет, если его постоянно читать, понимаешь смысл того времени, а так, если ты… Ну, так, ***не могу сформулировать****, очень мало* ***из этой, из того*** *поколения писателей читал. /…/ Я читаю все эти книги, которые мне попадаются вот так, ну, которые щас считаются,* ***не знаю, как это сказать****,* ***ну это, ну,*** *разнообразную литературу, какая мне попадется,* ***ну,*** *интересные романы, рассказы, повести,* ***ну,*** *которые* ***относятся к сегодняшнему времени*** (РРСВ).

(3) Стиль неповседневных личностно-ориентированных дискурсов в большей степени, чем стиль дискурсов повседневных, зависит от характера **диктумного содержания**.

Речевая форма неповседневных дискурсов, содержательно направленных на институционально значимую информацию, более последовательно ориентируется на стиль дискурса, являющегося онтологическим источником этой информации. Формируя образ правильной речи и руководствуясь при этом заданной дискурсом интенцией повышения статуса собственного речевого произведения, субъект в качестве «правильного» способа говорения выбирает тот, который был задан в источнике его институционального опыта. В качестве иллюстрации рассмотрим пример, содержание которого онтологически связано с политическим дискурсом: Мне кажется / **двухпартийная система вполне достаточна для России**. А **лучше** вообще без партий. Это **только лишняя** трата **средств**. *[*Светлана*:]* Сюда **нельзя вкладывать плановые данные**. Всё **должно определяться** людьми. **Партия должна регистрироваться** только тогда /когда у неё **определённое количество членов**. А 2/ 3/ 4/ это уже детали (НКРЯ). В приведенном тексте корректность представления субъектами неповседневного личностно-ориентированного дискурса собственной позиции верифицируется использованием отработанных в дискурсе-источнике стилистических средств представления политически значимого объекта (двухпартийная система; регистрация партии; члены партии). Оценочный модус политического дискурса сохраняется в средствах оценки этого объекта, представленных в виде безличных

и пассивных конструкций, представляющих эту оценку как социально значимую, с позиции социальной группы (лучше вообще без партий; нельзя вкладывать плановые данные; Всё должно определяться людьми; Партия должна регистрироваться…). Ощущение собственного участия в борьбе политических сил также реализуется субъектом в использовании форм долженствования (нельзя; должно). Отчетливо проявляется и свойственная политическому дискурсу категоричность, выраженная в указанных формах долженствования, а также в других дискурсивно-стилистических средствах – например, в использовании оценочных прилагательных и наречий (лучше, лишняя), усилительно-ограничительных наречий и частиц (вполне, вообще, только) и др. Кроме того, для повышения статуса речевого произведения активно используются средства стиля дискурса документа – как прототипического для официального общения, реализующие модус официальности[46] (трата средств; плановые данные; определённое количество членов).

Активная поддержка личностно-ориентированными дискурсами особого статуса концептов, обладающих особой общечеловеческой и этнокультурной значимостью, также оказывает влияние на стиль их дискурсивно заданной речевой реализации. Особый характер содержания формирует у субъекта стремление повысить статус собственного речевого произведения, что соответствует стилистическим принципам, свойственным неповседневным дискурсам. Образ правильной речи сближает принципы повседневного и неповседневного общения. Для реализации названной установки активно используются стилистические ресурсы социально авторитетных дискурсов.

Обращение к темам такого типа формирует определенным образом модусно ориентированные тексты. Так, этнокультурно значимый концепт *Великая Отечественная война*, реализованный в личностно-ориентированном общении, сохраняет активно разработанную в медийных, литературно-художественных – авторитетных для обыденного человека – дискурсах особую патетику: *[из воспоминаний о войне:] Да как мы вам* ***завоевывали жисть эту****! Ох,* ***милые…***

[46] Подробнее о модусах дискурса документа – в разделе 3.2.1 главы 3.

Страшно! (СГ) // *Плохая жизнь была. Сын у меня на войне был. В селе ни одного мужика не осталось. Трудно!* ***А пули жужжат…*** (СГ). Для ее выражения субъект личностно-ориентированного дискурса использует особые дискурсивно-стилистические средства, утвердившиеся в источнике и вошедшие в личностно-ориентированное общение как речевые штампы, ставшие удобной формой трансляции особого – этнокультурно значимого – содержания.

(4) В неповседневных дискурсах возрастают различия речевой формы, продуцируемой субъектами различного СРТ (**тип субъекта общения**).

Переход от повседневного общения к неповседневному для субъекта любого СРТ связан с повышением уровня осознанности образа правильной речи и его воплощения (речевого контроля). При этом в рамках речевого контроля субъект СРТ-1 трансформирует образ правильной речи более существенно, в большей степени осознанно дифференцируя свой дискурсивный опыт и активнее адаптируя средства языка к условиям дискурса. Аналогичные установки на речевой контроль субъекта СРТ-2 ограничивают его реализацию в силу отличного от субъекта СРТ-1 содержания дискурсивного опыта, меньшего уровня владения эпистемологическими моделями освоения дискурсов в целом и освоенности дискурсов, опыт вступления в которые он имеет. Это приводит к формированию образа правильной речи, менее дифференцированному, чем в аналогичных дискурсах у субъекта СРТ-1, и менее дифференцированному, чем в повседневных дискурсах у аналогичного субъекта. В результате речевая форма выраженно демонстрирует слабо адаптированное смешение стилистических ресурсов различных дискурсов, эксплицирует процесс речевого контроля в метатекстовых комментариях, отражающих неуверенность в подборе речевых форм, повторах и средствах хезитации: *...по моему такому неширокому* ***географическому обзору****, то я сейчас* ***прочитал, даже узнал****, что там пингвины* ***находятся****,* ***что там, что там****,* ***ну,*** *уже* ***заповедна****… как он писал* (РРСВ) // *Я имею в виду, прошли,* ***как говорится****, через мои руки многие машины,* ***для того, чтобы вот, пока*** *я* ***в автобус попал****…* (РРСВ).

Таким образом, стиль личностно-ориентированных дискурсов отличает «минимум речевых ограничений» [Макаров, 2003, с. 175], низкий уровень стилистической формальности, вариативность принципов и средств речевой организации.

При этом все названные свойства стиля личностно-ориентированных дискурсов, отличающие его от стилей дискурсов институциональных, реализуются различным образом в дискурсах повседневных и неповседневных.

Стиль повседневных дискурсов отражает отработанность сценариев личностно-ориентированного общения. Его формирование осуществляется при минимальном уровне субъектного речевого контроля. В результате средства стилистической формальности используются в нем не частотно и, в основном, подвергаются активной функциональной трансформации.

Стиль неповседневных дискурсов формируется на основании субъектной установки на восстановление дискурсивного порядка, что предполагает повышение уровня речевого контроля. При его формировании субъект, руководствуясь стремлением повысить авторитет собственного речевого произведения, необходимый для обеспечения речевой безопасности, значительно более активно, чем в повседневных дискурсах, привлекает средства стилистической формальности. Формальность речи воспринимается субъектом как отражение институционально поддержанного социального авторитета. В результате стиль неповседневных личностно-ориентированных дискурсов активно привлекает средства и способы организации речевой формы, свойственные дискурсам институциональным, – при минимальной трансформации. Несмотря на то что эти средства и способы активно взаимодействуют со средствами и способами неформального стиля, уровень формальности речи при переходе от повседневного общения к неповседневному повышается.

Различную степень адаптированности средств языка к условиям дискурса, определяемую уровнем дифференцированности образа правильной речи, демонстрируют субъекты различного СРТ. Субъект СРТ-1 в повседневном

общении, формируя и реализуя образ правильной речи, использует более широкий спектр речевых средств, более активно адаптируя их к условиям дискурса, чем субъект СРТ-2. В неповседневном общении, определяющем установку на активизацию речевого контроля, на повышение статуса речевого произведения, различие стиля субъекта СРТ-1 и СРТ-2 усиливается. Субъект СРТ-1 организует речевую форму в более последовательном соответствии с дискурсивной интенциональностью, условиями общения, спецификой диктумного содержания. Субъект СРТ-2 демонстрирует слабо адаптированное смешение стилистических ресурсов различных дискурсов, используемых при реализации установки на повышение статуса речевого произведения.

2.3.3.3.2. Текст устного личностно-ориентированного дискурса: текстуальность, интертекстуальность, полидискурсивность

В представляемом диссертационном сочинении текст рассматривается как компонент дискурса, его динамическая результативная сторона. Специфика дискурса обеспечивает специфику текстуальности как базового свойства текста.

Текст личностно-ориентированных дискурсов обнаруживает специфику реализации признаков текстуальности в соответствии с особенностями обусловливающей его дискурсивной сферы: локальностью целей, институционально не заданным характером моделей общения, а также самоценностью общения как такового. Ряд особых свойств рассматриваемых в данной работе текстов определяется **устным, спонтанным** характером общения, формирующего их.

Многие специфические свойства текстов устных личностно-ориентированных дискурсов были обнаружены исследователями разговорной речи [Винокур, 1968, Девкин, 1979, Земская, 1971, 1979, Земская, Китайгородская, Ширяев, 1973, Лаптева, 1976, Сиротинина, 1974, Labov, 1972, Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974 и др.].

Низкий уровень формальности общения, свобода мены коммуникативных ролей [Макаров, 2003] и др. свойства личностно-ориентированного общения, а также устность канала передачи информации, обеспечивающая взаимодействие автора и адресата в on-line-режиме, обусловливают возможность нарушения текстуальности на уровне поверхностных структур (тематическая расфокусированность, эллипсис, несогласованность интонационных и предикативных структур и под.), но при этом его информационная самодостаточность [Кубрякова, 2001] и интенциональность обеспечиваются на уровне его глубинных структур [Жеребило, 2010], вступающих в тесное взаимодействие с глобальной макроструктурой [Дейк, 1989, Макаров, 2003] дискурса.

Обладая более высоким, по сравнению с текстом институциональных дискурсов, уровнем конкретно-ситуативной обусловленности и информационной разомкнутости, текст устных личностно-ориентированных дискурсов реализует свою информативную функцию в максимальном взаимодействии с текстами других дискурсов, обладающих особыми когерентными структурами, а формы собственно-речевой когезии взаимодействуют с внешними когезивными средствами – мимикой, жестами и под. Так, особая ролевая структура дискурса – близкое знакомство его участников, наличие общего опыта – обеспечивает цельность и информативность высказывания, минимизированного вплоть до отдельной реплики *Ну, что, как вчера?*, ответом на которую может послужить соответствующий жест.

Обозначенные свойства текста личностно-ориентированных дискурсов определяют его особую позицию по отношению к категориям интертекстуальности и полидискурсивности. Отсутствие условий институционального регулирования определяет особую открытость текста рассматриваемого типа по отношению к самым различным вложениям из других текстов/дискурсов. Множественность локальных интенций, специфика содержания, заключающаяся, в первую очередь, не в особом характере передаваемой информации, а в особом – личностно-ориентированном – способе

ее представления, предполагает обращение к самым различным текстуальным знакам, связанным с исходными сферами их формирования. В тексте личностно-ориентированных дискурсов в соответствии с его открытостью указанные текстуальные знаки максимально органично входят в новую семиотическую структуру, не только не нарушая его цельности и связности, но и участвуя в реализации новой ситуативно обусловленной интенциональности и информативности. Так, текстуальные знаки медицинского (институционального) дискурса – медицинские термины *нефролог* и *терапевт* – входят в структуру следующего текста личностно-ориентированного дискурса, обеспечивая его полидискурсивность: *Ну спасибо тебе / моя хорошая / ты мой главный доктор / можно сказать... Как это сказать?* ***Нефротерапевт*** *практически /* ***нефротерапевт!*** (НКРЯ). Используя их, обыденный человек решает задачу не привести речевую форму в соответствие с институциональными требованиями (создать текст, отвечающий институциональным интенциям), а выразить с их помощью собственную оценочную позицию. Возможность использования произведенного в рамках институционального дискурса термина обеспечивается наличием у субъекта личного опыта участия в его практиках. При этом, в соответствии с условиями функционирования другого («нового») коммуникативного знака, в тексте личностно-ориентированного дискурса данная лексема практически нейтрализует исконный терминологический статус, трансформируясь в средство оценки.

Если информационная открытость текстов рассматриваемого типа играет расширяющую роль по отношению к содержательным типам иноречевых форм, то устность, спонтанность общения, скорее, играют роль ограничительную. В текст такого типа сложнее встраиваются значительные по объему развернутые цитаты, труднопроизносимые термины (в особых случаях их фонетическая чуждость выдвигается субъектом, во многих случаях – игровым способом). Например, спонтанность общения ограничивает использование дискурсивных выражений дискурса документа. Специальные термины редко (в основном, для выражения частных, специальных субъектных интенций) используются не только

на основании специфики их фонетической организации, но и в связи с неорганичностью их употребления в рамках спонтанного общения и под.

С другой стороны, устный характер общения позволяет сохранить в иноречевой форме фонетико-просодические особенности источника, играющие в текстах рассматриваемого типа роль одного из стилистических средств реализации модуса дискурса-источника, например, при выражении стилистического пафоса политического дискурса, ценностноориентирующего модуса фольклорного дискурса и под. (о модусах конкретных дискурсов источников – раздел 3.2 главы 3). Кроме того, указанные текстовые средства в устных дискурсах используются в качестве формы особого выдвижения содержания иноречевых форм.

Специфика текстов повседневных и неповседневных дискурсов проявляется в различном характере соотношения содержания, выражаемого на уровне глубинных и поверхностных структур их организации, что определяется различным типом субъектно-дискурсивной интенциональности.

В **тексте повседневных дискурсов**, реализующемся в условиях комфортного общения, протекающего по отработанным сценариям, возможные нарушения поверхностных когезивно-когерентных связей компенсируются на уровне глубинных структур, обеспеченных комфортностью привычных условий дискурса. Эти нарушения не влияют на информативность текста, не ограничивают его интенциональность.

В **тексте неповседневных дискурсов** значимость поверхностных структур его организации, наоборот, высока. Субъект в стремлении компенсировать дискурсивный дискомфорт включает в текст дополнительные средства организации его элементов (метатекстовые комментарии – *не знаю, как это правильно сказать…; как там говорят…; если можно так выразиться…; простите меня за неточность…* и под., а также различные перерывы в производстве речи, особые тембровые средства, варьирование темпа речи, эксплицирующие осознанность его порождения, в том числе неречевые сигналы и т.д.), обнаруживающие выражение значений дискурса в поверхностной структуре

текста [Дейк, 1989, с. 47]. Таким образом, ряд элементов содержания, обнаруживающихся в устных спонтанных текстах повседневных дискурсов на уровне глубинных структур, в текстах неповседневных дискурсов выводятся в структуры поверхностные, что определяется повышенным вниманием субъекта к собственно-речевой форме.

При общей способности текста личностно-ориентированных дискурсов к органичному включению в свою структуру текстуальных элементов, связанных с иноречевыми сферами их формирования, тексты повседневного и неповседневного дискурса проявляют эту способность различным образом.

Тексты повседневных дискурсов максимально адаптируют, подчиняют иноречевые кодовые элементы, последовательно приводя их содержание в соответствие с положением в своей семиотической структуре (см. пример выше). Если эти элементы усвоены субъектом в процессе получения институционального опыта, то значимость самого качества институциональности снижается или нейтрализуется.

Тексты неповседневного дискурса, наоборот, обладают тенденцией к сохранению связи иноречевых кодовых элементов с источником, что проявляется, в первую очередь, на уровне глубинных структур, а также может быть проявлено и на уровне структур поверхностных – через обозначенные выше метатекстовые средства их адаптации. Особую значимость приобретает сохранение этой связи при фиксации в данных кодовых элементах институционального опыта субъекта – в силу его социальной авторитетности: …сейчас **директор** // Он сорок шестого года рождения / значит / вот / ему в июле / да / в этом месяце ему будет тридцать девять лет / такой **перспективный растущий товарищ** // И-и <u>всё у него так правильно /и поэтому</u> / наверное / и **коллектив** у нас так <u>хорошо работает</u>/ и **дисциплина** / и **план выполняем** и все **общественные организации** <u>работают хорошо</u> (РРСВ). В данном тексте неповседневного дискурса использование кодовых элементов институциональных дискурсов демонстрирует координацию ценностной позиции субъекта (уровень поверхностной структуры текста) с ценностями институционально заданными (уровень глубинной структуры текста).

Таким образом, специфика текста устных личностно-ориентированных дискурсов определяется особенностями обусловливающей его дискурсивной сферы (локальностью целей, институционально не заданным характером моделей общения, информационной открытостью и др.), а также спецификой канала передачи информации. Его цельность и связность обеспечиваются особым взаимодействием его поверхностных и глубинных структур, заданных макроструктурой дискурса.

В силу отсутствия институциональных ограничений текст личностно-ориентированного дискурса как сложный знак обладает особой открытостью для включения в свою структуру инотекстовых/инодискурсивных кодовых элементов, в результате чего такие его свойства, как интертекстуальность и полидискурсивность, играют при реализации его знаковой функции особую роль. Инотекстовые/инодискурсивные кодовые элементы используются не только для фиксации особого содержания, но и в качестве особой – личностно-ориентированной – формы представления самого различного содержания: как связанного с источником, так и не связанного с ним. Текст личностно-ориентированного дискурса позволяет представить полидискурсивный речевой опыт его автора наиболее синтетично. При этом в соответствии с характером дискурсивной интенции, направленной либо на поддержание, либо на восстановление дискурсивного порядка, текст личностно-ориентированного дискурса реализует свою информативность либо на основании активной адаптации инодискурсивных кодовых элементов (что характерно для дискурсов повседневных), либо на основании их активного выдвижения, основанного на сохранении связи с источником (что характерно для дискурсов неповседневных).

Выводы к главе 2

Текст устных личностно-ориентированных дискурсов обладает низким уровнем конвенциональной обусловленности. Дискурсы такого типа характеризуются слабой пространственно-временной локализованностью, низким уровнем формальности общения, свободой мены коммуникативных ролей (М.Л. Макаров), универсальностью субъектов общения, информационной открытостью. Они не требуют от говорящего соблюдения каких-либо внешних тематических или риторических ограничений. В связи с этим текст характеризуется низким уровнем речевой формальности.

Процесс текстопорождения в дискурсах такого типа может либо (1) занимать доминантную позицию и не зависеть от неречевых действий – такие дискурсы мы определяем как дискурсы интерпретационной направленности, либо (2) занимать позицию сопровождения неречевых действий – такие дискурсы мы определяем как дискурсы практической направленности. В основе их различия – характер дискурсивной интенции. Цель дискурсов практической направленности – преобразование экстралингвистической ситуации. Текст, формируемый в них, характеризуется лаконичностью, стандартностью речевых моделей. Цель дискурсов интерпретационной направленности – интерпретация действительности, осуществляемая независимо от неречевых действий. Продуцируемый в них текст отличает разнообразие речевых средств. В связи с этим текст дискурсов такого типа открыт для проникновения инодискурсивных речевых форм, что отличает его от противопоставленного им типа дискурсов, не стремящихся к речевому разнообразию.

Несмотря на отсутствие институциональных ограничений, текст личностно-ориентированных дискурсов подчиняется особому характеру организации, особой конвенциональности, определяемой спецификой отработанных моделей общения, которые формируются в процессах регулярного коммуникативного взаимодействия говорящих.

В сфере внеинституциональной коммуникации речевая деятельность направлена либо на поддержание отработанных речевых сценариев, либо на их восстановление, что определяется спецификой условий общения и внешнедискурсивных ролевых позиций, влияющих на субъектную интенцию текстопорождения.

Дискурсы, направленные на поддержание привычных моделей общения, определяются как повседневные. Условия общения в них характеризуются признаком комфортности. Они являются продуктом повседневного существования обыденного человека – как социально-ролевой позиции, противопоставленной позиции профессиональной, позиции агента институционального дискурса, – сферы его привычной, регулярной, обыденной деятельности. За пределами социальных институтов сценарии этой деятельности подчиняются общекультурным, национально-культурным и внутригрупповым отработанным принципам существования, включающего речевое поведение, в том числе процессы порождения текста. Востребуемые в его рамках инодискурсивные речевые формы подвергаются активной адаптации к условиям дискурса.

Дискурсы, направленные на восстановление дискурсивного порядка, определяются как неповседневные. Условия общения в них характеризуются признаком дискурсивного дискомфорта. Они являются продуктом нарушения привычных принципов существования обыденного человека, его «неготовности» к определенного рода деятельности, его стремления восстановить привычный порядок бытия. Процессы текстопорождения в таких дискурсах отражают стремление говорящего к дискурсивной стабильности, при реализации которого активно привлекаются речевые формы институциональных дискурсов. Их включение в текст предполагает сохранность и выдвижение институционально заданных ценностных смыслов, координирование ситуативно востребованных ценностных установок субъекта с институциональными ценностными установками. Этот процесс отражает восстановление порядка неповседневного личностно-ориентированного дискурса на основании институционального

дискурсивного порядка, усвоенного субъектом в процессах получения полидискурсивного опыта.

В следующей главе рассматриваются социальные обоснования такого обращения к институциональным речевым формам в личностно-ориентированном общении и специфика отдельных институциональных дискурсов в аспекте их социокультурно обусловленной направленности на междискурсивное распространение.

Глава 3. Источники формирования полифонической структуры текста устных личностно-ориентированных дискурсов

3.1 Социальный авторитет дискурса как основание востребованности его речевых форм субъектом личностно-ориентированных дискурсов

Социальная организация существования обыденного человека предполагает наличие у него представлений о стратификации социальных сфер, его социальных практик, в том числе – его дискурсивных практик. В частности, это проявляется в восприятии обыденным человеком определенных дискурсов как **авторитетных**[47].

Текстовая составляющая личностно-ориентированных дискурсов – не регулируемая институциональным порядком дискурса, не ограниченная тематически, не предъявляющая особых требований к говорящему субъекту, ограничивающих его вступление в дискурс, – обладает потенциальной способностью обращения к самым различным дискурсам как источникам ее полифонической организации. При этом основанием для обращения к ним является их **социальный авторитет**.

При характеристике источника мы обращаемся к его признакам, связанным с восприятием данного источника **обыденным человеком**. Востребованность источника и характер обращения к нему мотивируется социально. На наличие социально авторитетных источников («авторитетных текстов»), обладающих для говорящего особым статусом, указывает М.М. Бахтин: «В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом маленьком мирке семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируются, которым подражают, за которыми следуют. В каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в

[47] См.: [Тубалова, 2014].

словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях и т.п.» [Бахтин, 1979, с. 268-269]. В данном высказывании М.М. Бахтина обнаруживаются две значимые для нашей концепции полифонического текста идеи, связанные между собой: (1) «в словесном облачении» фиксируется некоторый **независимый от субъектной позиции обыденного человека авторитет**, заданный спецификой конкретно-исторической («в каждую эпоху») социальной организации его существования (структурой его жизни и деятельности); (2) этот социальный авторитет используется в личностно-ориентированной деятельности обыденного человека через обращение к речевым формам его фиксации в качестве объективированных ориентиров.

Формирование социального авторитета всегда является результатом действия процессов институционализации, организующих социальное существование человека, обособляющих общие ценности и закрепляющих принципы этого существования в рамках социальных групп.

Социальные институты регулируют деятельность субъектов на основании авторитета, поддерживаемого на государственном и/или общекультурном уровне, что определяет авторитет институциональных дискурсов.

Полидискурсивность существования обыденного человека обусловливает возможность сохранения институционального авторитета за пределами его институциональной деятельности.

В зависимости от характера его восприятия обыденным человеком социальный авторитет институциональных дискурсов может быть **внешним** – заданным и поддерживаемым на государственном уровне, «извне» по отношению к обыденному человеку (например, авторитет политического, научного, образовательного и под. дискурсов) – и **внутренним** – исходящим от самого обыденного человека, закрепляющий общекультурно и национально-культурно отработанные принципы его существования, сформированные вне государственного регулирования, воспринимаемый им как «свой», «естественный» (например, авторитет фольклорного дискурса).

Личностно-ориентированная деятельность обыденного человека (частью которой является деятельность дискурсивная), свободная от государственного институционального регулирования, допускает возможность не только сохранения **внешнего** социального авторитета, но и его интерпретации: обыденный человек в своей внеинституциональной деятельности не только следует институционально заданным принципам существования, проникающим в нее, но и критически их оценивает. Внешний социальный авторитет может быть оценен как **истинный** либо как **ложный**. Вариативность отношения к авторитету определяется его внешним для обыденного человека характером (ср.: обращение к власти за поддержкой – критическое отношение к власти как априорно порочной структуре; апелляция к закону в случае нарушения прав – критика закона в случае несоблюдения обязанностей и под.). **Внутренний** социальный авторитет, общекультурно закрепленный и поддерживаемый в процессах повседневной деятельности его субъектов, всегда оценивается как истинный, «справедливый», «свой».

Таким образом, обыденный человек как субъект личностно-ориентированного общения в процессах своей деятельности ориентируется на внешний социальный авторитет – авторитет государственных социальных институтов – и внутренний социальный авторитет – авторитет отработанных принципов внеинституционального существования.

Как внешний, так и внутренний авторитет объективируется в особых нормах и правилах социальной деятельности, в том числе и дискурсивной, и усваивается субъектом в различных социальных практиках (в том числе – в речевых). Обыденный человек наделяет социальным авторитетом дискурсы как коммуникативные сферы онтологии этих практик.

Одна из форм экспликации авторитета дискурса – обращение к его речевым формам, которые в результирующем тексте выступают в качестве полифонических включений.

В личностно-ориентированных дискурсах такая форма экспликации социального авторитета реализуется в виде полифонических включений (1) из

дискурсов государственных социальных институтов – как обладающих внешним для обыденного человека социальным авторитетом; (2) из фольклорного дискурса и иных по отношению к результирующему ситуационных личностно-ориентированных дискурсов – как обладающих для обыденного человека внутренним социальным авторитетом.

Различные типы полифонических включений (описанные в разделе 1.3.3.2 главы 1) отражают различный характер восприятия субъектом личностно-ориентированного дискурса внешнего и внутреннего социального авторитета.

Ведущим фактором системной стабилизации речевой формы дискурса является фактор институциональности, консолидирующий дискурсивную интенцию и выводящий его ценностное содержание за пределы частной позиции отдельного субъекта, а также за пределы ценностноориентирующей ситуационной дискурсивной интенциональности и, тем самым, обеспечивающий его авторитет.

Речевая деятельность субъекта личностно-ориентированных дискурсов, отличающаяся интенциональной и тематической неоднородностью, особой ситуативной обусловленностью текстопорождения, в значительно большей степени, чем речевая деятельность субъекта дискурса институционального, определяется характером ситуационного дискурса, ситуативной субъектной интенцией. Выбор источника обусловливается не только его социальным авторитетом (заданным в дискурсах, продуцируемых государственными институтами, или сложившимся в повседневных дискурсивных практиках), но и значимостью его содержания для конкретного субъекта в конкретно-ситуативных условиях.

Модели реализации социального авторитета дискурса-источника в полифоническом тексте личностно-ориентированных дискурсов отражает таблица 3.

Таблица 3 – Социальный авторитет дискурсов-источников и его восприятие обыденным человеком как субъектом личностно-ориентированного дискурса, выраженное в полифонических включениях

<table>
<tr><td rowspan="2">Тип дискурса-источника</td><td rowspan="2">Тип социальн. авторитета</td><td colspan="3">Полифоническое включение</td></tr>
<tr><td>По источнику</td><td>По характеру стабилизации</td><td>По стабилизируемой единице источника</td></tr>
<tr><td rowspan="5">Институциональный</td><td rowspan="3">1.Внешний</td><td rowspan="5">Инодискурсивн.</td><td rowspan="2">Системно-стабилизированное</td><td>Стилистико-ресурсное</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Цитатное</td></tr>
<tr><td>Ситуативно-стабилизированное</td></tr>
<tr><td rowspan="3">2.Внутренний</td><td rowspan="2">Системно-стабилизированное</td><td>Стилистико-ресурсное</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Цитатное</td></tr>
<tr><td>ЛО</td><td>Внутридискурсивн.</td><td>Ситуативно-стабилизированное</td></tr>
</table>

Рассмотрим виды авторитетных для субъекта личностно-ориентированного общения дискурсов-источников в аспекте внешнего/внутреннего характера восприятия их авторитета. Выделим способы его восприятия в личностно-ориентированных дискурсах, выраженные в полифонических включениях различного типа.

1. Авторитет дискурсов, институциональный статус которых закреплен на государственном уровне, как уже отмечалось, для обыденного человека является **внешним**. Это проявляется в социальном признании значимости диктуемых ими правил общения, особом статусе агентов институциональных дискурсов по отношению к его клиентам (например, политик по отношению к избирателям), особой значимости письменно зафиксированных текстов (например, официально опубликованных документов или политических программ), текстов, спродуцированных в особых дискурсивно значимых условиях (например, в условиях их медийного представления – на трибуне, на официальном сайте, в теленовостях и специальных телепрограммах и т.д.) и под.

Объективация внешнего авторитета институциональных дискурсов в полифоническом тексте осуществляется субъектом личностно-ориентированного общения двумя способами: (1.1) основанном на обращении к стабилизированным в дискурсе-источнике речевым формам; (1.2) основанном на единичном использовании текстового фрагмента источника, не стабилизированного в нем.

1.1. При объективации внешнего социального авторитета через обращение к стабилизированным в дискурсе-источнике речевым формам (в результирующем тексте – прецедентные высказывания и стилистико-ресурсные полифонические включения) личностно-ориентированный дискурс востребует их как носителей значимого в конкретно-ситуативных условиях для конкретного говорящего субъекта содержания, заданного источником. Это содержание адаптируется в результирующем ситуационном дискурсе, подчиняясь его интенциональности – типовым принципам использования институционального авторитета (особая значимость такой адаптации определяется интенциональной неоднородностью личностно-ориентированного общения) – и интенции говорящего субъекта – реализации индивидуальной потребности в обращении к нему: ***На протяжении*** *это время работал на шахте двадцать седьмой* ***до тысяча девятьсот семьдесят седьмого года*** */ семьдесят шестой году в октябре месяце / так как был запуск шахты Воргашорской / переводом через комбинат перешел на шахту Воргашорскую / и по сей день работаю // За это время* ***провожу большую общественную работу / настоящее время являюсь председателем совета наставников шахты Воргашорская*** (РРСВ). Выделенные полифонические включения реализуют социальный авторитет дискурса документа, в том числе – в его значимом пересечении с советским политическим дискурсом (*На протяжении…; до тысяча девятьсот семьдесят седьмого года; настоящее время являюсь председателем совета наставников шахты Воргашорская; провожу большую общественную работу*). Его речевые формы содержательно закрепляют значимость развития трудовой биографии советского человека, его социальной активности (что является результатом указанного интенционального пересечения дискурсов-источников). Субъект результирующего дискурса, используя эти речевые формы как инодискурсивные стилистико-ресурсные полифонические включения, апеллирует к внешнему институциональному авторитету для подтверждения собственной личностной значимости (субъектная интенция), что допускается условиями личностно-ориентированного общения (типовыми интенциями говорящих в личностно-ориентированных дискурсах).

На активность реализации социального авторитета дискурса-источника в личностно-ориентированных дискурсах влияет его способность продуцировать сильные тексты. За счет их наличия, их самостоятельной значимости «в культуре в определенный исторический момент» [Денисова, 2003, с. 128] в дискурсе-источнике возрастает количество речевых форм, обладающих свойствами узнаваемости и воспроизводимости. Однако авторитет непосредственно текста-источника в личностно-ориентированных дискурсах в большинстве случаев не востребуется: он поглощается авторитетом дискурса-источника в целом и активизируется только при реализации частных субъектных интенций, но и в этом случае эксплицируется как уточнение авторитетного содержания дискурса-источника (см. далее). Вне их реализации субъект личностно-ориентированного дискурса, используя прецедентные высказывания как из сильных, так и из несильных текстов, в основном, не эксплицирует конкретно-текстовое содержание источника, реализованное в ситуационном дискурсе его порождения: *Да там все проще гораздо! Как подумал – так и сказал, как сказал – так и подумал. И никаких подтекстов искать не надо, а ты тут мучаешься, подтексты ищешь… Короче, будь проще, прямо* ***горе от ума****…* (РРТ). Использованное в данном тексте прецедентное высказывание является носителем социального авторитета литературно-художественного дискурса, где оно формирует свое содержание в соответствии с конкретными художественными интенциями авторского сильного текста. Актуальность этого текста в современной культуре поддерживается его включенностью в содержание школьной программы. Актуальность конкретной речевой формы усиливается за счет его заголовочной (сильной) позиции в тексте-источнике. При этом авторское содержание, мотивированное художественными установками сильного текста и вложенное в рассматриваемую речевую форму в источнике, в результирующем дискурсе максимально обобщается и приобретает бытовую конфигурацию («не следует искать сложности там, где их нет»)[48]. Отметим, что *формально*

[48] Подобным образом ведет себя рассмотренное ранее прецедентное высказывание из сильного текста романа А.С. Пушкина в интернет-коммуникации, обладающей с дискурсом

исключением являются случаи целостного цитирования сильных текстов (что возможно в силу их краткости): например, политических лозунгов (подробнее – раздел 3.2.2).

1.2. При объективации внешнего социального авторитета, основанном на единичном использовании текстового фрагмента источника (цитат из текстов дискурса-источника, не стабилизированных в нем в качестве прецедентных высказываний), носителями внешнего институционального авторитета эти цитаты становятся ситуативно, в процессе участия субъекта в конкретном ситуационном результирующем дискурсе. Говорящий выбирает для трансляции авторитета источника не «готовую» речевую форму, обработанную для потенциального распространения в процессе интерпретирующей деятельности дискурса-источника, а «случайный» для дискурса-источника речевой фрагмент, не оформленный дискурсом для распространения: *[№ 3, жен, 20] В Китае очень заботятся о пожилых людях / а у нас кто-то из политиков сказал / «**Что вы думаете о стариках / они умрут скоро**»* (НКРЯ) // *[№ 10, муж, 49] // [№ 9, муж, 66] Мне кажется / здесь надо всем вот очень внимательно всем / и политикам / и нашему президенту / и «Единой России» обратить внимание на очень важнейшее заявление Чубайса / который сказал / **мы проиграли / но мы еще вернемся**. И сказал следующее / **и не на сто лет / а на тысячелетие**. Это было сказано по телевизору во всеуслышание* (НКРЯ).

В силу того что говорящий самостоятельно вычленяет цитируемый фрагмент текста дискурса-источника, его содержание меньше нуждается в адаптации к конкретному ситуационному дискурсу. Субъект результирующего дискурса включает в «авторитетную» цитату такой фрагмент источника, содержание которого прямо соответствует субъектной интенциональности – чаще совпадает с его ценностной позиций, реже – противополагается ей. В результате такое содержание оказывается изначально более приспособленным для реализации субъектных интенций, чем содержание стабилизированного в источнике речевого фрагмента, прошедшего множественную ценностно-

---

рассматриваемого типа целым рядом общих свойств (раздел 1.3.3.2 главы 1).

ориентированную обработку в процессе интенционально заданного употребления в дискурсе-источнике и получившего на этом основании особое смысловое обобщение.

При обращении к внешнему авторитету дискурса-источника как к истинному одинаково регулярно используются как системно стабилизированные (*[Н., жен] Понимаешь/ в настоящих мусульманских семьях/ женщину очень ценят/ Но опять же если говорить о нашем понимании этого/ У нас это будет дико/ У нас* <u>*есть хорошая пословица*</u>*/* ***В чужой монастырь/ со своим указом*** (НКРЯ)), так и ситуативно стабилизированные (*[№ 8, муж, 30]* ***Такие явления национальности не имеют***. <u>*Президент правильно сказал*</u>***.*** *Но это в рамках общей политики / каких-то процессов / которые / может / мы даже не ощущаем* (НКРЯ)) полифонические включения. Оценка внешнего социального авторитета источника как ложного реализуется, в большинстве, через системно стабилизированные полифонические включения: *[Из воспоминаний Т.Г. Винокур о детстве] И триц седьмой год/ девочки/ он (с улыбкой в голосе выделяет слово книжного стиля) очень* <u>*амбивалентен*</u>*/ как… вы… можете догадываться// Значит вот люди которые… и щас мало кто верит/ […] Мне было тринац лет/ и у меня было* ***счастливое детство****// Может быть даже я пела «****спасибо великому Сталину****»/ возможно/ Значит что такое* ***счастливое детство****?* (РМ). Выделенные речевые формы говорящий использует для реализации оценочно-иронических интенций, направленных на внешний авторитет как дискурсов более высокого уровня формальности общения в целом (интонационное выделение речевой формы *амбивалентен*), так и непосредственно советского политического дискурса (в его пересечении с художественным). Отметим, что ситуативно стабилизированные полифонические включения значительно реже используются для представления внешнего авторитета источника как ложного. В большинстве, их субъектное вычленение регулируется установкой на подтверждение собственной позиции – как ведущим основанием для ситуативного вычленения речевой формы источника субъектом результирующего дискурса. Интерпретацию внешнего авторитета дискурса-источника как ложного, проявленную через

ситуативно стабилизированное полифоническое включение, иллюстрирует следующий пример: *Когда у нас люди знают / сколько получает там / допустим / администрация президента / сколько у нас получают руководители предприятий / и когда на том же предприятии люди получают в десять-двадцать раз меньше / хотя это считается темой закрытой / сколько он получает / узнаю. Узнаю / сколько получают / с собой сравниваю / сколько он получает / и когда* <u>*он / как и Ельцин говорит*</u> / ***давайте жить дружно*** / <u>*не получится этой дружбы / нет*</u> (НКРЯ).

В силу узнаваемости и воспроизводимости системно стабилизированных речевых форм, используемых в полифоническом тексте личностно-ориентированного дискурса, их метатекстовое оформление не является обязательным: *Разные, там, машинки – стиральные и посудомоечные, блэндэры всякие и нужны как раз для того, чтобы* ***любовная лодка*** *не* ***разбилась о быт*** (РРТ) // *У нас сейчас в образовании такое, что и* ***верхи могут*** *и* ***хотят****, и* ***низы могут*** *и* ***хотят****, только разного они хотят, получается* (РРТ) // *[Б, муж, 19]* ***Рождённый ползать летать не может*** *– первая моя мысль за сегодняшний день. [смех] [В, муж, 19] А потом, говорит, я узнал, что это сказал уже Максим Горький* (НКРЯ) // *Я знаю / что лучше учить постепенно / но раз пять-семь получалось / что могла лекции открыть толь в ночь перед экзаменом (то* ***любовь нечаянно нагрянет*** */ то просто лень…) и учить не ложась спать / все сдала на пять. Минимум 4* (НКРЯ).

При этом в ряде случаев их метатекстовое оформление способствует реализации частных субъектных интенций, связанных с усилением либо особым представлением авторитета их источника. Метатекстовые комментарии в этом случае фиксируют сильные позиции в структуре признаков дискурса-источника как обладающего внешним авторитетом, а также оценку внешнего авторитета говорящим. Так, среди признаков литературно-художественного дискурса сильную позицию занимает авторитет автора текста-источника, и этот признак может быть зафиксирован в метатекстовых комментариях для усиления авторитета: *[Г., жен, 23] Чо ты смеёшься-то? [А., муж, 28] Да а это народ*

*всегда смеётся/ [Г., жен, 23] Но мы будем выше их/ да… [А., муж, 28] Как Пушкин сказал/ «**ты царь/ ты Бог**[49]» /да?* (РРУ). Сильную позицию фигура автора (известного политика) занимает и среди признаков политического дискурса-источника. В приведенном далее случае иносказательно-табуированное указание на автора, а также указание на конкретный сильный текст повышает значимость иронического контраста при интерпретации авторитета дискурса-источника как ложного: *Р. В Кремле/ да-да-да-да// Двац пятого июня// (нрзб.) Ну и там э-э народные артисты-ы/ вся наука наша/ ну/ вс-с-ё это вот это вот// Где он знаменитый свой с… сказал тост-то/ «**человек винтик**-то»// (тише, комментирует слова Сталина) Я с ним/ согласна между прочим/ с какой-то философской точки зрения/ что каждый человек/ должен делать свое дело* (РМ). Авторитет религиозного дискурса активно проявляется через широко известные фрагменты священных текстов, и метатекстовое указание на них способствует его усилению: *[№ 7, муж, 44] То / что еще мусульмане. Так они очень хорошие люди. И у них эта вера / сама вера даже подразделяется. Как у нас в Библии сказано / никогда не тронь / **не убий**. Так же и у них. У них нельзя это делать* (НКРЯ) – в данном случае метатекстовая ссылка не только усиливает авторитет источника (*в Библии сказано*), но и способствует реализации субъектной интенции дифференцировать ценностные установки различных конфессий, чтобы на этом основании подчеркнуть единство обсуждаемых этических установок.

Обращение к внешнему авторитету институциональных дискурсов через ситуативно стабилизированные полифонические включения, наоборот, требует обязательного метатекстового оформления в силу отсутствия у них признаков узнаваемости и воспроизводимости. Как и при реализации частных субъектных интенций, востребующих внешний авторитет институциональных дискурсов, метатекстовые комментарии актуализируют сильные позиции среди дискурсивных признаков источника, выражают отношение говорящего к авторитету: *[№ 4, жен, 45] Путин очень хорошо сказал. [№ 0] А что он сказал?*

[49] Цитируемый текст не обязательно принадлежит названному говорящим автору, но частная интенция при этом остается очевидной.

Что вам запомнилось из того / что он сказал? [№ 4, жен, 45] Столько много всего. [№ 7, муж, 56] ***Уговаривать их бесполезно / их надо уничтожать****. [№ 4, жен, 45] Да. Потом* ***террорист не имеет национальности*** (НКРЯ) // *Ну вот Бунич/ Бунич/ Бунич в «Аргументах и фактах» / хорошо сказал// говорит/ «****дали бы/ государственным предприятиям столько прав/ скоко кооперативам...****»* (РРУ) // *У нас очень большое пространство / но почему-то основной упор мы делаем на Европу. Кто-то очень хорошо сказал /* ***мы по большому счету и не Европейцы*** (НКРЯ) // *[Дувакин, муж] Как Маяковский очень хорошо в другом месте сказал / «****Вечный спор оптимиста и пессимиста / зал наполовину пуст или он наполовину полон****». [Бахтин, муж] Да / это очень хорошо сказано* (НКРЯ).

Речевые формы дискурсов-источников, принципиально дистанцирующихся от персонификации содержания своих текстов (в нашем материале – дискурс документа; подробнее – раздел 3.2.1), ситуативным способом социальный авторитет не объективируют.

2. Авторитет дискурсов, институционализация которых осуществляется независимо от государственной поддержки, а также авторитет *иных* по отношению к дискурсу реализации *ситуационных* личностно-ориентированных дискурсов, как уже отмечалось, для обыденного человека является **внутренним**.

Объективация внутреннего авторитета в полифоническом тексте, так же как и объективация авторитета внешнего, осуществляется субъектом личностно-ориентированного общения двумя способами: (2.1) основанном на обращении к стабилизированным в дискурсе-источнике речевым формам – и (2.2) основанном на единичном использовании текстового фрагмента источника, не стабилизированного в нем.

2.1. Внутренний для обыденного человека социальный авторитет стабилизируется в речевых формах **фольклорного дискурса**. При объективации субъектом личностно-ориентированного дискурса внутреннего социального авторитета в качестве стабилизированных в источнике, «готовых» речевых форм

выступают прецедентные высказывания и стилистические ресурсы фольклорного дискурса.

Фольклорный дискурс функционирует независимо от государственной поддержки и представляет собой особую коммуникативную сферу, основанную на эстетически переработанном речевом представлении общекультурно и национально-культурно отработанных ценностно ориентированных моделей существования обыденного человека. Его статус в системе институциональных дискурсов – особый, отражающий результат социальной организации, осуществленной обыденным человеком «снизу» и закрепленной в особом корпусе эстетически значимых текстов. В связи с этим фольклорный дискурс является для обыденного человека внутренне авторитетным по своей природе, и полифонические включения из него используются обыденным человеком только для подтверждения ситуативно востребованной собственной ценностной позиции: *...Ну а потом-то через некоторое время в город-то и собрались// как эта старуха-то сбила ее с панталыку// вот она ушла/ ушла и он // -**Сколь волка ни корми** // -Ага// как он ее любил/* (РРУ) // *Ж. – Простые люди умирают в этом возрасте/ у правительства расцвет мысли// Московский Университет и естественные / полевые факультеты являются тем местом / где наркоман / **диво дивное**. А многие другие гуманитарные институты являются тем местом / где анашу курят прямо в рекреациях* (НКРЯ).

При этом особо отметим, что именно институциональное начало фольклорного дискурса (основанное не на государственной поддержке, но на внутренних потребностях эстетического представления общих ценностей обыденным человеком) определяет его способность к системной стабилизации речевых форм.

2.2. При объективации внутреннего социального авторитета, основанной на единичном использовании текстового фрагмента источника, его носителями становятся системно не стабилизированные цитаты из иных по отношению к дискурсу реализации ситуационных личностно-ориентированных дискурсов.

Модели обращения к дискурсам, являющимся источниками ситуативной стабилизации, как к авторитетным определяются организующими принципами повседневного существования обыденного человека, в том числе – специфическими для микрогруппы или отдельного субъекта.

Как и в случае цитатного обращения к внешнему авторитету, ведущим его основанием является субъектная интенция подтверждения собственной ценностной позиции. Но если при обращении к внешнему авторитету не только содержание цитаты, но и ее источник (социально закрепленный как авторитетный) оказывается особо значимым для говорящего, то в данном случае значимость конкретного источника снижается. Привлекаемый в качестве авторитетного ситуационный дискурс может не обладать стабильными признаками, обеспечивающими его авторитетность: во-первых, они выделяются конкретным говорящим как участником результирующего ситуационного дискурса, во-вторых, могут проявляться только в конкретной ситуации. Авторитетным в этом случае, в первую очередь, является само содержание цитаты, поддержанное социально авторитетными ценностными установками повседневного существования обыденного человека, не связанное с конкретным ситуационным дискурсом-источником. Цитатное представление этого содержания обеспечивает требующийся говорящему эффект убедительности, основанный на представлении дискурса реализации этих ценностей как не единичного, а типового. В результате ситуативными оказываются не только стабилизация цитаты, но и авторитетность источника. Авторитетом наделяется такой источник, который важен «здесь и сейчас»: *А он говорит / что не будет почти пол своей зарплаты отдавать / он уже рассчитывает / что его зарплата будет баксов восемьсот.* ***Мальчик без царя в голове /упертый / как баран*** / *<u>как говорит моя тетя</u> / вот* (НКРЯ) // *[Михаил Викторович Панов, муж, 1920:] Экзаменатор должен быть добрым. [Елена Андреевна Земская, жен, 1929:] Да. Мой <u>отец всегда говорил</u> / «**Ошибаться надо в сторону ученика / в пользу ученика**»* (НКРЯ). При этом особо отметим, что даже ситуативная стабилизация речевых форм иных по отношению к дискурсу реализации ситуационных личностно-

ориентированных дискурсов основана на субъектном восприятии их источника как обладающего определенными показателями институционализации, объективирующими их авторитет. В приведенных примерах это проявляется в обозначении авторства цитат – *тетя, отец* – воспринимаемого говорящими как авторитетные ролевые позиции в семейной иерархии.

Обращение к источникам, обладающим для говорящего внутренним социальным авторитетом, через системно стабилизированные (в данном случае – фольклорные) речевые формы не требует обязательного метатекстового оформления. Цитаты, обращенные к ситуативным источникам, наоборот, обязательно особо оформляются метатекстовыми показателями.

Таким образом, формирование полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах определяется обращением субъекта к социальному авторитету институциональных дискурсов, а также к социальному авторитету ценностных установок повседневного общения, выраженных в ситуативно стабилизированных речевых формах.

Обращение через посредство полифонических включений не только к внешнему, но и к внутреннему авторитету дискурсов, не только в рамках их системной, но и в рамках ситуативной стабилизации определяется признаками институциональности дискурса-источника, проявленными с разной степенью оформленности.

3.2 Социально авторитетные дискурсы как источники полифонической организации текста личностно-ориентированного дискурса

Представляемое исследование сосредоточено на анализе специфики полифонического текста личностно-ориентированного дискурса, образованного при участии **инодискурсивных** полифонических включений.

Продуцирование и стабилизация речевых форм, получающих знаковое оформление и, соответственно, возможность перехода в иноречевую сферу, определяется дискурсивными правилами, заданными дискурсивной интенцией.

Различные социальные дискурсы характеризуются особыми правилами и реализуют эти правила различным образом.

В сознании обыденного человека, включенного в целый ряд дискурсивных практик одновременно, существует некоторое когнитивно обработанное представление о принципах и моделях текстопорождения, диктуемых дискурсами конкретного типа. Указанные модели формируются на основании дискурсивных правил использования определенных каналов передачи информации, свойственных данной сфере общения, и форм ее передачи (жанровых, стилистических и др.).

Специфику внутренней организации социально авторитетных дискурсов, определяющую стабилизацию и характер распространения их речевых форм, рассмотрим на материале трех объединенных выраженными признаками институциональности, но кардинально различных по типу интенции и социальной функции (типу институциональности) дискурсов – дискурса **документа**, **политического** и **фольклорного**. Их речевые формы активно используются в тексте личностно-ориентированных дискурсов в качестве полифонических включений.

3.2.1 Дискурс документа как источник полифонической организации текста личностно-ориентированного дискурса

3.2.1.1 Дискурс документа как социально авторитетный

Рассмотрим специфические признаки дискурса документа как обладающего для обыденного человека внешним социальным авторитетом в аспекте его способности продуцировать речевые формы, ориентированные на междискурсивное распространение и проникающие в текст личностно-ориентированного дискурса в качестве полифонических включений.

Дискурс документа мы определяем как институциональную сферу речевого общения, ограниченную рамками **обращения** его участников – агентов и

клиентов – к **официальным документам** различного характера (в процессах их производства, обработки и использования). Под документом, вслед за О.П. Сологуб, мы понимаем «письменный текст, исходящий из инстанций и от имени лиц, наделенных особыми полномочиями, выполняющий регулятивную функцию, содержащий общественно значимую информацию и оформленный в установленном порядке, иначе говоря, письменный текст делают документом два основополагающих качества: его институциональная природа и ее внешние атрибуты (вербальные и паравербальные знаки), наличествующие в тексте» [Сологуб, 2009, с. 142-143].

Дискурс документа, в свою очередь, входит в структуру официально-деловой коммуникации, представляющей «коммуникативное пространство, которое образуется пересечением таких коммуникативных сфер, как официальная, деловая, государственная, правовая сферы коммуникации, и в котором доминируют коммуникативные процессы, связанные с реализацией посредством официально-деловых текстов регулятивной функции» [там же, с. 140].

Дискурс документа реализует интенции социального института делопроизводства. Его **целью** является институциональное официально-деловое **регулирование**, осуществляемое при участии информации, закрепленной в документах как **официальных письменных текстовых формах**.

Множественность институциональных жизненных сфер, требующих документальной фиксации процессов их деятельности, наличие установки на документирование у любого поддерживаемого государством социального института, определяет неоднородность института делопроизводства и диктумного содержания дискурса документа соответственно. Дискурс документа образует множество субдискурсов, образованных как результат междискурсивного пересечения с дискурсами определенных производственных областей (например, дискурс производства медицинского оборудования – дискурс документа, фиксирующего производство медицинского оборудования, методический дискурс – дискурс методического документа, образовательный дискурс – дискурс

документа, фиксирующего процессы государственного регулирования образовательной деятельности), научным дискурсом, терминологически фиксирующим результаты научных достижений, востребуемых в производственных сферах (например, научный геологический дискурс – дискурс геологической разработки нефтяных, газовых и газоконденсатных месторождений – дискурс документа, фиксирующего процессы геологической разработки нефтяных, газовых и газоконденсатных месторождений) и др.

Институт делопроизводства определяет специфику его **участников** – агентов и клиентов. Для агентов данного дискурса обращение к документам в процессе их производства, обработки и использования является одной из профессиональных компетенций. Обыденный человек, как клиент дискурса, участвует только в процессах использования документов (социально обусловленная потребность в документировании фактов личной биографии – оформление недвижимости, льгот и под.)[50], и владение дискурсивными правилами является результатом его субъектного речевого опыта, определяющего характер и степень их усвоения. При этом дискурс документа и его правила всегда воспринимаются обыденным человеком как чужие, внешние ему, а опыт участия в нем – как вынужденный, как ответ на требования социального института, а не реализация личностной интенции.

Таким образом, с одной стороны, обыденный человек вовлекается в дискурс документа только в ограниченном перечне социальных практик, что определяет отсутствие у него потребности усваивать дискурсивно обусловленные правила текстопорождения в объеме, позволяющем самостоятельно формировать текст документа. С другой стороны – дискурс документа включает субдискурсы, формирующие практики, ориентированные вовне по отношению к профессионально ограниченному пространству. Это определяет наличие у

[50] Отдельный ограниченный круг документов создается обыденным человеком как «дискурсивным дилетантом» (например, документы – обращения в официальные инстанции, проанализированные в [Сологуб, 2009]). Их форма разрабатывается агентами дискурса, а клиенты далеко не всегда владеют соответствующими правилами текстопорождения, что показывает О.П. Сологуб в названном исследовании. Статус подобных документов в соответствующем дискурсе – периферийный.

обыденного человека определенного речевого опыта, связанного с использованием документа.

О.П. Сологуб выделяет следующие признаки делового текста: «1) «производственное» содержательное наполнение; 2) отвлечение от моментов субъективно-личностного характера (хотя при этом и не возбраняется выражение субъективного отношения к тем или иным производственным вопросам), 3) лаконизм, 4) ясность, 5) точность, конкретность, 6) предписующе-долженствующий характер повествования» [Сологуб, 2009, с. 60].

Данные признаки отражают систему дискурсивных правил дискурса документа: институциональность, выраженная в ориентации на официальное законодательство, игнорирование индивидуально-личностной специфики субъектов дискурса, официально заданный характер ролевых отношений участников дискурса, оценка их субъектных интенций с объективной официальной позиции закона и обязательность следования ему, выраженная в императивности изложения содержания, использование письменного канала передачи информации, заданность организации структуры текста, использование особых конструкций и речевых форм.

Дискурс документа в качестве особого дискурсивно значимого диктума включает тематику, связанную с процессами государственного и производственного регулирования и институционально значимыми фактами личной биографии членов государственно ограниченного социума.

Дискурсивно специфическая информация содержит сведения об особых производственных процессах (объектах, на которые они направлены, средствах их реализации, субъектах, наделяемых различными полномочиями при их реализации, и под.), выражаемые в особых, отражающих их характеристики, терминах (например, *наземный космический объект; взрывоопасная смесь; взрывопожароопасность объекта защиты; индивидуальный пожарный риск* и др. – в документах, регламентирующих процессы обеспечения пожарной

безопасности[51], *изделие для диагностики ин витро; изделие для клинических исследований; клиническая оценка* и др. – в документах, регулирующих производство изделий медицинского назначения[52]), особых речевых конструкциях описания производственных процессов (***в соответствии с*** *объективными свойствами и документированными характеристиками;* ***отнесение или неотнесение*** *идентифицируемых изделий* ***к числу*** *объектов технического регулирования,* ***в отношении которых применяется*** *настоящий Федеральный закон; изделия медицинского назначения* ***подразделяют в зависимости от*** *степени потенциального риска их применения* и др.) и под., и каждая производственная сфера формирует свои речевые средства ее представления.

Помимо специфической (обусловленной производственными особенностями) информации данный дискурс обрабатывает различную внешнюю ему информацию (вплоть до личной) – часть диктумного содержания, привлекаемого к обработке в дискурсе документа нерегулярно, в процессе коммуникативно-ситуационной дискурсной деятельности. В основном, проникновение в дискурс документа информации такого типа связано с обращениями членов социума за официальной поддержкой при решении личных

---

[51] Например, Приказ МЧС РФ от 10.07.2009 N 404 (ред. от 14.12.2010) «Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска на производственных объектах» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 17.08.2009 N 14541) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Некоммерческая интернет-версия. – Электрон. дан. – М: © КонсультантПлюс, 1992-2015. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=109874;req=doc (дата обращения: 12.01.2015); Федеральный закон от 22.07.2008 N 123-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2014) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Некоммерческая интернет-версия. – Электрон. дан. – М: © КонсультантПлюс, 1992-2015. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159028/ (дата обращения: 12.01.2015) и др.

[52] Приказ Минздрава России от 09.01.2014 N 2н "Об утверждении Порядка проведения оценки соответствия медицинских изделий в форме технических испытаний, токсикологических исследований, клинических испытаний в целях государственной регистрации медицинских изделий" (Зарегистрировано в Минюсте России 03.04.2014 N 31813) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Некоммерческая интернет-версия. – Электрон. дан. – М: © КонсультантПлюс, 1992-2015. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161567/?frame=4 (дата обращения: 12.01.2015) и др.

проблем (*прошу предоставить мне материальную помощь в связи с необходимостью дорогостоящего лечения* – при таком обращении модусное конфигурирование информации о личностных потребностях заявителя заключается в учете официально регламентированных возможностей материальной поддержки (наличия фонда средств), официально регламентированных правил и условий ее предоставления).

Дискурсивная установка на внешнюю регламентацию требует представления указанного содержания **вне учета его индивидуально-личностной значимости** для субъекта, предполагая конфигурирование содержания в соответствии с нормативными возможностями законодательства. Дискурсивная картина мира формируется на основании общего дискурсивного **модуса официальности** – типового модусного смысла дискурса документа, который должен выразить его типовой субъект в любом тексте этого дискурса, направленном на официально-деловое регулирование (= в тексте документа).

Даже если при вступлении в дискурс обыденный человек руководствуется личностной интенцией (например, желает прервать профессиональную деятельность по личным причинам), в тексте документа эта интенция реализуется на основании ее подчинения интенции дискурса, и общий дискурсивный модус официальности проявляется в официализации просьбы, что выражается в конкретном высказывании данного дискурса. Средствами его вербального выражения являются особые жанровые формы (например, *«заявление» – прошу уволить меня…*), отражающие дискурсивно обусловленные жанровые стратегии (*прошу уволить меня по собственному желанию…; прекратить действие трудового договора от 11.11.2011, уволить 11.11.2014 Иванова Ивана Ивановича…*).

Общий дискурсивный модус официальности конкретизируется в модусах **объективности** и **императивности**. Если общий дискурсивный модус официальности носит жанровый характер, то модусы объективности и императивности реализуются, в основном, в системе конкретно-текстовых средств, используемых в различных документальных жанрах.

Принципы кооперативного общения реализуются в данном дискурсе на основании равенства всех его участников перед законом, проявленного в объективированном единстве способов взаимодействия. **Объективность** обеспечивается тем, что во всех дискурсивных практиках не только клиенты дискурса, но и его агенты должны ориентироваться на внешний закон, который не может быть трансформирован в соответствии с ситуативными и личностными условиями. Общая дискурсивная интенция конкретизируется в виде интенции обеспечения равенства всех членов социума перед законом (в широком смысле).

Одной из значимых составляющих этого закона является регламентация текстовой формы документа, отражающая обозначенное равенство стандартными речевыми средствами, которые проявляются внутри жанровых форм. Модус объективности выражается в указании номеров и наименований законодательных актов, ссылок на статьи конституции и др. законодательные тексты (***Согласно Постановлению Правительства РФ от 24 марта 2015 г. N 266*** *отбор юридических лиц для предоставления государственных гарантий... //* ***Согласно Конституции РФ ст. 72*** *жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации*), в том числе – специальных клише, принятых в особой профессиональной области (*ПРИГОВОР* ***Именем Российской Федерации…*** – в судебном документе), в использовании безличных форм глагола (*запрещается, рекомендуется, допускается*), страдательных конструкций (*товар отпускается согласно нормам…*) и т.д. Частотность и особый характер клишированных речевых форм в документе также выступает как маркер объективности его содержания. Все эти речевые средства позволяют представить систему официально-делового регулирования как исходящую не от конкретного лица, а от некоторой объективной инстанции. В связи с этим значимым оказывается накладываемый дискурсивными правилами запрет на использование местоимений в форме 1-го или 2-го лица, эмоционально-оценочных слов, экспрессивных конструкций, отсутствие которых маркирует модус объективности дискурса документа в нулевой форме.

Еще один аспект конкретизации модуса официальности – модус **императивности**. Общая дискурсивная интенция конкретизируется в виде интенции неукоснительности следования закону. Все тексты дискурса документа представляют собой элементы диалога с законом и имеют формы обращения к нему (*заявление* и под.), его ответной реакции (*приказ, акт, распоряжение* и под.), фиксации результатов его выполнения/невыполнения (*протокол, докладная записка, объяснительная записка* и под.) и под. Так, речевой жанр *просьба* в качестве образа будущего [Шмелева, 1997] предполагающий некоторую ответную реакцию адресата, проявленный в данном дискурсе в виде *заявления*, порождает императивный *приказ* – как ответную реакцию адресата, наделенного официальными полномочиями (в данном случае – *приказ об увольнении по собственному желанию*). Внутри жанровых форм модус императивности выражается не только в активном использовании глаголов в форме инфинитива, выполняющих функцию повелительного наклонения (***считать*** *утратившим силу…*), конструкции «модальный глагол долженствования + инфинитив» (*должны учитываться*), «императивный перформатив + инфинитив» (*приказываю назначить…*) и др., прямо предназначенные в языке для выражения директивных смыслов, но и клишированные формы обращения к вышестоящей инстанции (*прошу выдать…; довожу до Вашего сведения…*). Ссылки на закон, приведенные выше в качестве маркеров объективности, одновременно являются показателями императивности документа, представляя объективный по отношению к субъекту дискурса закон как обязательный для него.

Общекультурные ценностно значимые категории осмысляются в дискурсе документа в оценочно-нейтральном, объективно-логическом аспекте (например, ценность трудовых успехов – в документах, официально закрепляющих достижения в данной области: *приказ о награждении, приказ о выговоре* и под.). Ведущий ценностный принцип дискурса документа – равенство всех его участником перед законом.

Таким образом, когнитивная специфика дискурса документа заключается, во-первых, в особом отборе диктумного содержания, ядерную часть которого

составляет информация производственного характера, во-вторых, в особом конфигурировании информации на основании общего дискурсивного модуса официальности, конкретизируемого в модусах объективности и императивности. При этом второй аспект когнитивной специфики дискурса проявляется наиболее активно. Именно в связи с последним когнитивное содержание официально-делового дискурса рассматривается в лингвистических исследованиях, в основном, в аспекте анализа его внутренней организации [Федотова, 2005, Ширяева, 2008, Юнг, 2004 и др.].

Восприятие обыденным человеком дискурса документа как обладающего объективным социальным авторитетом имеет двойственную природу.

С одной стороны, оно связано с функциональной природой документа как гаранта соблюдения гражданских прав человека: официального признания его социального и имущественного статуса (*паспорт, пенсионное удостоверение, свидетельство о собственности, удостоверение ветерана труда* и под.), обеспечения доступа к государственным услугам (различные *административные регламенты* и под.), обеспечения производственной успешности (*производственный регламент, устав* и под.) и т.д. В рамках обыденного восприятия данной функции документа формируется отношение к нему как к источнику доверия, социальной безопасности, нормативности, обеспечивающей стабильность и комфортное существование обыденного человека. **Объективность** дискурса в данном случае воспринимается как возможность доступа к правам всех членов социума, независимо от их индивидуальных особенностей и социального статуса, **императивность** – как наличие сильной инстанции, проявляющей волю к достижению лучшего результата и способной оказать поддержку обыденному человеку в решении его личных проблем. Направленность на унификацию общественных действий, проявленная в документе, формирует установку на осознанное следование дискурсивным правилам, игнорирование любых индивидуально-личностных причин для отступления от них. На основании такого восприятия социальный авторитет дискурса документа оценивается обыденным человеком как **истинный** и активно

используется им в различных типах бытовой коммуникации, например, для подтверждения достоверности факта, трактуемого в бытовом аспекте: *[Юля, жен] Я обалдела. Помните / такой это… Саша был / такой маленький? И / между прочим / у него фамилия Булка.* ***Реально по паспорту*** *фамилия Булка. [Сеня, муж] Батон что ли Саша? [Юля, жен] Да. Он е… показал мне / у него Булка фамилия* (НКРЯ) // *[№ 8, жен, 25] Ужасно. [№ 10, жен, 28] Например / моя сестра / она брюнетка и ее принимают то за молдаванку / то еще за кого-то / но пошла там в каких-то дедов / вот если вот просто они же не будут спрашивать паспорт / в конце концов. [№ 8, жен, 25] Конечно. [№ 10, жен, 28] Она* ***по паспорту*** *Козлакова Светлана Юрьевна / у нее нет никаких вот таких кровей / и если просто вот такая кодла налетит /это страшно / это действительно страшно* (НКРЯ).

С другой стороны, отсутствие доступа ко многим процессам дискурса, отсутствие естественного обоснования многих дискурсивных правил, отстраненность обыденного человека от участия в их формировании, особая специфичность этих правил в сравнении с правилами бытового общения, в том числе особая специфичность речевой формы документа[53] определяют другой аспект его восприятия. В соответствии с ним дискурс документа воспринимается как ограничивающий свободу естественного человеческого существования, что проявляется в его характеристике как «бюрократического», а его речевых форм как «канцелярита[54]». Социальный авторитет данного дискурса оценивается в данном аспекте как **ложный** (*Закон наш возьмите / что там по закону? Одна бюрократия. От бумажки до бумажки. Это ужас просто какой-то* (НКРЯ)). Отношение к документу как ложно-информативному, не способному отразить внутреннюю сущность объекта активно эксплуатируется в личностно-

[53] О.П. Сологуб связывает официализацию формы документа со стремлением повысить статус речевого произведения [Сологуб, 2009, с. 60].

[54] Термин, введенный К.И. Чуковским [Чуковский, 1966] и получивший широкое распространение в качестве обозначения результатов проникновения канцелярско-бюрократического стиля речи в другие сферы общения. С позиции культуры речи канцелярит рассматривается как нарушение речевой нормы. Так, о канцеляризации литературного языка советского времени см. [Романенко 2000] и др.

ориентированных контекстах (*Я раньше вам показал недифференциальные уравнения / а их запись / как бы их паспорта.* ***Паспорт расскажет бюрократу много полезных вещей / но сути владельца он не раскроет****. И точно так же / по этой записи вы мало что узнаете о дифференциальных уравнениях* (НКРЯ)), а игнорирование документа воспринимается в некоторых случаях как способность личности преодолеть некоторое сопротивление ложных, противоестественных общественных норм (*Ну / в общем / он / ни слова не говоря / я ему в общем рассказала / что вот хочу построить вот часовенку и всё. Он открыл стол и дал мне пийсят тысяч /* ***даже не спросил паспорт****. Вот представляете / стоко сейчас вот аферистов / да / подал пийсят тысяч. Ну / вот ну первая вот эта большая сумма / которую я получила* (НКРЯ)).

Речевая форма дискурса документа эксплицируется в тексте документа. Стабилизации способствует ее письменный характер, особый – официальный – статус речевого произведения [Сологуб, 2009]. Последний включает в себя регламентацию видов документов в системе нормативных актов, закрепляющих принципы документооброта на государственном (институциональном) уровне.

Различные официально заданные виды документов предстают в форме особых **речевых жанров** дискурса документа, система которых выстраивается в соответствии с дискурсивной установкой на стабилизацию информации и предполагает трафаретность их построения.

Жанрово обусловленные текстовые формы являются результатом интенций, субъектом которых выступает государство (закон): клиент дискурса обращается к закону через его агента, агент выступает от имени закона. Это предполагает представление жанровых интенций как институционально значимых (*просьба* оформляется как *заявление*, *требование* – как *приказ* о реализации действий, *одобрение* – как *приказ о поощрении*, *сообщение* – как *служебная записка* и под.).

Регламентирующий характер содержания дискурса документа, установка на объективированность в подаче информации определяет **высокий уровень формальности общения**, определяющий специфику **дискурсивного стиля**, задающего речевую формальность.

Среди рассматриваемых в данной главе дискурсов, являющихся источниками полифонической организации текста личностно-ориентированного общения, дискурс документа характеризуется минимальной допустимостью выбора элементов и способов организации речевой формы и максимальным уровнем консолидации обоснования этого выбора. Важнейшим элементом текстообразования в дискурсе документа является процесс внутридискурсивного «тиражирования» его речевых форм. Регламентирующая дискурсивная интенция, практически нейтрализующая личностную интенциональность, повышает значимость внешней, социальной заданности дискурсивного кода, требует от участника дискурса следования институционально обусловленным принципам текстообразования. Тексты документов, объективированные в письменной форме согласно институционально заданным принципам документооборота, существуют независимо от ситуаций обращения к ним. Именно текст документа, в силу его официализации (О.П. Сологуб), письменной фиксации и особой внешней оформленности (графическая структура, указание реквизитов и под.), обладает свойством концентрировать внимание участников дискурса документа на специфике речевой формы.

Речевая форма документа регулируется специальными нормами, которые «находят свое отражение в формулярах-образцах различных видов документов, а также в рекомендациях, помещаемых в ГОСТах, инструкциях и пр., что придает им узаконенный характер» [Сологуб, 2009, с. 174]; следование им способствует реализации эффективной профессиональной деятельности [там же].

Дискурсивный «образ правильной речи» формируется намеренно, закрепляется в письменной форме документов, распространяется не только в процессе их тиражирования, но и в процессе обучения, причем в данный процесс вовлекаются не только потенциальные агенты дискурса (обучающиеся по таким направлениям, как «документоведение», «делопроизводство» и под.), но и его потенциальные клиенты, начинающих усваивать этот образ еще в рамках школьной программы. Вследствие этого обыденный человек, даже при отсутствии специального образования, как правило, легко идентифицирует

речевой стиль исследуемого дискурса и использует его принципы при **высоком уровне речевого контроля**, вступая в дискурс в качестве его клиента (исследователи современного документного текста особо отмечают обязательность наличия особых компетенций не только у агентов, но и у клиентов рассматриваемого дискурса – например, [Орлова Н.В., 2013, 2014]). Этот навык закрепляется и развивается в социальных практиках, становясь частью полидискурсивного опыта. Степень его освоенности различается для представителей различного СРТ: в силу специфики социальных практик для субъекта СРТ-1 этот уровень оказывается выше.

Официально-регулятивная дискурсивная интенция, определяющая когнитивную специфику, ролевую структуру и условия общения в данном дискурсе, предполагает **четкость дискурсивных границ**. Заданное на основании дискурсивной интенции единство общего дискурсивного модуса, запрет на экспликацию личностно-ориентированных модусов (эмоциональных, оценочных, иронических и под.) – как наиболее адекватного коммуникативного обоснования междискурсивного взаимодействия – определяют отсутствие у дискурса документа установки на внешнее распространение дискурсивно обусловленных речевых форм.

При этом указанные качества дискурса документа могут быть рассмотрены и в другом аспекте. Четкость границ его речевой формы и наличие в дискурсе процессов, ориентированных вовне по отношению к профессионально ограниченному пространству, участвуя в которых обыденный человек приобретает дискурсивный опыт, формирует особую определенность, **узнаваемость** этой формы, жестко связанной с особым информационным содержанием и способом его представления. В результате речевые формы дискурса документа, созданные на базе его стилистических ресурсов, легко подвергаются системной первичной стабилизации.

Все это позволяет использовать данные узнаваемые формы в личностно-ориентированных дискурсах в особых целях на основании их особого переосмысления. В его основе – рассмотренная выше специфика восприятия

данного дискурса обыденным человеком. Так, негативное восприятие дискурса документа как источника нивелирования естественных чувств может быть использовано при формировании высказываний, направленных на оценку ориентации человека на ложные, внешне привнесенные идеалы: *Он и жену себе найдет* ***в соответствии с требованиями ГОСТ****а* (РРТ).

Сильных текстов и прецедентных высказываний дискурс документа не продуцирует, поэтому фрагменты его текстов не подвергаются системной стабилизации в виде цитатных речевых форм.

Рассмотрим виды речевых форм дискурса документа, способные выступать в качестве полифонических включений в тексте личностно-ориентированных дискурсов (типы полифонических включений рассмотрены нами в разделе 1.3.3.2 главы 1).

3.2.1.2. Речевые формы дискурса документа, направленные на междискурсивное распространение

Типы речевых форм дискурса документа, транслируемых в текст личностно-ориентированных дискурсов, определяются характером диктумного содержания, к которому обращается говорящий, и спецификой его дискурсивно обусловленной когнитивной обработки (дискурсивного стиля).

Как уже отмечалось, специфика диктума дискурса документа заключается в представлении информации производственно обусловленного характера. Информация подвергается в нем особому модусному конфигурированию в результате ее официализации.

Производственная информация, интерпретируемая дискурсом документа, формируется под влиянием специфики соответствующей производственной сферы и ее ситуативных деловых потребностей. Документы, официализирующие непроизводственную информацию, также представляют ситуативно востребованное содержание. Ситуативность содержания, эмоционально-оценочная нейтральность, интенционально обусловленная трафаретность речевой

формы, не позволяющие дискурсу документа продуцировать сильные тексты, мотивирует **отсутствие прецедентных высказываний** как потенциальных полифонических включений.

Не распространяется дискурс документа и **в других формах цитации**, так как цитирование документа релевантно только при наличии установки на точное воспроизведение текста, что требует от говорящего особой компетенции, приближенной к профессиональной, актуальной, в первую очередь, внутри данного дискурса и не актуальной в дискурсах личностно-ориентированных.

Объективированность документа по отношению к ситуационному дискурсу, дистанцированность от личностных интенций, установка на статусное выдвижение речевой формы документа в результате его официализации, заданные на уровне дискурсивных правил, предполагают использование в качестве стилистических ресурсов дискурса документа стилистических ресурсов **официально-делового** (функционального) **стиля** речи[55]. Стилистические ресурсы официально-делового стиля выступают в данном случае в качестве дискурсивных ресурсов; созданные на их основе речевые формы выполняют функцию стилистических знаков дискурса, транслируя его модусы.

Возвращаясь к рассмотренной выше (раздел 1.3.2 главы 1) проблеме соотношения стиля дискурса и стиля функционального, отметим, что система стилистических ресурсов функционального стиля речи (как совокупности социально обусловленных речевых средств) далеко не всегда качественно соответствует системе стилистических ресурсов социального дискурса (как совокупности речевых средств, избираемых типовым субъектом в типовых социально детерминированных обстоятельствах). Так, выбор речевых форм субъектом политического дискурса зависит от его политических взглядов, статуса политических отношений в конкретном социуме и т.д. Соответствие ресурсов дискурса документа ресурсам официально-делового стиля речи определяется

[55]Стилистические ресурсы официально-делового стиля подробно описаны в целом ряде исследований, лингвистических словарей и учебных пособий (например, [Голуб, 2002, Жеребило, 2010, Калиткина, 2006, Кожина и др., 2008, Крысин, 1998, Кушнерук, 2008, Максимов, 2007] и др.).

интенциональной установкой рассматриваемого дискурса на принципиальную дистанцированность как от личностных качеств субъекта, так и от ситуативных обстоятельств: принципы обработки информации субъектом дискурса документа предполагают использования максимально стандартизованных, клишированных речевых форм. Стандартизованность, как типичная стилевая черта официально-делового стиля, неизбежность следования речевому стандарту, шаблону является оправданной условиями общения, проявленными в рамках данной коммуникативной сферы [Кожина и др., 2008, с. 321].

Стилистические ресурсы дискурса документа – (1) лексические ресурсы, (2) дискурсивные формулы и (3) дискурсивные выражения – выступают в качестве полифонических включений в тексте личностно-ориентированных дискурсов.

1. **Лексические дискурсивно-стилистические ресурсы** дискурса документа представляют собой специальные термины и словосочетания терминологического характера, не имеющие общеупотребительных речевых аналогов и оформляющие общий процесс делопроизводства (*акт, заказчик, исполнитель, профсоюз, профпригодность, отпуск по уходу за ребенком, отпуск без сохранения заработной платы* и под.), официальные названия правительственных наград, государственных должностей и статусов (*медаль «За заслуги перед отечеством», Орден Красной Звезды, Губернатор Томской области* и под.), термины конкретных производственных процессов (*червячная передача, коленный вал* и под.) и др.

Дискурс документа предполагает точность использования рассматриваемых единиц, стабильность их референции. Терминологический статус указанных единиц отражается в специальных терминологических словарях (например, «Большой бухгалтерский словарь» под ред. А.Н. Азрилияна [Большой бухгалтерский словарь, 1999], «Толковый словарь экономических терминов» В. Коноплицкого, А. Филиной [Коноплицкий, Филина, 1996], различные словари технических терминов и др.). Кроме того, в силу особой значимости содержания термина оно фиксируется в особых документах, создаваемых в рамках отдельных

производственных сфер для каждого конкретного вида деятельности (*техническое задание, технический регламент, производственный регламент, технологическая инструкция* и под.).

Словарные дефиниции специальных словарей, разъясняющие содержание указанных терминов, а также указанные виды документов эксплицируют дискурсивно обусловленный официальный статус содержания рассматриваемых единиц, отражают законодательно значимые параметры прав и обязанностей граждан, отражаемые в документе посредством использования в нем соответствующей речевой формы. Так, в Большом бухгалтерском словаре под редакцией А.Н. Азрилияна [БухС, 1999] терминологическое словосочетание «отпуск по уходу за ребенком» дефинируется как «оплачиваемый отпуск, предоставляемый матери для ухода за ребенком с момента окончания «декретного» отпуска по достижению им трехлетнего возраста» [БухС, 1999]. В дефиниции отражаются значимые для обыденного человека и закрепляемые правовым способом возможности (права). Терминологическая точность содержания лексической формы конкретизируется в определенных признаках реализации этих возможностей (наличие у женщины ребенка, временн*ы*е рамки доступа – через обозначение возраста ребенка и под.).

Дискурсивная обусловленность содержания рассматриваемых единиц фиксируется и в специальных документах номенклатурной (т.е. представляющей перечень названий, терминов, употребляющихся в определенной документируемой отрасли) направленности. Так, в документе «Анализ повозрастных рисков смертности населения» содержание термина «смертность» интерпретируется как «процесс уменьшения численности популяции в результате смерти отдельных индивидуумов. Смертность как показатель есть частота смертных случаев в популяции за некоторый заданный период времени и может выражаться как количество смертных случаев на 1000 человек населения …»[56] и т.д.

[56] «Анализ повозрастных рисков смертности населения» (утвержден Минздравом РФ 22.01.2001 N 11-3/25-09) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. –

Внешний социальный авторитет дискурса документа, являющийся основанием для междискурсивного распространения речевых форм, представляющих его стилистические ресурсы, предполагает отражение его наиболее широко распространенных лексических элементов в нормативных толковых словарях литературного языка. Их протодискурсивный статус фиксируется в системе помет *спец.* – «специальное», *проф.* – «профессиональное» и под. Так, в БАС помета *спец.* маркирует сферу употребление лексем *коловратный* («Вращающийся, вращательный» [БАС, т. 5, 1956, с. 1170]), *коломазь* («Колесная мазь из дегтя со смолой» [БАС, т. 5, 1956, с. 1178]), фразеологического выражения *земная кора* («В геологии – верхняя твердая оболочка Земли» [БАС, т. 5, 1956, с. 1407]) и др.

Речевые стандарты данной группы маркируют содержательные категории, производство которых осуществляется в рамках деловой и производственной сферы, и в тексте документа фиксируют специфику дискурсивной картины мира. Их выражение подчиняется требованиям однозначности, объективности, коммуникативной точности, моносемичности и стремится к реализации прямых, несвободных лексических значений, с точки зрения функции – используются слова со строгой номинацией, с точки зрения связи между лексическими значениями – преобладают слова с автономным лексическим значением (относительно независимые в языковой системе, обозначающие конкретные предметы) и т.д. [Кушнерук, 2008].

Жесткая стандартизация дискурса документа, требующая точности выражения, не допускающая инотолкований и исключающая синонимичность прочтения, предполагает выработку наиболее полного и детального, по сравнению с другими дискурсами, официально зафиксированного перечня наименований целого ряда его значимых компонентов: общностей участников дискурса (*бригада, звено, факультет, рабочая группа*), участников дискурса в

Некоммерческая интернет-версия. – Электрон. дан. – М: © КонсультантПлюс, 1992-2015. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=346481;dst=0 (дата обращения: 11.08.2014).

соответствии с их дискурсивной ролью – статусом (*бригадир, декан, сотрудник*) и функцией (*истец, ответчик, заявитель*), их дискурсивно значимого социального положения (*декретный отпуск, очередной отпуск, пенсия*), дискурсивных жанров (*акт, договор, заявление, служебная записка*) и др.

При трансляции в инодискурсивную речевую сферу указанные речевые формы сохраняют устойчивые связи с дискурсом-источником на **формальном** и **содержательном** основании. Содержательное основание при этом оказывается первичным, так как за речевыми формами такого типа сохраняется функция маркирования дискурсивно значимого диктума. Релевантным оказывается и сохранение официально заданной формы обозначения соответствующего содержания: речевые формы такого типа не имеют общеупотребительных (междискурсивных) аналогов.

2. **Дискурсивные формулы** дискурса документа представляют собой речевые клише, отражающие эталонный способ подачи информации в тексте документа.

Их перечень соответствует перечню стилистических ресурсов официально-делового стиля, рассмотренных в [Голуб, 2002, Жеребило, 2010, Калиткина, 2006, Кожина и др., 2008, Крысин, 1998, Максимов, 2007] и др. Приведем наиболее характерные примеры из него:

1) терминологизированные аналоги общеупотребительных лексических единиц (*проживать (в городе) = жить (в городе), надлежащий (способ) = нужный, верный (способ)*), в том числе сложные и сложносокращенные слова (*нефтепереработка = переработка нефти, пассажиропоток = количество пассажиров*);

2) отыменные производные предлоги (*во избежание (нарушений) = чтобы не было (нарушений), в целях (экономии) = чтобы (сэкономить), для (экономии)*) и др.;

3) отглагольные существительные, используемые при характеристике действий, осуществление которых дискурсивно регламентировано (*(до) выяснения (обстоятельств) = до того момента, когда выяснятся*

обстоятельства, (с момента) отгрузки (оборудования) = с того момента, когда отгрузят оборудование);

4) «расщепленные сказуемые», также маркирующие дискурсивно регламентированные действия (*принять решение = решить, внести изменения = изменить*);

5) страдательные (пассивные) синтаксические конструкции (*территория была населена казаками = на территории поселились казаки, имеет правительственные награды = у него есть правительственные награды*);

6) текстовые модели обозначения точных дат фиксируемых событий, различных количественных показателей – временных отрезков, денежных сумм и др. (*за период с NN.NN.NN по NN.NN.NN, по настоящее время, в сумме NN р.NN к.*).

При трансляции в инодискурсивную речевую сферу указанные речевые формы сохраняют устойчивые связи с дискурсом-источником на **формальном** основании. Выбор говорящим клишированной формулы дискурса-источника за его пределами приобретает особую значимость в связи с наличием междискурсивных (общеупотребительных) и/или выработанных результирующим дискурсом речевых аналогов.

3. Продуцируемые дискурсом документа **дискурсивные выражения** в своей композитивной структуре объединяют результаты действия дискурсивных правил обозначения специфики информационного содержания особых профессиональных сфер (терминологическую фиксацию их элементов) и общедискурсивных правил конфигурирования информации (ее официализацию). В результате речевые формы такого типа представляют собой двукомпонентную структуру (*в соответствии с требованиями + ГОСТа*), включающую номинант определенного компонента профессиональной сферы (лексический маркер дискурсивного стиля: *ГОСТ*) и оформляющую его как компонент текстовой формы документа дискурсивную формулу (*в соответствии с требованиями…*): *повысить… + квалификацию/разряд/показатели/…; сформировать, создать… + рабочую группу/проектную группу/комиссию/…; заслушать… +*

отчет/решение/постановление/…; вызвать на…+ заседание бюро/совет/комиссию/…, представить к + награде/премии/… и др.

Дискурсивные выражения дискурса документа, в большинстве, имеют узко профессиональный характер употребления (*на основании служебного задания / в соответствии с решением ВАК / по мере накопления лизосомальных ферментов / использовать стандартный набор инструментов денежно-кредитного и бюджетного регулирования* и под.) и представлены в структуре полидискурсивного опыта обыденного человека крайне фрагментарно. С другой стороны, выраженность их дискурсивно-стилистической маркированности (узнаваемость и воспроизводимость) формирует потенциал их использования обыденным человеком в качестве элементов собственного профессионального опыта, полученного в иной социальной роли. Кроме того, некоторое количество дискурсивных выражений имеет достаточно широкий круг применения в целом ряде профессиональных областей.

При трансляции в инодискурсивную речевую сферу указанные речевые формы сохраняют устойчивые связи с дискурсом-источником как на **содержательном**, так и на **формальном** основании.

Таким образом, в дискурсе документа стабилизируются следующие виды речевых форм: лексические дискурсивно-стилистические средства, дискурсивные формулы и дискурсивные выражения.

3.2.2 Политический дискурс как источник полифонической организации текста личностно-ориентированного дискурса

3.2.2.1 Политический дискурс как социально авторитетный

Цель политического дискурса – **борьба за власть** [Карасик, 2002, Кашкин, 2000, Шейгал, 2000 и др.], в процессе которой его участники должны «внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок» [Демьянков, 2002, с. 37].

Реализация данной цели предполагает определенную внутреннюю стратификацию ролевых позиций участников дискурса – вертикальную и горизонтальную.

Вертикальная ролевая структура выстраивается в виде противопоставления агентов политического дискурса – профессиональных политиков, представляющих социальный институт, и его клиентов – рядовых членов общества, выступающих в социальной роли обыденного человека и являющихся адресатами политического воздействия.

Горизонтальная ролевая структура дифференцирует сторонников различных политических позиций – как на уровне агентов дискурса, так и на уровне его клиентов, четко разделяя «своих» и «чужих».

Установка на привлечение политических сторонников определяет «эксплицитно прагматичный» [Сорокин, 1997, с. 57] характер политической коммуникации, ориентированность дискурсивных практик на доказательство преимуществ того или иного политического режима, требование самоидентификации субъекта – как агента дискурса, так и обыденного человека – в политическом пространстве.

Именно поэтому политический дискурс в соответствии со своей внутренней логикой ориентирован на внешнее распространение. В отличие от дискурса документа, привлекающего к участию обыденного человека только в ограниченном перечне практик, воспринимаемых как социальная необходимость, политический дискурс представляет усвоение его правил как выгодное и для его агентов (в качестве манипулятивного инструмента), и для его клиентов (как возможность доступа к принятию политических решений). Распространение политического дискурса осуществляется как по вертикали (от его агентов к обыденному человеку; в том числе через посредство СМИ, кинодискурса, литературно-художественного дискурса, к организации которых представители политической власти имеют особый доступ), так и по горизонтали (в личностно-ориентированном взаимодействии рядовых членов общества – «кухонные разговоры» и под.). Таким образом, политический опыт обыденного человека

составляет сложную структуру, включающую (1) в основном, ограниченный опыт собственных институциональных практик (участие в выборах, политических мероприятиях и под.) – активный (первичный) политический опыт, а также (2) пассивный (вторичный) опыт, полученный в рамках обращения к СМИ, художественной литературе, общения с партнерами по «кухонным разговорам». При этом онтологическим источником распространения политического дискурса является сфера деятельности его агентов – профессиональных политиков, напрямую подчиненных интенции борьбы за власть и, тем самым, прямо заинтересованных в его распространении.

Цель дискурса определяет специфику его **диктумного содержания**, которая заключается в продуцировании тематики, связанной с реализацией отношений государства (власти) и общества, с борьбой за власть различных политических структур [Базылев, 2005, Гаврилова, 2005, 2006, Демьянков, 2002, Карасик, 2002, Петров, 2004, Рожкова, 2003, Филинский, 2002, Чудинов, 2001, 2003, Шейгал, 2000 и др.].

Поскольку в основе организации когнитивного содержания политического дискурса лежит определенная идеология, его ценностное содержание конкретизируется в соответствии с определенными политико-идеологическими установками [Бакумова, 2002, Карасик, 2002 и др.]. Бесконечно открытый в плане расширения своего логико-информационного содержания, политический дискурс последовательно задает модусную ориентацию диктума в соответствии с внутренней политически пристрастной ценностной установкой, представляя любое содержание как политически ангажированное. Общий дискурсивный модус политического дискурса – это модус **идеологически ориентированной эмоциональной оценочности**.

Так, одной из составляющих диктума политического дискурса является содержание, онтологически связанное с политикой как профессиональной областью в целом (*власть, восстание, демократия, тоталитаризм, революция* и др.). Это содержание в структурах политического дискурса модусно ориентируется в конкретно-ценностном аспекте, а вербальные репрезентанты

устанавливают различные референциальные связи в соответствии с политической позицией (*свергнуть* ***власть*** *царя – бороться за* ***власть*** *Советов, организовать коммунистическое* ***восстание*** *– подавить* ***восстание*** *врагов народа* и под.).

Другую часть диктума составляет информация, вырабатываемая конкретной политической системой для обслуживания ее внутренних процессов. Так, в различные периоды политической жизни России в информационной структуре отечественного политического дискурса были сформированы и номинированы понятия *белые, красные, царский режим, трудовая интеллигенция, партячейка, враг народа, Советский союз, строитель коммунизма, холодная война, американская угроза, перестройка, ускорение, горбачевщина, чеченский кризис, исламский терроризм, украинский кризис* и под., в своей основе политически ангажированные и имеющие выраженную ценностную ориентацию в соответствии со спецификой политического режима.

Помимо концептов, политически ориентированных изначально, манипулятивная модусная ориентация политического дискурса предполагает активное привлечение в его когнитивную структуру самых разнообразных общекультурных концептов. Политико-идеологическую модусную ориентированность, в первую очередь, получают концепты, обладающие общечеловеческой ценностной значимостью. Так, исследователи обнаруживают результаты дискурсивной политической модификации концептов «Европа» [Петров, 2004], «солидарность», «война», «терроризм», «враг», «спор» [Рожкова, 2003], «история», «единство», «справедливость» [Гаврилова, 2005] и др. Политический дискурс представляет ценностно значимый модусный компонент общекультурных концептов как политически значимый, ориентируя его в соответствии с установками конкретной политической системы, с общим дискурсивным модусом.

Таким образом, когнитивная специфика политического дискурса заключается в политически ориентированной реконфигурации ценностного компонента общекультурных смыслов, обусловленного манипулятивной установкой на привлечение сторонников в борьбе за власть.

Специфика **восприятия обыденным человеком** политического дискурса как **социально авторитетного** определяется осознанием своего особого положения по отношению к нему. С одной стороны, обыденный человек осознает свою ограниченность в доступе к политическим практикам, осуществляемым агентами дискурса, что определяет восприятие своего положения как «нижнего» по вертикали («власть» – *они*, «народ» – *мы*). С другой стороны, неоднородность предлагаемых обыденному человеку политических позиций, дискурсивная ориентация на привлечение сторонников предполагает необходимость его присоединения к одной из них, то есть его горизонтальное самоопределение (*наша* и *не наша* «власть»).

Осознание собственной позиции по вертикали предполагает восприятие политических практик, исходящих от власти, как обладающих **внешним социальным авторитетом**. В результате горизонтального политического самоопределения вертикальная главенствующая роль власти, ее социальный авторитет может быть проинтерпретирован как **истинный** или **ложный**. Н.А. Купина на материале эстетически обработанных текстов обнаруживает проявление данного процесса в двух видах речевых реакций на идеологемы: (1) реакции, соответствующие системе, и (2) реакции, противоречащие системе [Купина, 1995]. Второй тип реакций автор представляет как форму «языкового сопротивления», приводящего к особым семантическим изменениям, «антитоталитарный язык» [там же].

Восприятие внешнего социального авторитета как истинного связано с приятием государственной политики либо как основы общественной консолидации, либо как основы внутренней дифференциации общества («свои» и «чужие»). Особенно последовательно такая позиция обыденного человека проявляется в периоды противостояния общему – внешнему – врагу (например, в России период Великой Отечественной войны) либо в периоды смены политического режима, воспринимаемой как перемены к лучшему (*У меня в советское время сломалась стиральная машина «Заря-2». И я её не мог купить / пока не началась* ***перестройка****. Или ветерану/ или участнику. А сейчас в*

магазинах бытовой техники машины такие / что засунул бельё / а дальше всё автоматически (НКРЯ)).

Восприятие авторитета как ложного также проявляется в противопоставлении «своих» и «чужих», где «свои» – те, кто критически относится к существующему политическому режиму, а «чужие» – власть и ее сторонники: *[№ 2, жен, 52] Только говорят / «все будет / все будет» / а ничего нет. [№ 9, муж, 32] В правительстве никого конкретного / кроме Шойгу / я не вижу* (НКРЯ). Определенной формой неприятия политического режима может являться установка на политическую индифферентность.

В основе специфики речевой составляющей политического дискурса – его манипулятивная установка, обеспеченная интенцией борьбы за власть.

Стиль политического дискурса реализуется в текстах, продуцируемых его агентами (представителями профессиональной политической сферы), в соответствии с задачей публичного манипулятивного представления смысла, интенционально направленного на борьбу за власть. Решая данную задачу, типовой субъект (агент) политического дискурса обрабатывает любое содержание в соответствии с **идеологически ориентированным эмоционально-оценочным** общим дискурсивным модусом – типовым модусным смыслом дискурса документа, который должен выразить его типовой субъект в любом тексте политического дискурса. Основанием направленности вектора **оценки** является ценностное содержание политического дискурса, конкретизирующееся с позиции определенного политического режима.

Характерным (хотя и не постоянным) качеством дискурсивного стиля является политический **пафос** – как форма выражения повышенной эмоциональности при трансляции политически значимых смыслов, обеспечивающая усиление и особое выдвижение общего дискурсивного модуса и представляющая объект оценки как эталон (идеал или его противоположность). Пафос активно проявляется в политическом дискурсе при характеристике «своих» и «чужих» и способствует привлечению политических сторонников: «язык политики, главным образом, нацелен на осуществление действия или оценки

(внимание или понимание обычно не являются конечными политическими целями сами по себе)» [Лассвелл, 2007, с. 166]. Тексты агентов политического дискурса отличает высокий уровень концентрации оценочных средств, обнаруживающих характеристику политических противников и сторонников. Политическая манипулятивная позиция предполагает приписывание их действиям оценочных характеристик, выработанных за пределами политического дискурса: *Россия должна быть* ***единой централизованной*** *страной, в которой* ***не осталось бы места*** *для региональных* ***князьков****, поддерживающих* ***взяточников, экстремистов и террористов****…*[57] // *Мы не можем мириться с зависимостью экономики от* ***сырьевой конъюнктуры****,* ***опасным уровнем социального неравенства****, с тем, что у людей возникает ощущение* ***несправедливости*** *при обращении в госучреждения, в суды или в правоохранительные органы, с* ***барьерами*** *для инициативы в бизнесе, на государственной службе и в общественной деятельности. /…/ Мы должны построить* ***инновационную*** *экономику, укрепить* ***демократические*** *институты и* ***современное правовое*** *государство*[58]. Политический пафос создается за счет использования не только средств рациональной (*единой централизованной страной; взяточников, экстремистов и террористов* и др.), но и эмоциональной (*князьков, несправедливости* и др.) оценки, а также средств реализации категории долженствования (*Россия должна быть…; мы должны…*), в том числе и эмоционально нагруженных (*не можем мириться*), создающих эффект категоричности, личностного пристрастия (*мы*) и представляющих полярность политических позиций как этически значимую.

Отметим еще одну особенность стиля политического дискурса, значимую для данного исследования. Ценностная ориентация содержания и специфика протекания рассматриваемого дискурса определяется его политико-

---

[57] Обращение кандидата на должность Президента России В.В. Жириновского. Предвыборная программа – 2012 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПР. – Электрон. дан. – 2012. – URL: http://ldpr.ru/party/The_election/ (дата обращения: 06.08.2014).

[58] Программное обращение Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» к гражданам России [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Едина Россия». – Электрон. дан. – 2011. – URL: https://er.ru/party/program/ (дата обращения: 06.08.2014).

идеологической ориентацией, а манипулятивно обусловленная установка обеспечивает проявленность этого содержания в речевой форме, специфику ее реализации. Это приводит к тому, что стиль политического дискурса оказывается специфическим для каждого конкретного политического режима («…любой политический режим располагает своим собственным письмом, /…/ в силу своей утонченной двусмысленности письмо представляет всякую власть, и как то, что она есть, и как то, чем она кажется; оно раскрывает и то, какой эта власть является на самом деле, и то, какой она хотела бы выглядеть, – вот почему история различных видов письма могла бы стать одной из лучших форм социальной феноменологии» [Барт, 2000, с. 63]). Большинство продуцируемых дискурсом речевых форм в процессе их стабилизации становятся не только знаками коммуникативной сферы политики как института, но и знаками дискурсивной сферы конкретного политического режима. На обусловленность речевой формы и ее реализации спецификой политического режима обращает внимание целый ряд исследователей [Барт, 2000, Богданов, 2009, Лассвелл, 2007, Романенко, 2008 и др., Серио, 1999, Хазагеров, 2005 и др.]. В этом дискурсивный стиль проявляется как единство когнитивной структуры (диктумно-модусного содержания) и речевой формы.

Особо выраженный характер политико-идеологическая обусловленности дискурсивного стиля обнаруживается в дискурсах тоталитарных политических систем («письмо в данном случае выступает в роли спокойной совести, и его задача состоит в том, чтобы самым жульническим образом смешать первопричины явления с его отдаленнейшими последствиями, оправдывая любое действие самим фактом его существования» [Барт, 2000, с. 63]).

Особую специфику речевой формы, испытавшей воздействие тоталитарного политического режима, как отмечает целый ряд исследований [Богданов, 2009, Кронгауз, 1994, Купина, 1995, 2006 и др., Романенко, 2008 и др, Серио, 1999 и др.], демонстрирует советский политический дискурс. Так, К.А. Богданов отмечает такое специфическое качество советского политического дискурса, как «всепронизывающий дидактизм, обнаруживающий себя на разных уровнях

самоописания советского общества» [Богданов, 2009, с. 6]. Эта его характеристика представляет особый – **дидактический** – модус советского политического дискурса, иерархически подчиненный общему дискурсивному модусу политического дискурса и определяющий открытую манипулятивность дискурсивного стиля. В текстах этот модус выражается в использовании единиц, выражающих крайние точки на шкале оценочности, отражающих категоричность суждений и представляющих пропагандируемую политическую позицию как жизненный идеал: *Задачи эти, понятно, нелегкие, как нелегким и даже* ***крайне*** *сложным является само дело построения* ***принципиально нового*** *общества. И решить их можно* ***только*** *на основе* ***великого*** *марксистско-ленинского учения, исходя из* ***проверенных жизнью*** *закономерностей социализма…* (из речи Л.И. Брежнева на VI съезде ПОРП[59]).

Отметим, что речевые формы советского политического дискурса в исследованном материале дискурсов личностно-ориентированных представляют политический дискурс-источник наиболее частотно и разнообразно, причем это характеризует тексты, зафиксированные не только в период активного действия коммунистической пропаганды, но и после распада СССР, включая период последнего десятилетия. Это свидетельствует о сохранности знаков советской риторики в постсоветском социокультурном пространстве. В первую очередь – речевые формы советского политического дискурса активно используются в текстах последователей рассматриваемого политического режима (см. примеры, проанализированные в разделе 1.3.2 главы 1). Кроме того, они регулярно используются в текстах постсоветских СМИ, что подтверждается, например, в исследовании З.И. Резановой [Резанова, 2008в]: «достаточно высокая частотность такого использования в текстах современных региональных СМИ является косвенным свидетельством, с одной стороны, живости смыслов «советского» в современной ментальности, с другой – осознания дистанцирования авторов

[59] Брежнев Л.И. Речь на VI съезде ПОРП в Варшаве [Электронный ресурс] // Брежнев Л.И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М.: Издательство политической литературы, 1972. – С. 460-469. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://brezhnev.su/3/ (дата обращения: 29.10.2014).

текстов от данных смыслов, вводимых как средство остранения текста» [Резанова, 2008в, с. 65]. Частотность использования рассматриваемых речевых форм в постсоветских дискурсивных практиках обыденного человека, не подверженного непосредственному воздействию советского политического дискурса, определяется, в первую очередь, экстралингвистическими факторами. Во-первых, они транслируются из современных институциональных дискурсов, активно проникающих в обыденное речевое пространство (политический дискурс, дискурс СМИ, как отмечено выше – сохранившие эти речевые формы). Во-вторых, значительную часть современного социума представляет поколение, долгое время прожившее под воздействием соответствующего политического режима; в их речевой памяти сохраняются не только сами речевые маркеры советского, но и модели их использования в личностно-ориентированных дискурсах, которые они активно транслируют.

Выскажем предположение о том, что на активность обращения обыденного человека к речевым формам советского политического дискурса влияет и собственно-лингвистический фактор. Речевые формы советского политического дискурса отличаются, во-первых, особой последовательностью стабилизации дискурсивно заданного модуса, повышенной (даже по сравнению с другими политическими дискурсами) активностью внутридискурсивного распространения. Во-вторых, реализуя все особенности советского языка, отмеченные целым рядом исследователей (см. работы М.А. Кронгауза, Н.А. Купиной, А.П. Романенко, П. Серио, А.П. Чудинова и др.), они характеризуются особым не только содержательным, но и формальным выдвижением в структуре полидискурсивного опыта обыденного человека.

Речевая деятельность в политическом дискурсе реализуется в особых **жанровых формах**, обеспечивающих процессы завоевания и поддержания власти (о жанрах политического дискурса см., например, [Шейгал, 2000]). Они предполагают медийное распространение, напрямую обеспечивающее их восприятие клиентами дискурса.

К ядерным жанрам политического дискурса относятся жанровые формы речевой деятельности его агентов: *предвыборные дебаты, инаугурационная речь, программное обращение, политический лозунг* и под. Помимо ядерных жанров в политический дискурс активно вовлекаются жанры других дискурсов, образуя сферу междискурсивного взаимодействия – жанровую периферию политического дискурса. Если ядерные жанры отличаются прямым соответствием дискурсивной интенции борьбы за власть [Шейгал, 2000], то периферийные жанры втягиваются в дискурс на основании вторичной интенциональности. Активность формирования дискурсивной жанровой периферии определяется выраженной ориентированностью политического дискурса на междискурсивное распространение. Так, вторичные политические интенции получает медийный жанр *новости*, проникающий на периферию политического дискурса либо на основании специфики новостной информации (=*политические новости*), либо на основании коммуникативной включенности в политический дискурсивный процесс (*новости*, размещенные на официальных сайтах политиков/политических партий). Еще один пример – результат пересечения с дискурсами, ориентированными на представление информации в эстетически значимой форме, – дискурсы эстрады, поэтический дискурс и под. В результате формируются такие периферийные жанры политического дискурса, как *политическая песня, политическое стихотворение, политический анекдот* и др.

Ориентированности политического дискурса на распространение способствуют как факторы, связанные с дискурсивной спецификой речевого процесса, – (1) жанровый и (2) стилистический, так и (3) экстралингвистические дискурсивные факторы.

1. Как ядерные, так и периферийные жанры политического дискурса демонстрируют разную степень значимости диктумного содержания, представление которого всегда эмоционально-оценочно модусно ориентировано, и различный уровень ритуализации текстовой формы – особой конвенциональности употребления текста, его направленности, в первую очередь, на идентификацию индивида как члена социума, в данном случае – как

сторонника/противника определенной политической позиции. Ритуализация текста политического общения способствует реализации базовой интенции политического дискурса и проявляется в особых текстовых средствах (эмоционально-оценочной оформленности, драматургичности, замедленном темпе речи и др. – о способах выражения ритуальности в дискурсе см., например, [Извекова, 2006]). Среди таких средств значительную роль играют стереотипные речевые клише, стабилизирующие политические ценности борющихся за государственную власть социальных групп (*экспроприация экспроприаторов, враг народа, западный империализм, за мир и дружбу, политзаключенный, враги демократии, исламский терроризм, Россия для русских* и др.). Они характеризуются высоким уровнем интертекстуальности внутри политического дискурса и обладают значительным потенциалом распространения за его пределами.

Так, *предвыборные дебаты*, как жанр, формирующийся в on-line режиме, строятся на логико-информационной основе и, при, как правило, высоком уровне эмоциональности, демонстрируют сравнительно низкий уровень ритуализации текста. Высокий уровень ритуализации проявляется в текстах жанров **подготовленных** – ядерных (*инаугурационная речь*, различные виды *традиционных обращений* и *обращений, связанных с конкретными политическими событиями*) и периферийных (*политическая песня, политическое стихотворение*). Эти тексты обладают высоким потенциалом внутридискурсивного и междискурсивного распространения.

Высокий уровень ритуализации текста демонстрирует *политический лозунг* (активность распространения которого, кроме прочих признаков, обеспечивается его компактностью).

Дискурсивный стиль, проявленный в ситуациях, предполагающих производство ритуализованных текстовых форм политического дискурса, отличает особый пафос, установка на эмоционально-оценочную, образно-символическую фиксацию идеологических приоритетов. Ритуализованность текстовой формы способствует ее особой узнаваемости и воспроизводимости –

основы восприятия и дальнейшего распространения ее элементов как внутри породившего ее дискурса, в том числе – на его периферии, так и в иноречевых сферах. Так, один из основных политических лозунгов ЛДПР *Мы за русских! Мы за бедных!* согласно данным основного подкорпуса НКРЯ полностью или фрагментарно цитируется в текстах, авторами которых не являются агенты политического дискурса, 26 раз. В силу актуальности его политического содержания, связанности с текущим политическим процессом большинство таких текстов формируются в дискурсе СМИ, диктумное содержание которого ориентировано на представление различных политических позиций (как поддерживающих, так и критикующих ЛДПР). При этом в рамках такого обсуждения, в большинстве, эксплицируется не только жанровая специфика источника, но и специфика текстового представления политического содержания: *Но если есть в природе самый выдающийся билборд, так это рекламный плакат лидера ЛДПР, снабженный емкой и содержательной мыслью: «**Мы за бедных, мы за русских**». Если вдуматься, то с точки зрения привлечения максимального числа избирателей это разумно, политкорректно и даже отвечает требованиям текущего политического момента. (Хотя, с другой стороны, почему это если «бедный», то обязательно «русский»?) [Андрей Колесников. Война шершавых языков (2003) // «Известия», 2003.07.24]* (НКРЯ) // *ЖИРИНОВЦЫ ГОЛОСЯТ: «МЫ ЗА БЕДНЫХ, МЫ ЗА РУССКИХ» НА ВСЯКОГО ЛЖЕЦА ДОВОЛЬНО ПРАВОТЫ Сверим демагогию с документом: вся дюжина ЛДПР дружно голосует за губительные реформы и прячется, когда надо поддержать обездоленный народ. Ловкий слоган пустили в оборот сыны юриста: **мы за бедных, мы за русских**. [Жириновцы голосят: «Мы за бедных, мы за русских» (2003) // «Советская Россия», 2003.02.15]* (НКРЯ).

Хоть и в значительно меньшем количестве текстов, но цитируется данный лозунг и в личностно-ориентированных дискурсах (субъектом которых является обыденный человек, использующий цитату на основании речевого опыта клиента политического дискурса). В этих случаях сохраняется тематическая ориентированность общения, его установка на оценку конкретной политической

позиции, но осознание жанрового статуса и текстовой специфики источника либо проявляется с меньшей отчетливостью (*[№ 2, жен, 50] Афиша такая есть / Жириновский сидит / шикарный такой. Написано / «**Мы за нищих / мы за бедных**». Мне также трудно поверить / что Зюганов на той же позиции / сомнительно* (НКРЯ)), либо не проявляется (*[№ 8, муж, 26] Вот Жириновский он / конечно / резко высказывается / но он говорит на болезненные темы / то есть «**Мы за русских / мы за бедных**» / то есть мы русские никак не поднимемся до нормального прожиточного /и ничего не обещал он / единственное только про Кавказ / с таким апломбом / как у него / могло бы все это быть / то есть войну развязали и никак не можем закончить / то есть я как-то / вот он сказал и я поверил ему / то что он сможет вывести…* (НКРЯ)).

Таким образом, среди жанровых форм речевой деятельности агентов политического дискурса наиболее высоким уровнем узнаваемости и воспроизводимости текста обладают **подготовленные жанры** в силу их особой ритуализации. Подготовленные жанры политического дискурса обладают высоким потенциалом междискурсивного распространения, заложенным в структуру **дискурсивно-жанровой интенции**.

Жанровая специфика политического дискурса в результирующем личностно-ориентированном дискурсе эксплицируется слабо. Лозунг активно цитируется не в силу идентификации его жанровой формы субъектом личностно-ориентированного общения, а в силу ее удобства для представления обсуждаемой политической позиции.

Кроме того, слабый уровень экспликации в результирующем тексте жанрового статуса источника стабилизированных в политическом дискурсе речевых форм определяется тем, что большинство из них имеют межжанровый характер в силу свойственного политическому дискурсу высокого уровня внутренней интертекстуальности. Так, в политическом дискурсе ЛДПР речевая форма *за русских* реализуется как в ядерных жанрах – в программе партии (*Придать русскому народу статус государствообразующей нации. Не будет русских – не будет и России. Хорошо русским – хорошо всем!* ***Мы за русских*** *и со*

всеми коренными народами России строим наш общий Русский Дом! (Программа ЛДПР[60]); в заголовках информационных сообщений, размещенных на официальном сайте ЛДПР («*ЛДПР* ***за русских***»[61]); в текстах публичных выступлений политических лидеров (*Мы стали воевать в Первой мировой войне за сербов, за православных. А тут* ***за русских*** *не хотим дать патронов. Это ошибка* (В. Жириновский[62]) и др., так и в дискурсивно-жанровой периферии – например, в политических стихотворениях, размещенных на сайте ЛДПР: *Я* ***за русских****, хоть к другим народам С уваженьем прежним отношусь. Русский тот, кто дорожит свободой. Я люблю Россию и горжусь* (автор – Л. Авдеева[63]).

В текстах подготовленных жанров (например, из приведенных текстов – непосредственно в лозунге, в программе партии, в стихотворении и под.) рассматриваемая речевая форма, употребляемая с политическим пафосом, стабилизируется, риторически закрепляя эмоционально-оценочный модус особого заданного партийной идеологией отношения к русским. Этот модус активно поддерживается в текстах неподготовленных жанров, реализуя в них не столько эмоционально-оценочную, сколько логико-оценочную установку (см. приведенный пример текста выступления политического лидера). Такое использование рассматриваемой речевой формы внутри политического дискурса определяет ее распространение за его пределы (см. примеры выше), в рамках которого модус источника сохраняется и становится основанием для субъектной оценки выраженной в нем политической позиции.

---

[60] Программа ЛДПР [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПР. – Электрон. дан. – 2011-2012. – URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения: 01.08.2014).

[61] ЛДПР за русских! [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПР. – Электрон. дан. – 2011-2012. – URL: http://ldpr.ru/party/regions/Sakhalin_region/Sakhalin_Events/Liberal_Democratic_Party_of_Russian/ (дата обращения: 01.08.2014).

[62] Сказать правду о русских и за русских [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПР. – Электрон. дан. – 2014. – URL: http://ldpr.ru/events/tell_the_truth_about_russian_and_russian/ (дата обращения: 01.08.2014).

[63] Авдеева Л. За русских! [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПР. – Электрон. дан. – 2011-2012. – URL: http://ldpr.ru/ldpr_talks/analytics/FOR_RUSSIAN/ (дата обращения: 01.08.2014).

2. Высокий уровень узнаваемости политических текстов определяется не только жанровыми (и жанрово-стилистическими), но и собственно-стилистическими факторами. Стабилизации текстовых фрагментов политического дискурса способствовали такие свойства политической риторики, как повышенная эмоциональность, пафос, проявленный, в том числе, и за пределами ритуализованных жанров. Так, советский политически дискурс отличался особой активностью порождения политических выступлений, насыщенных речевыми формами, по своим внешним признакам приближенными к лозунгу. Они легко извлекались из текста и тиражировались политически подконтрольной прессой, что способствовало их усвоению обыденным человеком (*Это целиком вытекает из указания товарища Сталина о том, что* ***сын за отца не отвечает*** – газета «Правда» от 21 апреля 1939 г.; источник: реплика И.В. Сталина на совещании передовых комбайнеров (1 декабря 1935 г.), опубликованная в том же издании 4 декабря 1935 г.[64]).

3. Активности цитатного распространения речевых форм политического дискурса способствуют особые **экстралингвистические условия его протекания**, обеспечивающие возможность агентов дискурса создавать специальные условия для представления (исполнения) текста – множественная трансляция в СМИ, в том числе в особых – значимых для социума – политических ситуациях, медийное распространение и др. Особым доступом к формированию специальных условий представления текста обладают политические силы, находящиеся у власти. Они регулируют цензуру, политическую ангажированность СМИ и под.

В результате в речевой сфере политических систем в силу внешних по отношению к тексту факторов, регулирующих процесс их обязательного усвоения обыденным человеком, свойства узнаваемости могут приобретать текстовые фрагменты самых различных жанровых форм, в том числе – не ориентированных

---

[64] Душенко К. Цитаты из русской истории. От призвания варягов до наших дней. Справочник / К. Душенко [Электронный ресурс]. – М.: Эксмо, 2005. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из: «ЛитМир - Электронная Библиотека» – URL: https://www.litmir.co/br/?b=111677&p=78 (дата обращения: 03.04.2015).

на запоминаемость на уровне жанровой интенции. Политический дискурс использует институциональный ресурс для создания условий, обеспечивающих узнаваемость и воспроизводимость любых политических текстов.

Так, советский политический дискурс использовал его особо открыто и последовательно. Во-первых, это проявлялось в требовании «обязательности получения, прочтения» советского политического документа и «реакции (ответа) на него» [Романенко, 2008, с. 33] (обеспеченном, например, сетью политучебы [там же]). Во-вторых, в период активности советского политического дискурса «расширение границ пропаганды и усиление ее значимости» [Романенко, 2008, с. 19] привело к проникновению экспрессивных, агитационно-пропагандистских элементов в различные типы документов – не только собственно-политических, но и широко используемых самыми различными социальными институтами (об идеологизации советского документа – [Логинова, 1968, Романенко, 2008, Сологуб, 2009 и др.]). В-третьих, политические тексты были обязательной частью учебников истории – не только для специалистов, но и для системы общего образования. «Политическая грамотность» в целом отвечала требованиям социального престижа.

Политический документ, таким образом, через посредство внешних институциональных действий получает широкую известность. Фрагменты его текста, занимающие сильные позиции (по рассмотренным выше стилистическим показателям либо по показателям структурным – например, позиция заголовка политической статьи, множественное употребление речевого фрагмента в тексте, а во многих случаях – по совокупности этих показателей), начинают активно использоваться за пределами политического общения как при сохранении политически значимого диктумного содержания, так и вне его. Так, речевая форма *головокружение от успехов*, занимающая сильную позицию в тексте статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» (газета «Правда», 02.03.1930 г.), достаточно активно используется в период с момента ее появления и до настоящего времени (в основном подкорпусе НКРЯ 46 вхождений, среди которых 26 не связаны с исходным политическим содержанием): *Излишнее*

*увлечение «звучком», однообразие динамических и тембровых нюансов, поверхностное, серое, подчас даже небрежное исполнение, к сожалению, свойственны и некоторым артистам, уже получившим известность. Возможно, что тут сыграло роль раннее «**головокружение от успехов**», отсутствие постоянного художественного контроля [Г. Еленина. На конкурсе вокалистов (1939.01.04) // «Советское искусство». № 2 (582), **1939**]* (НКРЯ) // *И даже факт возбуждения исполнительного производства кредитор не должен считать поводом для **головокружения от успехов**, потому что должник имеет право обратиться в арбитражный суд с заявлением о рассрочке исполнения решения [Защита от «заказного» банкротства (2004) // «Арбитражный и гражданский процессы», **2004**.10.25]* (НКРЯ) // *Опасность же года – **головокружение от успехов** – вполне типична для такой ситуации. Старайтесь быть трезвее. И не лихачьте за рулем. Собака относится к лошади довольно ревниво [Астрологический прогноз на январь 2002 г. (2002) // «Домовой», **2002**.01.04]* (НКРЯ). Если в период социальной актуальности политического содержания данной статьи использование рассматриваемой речевой формы обнаруживает выраженную связь с источником даже за пределами собственно-политической тематики (в первом примере эта связь маркирована кавычками), то в последние десятилетия ее использование сохраняет эту связь только при наличии тематики исторического обращения к событиям соответствующего периода (в примерах 2-3 политическое содержание нейтрализуется).

Институциональный ресурс активно действует не только на тиражирование фрагментов политических текстов, но и на их особое выдвижение, оформление их границ. Так, на стенах государственных учреждений в рамках советской пропаганды было принято помещать плакаты, содержащие цитаты из политических текстов – например, из политических статей В.И. Ленина (*Из всех искусств важнейшим для нас является кино / Без почты и телеграфа социализм есть пустейшая фраза / Учиться, учиться и учиться*). В результате особого пространственного положения эти цитаты приобретали дискурсивный статус политических лозунгов, оформлению которых способствовала дискурсивно

обусловленная активность оценочно-дидактического модуса. Лаконичность и образность их формы, общекультурный, гуманистически значимый характер содержания способствовали запоминанию, а ссылка на авторство сохраняла политическое звучание.

Рассмотрим виды речевых форм политического дискурса, способные выступать в качестве полифонических включений в личностно-ориентированных речевых практиках.

3.2.2.2. Речевые формы политического дискурса, направленные на междискурсивное распространение

1. В отличие от дискурса документа, политический дискурс активно продуцирует **цитатные речевые формы**, которые подвергаются как (1.1) системной, так и (1.2) ситуативной стабилизации.

Активное обращение за пределами политического дискурса к политическим цитатам определяется (а) осознанием любого члена социума (не политика) своей приобщенности к политическим процессам, их не ограниченной пределами политического дискурса значимости, формирующей его установку на возможность оценочного отношения к ним; (б) интенционально заданной ориентированностью политического дискурса на распространение, выраженное, в частности, в активности продуцирования сильных текстов, в его медийности, позволяющей распространять как цитатные, так и нецитатные речевые формы как сильных, так и несильных текстов.

1.1. Речевые фрагменты текстов политического дискурса системно стабилизируются в виде **прецедентных высказываний**, реализующихся во множественном цитировании.

Как отмечалось, политический дискурс активно продуцирует сильные тексты, прецедентные высказывания из которых функционируют отдельно – как вторично системно стабилизированные.

Сильным[65] политический текст делает его особый статус в исторически конкретной политической культуре, а также в общей национальной культуре – учитывая характер ее политической ангажированности (например, престиж «политической грамотности» в советском обществе).

Среди ядерных жанров политического дискурса, обнаруживающих статус сильного текста, выделяется *политический лозунг.* Его отличает лаконизм формы, оформление в виде призыва, долженствование [Стексова, 2011], особое взаимодействие директивности и декларативности [Шмелева, 2003], особая яркость и образность содержания, обращенность к общекультурно значимым концептам и символам, эмоционально-оценочный пафос (как средство активизации модуса), способствующие его комфортному восприятию обыденным человеком.

Лозунг – один из немногих жанров политического дискурса, сохраняющий свои жанровые признаки в процессе цитирования. Различные отечественные политические концепции породили целый ряд политических лозунгов, получивших активное цитатное распространение: *Власть – советам, Родина-мать зовет, Партия – наш рулевой, Голосуй сердцем, Голосуй – или проиграешь, Россия – наш общий дом, Россия для русских* и под.

Функционируя как прецедентное высказывание, лозунг онтологически может являться фрагментом более объемного политического текста, результатом вычленения информационно и эмоционально емкого, образного текстового фрагмента из публичной речи признанного политического лидера, обеспечивающего институциональный авторитет соответствующего высказывания. Такое происхождение лозунгов является результатом взаимодействия текстовых и экстралингвистических факторов. Подобные истоки (учитывая тоталитарную специфику формирующего дискурс советского политического режима) имеет целый ряд советских политических лозунгов. Например, жанровый статус лозунга получил фрагмент выступления

[65] Сильные тексты – «постоянно востребуемые тексты, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [Денисова, 2003, с. 128].

И.В. Сталина на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц – стахановцев ***Жить стало лучше, жить стало веселее***: *Основой стахановского движения послужило, прежде всего, коренное улучшение материального положения рабочих.* ***Жить стало лучше****, товарищи.* ***Жить стало веселее****. А когда весело живётся, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки [И.В. Сталин. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев (1935) // «Правда», 1935.11.22]* (НКРЯ).

Помимо ядерных жанров политического дискурса, статус сильных текстов могут иметь жанровые формы его значимой периферии – *политические песни, стихотворения* и под., возникающие на пересечении с художественными дискурсами. Ориентированность на распространение им придает эстетическая значимость вербального выражения и особая форма исполнения. Так, цитатный потенциал рассмотренного выше лозунга в дальнейшем был усилен за счет его использования в тексте активно распространяемой песни (сильный текст), само появление которой было актом политической лояльности к власти, ответом на политический запрос: *Зво́нки как птицы, одна за другой, Песни летят над советской страной. Весел напев городов и полей –* ***Жить стало лучше, жить стало веселей!*** (В.И. Лебедев-Кумач «Жить стало лучше, жить стало веселей», песня, 1936 г.). Отметим, что согласно данным основного подкорпуса НКРЯ приведенная цитата имеет более 55 вхождений.

Статус сильного также могут придать тексту особые условия предъявления. Так, статус сильного в русской национальной политической культуре получил текст объявления о начале Великой Отечественной войны, произнесенный по радио и распространенный в СМИ в особой ситуации повышенной социальной значимости (примеры использования фрагментов этого текста в личностно-ориентированных дискурсах представлены в разделе 4.4 главы 4).

Кроме прецедентных высказываний из сильных текстов, в качестве политически значимых первично стабилизируются прецедентные высказывания не из сильных текстов (например, *Мы пойдем другим путем!* – прецедентное высказывание, функционирование которого проанализировано в разделе 1.3.3.2

главы 1). Тип текста (сильный/несильный) как онтологического источника прецедентности не оказывает значительного влияния на инодискурсивное функционирование прецедентного высказывания (за исключением особых случаев, когда скрытая ссылка на конкретный текст-источник определяется спецификой диктумного содержания результирующего текста: *Сталин все насильственные мероприятия проводил под флагом добровольности, вынужденное признание в необходимости отступления объявил «**головокружением от успехов**» [Лев Гумилевский. Судьба и жизнь (1969) // «Волга», 1988]* (НКРЯ)).

1.2. Обозначенная выше специфика восприятия политического дискурса определяет активность инодискурсивного использования его цитатных речевых форм, не подвергшихся системной стабилизации в источнике, но наследующих его институциональный авторитет. Их стабилизация ситуативная. Их цитатное использование единично: они не обладают свойствами узнаваемости и воспроизводимости. Так, в конкретно-ситуативных условиях может быть процитирован фрагмент текста отдельной политической статьи или политического выступления: *[№ 0] Кто это еще? Кто тот / у которого мало денег? [№ 5, муж, 38] <u>*** пьяница</u>. /.../ [№ 5, муж, 38] Человек без амбиций / который везде ходил / его везде посылали. Вот <u>должно быть обязательно честолюбие / должно быть амбиции</u> / не одни они. [№ 0] Ага. То есть Бутылко честолюбив / да? [№ 5, муж, 38] Конечно / обязательно / иначе бы он никак***. А еще хотел добавить по поводу того / что вы говорите / по поводу жесткого человека / что он вор / вор. Вот <u>Лукашенко</u> недавно кого-то уволил и <u>очень хорошо сказал</u>/ «Вы что думаете / он не специалист? Он очень хороший специалист / он очень грамотный специалист / но он такой мягкий / он и в это вникает / и в то вникает / всех ему жалко. Поэтому я его уволил / а здесь нужна жесткость»* (НКРЯ). Цитирование фрагмента выступления политического лидера ситуативно обусловлено (а) совпадением личной позиции говорящего (см. подчеркнутые фрагменты) с позицией, проявленной в содержании цитаты; (б) медийным статусом автора цитаты как агента политического дискурса,

определяющим его институциональный авторитет. Говорящий использует фрагмент высказывания политического лидера для подтверждения собственной личностно-ориентированной позиции, при этом собственно политическое содержание цитаты не востребуется (обобщается), но востребуется ее социальный авторитет.

Таким образом, политический дискурс в соответствии с его интенциональной спецификой, определяющей ориентацию на внешнее распространение, активно продуцирует цитатные речевые формы. Их стабилизации в качестве речевых знаков дискурса способствуют как внешние по отношению к тексту, так и собственно-текстовые дискурсивные факторы, подчиняющиеся принципам политической риторики. Особый характер приобретают эти факторы в дискурсах, формируемых тоталитарным политическим режимом, в том числе в советском политическом дискурсе.

Цитатные речевые формы реализуются в виде прецедентных высказываний и единичных цитат, выделенных в соответствии с конкретно-ситуативными условиями обращения к ним.

При трансляции в инодискурсивную речевую сферу прецедентные высказывания сохраняют устойчивые связи с дискурсом-источником как на **содержательном**, так и на **формальном** основании, а единичные цитаты – только на **содержательном**.

2. Рассмотрим речевые формы политического дискурса, созданные на базе его **стилистических ресурсов**.

Речевой стиль политического дискурса обслуживает манипулятивно обусловленное ценностное ориентирование информации на основании дискурсивной интенции борьбы за власть. Соответствующие ей стилистические модусы закрепляются за определенными единицами, которые, тем самым, получают статус **стилистических ресурсов политического дискурса** и используются в его речевой форме при трансляции политически обусловленного содержания. Специфика стилистических ресурсов политического дискурса определяется спецификой политического режима, его формирующего. Большую

роль в формировании дискурсивного кода играет институциональный ресурс (специфика его реализации обозначена при анализе распространения цитатных речевых форм).

На основании степени конкретности дискурсивно обусловленного содержания, заданного базовой дискурсивной интенцией, политический дискурс формирует два вида стилистических ресурсов:

А) ресурсы политики как института, получающие особый стилистический модус в речевой среде дискурса в соответствии со спецификой конкретного политического режима;

Б) ресурсы, выработанные конкретной политической системой для решения соответствующих дискурсивных задач.

Эти речевые формы реализуются в виде единиц следующего типа: (1) лексические ресурсы, (2) дискурсивные выражения, (3) дискурсивные формулы.

А) В качестве ресурсов дискурсивного стиля политики как института выступают его **лексические ресурсы** (дискурсивные выражения и дискурсивные формулы создаются только как знаки конкретной политической системы). Они вырабатываются вне зависимости от политического режима и оформляют речевое осуществление института политики как такового. Они квалифицируются как **политические термины** [Котюрова, 2003, с. 468 и др.] и обладают онтологической связанностью с политикой как особой профессиональной областью. Терминологический статус им придает связь со сферой пересечения политического дискурса с дискурсом документа. Отсюда их эмоционально-оценочная нейтральность, обеспеченная принадлежностью к дискурсу документа. При этом принадлежность к политическому дискурсу определяет их потенциальную оценочность, эксплицируемую в процессе их речевой реализации. Вектор аксиологической ориентации данной лексики (*вотум, выборы, кандидат, коллегиальность, нейтралитет, нота* и др.) может варьироваться в соответствии с идеологическими установками конкретной политической системы, отражая отношение данной идеологии к обозначаемой реалии. Характер стабилизации

данных речевых форм особый: получая статус стилистических ресурсов политического дискурса, рассматриваемые единицы стабилизируют диктумную принадлежность к нему, обладают потенциалом ценностного ориентирования – в соответствии с конкретной политической позицией, но не стабилизируют его идеологически ориентированный эмоционально-оценочный модус.

Статус данных речевых форм как политических терминов, закрепляющих законодательное регулирование политических практик, определяет отражение соответствующих лексем как в политических словарях энциклопедического типа, так и в специальных терминологических (юридических) словарях. При этом дефиниции, представленные в них, обладают значительным сходством в аспектах и форме представления информации, отражая принадлежность к политически значимому диктуму, но не выражая специфику конкретной политической позиции. Так, обозначенные свойства обнаруживаются в дефинициях политического термина *вотум (недоверия)*, представленного в Большом юридическом словаре под ред. А.Я. Сухарева («ВОТУМ НЕДОВЕРИЯ – в парламентской практике выраженное (как правило, нижней палатой парламента) неодобрение политической линии, определенной акции или законопроекта правительства либо отдельного министра. Инициатива постановки вопроса о В.н. может исходить от правительства, от парламентских фракций или групп депутатов. /…/» [Большой юридический словарь, 2007]) и в словаре-справочнике «Политическая наука» («/…/ В парламентской практике широко используются термины «вотум доверия» и «вотум недоверия». /…/ Инициатива постановки вопроса о вотуме доверия может исходить от самого правительства, от парламентских фракций или групп депутатов. Напротив, вотум недоверия означает неодобрение парламентом действий правительства или отдельного члена кабинета министров» [Политическая наука, 2010]).

Принципиально открытый характер политического дискурса, ориентированного на внешнее распространение, определяет активность представления его терминов в толковых словарях. Их институциональная принадлежность отражается в словарных дефинициях и/или в иллюстративном

материале. Так, в РСС институциональный статус речевой формы *вотум* фиксируется в его дефиниции: «**В государственном праве**: решение, принятое голосованием. В. доверия (недоверия) правительству» [РСС, т. 1, 1998], а в МАС его отражает дефиниция фразеологического сочетания: «◊ Вотум доверия (или недоверия) — **решение парламента**, выражающее одобрение или неодобрение **деятельности правительства** или отдельных его членов» [МАС, т. 2, 1982].

Отражение политической принадлежности лексем в системе помет толкового словаря – результат ее особого лексикографического выдвижения, которое обнаруживается редко. Немногочисленные примеры составляют словари, созданные в советское время: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [ТСУ, 1935-1940] и 17-томный Словарь современного русского литературного языка (БАС) [БАС, 1950-1965]. Это может быть объяснено общей тенденцией политизации советского общества, особой значимостью политического самоопределения для советского обыденного человека. Так, в БАС в системе помет присутствует указание «*полит. – политическое, из области политики*» [БАС, т. 1, 1950, с. 18]. Данной пометой в БАС отмечены единицы *абсолютизм, автаркия, автономия, агитация, агитатор, аграрии, аграрный, агрессия, азефовщина, анархизм, аннексия, анархо-синдикализм, антимилитаризм, аполитичный, басмачество, белый (сущ.), бесклассовый, билль, бланкизм, блок, блокада, бойкот, большевизм, бунд, бунт, буржуазия, власть, внеклассовый, внутрипартийный, вождь, волнение, демаркационный*[66] и под., идиоматические выражения *абсолютная монархия, активное избирательное право, апрельские тезисы, великие державы, советская власть* и под.[67]

---

[66] В значении «массовое проявление недовольства; движение, выступление против властей» [БАС, т. 2, с. 614].

[67] Авторский коллектив позиционирует данный словарь как являющийся «толково-историческим и нормативным» [БАС, 1950, с. 3], при этом «в основном толковым и нормативным» [там же]. Период работы авторского коллектива над словарем: начало – 1937 г., выпуск т. 1 – 1948 г., т. 17 – 1965 г. Наличие данной пометы представляется возможным рассматривать как свидетельство принадлежности маркированных ею единиц к стилистическим ресурсам политического дискурса **указанной эпохи**, включающим лексические ресурсы как института политики в целом, так и непосредственно советской политической системы.

Б) В отличие от стилистических ресурсов дискурсивного стиля политики как института, лексические ресурсы дискурсивного стиля конкретной политической системы стабилизируют оценку действительности с точки зрения этой системы.

Идеологически обусловленному номинированию – как одному из способов формированию политического дискурсивного кода – подвергаются как понятия, созданные в рамках данной идеологии, так и понятия, существовавшие вне сферы ее деятельности, но «присваиваемые» ею в целях идеологизации.

Так, особый дискурсивный код формирует советский политический дискурс как основанный на тоталитарном политическом режиме. Система его стилистических ресурсов характеризуется особой проработанностью, однозначностью ценностной ориентации содержательных категорий, открытой манипулятивностью.

Рассмотрим систему стилистических ресурсов конкретного политического дискурса на примере ресурсов **советского политического дискурса**.

1. К числу стилистических ресурсов советского политического дискурса относятся следующие **лексические ресурсы**.

1.1. Речевые формы, созданные в рамках советского политического дискурса для номинирования особых понятий, вошедших в употребление в рамках коммунистической идеологии (*белогвардеец, белый (сущ.), горком, замполит, коллективизация, комиссар, комсомолец, красный (сущ.), кулак, кулачество, Красная Армия, красноармеец, продотряд, продразверстка, пятилетка, советская власть, стахановец* и др.). Они демонстрируют прямую референтную отнесенность к политическим реалиям советской эпохи. Их основное назначение – маркирование дискурсивных концептов советского политического дискурса.

(2) Речевые формы, трансформированные в рамках советского политического дискурса в целях их идеологизации (*актив, буржуй (=буржуа), враг народа, вредительство, единоличник, империализм, контрреволюция, крестьянин, рабочий, товарищ, царизм, экспроприатор, электрификация* и под.).

В рамках исследуемого дискурса семантика данных единиц демонстрирует специфику дискурсивной конфигурации общекультурных концептов и отражает специфику дискурсивной картины мира.

Лексические ресурсы советского политического дискурса типа (1) и (2) объединяет отмеченное исследователями общее свойство – их идеологически обусловленная десемантизация [Кронгауз, 1994, Купина, 1995, Романенко, 2003, Романенко, Санджи-Гаряева, 2004 и др.] как проявление принципа «ритуализованной мотивированности» знака [Романенко, 2003, с. 255]. Названный принцип обеспечил их вхождение в систему ресурсов рассматриваемого дискурса либо на этапе их возникновения как номинативной единицы (1), либо на этапе соответствующей трансформации (2) (подробнее о процессах их смысловой трансформации – в [Романенко, 2003]).

Идеологическая ангажированность рассматриваемых речевых форм отражается в лексикографических источниках. Отражение в толковых словарях результатов влияния политической идеологии на язык уже становилось предметом внимания исследователей (например, [Купина, 1995, Трипольская, Булыгина, 2015]). Впервые в данном аспекте материал словаря проанализирован в монографии Н.А. Купиной [Купина, 1995]. Т.А. Трипольская и Е.Ю. Булыгина также рассматривают проблему реализации идеологического содержания в словарной статье, в том числе – его намеренно скрытые формы экспликации: система комментирующих помет и иллюстративный материал [Трипольская, Булыгина, 2015]. Характеристика статуса рассматриваемого компонента содержания, отраженного в словаре, как «прагматического» [там же] соответствует нашей концепции стабилизации политически обусловленного модусного содержания в лексической единице.

Рассмотрим отражение результатов этого процесса в словарях.

В специальных терминологических словарях (политических и юридических) идеологически обусловленное содержание не отражается: политическая ангажированность противоречит терминологической сущности представляемого ими содержания.

Активность внешнего распространения политического дискурса, которая для советского политического дискурса оказывается особо повышенной, определяет последовательное отражение политической ангажированности соответствующих этим речевым формам лексем в толковых словарях, созданных в период доминирования определенной идеологии и отражающих нормативное состояние лексического состава, отражаемого сознанием обыденного человека (БАС [БАС, 1948-1965], МАС [1981-1984] и др.).

Доказательства их идеологически обусловленной стабилизации лексической единицы обнаруживаются при анализе их отражения в указанных словарях и в словарях, созданных в досоветский период («Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль, 1978–1980]) и в постсоветский период (Толковый словарь русского языка конца XX века под ред. Г.Н. Скляревской [ТСРЯ, 1998], «Русский семантический словарь» под общей ред. Н.Ю. Шведовой [РСС, 1998-2003], «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой [Ефремова, 2000] и др.).

Прямая семантическая связь с советским политическим дискурсом единиц типа (1) отражается в дефинициях лексикографических источников как советского, так и постсоветского времени. В словарях советского времени эта связь отражается в прямой фиксации дискурсивно ориентированной оценки. В постсоветских словарях она предъявляется аксиологически нейтрально, представляя внешний взгляд на результаты заданного советской идеологией дискурсивного конфигурирования содержания. Заданная им оценка фиксируется логико-информационным способом, а иногда оценочный вектор и переориентируется, представляя прямую оценку содержания лексемы с позиции идеологии современной.

Так, в БАС фразеологическое сочетание *враг народа (враги народа)* обнаруживает прямую оценочность: «◊ Враги народа – **активные противники** социалистического строя и **народа**, создавшего этот строй, **наносящие вред общественному делу** [выделено нами – И.Т.]» [БАС, т. 2, 1951]. Русский семантический словарь [РСС, 1998] дефинирует сочетание *враг народа* оценочно-

нейтрально, но прямо указывает на референтную соотнесенность с реалией, порожденной соответствующим политическим режимом: «**в годы сталинских репрессий**: человек, к-рому **властями вменяется в вину** преступление против народа, измена родине [выделено нами – И.Т.]» [РСС, 1988][68].

Политическая оценка содержания лексемы *белогвардеец* прямо отражается в БАС («Сражающийся **в рядах контрреволюционной белой гвардии** [выделено нами – И.Т.]» [БАС, 1950]). В современных словарях эта оценка косвенно переориентируется, отражая иную идеологическую позицию: «В годы гражданской войны: член Белой гвардии – русских военных формирований, сражавшихся **за восстановление законной власти** в России [выделено нами – И.Т.]» [РСС, 1998].

Для словарей советского времени характерным является использование в словарных статьях, описывающих лексемы рассматриваемого типа, политически ангажированного иллюстративного материала. Так, МАС [МАС, 1984], созданный в советское время (1-ое издание – 1957-60 гг., 2-ое – 1981-84 гг.), опираясь на БАС [БАС, 1956], дефинирует лексическое значение слова «кулачество» как «класс кулаков, кулаки (*см*. кулак^{2} в 1 знач.)», не эксплицируя его дискурсивно мотивированное содержание. Но его идеологическая мотивированность прямо представлена в оценочно ориентированном иллюстративном материале: «Ликвидация кулачества как класса. □ На основе сплошной коллективизации **советский народ ликвидировал** кулачество – **последний в нашей стране класс, живший чужим трудом**. Н. Н. Михайлов, Над картой Родины [выделено нами – И.Т.]» [МАС, 1984], [БАС, 1956].

Семантическая связь с советским политическим дискурсом единиц типа (2) может быть обнаружена при анализе их отражения в лексикографических источниках советского и досоветского времени. Иногда результаты их политически ориентированной стабилизации отражаются в постсоветских

[68] Такое лексикографическое представление семантики можно определить как проявление процесса деидеологизации словарей, рассмотренного в [Трипольская, Булыгина, 2015].

словарях. Кроме того, такой анализ позволяет обнаружить различные модели трансформации содержания рассматриваемых единиц.

Например, содержание лексической единицы *царизм* в словаре В.И. Даля трактуется как «преданность царю; политическое міровоззрініе, признающее необходимость царя» [Даль, 1978] (начало работы над словарем – 1858 г.). В целом содержание оценочно нейтрально, но косвенно принятие автором словаря описываемой политической позиции может усматриваться в использовании при формировании дефиниции лексемы *преданность* («приверженность и уваженье, верность, широкая, искренняя любовь, правдивая, прямая покорность» [там же][69]). В дефинициях БАС («Государственный строй во главе с царем; царский режим» [БАС, 1965]) и МАС («Форма государственного правления, при которой верховная неограниченная власть принадлежит самодержавному монарху, царю; царский режим» [МАС, 1984]) фиксируется изменение диктумного содержания («политическое міровоззрініе» -> «государственный строй»), но оценка не выражена. При этом дискурсивно обусловленная идеологически ориентированность отчетливо проявляется в иллюстративном материале («Чему вы удивляетесь? Вот такие-то люди и оказываются чаще всего за решеткой. **Царизм жестоко расправляется** со всеми, кто борется **за лучшую долю народа**. Г. Марков, Строговы, I, 7». [БАС, 1965]; «**Свержение** царизма. □ Посмотрите, как гигантски выросли наши национальные республики, эти **в прошлом, при царизме, забитые окраины**. Киров, Статьи и речи 1934» [выделено нами – И.Т.]» [МАС, 1984]). Таким образом, в словарях советского времени, рассматриваемых в сопоставлении со словарем досоветским, обнаруживается идеологическая ориентированность содержания лексемы *царизм*, что позволяет рассматривать ее как входящую в состав лексических стилистических ресурсов советского политического дискурса. Модель трансформации ее модусного содержания предстает в виде идеологически мотивированной аксиологической переориентации со смещением референции.

---

[69] Содержание лексемы *преданность* описано в структуре словарной статьи *предавать* [там же].

Лексическое значение единицы *вредитель* в словаре В.И. Даля описывается как «*вредный, вредоносный человикъ*» [Даль, 1978]. В БАС же помимо общего значения «человек, который причиняет вред кому-, чему-либо» появляется формулировка частного значения, соответствующая идеологически обусловленной трансформации содержания: «**Контрреволюционер**, наносящий **советскому государству экономический и политический** вред **с целью подорвать его мощь и подготовить реставрацию капитализма**; диверсант» [БАС, 1951]. Референтное содержание сужается, оценка приобретает политическую дискурсивно значимую обусловленность. Внешний взгляд на такую дискурсивную стабилизацию фиксируют современные словари, демонстрируя «взгляд из будущего». Например, в Толковом словаре русского языка конца XX века под ред. Г.Н. Скляревской предлагается следующая дефиниция: «**В советское время**: тот, кто не лоялен к советскому строю, кто умышленно наносит вред государству, народу» [ТСРЯ, 1998]. Семантический конкретизатор *в советское время* специально обсуждается во Введении к указанному словарю и по статусу приближается к элементу системы помет [ТСРЯ, 1998, с. 22]. Русский семантический словарь дает еще более однозначную в рассматриваемом аспекте формулировку: «**В годы советской власти**: человек, к-рому **приписывается** умышленное нанесение вреда производству; вообще тот, кто сознательно причиняет вред какому-н. начинанию [Выделено нами – И.Т.]» [РСС, 1998]. В ней фиксируется не только приуроченность данной единицы к советскому политическому коду, но и оценка этого кода с современной позиции.

Таким образом, сопоставление толковых словарей, созданных в разные политические эпохи, в аспекте представления словарных дефиниций лексем, номинирующих компоненты политически значимого диктума, показывает результаты дискурсивно обусловленной трансформации их как диктумного (сужения/смещение референции), так и модусного (наделение политически мотивированной оценкой) содержания.

Словарные дефиниции и иллюстративный материал толковых словарей, созданных в разные политические эпохи, отражают диктумную специфику и

результаты стабилизации модусов конкретного политического дискурса. Способ их отражения соответствует той политической позиции, в эпоху проявления которой они созданы. При этом модусное содержание, заданное породившей данную лексему идеологией, остается стабильным.

Другим показателем политической ангажированности единиц является их оформленность через систему особых помет толковых словарей соответствующей эпохи.

Например, в БАС, где единицы типа (А) введены с пометой *полит.*, фиксация единиц типа (Б) далеко не всегда сопровождается особой пометой. При этом отдельного внимания, с учетом вышерассмотренной специфики этого словаря, заслуживает помета «*нов.* – новое»: «Если слово не имеет общелитературного употребления или **если оно ограничено исторически**, то оно сопровождается пометами: в просторечии, областное, церковное, устарелое, **новое**; последняя помета дается при словах, происхождение и значение которых **непосредственно связано с советской современностью** (*колхоз*, *стахановец*, *комсомол*)» [выделено нами – И.Т.] [БАС, т. 1, 1950, с. 12]. Обозначенная связь распространяется не только на область политики, но и на другие области – деловую, профессиональную, бытовую и др., определяя данные единицы как советизмы (о проблеме соотношения советизмов и идеологем – [Романенко, Санджи-Гаряева, 2004]). Учитывая высокий уровень включенности советского обыденного человека в политический дискурс, а также внутреннее стремление советского дискурса дифференцироваться от всего «старого» = «несоветского» = «враждебного», лексемы с пометкой «новое» могут рассматриваться как дискурсивные маркеры – стилистические ресурсы советского (не только политического, но в том числе и политического) дискурса. В их числе на основании содержания соответствующих дефиниций и иллюстративного материала можно выделить лексемы, относящиеся к стилистическим ресурсам советского политического дискурса[70] (*автожир, автострада,* ***агитпроп***, ***агрессор***, *агроминимум, агромаксимум, агротехника, аккордный,* ***актив***,

[70] Выделены полужирным шрифтом.

***активист**, аллилуйщина, **антисоветский**, безаварийный, безотрывный, **белогвардеец**, **белоэмигрант**, беседа, беседчик, бесплановый, беспризорник, бесхозный, бильдаппарат, **богатырка**, **боевик**, болельщик, бомбить, бомбежка, бомбардир, броня, бронировать, **буденовка**, бутылка* и др.).

Еще одним доказательством стабилизации лексических единиц в качестве стилистических ресурсов советского политического дискурса является их отражение в политических текстах советского времени. Эти документы как источники, подтверждающие дискурсивную стабилизацию лексических речевых форм, можно разделить на две группы: А) документы, **презентующие** дискурсивно ориентированное содержание речевой формы (официально закрепляющие ее диктумное содержание) – интенционально направленные на ее введение в широкий политический оборот; Б) документы, **использующие** уже закрепившуюся в политическом общении стабилизированную лексическую речевую форму в соответствии с результатами ее стабилизации.

А) Для многих речевых форм, созданных в рамках советского политического дискурса для обозначения особых понятий, вошедших в употребление в рамках коммунистической идеологии (единицы типа (1)), существуют конкретные политические документы, обнаруживающие истоки их номинирования. Так, речевое выражение *Красная Армия* находит истоки в Декрете Совета Народных Комиссаров «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии» от 2 февраля (20 января) 1918 г.: «*Совет Народных Комиссаров постановляет: организовать **новую** армию **под названием «Рабоче-Крестьянская Красная Армия»**, на следующих основаниях: 1) Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из <u>наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов</u>. 2) /.../ Для <u>вступления в ряды</u> Красной Армии необходимы рекомендации: войсковых комитетов или общественных <u>демократических</u> организаций, <u>стоящих на платформе Советской власти</u>/ партийных и профессиональных*

организаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций…»[71]. Понятийное содержание и интерпретация речевого выражения *советская власть* презентуется в опубликованной в советской печати речи В.И. Ленина «Что такое советская власть» (21 января 1828 г., газета «Правда», № 18): «*Что такое Советская власть? /…/ Сущность ее, привлекающая к себе рабочих каждой страны все больше и больше, состоит в том, что* ***прежде*** *государством управляли так или иначе богатые или капиталисты,* ***а теперь в первый раз*** *управляют государством, притом в массовом числе, как раз те классы, которых капитализм угнетал. /…/* ***Первый раз в мире*** *власть государства построена* ***у нас в России*** *таким образом, что* ***только*** *рабочие,* ***только*** *трудящиеся крестьяне,* ***исключая эксплуататоров****, составляют массовые организации – Советы, и этим Советам передается вся государственная власть*»[72]. Тексты такого типа, произведенные от имени авторитетного субъекта – органа политической власти, политического лидера, – развернуто представляют понятийное содержание указанных единиц. В процессе его представления подчеркивается уникальность, новизна соответствующего явления (*новую (армию); прежде …, а теперь; в первый раз* и т.п.), а в ряде случаев особо отмечается новизна самой единицы (*новую армию под названием «Рабоче-Крестьянская Красная Армия»*). Политико-идеологическая ориентация представляемого понятийного содержания также последовательно проявляется (*стоящих на платформе Советской власти; капитализм угнетал; эксплуататоров* и т.п.).

Б). Дискурсивную стабилизацию речевых форм типа (1) и (2) подтверждает их частотное, содержательно стабильное употребление в политических текстах советского времени. Например, речевая форма *актив* в варианте, обнаруживающем идеологическую ориентированность ее содержания, используется в статье И.В. Сталина: *…должен сказать, что этот* ***актив*** *при*

---

[71] О Рабоче-Крестьянской Красной Армии [Декрет Совета Народных Комиссаров] [Электронный ресурс] // Конституция России: Интернет-проект. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5323/ (дата обращения: 01.11.2014).

[72] Ульянов (Ленин) В.И. Что такое советская власть? [Электронный ресурс] // СоюзИнфо: информационный портал. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://souz.info/library/lenin/whatissov.html (дата обращения: 01.11.2014).

умелом его использовании может составить величайшую силу, способную на чудеса. Это обстоятельство тем более важно, что партия располагает в настоящее время в деревне гораздо меньшим количеством ***актива*** */…/ И вот задача: как воспитать этот многочисленный* ***актив****, как сделать его проводником пролетарской политики в деревне не на словах, а на деле* [Сталин, 1952, 79]), в Постановлении ВЦИК от 01.01.1931 «Об утверждении Положения о сельских советах РСФСР» (п. 34) (*Для разрешения наиболее важных вопросов созываются расширенные заседания совета с привлечением на них с правом совещательного голоса рабочих, батраков, колхозников, бедняцкого и середняцкого* ***актива***[73]), в Приказе НКВД и НКГБ СССР «О мероприятиях по усилению борьбы с антисоветским подпольем и ликвидации вооруженных банд на территории Литовской ССР» от 12.10.1944 (*В связи с тем, что в предстоящей работе по выкорчевыванию бандитско-повстанческого подполья органам НКВД придется опираться на сельский партийно-советский* ***актив*** *и местное население /…/ необходимо провести меры по еще большему укреплению руководства сельских, районных и некоторых областных и партийно-советских органов…* [Органы государственной безопасности…, 2007, с. 459]) и др.

Проявленная подобным образом закрепленность дискурсивной ориентированности единиц типа (1) и (2) в словарях и документах является свидетельством их внутридискурсивной стабилизации и, соответственно, принадлежности к лексическим стилистическим ресурсам советского политического дискурса.

2. Обозначенные выше семантические процессы, характеризующие специфику советского политического дискурса, обусловили формирование особых **дискурсивных выражений**, обладающих в рамках данного дискурса активностью проявления идеологически ориентированного эмоционально-

---

73 Об утверждении Положения о сельских советах РСФСР [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Некоммерческая интернет-версия. – Электрон. дан. – М: © КонсультантПлюс, 1992-2015. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18564 (дата обращения: 12.01.2015).

оценочного модуса, особым пафосом и выраженным дидактизмом – как результатами модусного конфигурирования смыслов рассматриваемого дискурса (*погибать, но защищать нашу Родину* / *(клясться) у развернутого красного знамени / выполнять план пятилетки, взять власть в свои руки, свергнуть власть* и др.). В отличие от содержания лексических речевых форм, их диктумное содержание не получает официального (документального) закрепления, а их модусное стилистическое содержание активнее и последовательнее поддерживает эмоциональный пафос. Дискурсивные выражения, частотно эксплуатируясь, закрепляются в текстах политических документов, обнаруживая их идиоматичность.

Документы, презентующие дискурсивные выражения, в отличие от документов, презентующих лексические речевые формы, практически не обнаруживаются. Это объясняется использованием лексических речевых форм в функции, приближенной к терминологической, что требует официальной (с учетом специфики политической идеологизации советского документа, «пропускающей» в него эмоциональный пафос) конкретизации содержания вербальной единицы, что не свойственно дискурсивным выражениям.

Документы, использующие дискурсивные выражения как дискурсивно стабилизированные, отражают результаты дискурсивной модусной ориентации этих речевых форм. Закрепление общего дискурсивного модуса в дискурсивных выражениях может быть проявлено с различной степенью конкретности. Так, различную степень конкретности дискурсивной ориентации демонстрируют близкие по форме дискурсивные выражения *свергнуть власть* и *взять власть в свои руки*.

Дискурсивное выражение *свергнуть власть* обнаруживает идеологическую оценочность вне ее векторной ориентации с точки зрения конкретной политической силы: оно используется как оценка действий как врагов (Постановление ВЦИК от 17.01.1920 «Об отмене применения высшей серы наказания (расстрелы)»: *Разгром организованной армии контр-революции подрывает в корне расчеты <u>отдельных групп контр-революционеров</u> внутри*

Советской России ***свергнуть власть*** *рабочих и крестьян путем заговора, мятежей и террористической деятельности…* // Декрет ВЦИК от 30.04.1923 «Об амнистии карельским беженцам»: *Долгое время международная буржуазия стремилась поработить трудовые массы Р.С.Ф.С.Р., но каждый раз встречала с их стороны непоколебимый отпор. Разуверившись в возможности* ***свергнуть*** *таким путем* ***власть*** *рабочих и крестьян, она стала делать попытки расколоть дружную семью трудящихся и увлечь за собой несознательную ее часть*[74]), так и сторонников (Конституция (основной закон) СССР от 07.10.1977: *Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В.И. Лениным*, ***свергла власть*** *капиталистов и помещиков, разбила оковы угнетения, установила диктатуру пролетариата и создала Советское государство - государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма…*[75]) советской власти, в обоих случаях сохраняя идеологический модус.

Дискурсивное выражение *взять власть в свои руки* стабилизирует вектор идеологической оценки: во всех случаях употребления этого выражения фиксируются результаты действий сторонников политической власти (Приказ верховного главнокомандующего РСФСР от 14.12.1917: *Товарищи, 25 Октября* ***взяло въ свои руки власть*** *Правительство Народныхъ Комиссаровъ. А 12 Ноября оно уже послало къ немцамъ первую делегацію для начатія переговоровъ о перемиріи*[76] // Обращение II Всероссийского Съезда Советов от 26.10.1917 к

---

[74] Об амнистии карельским беженцам (Декрет ВЦИК от 30.04.1923) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Некоммерческая интернет-версия. – Электрон. дан. – М: © КонсультантПлюс, 1992-2015. – URL: http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4497 (дата обращения: 12.01.2015).

[75] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Некоммерческая интернет-версия. – Электрон. дан. – М: © КонсультантПлюс, 1992-2015. – URL: https://www.consultant.ru/popular/conscccr/ (дата обращения: 12.01.2015).

[76] Верховный главнокомандующий РСФСР: Приказ от 14.12.1917 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Некоммерческая интернет-версия. – Электрон.

рабочим, солдатам и крестьянам: *Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд* ***берет власть в свои руки***[77] и др.).

Рассмотренные дискурсивные выражения реализуют стилистически релевантный эффект ритуализованной трансляции ценностно ориентированной советской политической позиции.

Все указанные свойства позволяют рассматривать данные единицы как стилистические ресурсы советского политического дискурса.

3. Советский политический дискурс в рамках процессов ритуализации знака формирует особые **дискурсивные формулы** – политические речевые клише. Их статус дискурсивных стилистических ресурсов подтверждается частотным, интенционально однотипным употреблением в политических текстах соответствующего периода. Так, речевая модель *по линии НКВД / по линии органов / по линии наркомпроса / по партийной линии / ...*[78] многократно фиксируется в текстах политических документов, оформляющих репрессии в отношении иностранцев и этнических меньшинств, например, в оперативном приказе НКВД от 11.08.1937 № 00485: *Всю работу по разгрому "ПОВ" и всех остальных контингентов польской разведки умело и обдуманно использовать для приобретения новой агентуры* ***по польской линии***[79]; в тексте Ориентировки

дан. – М: © КонсультантПлюс, 1992-2015. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=5774 (дата обращения: 12.01.2015).

[77] Рабочим, солдатам и крестьянам: Обращение II Всероссийского Съезда Советов от 26.10.1917 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Некоммерческая интернет-версия. – Электрон. дан. – М: © КонсультантПлюс, 1992-2015. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=2924 (дата обращения: 12.01.2015).

[78] В советском тексте соответствующего периода единица *по линии* одинаково частотно употреблялась как в функции существительного (*по партийной линии*), так и в функции производного предлога с ослабленным семантическим содержанием (*по линии НКВД*).

[79] Приказ НКВД СССР от 11 августа 1937 № 00485 [Электронный ресурс] // РУНИВЕРС: Интенрет-проект. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147639&PORTAL_ID=6333&SECTION_ID=6333 (дата обращения: 12.01.2015).

УПВИ НКВД СССР №25/6519 от 29 июня 1941 г.[80]: *Объявляю для руководства и неукоснительного исполнения, установленные директивой НКО СССР №ВЭО/133 от 26 июня 41г. суточные нормы питания немецких военнопленных, содержащихся в местах лишения свободы* ***по линии НКВД*** *и в пути следования*; дважды фиксируется в директиве НКВД СССР и НКГБ СССР N 782/Б/265/М о задачах органов внутренних дел и госбезопасности от 1 марта 1941 г.: *...должны быть созданы на крупных железнодорожных станциях оперативные отделения и пункты Наркомата государственной безопасности, подчиненные наркоматам союзных и автономных республик, краевым и областным управлениям НКГБ по территориальности* ***(по линии контрразведывательных отделов)*** */ Освобождающихся работников* ***по линии ГЭУ и ГТУ*** *обратить на укрепление органов НКГБ и НКВД*[81] и под.[82]

Таким образом, в политическом дискурсе стабилизируются следующие виды речевых форм: цитатные речевые формы – прецедентные высказывания и

---

[80] Цит. по: Веремеев Ю. Г. Красная Армия и Вторая Мировая война [Электронный ресурс] // Анатомия Армии. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://army.armor.kiev.ua/hist/paeknem-plen.shtml (дата обращения: 14.08.2015).

[81] Цит. по: Тиранин А. М. Вназапная и ожидаемая. Документы Ленинградского управления нкгб-нквд ч.1 До начала войны [Электронный ресурс] // ArtOfWar. Творчество ветеранов последних войн. Сайт имени Владимира Григорьева. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://artofwar.ru/t/tiranin_a_m/text_0310.shtml (дата обращения: 14.08.2015).

[82] Данная речевая модель в незначительном количестве случаев обнаруживается и в современных текстах. Но в постсоветском дискурсе она, во-первых, обладает другими параметрами ограничения сферы употребления. В текстах, апеллирующих к советскому прошлому (например, в тексте об истории алтайской милиции, размещенном на сайте ГУ МВД России по Алтайскому краю в честь 65-летия победы в Великой Отечественной войне: *В развитие директивы партии и правительства* ***по линии НКВД*** *был издан соответствующий приказ… /* ***По линии наркомпроса*** *дополнительно открывались детские комнаты…* (http://22.mvd.ru/uvd/memory/victory/) и др.), она реализуется как текстовая поддержка апелляции к истории. В текстах документов органов внутренних дел России (*Оперативно-розыскная часть по линии налоговых преступлений* (http://www.mytyshi.ru/pravo/nalog/)) она используется как профессиональная речевая модель. Во-вторых, современная речевая действительность сохраняет употребление единицы *по линии*, в основном, только в функции производного предлога (помимо отмеченных выше случаев – фиксируется однотипное употребление в различных документах: *Направление первой группы студентов* ***по линии обмена*** *с Национальной академией таможни, акцизов и противодействия наркотикам (Индия)* (http://rta.customs.ru/rta/index.php?option=com_content&view=article&id=714:2011-03-11-12-08-51&catid=106:2011-03-11-11-43-49&Itemid=2090) и под.).

собственно цитаты, лексические дискурсивно-стилистические средства, дискурсивные формулы и дискурсивные выражения.

3.2.3 Фольклорный дискурс как источник полифонической организации текста личностно-ориентированного дискурса

3.2.3.1 Фольклорный дискурс как социально авторитетный

Цель **фольклорного** дискурса – «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» [Эмер, 2011, с. 33].

Специфика дискурсивной цели определяет особое положение фольклорного дискурса в системе коммуникативных сфер существования обыденного человека. Если его вступление в дискурс документа или в политический дискурс регулируется извне и воспринимается им как ответ на требование социальных институтов, то вступление в фольклорный дискурс есть реализация сложного взаимодействия (1) естественной, индивидуально-личностной потребности обыденного человека в коллективной идентификации, самоопределение в структуре социального пространства и (2) его восприятия фольклора как результата особой обработки коллективного знания.

С одной стороны, сущностным свойством фольклора является его коллективно-регулирующая функция – и в этом отношении фольклор выступает как общественный институт. С другой стороны – это институт особый, организующий жизненный порядок обыденного человека как члена непрофессионального коллектива. Вступление в дискурсивные практики фольклора осуществляется на добровольной основе, и, «выбирая тот или иной текст, исполнитель ориентируется не только на условия коммуникации, но и на свое внутреннее состояние, стремясь передать испытываемые чувства и эмоции» [там же, с. 29]. Понимание фольклора как коммуникативно ориентированной

формы культуры, как естественной сферы осуществления человека в конкретной социальной реальности [Адоньева, 2004, Богданов, 2001, Неклюдов, 2001 и др., Путилов, 1996, Секачева, 2001, Эмер, 2011 и др.] является для данной работы принципиальным.

Диктумное содержание фольклорного дискурса соответствует его интенциональной установке: его тексты обращаются к разнообразной (неспецифической) информации, связанной с разрешением значимых для обыденного человека проблем, и предлагают их решение с позиции специфических ценностных установок фольклорного коллектива, реализованных в дискурсивном модусе. Фольклорный диктум отличается тем же качеством информационной открытости, что и диктум личностно-ориентированных дискурсов.

Все вышесказанное определяется особым положением фольклорного дискурса по отношению к социальной роли обыденного человека. Вступление в фольклорный дискурс, осуществляемое на добровольной основе, не связано с внешними социальными требованиями **уточнения социально-ролевой позиции**. Обыденный человек, транслируя фольклорный текст, **присоединяется к позиции человека фольклорного** (как субъекта (агента) фольклорного дискурса). При этом субъект фольклорного дискурса и обыденный человек, транслирующий фольклорную речь, «не одна и та же персона» [Адоньева, 2004, с. 54]. Последний «не образует смысл своего высказывания, а усматривает его в нем, особым образом организуя отношения между собственным опытом и дискурсивными стратегиями, данными ему для его организации» [там же, с. 55].

Коллективная природа фольклорной традиции предполагает особое положение обыденного человека как клиента фольклорного дискурса. Агент фольклорного дискурса всегда выступает от имени традиции. Обыденный человек, вступая в фольклорный дискурс, эту традицию воспроизводит. При этом обыденный человек как клиент дискурса воспринимает традицию как «общую», а значит, в том числе, и «свою». Присоединяясь к ее положениям, он воспринимает фольклорный дискурс как обладающий **конвенционально заданным**

авторитетом, при этом «обращается» с фольклорными высказываниями «как со своей личной собственностью» [Якобсон, 1996, с. 98]. Это кардинально отличает их восприятие от восприятия речевых форм рассмотренных выше дискурсов, усвоение которых основано на требованиях социальных институтов и опыт использования которых получен под влиянием социальных обстоятельств. Социальный авторитет фольклора особый – сформированный при непосредственном участии обыденного человека, **внутренний**, поэтому его восприятие им однозначно **истинное**.

Важно отметить, что рассмотренное положение обыденного человека по-разному характеризует его по отношению к «своему» и «чужому» фольклору.

Фольклорный дискурс неоднороден. Обыденный человек участвует в дискурсивных практиках той части национального фольклора, которую он осознает как «свой» фольклор на основании собственной принадлежности к определенной субкультуре: «в фольклоре удерживаются только формы, функционально пригодные для коллектива, который является его автором и потребителем» [Секачева, 2001].

Исследователи указывают на сосуществование в настоящее время **двух фольклорных систем**, одна из которых «принадлежит среде с господствующим фольклорным сознанием и фольклорным способом сохранения и передачи культурной традиции. Другая функционирует в среде, культура которой определяется письменной, «ученой» традицией» [Путилов, 1994, с. 46-47].

Некоторые признаки среды «с господствующим фольклорным сознанием» можно обнаружить в культуре жителей современной деревни, в первую очередь – ее старшего поколения. Безусловно, современная крестьянская культура активно подвергается влиянию тех же тенденций, что и городская: современные информационные системы играют в ее развитии столь же активную роль. При этом специфика существования на ограниченной территории, разомкнутость границ личного пространства, обеспеченная условиями проживания и особенностями деятельности, приводят к тому, что информационный обмен

внутри коллектива оказывается не менее активным, чем обмен с внешней ему культурной средой.

Современный фольклорный дискурс продуцирует тексты, рассчитанные на определенную аудиторию, дифференцированную по возрастному, половому, профессиональному и др. признакам. Современный фольклор представляет собой «коллаж», «монтаж образов, стереотипов, формул, пришедших из различных письменных, устных, визуальных источников информации» [Богданов, http://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm], в результате чего имеет место «информационная демонополизация социального знания и, вместе с тем, отчуждение памяти о таком знании от самого человека, инкорпорирование ее в многоразличие информационных составляющих повседневности» [там же].

С одной стороны, современный обыденный человек живет в культурной среде, обладающей «своим» фольклором. С другой – информационная структура современного общества позволяет ему извне осваивать и фольклор «чужой», востребуемый в институциональных (например, в образовательных) практиках.

Тексты «чужого» фольклора активно предъявляются обыденному человеку через посредство других – нефольклорных – информационных систем. Так, распространение «классического» фольклора институционализируется в рамках государственных программ «возвращения к истокам»[83] (например, в педагогическом дискурсе – как культурный слой, который «необходимо изучить культурному человеку»), что формирует к ним особое отношение обыденного человека, который, как ему представляется, «знает» традицию, но воспринимает ее в дифференциации от собственной естественной речевой среды. Институциональная опосредованность ограничивает распространяемые фольклорные тексты как количественно, так и содержательно, нарушая внутреннюю информационную структуру фольклорной системы. В результате в процессе обращения к таким текстам усиливается установка на отношение к ним как к «древним», «ушедшим» (отсюда широкая палитра их восприятия обыденным человеком: от усмотрения в них истоков родной культуры до

[83] Подробно об этом см., например, [Каргин, 2006].

эмоционального отторжения устаревших текстов; отсюда же длительно бытовавшая в профессиональной среде оценка фольклора как «умирающего», установка на его «сохранение»). Внешнее усвоение традиции соотносится с внутренним отчуждением от нее (подробнее – [Богданов, http://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm]).

Трансформируются и функции «своего» фольклора в культурной среде современного обыденного человека. В качестве приоритетной выдвигается функция социальной идентификации (см. работы К.А. Богданова, М.С. Кагана, А.С. Каргина, С.Ю. Неклюдова, Н.А. Хренова и др.). Информация о возможных моделях взаимодействия с миром приходит к современному обыденному человеку из различных информационных систем, и фольклор как источник такой информации уже не играет ведущей роли: «Важно не то, что тексты пословиц и быличек чему-то учат, а то, в качестве каких текстов они опознаются, это тексты «свои» или «чужие», «нормативные» или «ненормативные» [Богданов, http://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm].

Таким образом, фольклор, как неотъемлемая часть культуры, существует в любом обществе на любом этапе его развития, но его функции и его восприятие меняются в соответствии с социокультурным своеобразием фольклорного коллектива, со спецификой используемых им информационных систем.

Проблема обнаружения специфики фольклорной речи в сравнении с нефольклорной активно обсуждается в современной фольклористике (см. работы С.Б. Адоньевой, К.А. Богданова, С.Ю. Неклюдова, Б.Н. Путилова, С.Г. Лазутина, А.Т. Хроленко и др.). Если поэтические жанры демонстрируют специфику эстетического оформления через рифму, ритмическую организацию, большинство малых жанров – через особенности жестко заданной текстовой структуры, то многие прозаические жанры фольклора по своим формально-текстовым признакам оказываются слабо выделенными на фоне разговорной речи.

С.Б. Адоньева находит решение данной проблемы в области фольклорной прагматики. Вступление в фольклорный дискурс «обнаруживает резкую смену точки зрения говорящего» [Адоньева, 2004, с. 60], оформляемую переходом к

особому фольклорному «риторико-стилистическому регистру» [там же], который свойствен каждому фольклорному жанру, рассмотренному в прагматическом аспекте. Он определяет «внешнюю форму фольклорных жанров» и «обеспечивается устоявшимися в социуме формами взаимодействия» [там же]. Вступая в фольклорный дискурс, говорящий меняет свою позицию и ситуацию взаимодействия [там же] согласно жанровым требованиям. Жанровые требования характеризуют фольклорный «образ правильной речи», предполагающий воспроизведение готового жанрового текста (как действие в условиях максимального речевого контроля). Смена регистра, мотивированная переходом от производства речи к ее воспроизводству, эксплицируется говорящим вербально: *это как в том анекдоте…, частушку знаешь?* и под., интонационно: протяжно, торжественно и под., акционально: «исполнитель» занимает определенную позу, сопровождает исполнение особыми движениями, воспроизводит мелодию и под.

Отметим, что переход к собственно-фольклорным практикам далеко не всегда предполагает трансляцию фольклорного произведения целиком. Так, нередко говорящий «исполняет» фрагменты песен или частушек (*Баклажка – алюминиевая. Воду наливашь в нее. Фляжка. «**Буль-буль-буль, баклажечка походная моя**» – как в песне еще. У солдат раньше были* (СОГ) // *Поздравляю тебя с Новым годом! «**Сею-вею-посеваю, С Новым годом поздравляю!**»* (РРТ)), но при этом сохраняются жанрово-прагматические свойства текста, жанровые цели, продиктованные фольклорной традицией. Подобным образом можно квалифицировать не только рассказывание анекдота, но упоминание[84] уже известного участникам дискурса анекдота, если при этом сохраняется его развлекательно-игровая жанрово-прагматическая цель: *[1] А ты что в шапке так и будешь сидеть? [2] Помнишь **анекдот про девочку, которая теперь все время в каске ходит?** (Смех) [1] Хороший анекдот!* (РРТ) // *[В., жен] Давайте на*

[84]О формирующемся в современной речевой культуре жанре упоминания анекдота (условие функционирования – его известность слушателям), приходящем на смену жанру его рассказывания, – [Шмелева, Шмелев, 2005].

брудершафт/ [Ш., муж, 42] Нет/ ***ей пора замуж****/ [Н., жен]* ***Как в том анекдоте****/ [В., жен] Куда ты мою воду?* (НКРЯ).

Различные в жанровом отношении тексты фольклора объединяет общий дискурсивный **ценностноориентирующий (верифицирующий)** модус – типовой модусный смысл фольклорного дискурса, выраженный в фольклорных текстах, направленных на трансляцию ценностных установок с позиции фольклорного коллектива. Исследователи фольклора (С.Е. Никитина, А.Т. Хроленко и др.) неоднократно отмечают, что любой фрагмент картины мира в фольклоре ценностно окрашен: «для фольклора /…/ характерно описание мира как идеальной нормы, стабильного образца» [Никитина, 1993, с. 139]. Любое диктумное содержание в фольклорном тексте предстает как оценочно ориентированное, что, с одной стороны, сближает общий дискурсивный модус фольклора с типовым модусом политического дискурса (на сходство психологических и социальных механизмов политического и фольклорного «манипулирования» косвенно указывает К.А. Богданов [Богданов, 2001, с. 56]), а с другой – качественно отличается от него по интенциональному дискурсивному основанию. В результате, как показано выше, различается и восприятие политического и фольклорного модуса обыденным человеком.

Средством выражения общего дискурсивного модуса фольклора является эстетически значимая форма фольклорных текстов, а конкретно – их жанровые формы.

Каждый жанр фольклора транслирует коллективные ценности в особом формально-смысловом ракурсе – в соответствии с жанровой интенцией, уточняющей общую интенцию фольклорного дискурса. В результате общий ценностноориентирующий модус фольклорного дискурса конкретизируется в его жанрах, и на его основе формируются особые жанрово-стилистические модусы. Типовое диктумное жанровое содержание, поддерживаемое эстетически, реализуется как средство трансляции общего дискурсивного модуса. С другой стороны – жанровый диктум, эстетически закрепленный в типовом жанровом сюжете, становится формой реализации жанрового модуса.

Рассмотрим некоторые жанры в аспекте специфики представления в них модусно-диктумной организации содержания фольклорного дискурса.

Частушка представляет рассматриваемые ценности в «перевернутом» виде, формирую антинормативную жанровую картину мира (подробно об этом – в [Тубалова, Эмер, 2005]). Для этого в ней реализуется **оценочно-комический** модус (в основе – жанровая интенция осмеять антинормативное=негативное), который транслируется через описание антинормативной ситуации: *У меня миленков семь, Приходить велела всем. Лицемерила я им – Словам поверили моим* [Жили да были…, 1997, с. 88] // *Говорят, я боевая, В девках не останусь. Ну и горе тому будет, кому я достанусь* [там же, с. 86]. В силу жанровых свойств содержание описываемых в частушке ситуаций (частушечный диктум) как исполнителем (который не продуцирует, но воспроизводит текст), так и слушателем воспринимается как «смешное», не соответствующее заданному в системе фольклорных ценностей идеальному образу молодой девушки. Общефольклорный и собственно-частушечный модусы выражаются через специфику жанрового диктума (анормативные ситуации и отношения между типовыми представителями фольклорного социума), а также через систему собственно-жанровых конкретно-речевых средств – обязательных для всех частушечных текстов (рифма, ритм, мелодическое оформление и под.) и особых для данной жанровой формы (частушечные формулы – *у моего у милого* и под., особые лексемы – *матаня, миленок, дроля* и под.).

Жанровый модус **анекдота** имеет с модусом частушки определенные сходство и различие, в основе которых – сходство и различие жанровой интенции, позиции исполнителя по отношению к содержанию жанрового текста. Если исполнитель частушки воспринимает ее героя как «одного из таких, как он», а ситуацию – как антинормативную, то исполнитель анекдота жестко негативно воспринимает именно его героя («дурака», «подлеца» и под.), который через нетипичное поведение в типичной ситуации проявляет свои стереотипные негативные качества. Исполнитель анекдота принципиально дистанцируется от его героя (подробно об этом – в [Дементьев, Седов, 1998, Тубалова, Эмер, 2005,

Тюпа, 1993, Химик, 2002 и др.]). В связи с этим жанрово-стилистический модус анекдота можно обозначить как **оценочно-саркастический**[85]. Ведущая цель рассказывания анекдота – развлекательная, он воспроизводится говорящим «намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего» [Шмелева, Шмелев, 2002, с. 26], и чем активнее проявлен оценочно-саркастический модус, тем «смешнее» анекдот: *Читает как-то новый русский своему сыну сказку на ночь: «... И уехал так колобок от бабы и от деда на своем новеньком «Мерсике»...». – «Пап, так у колобка рук и ног не было! Чем он управлял?» – «Да кто его знает. Ну, допустим, банком...»*[86]. Стереотипный образ «нового русского» как героя серии анекдотов реализует отрицательную оценочность уже в своей номинации. Описание его анормального поведения в типичной ситуации (алогичного, «недетского» ответа на типовой «детский» вопрос в типовой ситуации рассказывания сказки) является средством выражения жанрового модуса на сюжетном уровне.

Жанрово-стилистический модус **пословицы** обозначим как **оценочно-дидактический**. Пословица кардинально отличатся от рассмотренных выше жанров прямой дидактической направленностью. Если частушка и анекдот представляют относительно развернутый сюжет, ситуацию, то пословица предлагает готовую формулировку (хотя и метафорически, иносказательно) «вывода» из совокупности типичных ситуаций: *Как аукнется, так и откликнется* («нужно относиться к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе») // *Не все то золото, что блестит* («содержание важнее формы») // *Один в поле не воин* («общими усилиями можно добиться лучшего результата»). Приведенная в

---

[85] Сарказм – «один из видов сатирического изобличения. Как и сатира, С. заключает в себе борьбу с враждебными явлениями действительности **через осмеяние ее**. **Беспощадность, резкость изобличения** – отличительная особенность сарказма. В отличие от иронии в сарказме находит свое **выражение высшая степень негодования, ненависть**. С. никогда не является характерным приемом юмориста, к-рый, выявляя смешное в действительности, изображает ее всегда **с известной долей симпатии и сочувствия** [выделено нами – И.Т.]» [Литературная энциклопедия, 1929-1939].

[86] Анекдоты про новых русских [Электронный ресурс] // Анекдотов.net. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://pda.anekdotov.net/nr/index-page-18.html (дата обращения: 01.01.2014).

скобках интерпретация пословичного смысла[87] показывает, что в фокусе пословицы как логического суждения (включенного в систему пословичного фонда культуры) находится не оценка, в основе которой – коллективные ценности, а сам перечень этих ценностей, к которым в коммуникативном процессе субъект обращается для выражения оценки. Все это позволяет говорить о эксплицитности не только оценочного компонента в модусе пословицы, но и дидактического (о реализации в пословице аксиологической и деонтической модальности – [Крикманн, http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf]). Конкретно-речевыми средствами трансляции жанрово-стилистического модуса пословицы являются текстовые жанровые признаки – лаконичность, емкость, метафоричность жанрового текста, его особая структурно-синтаксическая организация.

В отличие от рассмотренных выше дискурсов, жанровые модусы в фольклорном дискурсе играют более значительную роль – в силу поддержки эстетически значимой формой, узнаваемость которой является обязательным условием реализации общедискурсивной и жанровых интенций фольклорного дискурса.

Узнаваемость фольклорной жанровой формы задана наличием **устной традиции** – как части коллективной памяти, основанной на **знании** представителями **данного культурного сообщества** определенных вербальных моделей, предназначенных для фиксации определенной ценностно значимой информации. Именно традиция лежит в основе стабилизации фольклорных высказываний, используемых в качестве полифонических включений в инодискурсивном пространстве.

Кроме того, специфика отношения к фольклору в современном обществе (как к значимому компоненту национальной культуры) обеспечивает узнаваемость некоторых видов «чужих» фольклорных текстов, усвоенных в рамках институциональных практик.

---

[87] В каждом случае мы приводим один из возможных вариантов интерпретации, не претендуя на объективную истину: в коммуникативном процессе возможна реализация других вариантов.

Указанная специфика определяет способ участия речевых форм фольклорного дискурса в формировании инодискурсивной речевой среды. Рассмотрим их особенности.

3.2.3.2. Речевые формы фольклорного дискурса, направленные на междискурсивное распространение

1. В силу особого эстетического выдвижения фольклорных текстов **цитатные речевые формы** их стабилизации востребуются обыденным человеком наиболее активно.

При анализе речевых фрагментов, заимствованных из фольклорных произведений, термин «цитатные речевые формы» требует особых комментариев.

Содержание понятия «цитирование», предполагающего отсылку к конкретно-текстовому источнику, вступает в противоречие с понятием «фольклорный текст». Текст фольклорного произведения, в силу изустности существования, имеет особый статус в системе текстовых форм. С.Ю. Неклюдов подчеркивает, что «фольклорный текст не хранится в памяти сказителя в заученном виде /…/. При каждом исполнении текст **как бы заново монтируется** по определенным моделям (сюжетным, композиционным, жанровым) [выделено нами – И.Т.]» [Неклюдов, 2001, с. 2]. Подобным образом характеризует специфику фольклорного текстопорождения Г.А. Левинтон: «фольклорный текст это либо абстракция (отвлекаемая от вариантов, плод усилий исследователя), либо – потенция, которая воплощается лишь в момент исполнения (в результате действий исполнителя)» [Левинтон, http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton1.htm]. В связи с этим категория «отсылки к конкретному тексту» к фольклорному источнику не применима.

В когнитивных структурах коллективной памяти представителей определенного культурного сообщества фольклорный текст хранится как ««идея текста» или как конфигурация возможностей его построения (т.е. не на фенотекстовом, а на генотекстовом уровне)» [Неклюдов,

http://www.ruthenia.ru/folklore/avantext.html]. Эта «идея текста» обозначается С.Ю. Неклюдовым как «авантекст», который составляют жанровая модель, сюжетный каркас, тематические блоки, стилистические клише и пр. [там же]. Именно в связи с этим исследователи (Г.А. Левинтон, С.Ю. Нелюдов и др.) отвергают возможность применения категории интертекстуальности при анализе взаимодействия речевых форм **внутри** фольклорного дискурса.

Цитирование фольклора – результат переноса его речевых форм за пределы фольклорного дискурса. Но граница фольклорного дискурса определяется по особым основаниям.

«Цитатное» использование фольклорных высказываний, как и высказываний рассмотренных выше дискурсов, реализуется при его подчинении интенциональным установкам принимающего дискурса. Но при цитировании текстов институциональных дискурсов и при цитировании текста фольклорного действуют разные основания прецедентности. При цитировании текста институционального дискурса прецедентная установка формируется на основании изменения социальной и дискурсивной роли автора (автор текста-источника – агент институционального дискурса, «профессионал», автор результирующего текста – обыденный человек, который усвоил текст-источник в рамках опыта участия в институциональном дискурсе в качестве его клиента), кроме того, в качестве дополнительного основания выступает изменение дискурсивных условий (порождение и цитирование текста-источника дифференцировано по месту и времени и т.д.). Фольклорный текст характеризуется **установкой на воспроизводство** уже в рамках его внутридискурсивной трансляции, реализующейся в соблюдении жанровых законов, действующих при переходе к фольклорному регистру (по С.Б. Адоньевой).

Фольклорный дискурс обладает значительно меньшим, чем другие институционально организованные дискурсы, количеством конвенциональных ограничений на реализацию его практик. Переход к фольклорным практикам осуществляется вне изменения социальной роли говорящего, вне требований институционального регулирования – как к любым неинституциональным

практикам. Данный переход осуществляется в рамках тесного переплетения собственно-фольклорных и бытовых дискурсивных практик обыденного человека. В связи с этим определение границ использования фольклорных речевых форм в качестве полифонических включений личностно-ориентированных дискурсов и собственно-фольклорного исполнения фольклорных жанровых форм представляет собой отдельную проблему.

Прецедентное использование фольклорного высказывания маркируется (1) разрушением жанровых законов его трансляции, диктуемых традицией (разрушением авантекста), (2) установкой обыденного человека на апелляцию к традиции, а не на ее воспроизводство. Подобное его использование имеет место в речевых условиях, не предполагающих экспликацию этой традиции (за пределами фольклорного дискурса). При этом прецедентность формируется по отношению к традиции, к ее жанровому проявлению, к авантексту, а не к конкретной текстовой форме. Только в этом случае фольклорное высказывание выступает в функции полифонического включения.

Различные фольклорные жанры обладают различным потенциалом «цитатного» (в обозначенном выше смысле) междискурсивного распространения.

Специфическую позицию занимает пословица. Участие в повседневном речевом процессе на правах элемента порождаемого текста является ее функцией, заданной спецификой жанра, и входит в структуру жанровой интенции: «пословицы в их нормальном обиходе функционируют не как лозунги, «настенные стихи» или книжные авторские сентенции, а составляют некие элементы обычной связной речевой коммуникации» [Крикманн, http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf]. Жанровая цель пословицы – фиксация коллективных ценностей, заданных традицией, в лаконичной, эстетически значимой форме, обеспечивающей ее комфортное включение в нефольклорный речевой процесс. При этом половица, в отличие от других фольклорных жанров, не обладает возможностью самостоятельного существования – ее жанровый потенциал реализуется только в нефольклорной речевой среде (насколько органичной выглядит интенция «давайте рассказывать

анекдоты», «давайте петь частушки» и под., настолько абсурдной представляется подобная интенция применительно к пословице). Подобная жанровая установка на когнитивном уровне размывает дифференциацию между процессом «воспроизведения» пословицы как целостного фольклорного текста и ее «цитирования» как способа апелляции к фольклору. Это позволяет нам считать пословицу одним из видов фольклорных прецедентных высказываний.

Указанные свойства пословицы определяют высокий уровень ее востребованности в самых различных речевых сферах, «жизненность» жанра.

Жанровые принципы пословицы, обеспечивающие ее комфортное распространение, становятся собственно-текстовым (формальным) основанием стабилизации прецедентных высказываний из других фольклорных жанров. Внешним основанием является известность текста всем участникам дискурса – как результат отношения к общей фольклорной традиции. Эти высказывания, с одной стороны, апеллируют к более развернутым фольклорным жанровым формам и не могут быть «прочитаны» вне знакомства с целостным «текстом», а с другой – включаются в нефольклорный речевой процесс по принципам, приближенным к использованию пословицы.

В основном, стабилизации такого типа подвергаются высказывания из жанров «своего» фольклора. Помимо *пословицы*, обладающей максимальным цитатным потенциалом, значительное количество прецедентных высказываний образует *анекдот* – как один из наиболее востребованных жанров современного фольклорного дискурса.

Как и пословица, анекдот занимает особое положение в процессах цитирования/исполнения фольклорного текста. Основанием для этого является (1) специфика принципов его прагматического использования и (2) специфика его текстовой формы.

(1) Прагматика анекдота предполагает возможность его органичного включения в естественный речевой процесс (если для пословицы это

обязательное жанровое свойство, то для анекдота – одна из форм реализации[88]). Исследователи характеризуют особую коммуникативную природу данного жанра как одновременно элемент художественной словесности и специфический речевой жанр бытового социально-коммуникативного взаимодействия [Дементьев, Седов 1998 и др.].

В случае, когда экспликацией анекдота (или его фрагмента) управляет «ассоциативный принцип возникновения в сознании рассказчика темы, которая связана с речевым контекстом» [Дементьев, Седов, 1998, с. 84], речевая форма анекдота приобретает в личностно-ориентированном дискурсе статус полифонического включения (представляющего собой собственно цитату или совмещающего принципы исполнения и цитирования; последнее имеет место при развернутости формы, полнотекстовом характере воспроизведения, наличии особых метатекстовых маркеров, указывающих на связь с речевым контекстом).

(2) Особому растворению речевой формы анекдота в личностно-ориентированном коммуникативном контексте способствует свойство его текстовой формы совмещать признаки фольклора и разговорной речи, что позволяет К.Ф. Седову называть анекдот «жанровым кентавром» [там же].

Стабилизации, определяющей прецедентное использование речевых форм анекдота, в основном, подвергаются высказывания из анекдотов, которые за счет отношения к традиции получают способность сохранять связь с авантекстом вне процесса их исполнения и, тем самым, передавать общую идею текста анекдота в особой компактной форме. Важным условием для этого является наличие в тексте анекдота речевого фрагмента, особо выделенного на фоне его общей разговорной текстовой структуры. Этот фрагмент может быть выделен либо за счет особой формы – ритмико-интонационного оформления (*Я когда пья-а-аная – такая ду-у-ура…*), парадоксальности лексической сочетаемости (*Чукча не читатель – чукча писатель!*) и под., либо за счет парадоксальности его смыла (*Чукча не читатель –*

[88] Другая форма его реализации – собственно-исполнительская – маркируется сигналами «давайте рассказывать анекдоты», «что-то грустно… расскажите уже анекдот» и под. Ситуацию «давайте рассказывать пословицы» в личностно-ориентированном общении представить сложно.

чукча писатель! // Этих отмоем или новых нарожаем? // Вы еще подеритесь, горячие эстонские парни!).

Другие современные фольклорные жанры в прецедентных высказываниях, зафиксированных нами, представлены не многочисленно[89].

Специфика современного информационного пространства создает условия для цитатного обращения и к «чужому» фольклору. При этом тексты «чужого» фольклора, предъявляемые через посредство институциональных дискурсов иного типа (литературно-художественного, педагогического, политического, рекламного и др.), усваиваются как внешние речевой сфере обыденного человека речевые формы. Их жанровое идейно-символическое содержание во многих случаях воспринимается редуцированно – ровно настолько, насколько позволяют возможности информационных каналов их популяризации. В результате их использование в качестве источников цитирования менее частотно, ведущую позицию при формировании цитатной установки занимает внешняя форма, обладающая узнаваемостью и воспроизводимостью, отличная от формы результирующего текста.

Так, в современных личностно-ориентированных дискурсах редко, но используются как источники полифонических включений классические деревенские *частушки*. В первую очередь, их присутствие в системе цитатных фольклорных источников современного горожанина объясняется спецификой их содержания (антинормативная модель мира, установка на комический эффект, эксплуатация семантики низа и др.), вызывающего к ним повышенный обывательский интерес.

Высказывания из других жанровых форм классического фольклора в качестве цитатных полифонических включений в современной речевой среде

---

[89] Необходимо уточнить, что, безусловно, фольклорный цитатный потенциал современного обыденного человека не ограничивается прецедентными высказываниями из названных жанров, но значительную роль в его структуре играют цитаты из фольклора особых относительно закрытых субкультур, освоенных субъектом в процессах специфического дискурсивного опыта (медицинский фольклор, фольклор профессиональных коллективов, туристический фольклор, фольклор студенческий строительных отрядов и под.). Идентифицировать их в задачи данного исследования не входит.

обыденного человека практически не используются (о некоторых других – не цитатных по структуре – типах полифонических включений из классического фольклора – см. далее). Исключение составляют пословицы и поговорки, которые, даже в случае опосредованного характера их проникновения в цитатный фонд обыденного человека, в основном, сохраняют свои исходные свойства: *[№ 1, муж, 23] Все это из-за нефти. [№ 6, жен, 50] Конечно. [№ 0] Еще есть какие-то другие мнения по поводу того / как следовало бы поступить с этим человеком? [№ 5, муж, 38]* ***Не нужно лезть*** */* *<u>как у Макаревича в песне</u>* */* ***в чужой монастырь со своим уставом****. Народ / он сам разберется. Мое мнение таково* (НКРЯ).

Таким образом, прецедентными высказываниями фольклорного дискурса, интенционально ориентированного на воспроизводство текста, можно считать речевые фрагменты, демонстрирующие апелляцию к традиции в речевых условиях, не предполагающих установку на ее экспликацию (за пределами фольклорного дискурса).

Фольклорный дискурс для реализации речевой прецедентости предлагает особую жанровую форму – пословицу, которая, с одной стороны, формируется внутри данного дискурса, а с другой – получает дискурсивную реализацию только в нефольклорной речевой среде. Принципы использования пословицы как стабилизированного в целях дискурсивного распространения прецедентного высказывания используются при цитировании текстов других жанров, высказывания из которых уже не могут быть «прочитаны» вне исходного текста.

Принципы стабилизации фольклорных высказываний, источниками которых является «свой» и «чужой» фольклор, различаются. «Свой» фольклор формирует прецедентные высказывания, в большей степени **сохраняя** различные (в первую очередь – содержательные) качества источника.

2. Рассмотрим принципы стабилизации речевых форм, созданных на базе фольклорных **дискурсивных стилистических ресурсов**

Содержательная значимость фольклорных форм закрепляется в их эстетической значимости – стилистические ресурсы фольклорного дискурса на

семиотическом уровне обладают эстетической маркированностью. В связи с этим представляется релевантным сравнение стиля художественной речи и стиля фольклорного.

Стиль художественной речи «использует средства всех других стилей, в том числе и типичные для них» [Кожина и др., 2008, с. 393], но на уровне речевой системности «эти средства выступают в измененной функции – в эстетической, образуют иную системность» [там же]. Фольклорный стиль предполагает наличие эстетически оформленного стилистического содержания фольклорных речевых форм на системно-дискурсивном уровне (на уровне фольклорного дискурса). Данное свойство фольклорного слова, фольклорной формулы отмечено в целом ряде исследований [Артеменко, 1985, 1988, 2004, 2006 и др., Хроленко, 1976, 1979, 1992, 2008, Цивьян, 1973 и др.].

2.1. Стилистически маркированные **лексические** единицы фольклорного дискурса делятся на две категории: 1) единицы, выстраивающие новые концептуально значимые смыслы [Артеменко, 2006] и приобретающие «значимость и соответственно новые валентности в пределах некоторой замкнутой, жестким образом организованной системы» [Цивьян, 1973, с. 13] (языка фольклора) на основании трансформации смысла единиц обыденного языка; 2) единицы собственно-фольклорные, созданные в рамках фольклорного дискурса.

Единицы первого типа реализуют свое специфическое содержание и проявляют функции дискурсивного знака только в пределах фольклорного дискурса. Так, примеры трансформации значения единиц, опираясь на исследования языка фольклора С.Г. Лазутина, С.Е Никитиной и Е.Ю. Кукушкиной, Т.В. Цивьян, П.П. Червинского, приводит Е.Б. Артеменко: «в слове *дом* возобладал семиотический смысл «центр своего мира» /…/ Лексема *береза* выступает носителем символического концепта «девушка, молодое женское начало»» и др. [Артеменко, 2006, с. 139]. Их общеупотребительные речевые аналоги не обладают внутренним свойством отсылки к фольклорному дискурсу.

Единицы второго типа, напротив, обладают выраженными свойствами знаков фольклорного дискурса, сохраняя устойчивые связи с дискурсом-источником на **содержательном** и **формальном** основании при трансляции в инодискурсивную среду. Именно такие единицы в инодискурсивных условиях обладают способностью выступать в функции полифонического включения.

В первую очередь, к ним относятся лексические единицы, созданные в рамках фольклорного дискурса как особые лексемы (например, собственно-частушечные *миленок, матаня, дроля* и др.) и лексические идиоматизированные словосочетания (*диво дивное, буйный молодец* и др.). Эти единицы и за пределами фольклорного дискурса сохраняют апелляцию не только к содержанию фольклорного источника в целом, но и к конкретному жанру (как, например, приведенные частушечные единицы) или группе жанров, близких по характеру задаваемого модуса (как приведенные идиоматизированные словосочетания, отсылающие, в первую очередь, к сказке, возможно, лирической песне, но *не* к частушке). Сохранность такой дифференциации за пределами фольклора определяется ограниченностью жанровых сфер употребления подобных единиц в самом фольклорном источнике.

Кроме того, в качестве особых единиц, имеющих фольклорную природу, выступают лексические речевые формы, созданные в результате соединения несоединимых вне фольклорного контекста лексем (*злато-серебро, знать-ведать, турецкий-немецкий* и др.). А.Т. Хроленко характеризует последние как созданные по модели расширения границ фольклорного слова за счет особого семантического единства некоторых формально дифференцированных единиц [Хроленко, 1976, с. 33].

Единиц такого типа маркируются в толковых словарях с помощью специальных помет («фольклорное», «народно-поэтическое» и под.) либо прямых указаний на сферу их происхождения («в фольклоре», «в народной словесности» и под.). Такая маркированность свидетельствует об их проникновении в нефольклорную речевую среду – с одной стороны – и сохранении связи с источником – с другой. При этом фиксация в толковых словарях, в большинстве,

касается единиц, вошедших в нефольклорную речевую среду через посредство институциональных информационных каналов популяризации фольклора.

Так, толковые словари фиксируют собственно-фольклорный статус единицы *девица* («**В народной словесности**: девушка, деви'ца. Д.-красавица. Красная д. (часто в ласковом обращении) [выделено нами – И.Т.]» [РСС, 1998]), *матаня* («Фольк. Возлюбленный» [ПССГ, т. 2, 1993, с. 137]), специфику употребления в рамках обладающего фольклорным статусом словосочетания единиц *буйный* («Фолькл. Буйный молодец, буйная головушка и т. п.» [БАС, т. 1, 1950, с. 673]), *диво* («Народно-поэт. Диво дивное» [БАС, т. 3, 1954, с. 779]), *белый* («**Постоянный эпитет** лебедя (**в фольклоре** и литературных подражаниях ему) [выделено нами – И.Т.]» [БАС, т. 1, 1950, с. 379]). Иллюстративный материал демонстрирует либо результат включения фольклорной единицы в нефольклорную речевую среду («МАТАНЯ /.../ Он кавалер, она барышня его. Вон моя матаня идет. «Парами» и сейчас говорят. Вон идут на пару» [ПССГ, там же] // «БУЙНЫЙ /…/ А какой я был сорванец, буйная головушка, вы и представить себе не можете. Чех.» [БАС, т. 1, 1950, с. 673]), либо представляет пример ее употребления в фольклорном тексте («ДЕ'ВИЦА /…/ Д.-красавица. Красная д. (часто в ласковом обращении)» [РСС, 1998] // «МАТАНЯ /…/ Чей это дом, чья это усадьба? Колокольчики гремят, у матани свадьба (частуш.)» [ПССГ, там же]).

Стабилизируясь в качестве знаков дискурса, фольклорные речевые формы, созданные на базе лексических ресурсов дискурсивного стиля, закрепляют особые стилистические модусы, в основе которых – ценностно ориентированное представление действительности в фольклоре, отношение к фольклору как информационной системе, представляющей модель идеального мира.

Отдельно отметим, что лексические речевые формы фольклора, созданные в его рамках, в большинстве, реализуются в структуре особых, также спродуцированных в фольклоре, фразеологических выражений, которые могут быть рассмотрены как дискурсивные выражения (*девица-красавица, диво дивное, белый лебедь* и др.). В силу жесткой обусловленности фольклорных дискурсивных выражений особым дискурсивным содержанием формирующей их

лексической речевой формы, а также в силу их последовательной структурной связанности, отдельно дискурсивные выражения фольклорного дискурса мы не рассматриваем.

2.2. **Дискурсивные формулы** (фольклорные речевые клише) играют наиболее значительную роль в процессе формирования фольклорного жанрового стиля. Становясь основой реализации мнемотехнического механизма изустного распространения фольклорного текста, стереотипность формы в фольклоре «является едва ли не основной стилевой доминантой» [Росовецкий, 2003, с. 8], при этом «формульность фольклора – это своеобразный эстетический «фильтр», через который крестьянин [а также носитель любой фольклорной традиции – И.Т.] пропускает впечатления действительности и результаты её собственной интерпретации» [там же]. Таким образом, фольклорные дискурсивные формулы выполняют функцию смыслообразующую: «формульные стереотипы служат в фольклоре языковым субстратом, материальной оболочкой культурных символических концептов» [Артеменко, 2006, с. 146], что определяет их статус особых знаков дискурса. Так, формула троекратного повторения в сказке транслирует представления о модели гармонии, становится сигналом результативности фольклорного действия; многочисленные частушечные формулы (*у моего у милого… // говорят, я боевая… // наши … ребята* и под.) содержательно задают модель жанрово обусловленного антинормативного представления действительности, в основе которого – представления об идеальной модели существования фольклорного коллектива (подробнее – [Тубалова, Эмер, 2005]).

Таким образом, в качестве дискурсивных стилистических ресурсов фольклорного дискурса выступают его стилистически маркированные единицы и дискурсивные формулы. Специфика их формирования определяется их особой ролью в реализации мнемонического механизма распространения фольклорного текста – его изустной трансляции.

Выводы к главе 3

Текст устных личностно-ориентированных дискурсов – как особой информационно открытой коммуникативной сферы, свободной от институционального регулирования, – обладает способностью междискурсивного обращения к иноречевым формам самого различного типа. При этом интерпретирующая роль дискурсов такого типа в процессах адаптации иноречевых форм к новой интенциональности достаточно высока. Обращение к ним осуществляется на основании отношения обыденного человека к социальному авторитету их источника.

Социально авторитетными для обыденного человека являются, с одной стороны – система усвоенных им норм и правил социального регулирования, выработанных на государственном уровне, а с другой – типовые нормы и правила речевого поведения, усвоенные им в процессах повседневной внеинституциональной деятельности. В систему таких норм и правил входят правила дискурсивные, получающие внешний и внутренний социальный авторитет.

Внешним социальным авторитетом обладают институциональные дискурсы, подверженные государственному регулированию, – в том числе, дискурс документа и политический дискурс. Авторитет дискурсов, институционализация которых осуществляется независимо от государственной поддержки (в том числе – фольклорный дискурс), а также авторитет иных по отношению к дискурсу реализации ситуационных личностно-ориентированных дискурсов для обыденного человека является внутренним.

Объективация социального авторитета дискурсов в полифоническом тексте осуществляется субъектом личностно-ориентированного общения двумя способами: (1) основанном на обращении к стабилизированным в дискурсе-источнике речевым формам – таким способом он объективируется в виде стилистико-ресурсных полифонических включений и прецедентных

высказываний; (2) основанном на единичном использовании текстового фрагмента источника, не стабилизированного в нем – таким способом он объективируется в виде собственно цитат.

Внешний авторитет, сформированный вне участия обыденного человека, может быть воспринят им как истинный или как ложный. Внутренний авторитет всегда воспринимается как истинный.

Распространение социального авторитета осуществляется через системно и ситуативно стабилизированные дискурсом речевые формы. Характер его восприятия обыденным человеком (истинный/ложный) влияет на характер их употребления в результирующем тексте.

Различные социально авторитетные дискурсы обладают различным потенциалом внутреннего и внешнего распространения речевых форм. Особенности дискурсивной интенциональности социальных дискурсов-источников определяют специфику их роли в структуре социального взаимодействия, задающей характер восприятия обыденным человеком их социального авторитета. Специфика дискурсивного стиля социальных дискурсов формирует специфику их ориентированности на внутреннее и внешнее распространение речевых форм. В совокупности эти два качества источников играют ведущую роль при формировании полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов, образованного при обращении к ним.

Внешний социальный авторитет дискурса документа воспринимается обыденным человеком либо как истинный (источник доверия, социальной безопасности, нормативности, обеспечивающей стабильность и комфортное существование), либо как ложный (ограничивающий свободу естественного человеческого существования). Такое восприятие основывается на личностно-ориентированной интерпретации модуса официальности, включающего модусы объективности и императивности. Оценочно индифферентный модус источника получает оценочное переосмысление. Интенция политического дискурса, наоборот, задает внутридискурсивную оценочность его стабилизированных речевых форм. Обращение к его авторитету в личностно-ориентированных

дискурсах требует от обыденного человека занять определенную политическую позицию. При согласии с позицией источника внешний социальный авторитет политического дискурса воспринимается как истинный (политическая власть как основа общественной консолидации или дифференциации «своих» и «чужих»), при ее неприятии – как ложный (также противопоставление «своих» и «чужих», где «свои» – те, кто критически относится к политической власти, а «чужие» – власть и ее сторонники). Такое восприятие основывается на личностно-ориентированной интерпретации модуса идеологически ориентированной эмоциональной оценочности.

Социальный авторитет фольклорного дискурса является внутренним и воспринимается обыденным человеком исключительно как истинный, конвенционально заданный, так как сформирован при непосредственном его участии. Восприятие фольклорного дискурса обыденным человеком обнаруживает сходство с восприятием политического дискурса – в варианте трактовки его авторитета как истинного, что проявляется в сохранении и выдвижении закрепленных в фольклоре ценностей (общий дискурсивный модус – ценностноориентирующий). В основе такого сходства – интенционально заданная установка политики и фольклора на распространение своей ценностной позиции, на выражение в дискурсивной картине мира идеальной модели бытия (дискурс документа – констатирующий, не ориентированный на идеал).

Модусная ориентированность институциональных дискурсов выражается в специфике их дискурсивного стиля. Стиль дискурса документа соответствует высокому уровню формальности общения и речевого контроля. Его отличает четкость дискурсивных границ, стандартность, стабильность и узнаваемость речевого воплощения. Дискурс документа не продуцирует сильных текстов. Его речевые формы активно тиражируются внутри дискурса и не ориентированы на внешнее распространение. Стиль политического дискурса реализует установку его агентов на публичное манипулятивное представление смысла. Он характеризуется стремлением к ритуализации текстовых форм, особым выдвижением модусно нагруженных единиц, обладающих узнаваемостью и

воспроизводимостью за счет их афористичности, высоким уровнем манипулятивно обусловленной мобильности. Политический дискурс активно продуцирует сильные тексты и обладает высоким уровнем прецедентности. Он открыт для инодискурсивного проникновения, а его речевые формы активно тиражируются за его пределами. Стиль фольклорного дискурса выражается в виде особой речевой организации фольклорных жанровых форм. Стиль жанров фольклорного дискурса характеризуется эстетической обработанностью речевой формы, обеспечивающей ее узнаваемость и воспроизводимость. Узнаваемость фольклорной жанровой формы обыденным человеком задана наличием устной традиции – как части коллективной памяти, основанной на знании представителями данного культурного сообщества определенных вербальных моделей, предназначенных для фиксации определенной ценностно значимой информации.

Стилистические качества рассматриваемых дискурсов определяют специфику речевых форм, транслируемых в личностно-ориентированные дискурсы. Если дискурс документа не распространяет цитатные речевые формы, то политические и фольклорные цитаты используются в тексте личностно-ориентированных дискурсов регулярно. При этом политические собственно-цитатные единицы сохраняют связь с источником только на содержательном основании, а в политических прецедентных высказываниях (политические лозунги, фрагменты политических песен, афористичные высказывания политических лидеров и под.) содержательная связь поддерживается ритуализацией их формы. Это сближает их с фольклорным цитированием, обнаруживающим эстетическое выдвижение смысла. Наиболее активно все рассматриваемые дискурсы распространяют структурно мобильные лексические дискурсивно-стилистических средства: дискурс документа – специальные термины и словосочетания терминологического характера, не имеющие общеупотребительных речевых аналогов и оформляющие общий процесс делопроизводства; политический дискурс – лексические единицы, (а) созданные в рамках политического дискурса для номинирования особых понятий, вошедших в

употребление на основании особой идеологии, или (б) трансформированные в рамках политического дискурса в целях их идеологизации; фольклорный дискурс – собственно-фольклорные лексические единицы и лексические идиоматизированные словосочетания. Речевые формы такого типа сохраняют связь с дискурсом-источником как на содержательном, так и на формальном основании. Кроме того, все рассматриваемые дискурсы с разной степенью активности формируют дискурсивные формулы и дискурсивные выражения. Дискурс документа в качестве дискурсивных формул регулярно стабилизирует речевые клише, отражающие эталонный способ подачи информации в тексте документа. Значительно реже формируются политические речевые клише, интенционально однотипно употребляемые в политических текстах. Фольклорные формулы – характерный признак фольклорного стиля, но они редко распространяются за его пределы. Если дискурсивные формулы документа сохраняют связь с источником на исключительно формальном основании, то соответствующие ресурсы политического и фольклорного дискурсов в инодискурсивном окружении апеллируют к ним не только формально, но и содержательно. Дискурсивные выражения активно продуцируют дискурс документа и политический дискурс, но их внутренняя организация кардинально различается. В дискурсе документа они имеют композитивную структуру, отражающую «подстановку» дискурсивно стабилизированной лексической единицы в дискурсивную формулу. В политическом дискурсе они обладают внутренней целостностью и представляют собой идиоматичные выражения, закрепляющие идеологическую оценку и эмоциональный пафос политического дискурса.

В следующей главе рассматривается, каким образом выявленные речевые формы институциональных дискурсов участвуют в формировании полифонического текста устных личностно-ориентированных дискурсов.

Глава 4. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах

Цель данной главы – представить специфику полифонической организации текста личностно-ориентированного дискурса.

Логика представления результатов исследования строится на основании анализа дискурсивных факторов, обеспечивающих формирование говорящим образа правильной речи, ориентированного на запрашивание определенного типа полифонических включений из определенного дискурса.

Как уже отмечалось, согласно качеству дискурсивной интенции результирующего дискурса мы, в первую очередь, разделяем дискурсы практической и интерпретационной направленности (гл. 2).

В личностно-ориентированных дискурсах практической направленности **условия для запрашивания инодискурсивных речевых форм не создаются**, используются отработанные в личностно-ориентированной сфере относительно стандартные речевые модели, наиболее востребованные при решении текущих практических задач, на которых сосредоточена когнитивная деятельность субъектов.

Дискурсы, направленных на интерпретацию реальности, гдевербализуемый обмен фактами и мнениями имеет самостоятельное значение, наоборот, создают условия для активного разнообразия текстовой формы, в том числе для **привлечения инодискурсивных речевых форм**.

Приоритет использования инодискурсивных речевых форм в личностно-ориентированных дискурсах интерпретационной направленности косвенно подтверждается количественными подсчетами. Безусловно, большинство проанализированных записей устной разговорной речи (1936 текстов, в которых зафиксировано 2675 рассматриваемых речевых форм), отражают речевую деятельность в рамках дискурсов интерпретационной направленности. Текстов, зафиксированных в рамках дискурсов практической направленности, – значительно меньше (около 140). В основном, это тексты, полученные при

использовании методики включенного наблюдения – в процессе совместной работы. Но отсутствие рассматриваемых речевых моделей в них показательно.

Таким образом, обращение обыденного человека к инодискурсивным речевым формам в личностно-ориентированном общении является частью его интерпретационной дискурсной деятельности. Личностно-ориентированные дискурсы практической направленности условий для использования инодискурсивных речевых форм не создают.

4.1 Факторы, обеспечивающие специфику формирования полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах интерпретационной направленности, и подходы к анализу

К дискурсивным факторам, оказывающим наиболее последовательное влияние на формирование полифонического текста русских устных личностно-ориентированных дискурсов интерпретационной направленности, относятся (1) факторы, заданные спецификой дискурса – источника полифонической организации текста, и (2) факторы, заданные спецификой результирующего дискурса, формирующего полифонический текст.

Среди них выделяются как факторы, определяющие формирование полифонического текста независимо от сферы общения, так и факторы, определяющие его формирование в дискурсах рассматриваемого типа.

Проанализируем эти факторы. Обозначим подходы к анализу, основанные на направленности их действия.

1. Специфика **дискурса-источника** определяет **потенциал** речевых форм, которые могут быть реализованы в полифоническом тексте за пределами этого дискурса. На его формирование влияют факторы (1.1) модусно-диктумного содержания дискурса-источника и (1.2) его дискурсивного стиля. Эти факторы являются универсальными для формирования полифонического текста в дискурсах любого типа.

1.1. Учет специфики **модусно-диктумного содержания источника** основывается на положении об особом взаимодействии диктумного и модусного компонентов содержания дискурса, его дискурсивной картины мира (раздел 1.3.2 главы 1). В содержании дискурса – как информационном потенциале для инодискурсивного обращения – диктум дискурса предстает в особой модусной конфигурации. Дискурсивно обусловленной стабилизации подвергается содержание в единстве его модусно-диктумных компонентов. Это содержание мы рассматриваем как точку отсчета его возможных трансформаций в процессах междискурсивного распространения.

1.2.**Дискурсивный стиль** – как процесс обработки и вербализации информации в дискурсе – определяет специфику дискурсивно заданного выбора вербальных форм стабилизации обозначенного выше содержания. Результативной стороной этого процесса является совокупность речевых форм дискурса (как продуктов его дискурсивного стиля), способных транслировать его модусно-диктумное содержание за его пределы. Вербальные единицы такого типа мы рассматриваем с исследовательской позиции как знаки формальной связи между результирующим дискурсом и дискурсом-источником. На основании их формальной связи устанавливается связь содержательная.

Количественные показатели привлеченных к анализу иноречевых форм из выбранных для анализа дискурсов-источников отражены в таблице 4.

2. Следующая группа факторов отражает свойства **результирующего дискурса**, определяющие процесс порождения текста, полифоническая организация которого зависит от того, (а) зачем формируется текст, (б) о чем этот текст и (в) кто его порождает. Соответственно, к ним относятся (2.1) интенциональный фактор, (2.2) диктумный фактор и (2.3) фактор социально-речевого типа субъекта результирующего дискурса.

Таблица 4 – Количество инодискурсивных речевых форм в текстах личностно-ориентированных дискурсах различного типа – в соответствии с их источником.

№		всего			Повседневные дискурсы			Неповседневные дискурсы		
		ДД[90]	ПД[91]	ФД[92]	ДД	ПД	ФД	ДД	ПД	ФД
1	Инодискурс-х речевых форм	2675			475			2356		
2		922	1573	110	115	277	83	864	1465	27
3	Стилистико-ресурсных	2084			379			1846		
4		939	1136	9	115	255	9	864	982	0
5	Цитатных	591			96			510		
6		0	490	101	0	22	74	0	483 (78 соб/ц)	27
7	Случаев употребления иноречевых форм	3972			767			3205		
8		1763	2046	118	115	561	91	1648	1485	27
9	Случаев употребления стилистико-ресурсных речевых форм	3309			666			2643		
10	Случаев употребления цитатных речевых форм	663			101			562		

2.1. **Интенциональный** фактор – специфика интенции текстопорождения. Ее учет основывается на положении о социально обусловленном взаимодействии субъектных (2.1.1) и дискурсивных (2.1.2) интенций (раздел 1.1 главы 1). Этот фактор также является для формирования полифонического текста универсальным.

2.1.1. Процесс формирования текста определяется **субъектной интенцией**, реализуемой в конкретном ситуационном дискурсе. Несмотря на активность действия в дискурсах любого типа, этот фактор проявляет себя в личностно-ориентированных дискурсах наиболее значительным образом.

Данный фактор влияет (А) на выбор и модусную интерпретацию речевых форм источника; (Б) на способ их представления в результирующем тексте.

---

[90] ДД – включения из дискурса документа.
[91] ПД – включения из политического дискурса.
[92] ФД – включения из фольклорного дискурса.

(А) Для воплощения субъектной интенции в дискурсе говорящий обрабатывает информацию и организует вербальнуюформу представления результатов обработки, в том числе с использованием иноречевых форм. Выбор иноречевой формыосуществляется в соответствии с ее заданными в дискурсе-источнике свойствами (факторы 1.1 и 1.2), определяющими ее функциональные возможности в результирующем тексте.

При употреблении субъектом результирующего дискурса речевой формы источника стабилизированное в ней модусное содержание в зависимости от интенциональной обусловленности ее использования может нейтрализовываться или сохраняться.

В случае **сохранности** модуса дискурса-источника субъект результирующего дискурса использует его для интенционально обусловленной реализации **оценочного** компонента модусного содержания результирующего текста. В основе формирования позитивного/негативного оценочного компонента – позиция говорящего по отношению к социальному авторитету дискурса-источника (как к истинному или ложному).

Сохранение модуса источника может быть выражено в его «**копировании**» или дискурсивно обусловленной **трансформации.**

Модели реализации модусного содержания дискурса-источника в результирующем тексте и функции полифонических включений, в качестве которых использованы его речевые формы, мы выявляем на основании сопоставления их контекстуального модусного содержания с модусным содержанием источника, стабилизированном в них.

(Б) Рассмотрим влияние фактора субъектной интенциональности на способ представления речевых форм источника в результирующем тексте.

В процессе интенционально обусловленной дискурсной деятельности субъекта содержание инодискурсивных речевых форм может быть подвергнуто или не подвергнуто **выдвижению**.

Категория выдвижения трактуется на основании понятия информационного фокуса высказывания Т.А. ван Дейка. Его формирование представляет собой «акт

выбора объекта для того, что может быть названо «специальной обработкой» вниманием», в результате чего «объект, находящийся в фокусе, выделяется из множества других объектов, образующих его «окружение» (environment) или «периферию» (fringe)» [Дейк, 1978, с. 315-316]. Термин «выдвижение» заимствуется из положений стилистики декодирования И.В. Арнольд (где под выдвижением понимаются «способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» [Арнольд, 1990, с. 62]) и связывается с особым качеством речевой формы, оформляющим информационной фокус.

Сосредотачивая внимание на деятельности субъекта, реализующего собственный полидискурсивный опыт и представляющего его в результирующем тексте, мы определяем **выдвижение содержания инодискурсивной речевой формы** как *результат* ***субъектной*** *дискурсной деятельности, представляющий инодискурсивный смысл, реализованный в содержательной структуре текста, как особо значимый*. Содержательное выдвижение смысла оформляется в виде особого структурного положения речевой формы как его носителя.

Информационные «объекты, находящиеся в фокусе, обрабатываются человеком сознательно» [Дейк, 1978, с. 316]. При этом их *речевоепредставление*, как особое *выделение* в тексте речевой единицы, может быть осознанным и неосознанным.

Особое структурное положение инодискурсивно речевой формы как результат **сознательной** деятельности субъекта по речевому оформлению выдвижения ее содержания может обеспечиваться цитатным положением (собственно цитата или прецедентное высказывание), сопровождаться метатекстовыми комментариями и особыми интонационными средствами, получать ироническое представление и под.

Неосознанное выдвижение содержания инодискурсивной речевой формы (как результат осознания субъектом значимости инодискурсивного содержания вне его связи с особой речевой «упаковкой») оформляется с помощью особых

контекстуальных сигналов, распределяющих статус смысловых элементов текста, – модальных конструкций с соответствующим значением (*безусловно, несомненно, действительно, в самом деле* и под.), уточняющих и выделительных частиц (*именно, точно, как раз, даже, все-таки* и под.) и др., особого интонационного оформления. В рамках такого выдвижения рассматриваемые речевые формы маркируют рематическую позицию в коммуникативной структуре высказывания.

2.1.2. Интенция говорящего субъекта, играющая определяющую роль в процессе формирования полифонического текста, реализуется особым образом в зависимости от коммуникативных условий ее осуществления. В связи с этим на процесс выбора и использования инодискурсивных речевых форм влияет также специфика **интенции дискурсивной**, рассматриваемой как проявление «власти дискурса» – с одной стороны, и как типовая для данного вида дискурса интенция – с другой.

На характер реализации субъектной интенции при производстве полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах влияет повседневный/неповседневный характер их протекания (раздел 2.3.3 главы 2). В **повседневных** дискурсах интенционально обусловленная деятельность субъекта по обработке инодискурсивной информации и ее вербализации осуществляется на основании типовых принципов формирования полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах. Эти принципы с учетом обозначенных факторов рассматриваются нами в разделе 4.2 данной главы. В **неповседневных** дискурсах, где привычные сценарии общения нарушаются, субъектная интенция, на основании которой формируется полифонический текст, реализуется с учетом направленности на восстановление дискурсивного порядка, прототипической формой которого являются сценарии общения в повседневных дискурсах. Принципы восстановления дискурсивного порядка имеют в неповседневном общении типовой характер. Эти принципы рассматриваются нами в разделе 4.3 данной главы.

Количественные показатели использования инодискурсивных речевых форм в повседневных и неповседневных личностно-ориентированных дискурсах представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Количественные показатели использования инодискурсивных речевых форм в личностно-ориентированных дискурсах различного типа

	всего	Повседневные дискурсы	Неповседневные дискурсы
Инодискурсивных речевых форм	2675[93]	475	2356
Случаев употребления иноречевых форм	3972	767	3205
Текстов, включающих иноречевые формы из рассматриваемых дискурсов	1936	656	1280

Анализ полифонической организации текста с учетом данного фактора предполагает разграничение дискурсов повседневных и неповседневных как его базовое основание. Мы разграничиваем их на основании экстралингвистических и собственно-текстовых признаков повседневного/неповседневного общения, описанных в разделах 2.3.3.2 и 2.3.3.3 главы 2.

Среди экстралингвистических признаков ведущую роль в процессе разграничения играют (1) признак публичности/непубличности общения и (2) признак латентной институциональности, которые, в свою очередь, определяют уровень комфортности общения.

Кроме того, дополнительными экстралингвистическими показателями квалификации личностно-ориентированных дискурсов как повседневных/неповседневных являются ролевые позиции коммуникантов – их внешнедискурсивные роли. Так, привычные сценарии дискурсивного поведения, как правило, реализуются при общении *бабушки* и *внучки*, *супругов*, *друзей* и под. Определенный дискурсивный дискомфорт сопровождает общение *родителей учеников* и *учителя*, *информанта* и *ученого-исследователя* и под.

[93]Цифра, отражающая общее количество зафиксированных иноречевых форм, не соответствует сумме речевых форм в личностно-ориентированных дискурсах различного типа, так как определенный круг полифонических включений фиксируется как в повседневных, так и в неповседневных дискурсах.

Собственно-текстовые признаки повседневных/неповседневных дискурсов являются результатом реализации специфики дискурсивного стиля. Эти признаки использовались для дополнительной верификации. Наиболее выраженные признаки отличают тексты неповседневных дискурсов (хезитации, проявление повышенного речевого контроля, непрямые, несубъектные формы выражения ролевой дифференциации и под.). Особые признаки характеризуют и тексты повседневного общения (прямые субъектные формы выражения ролевой дифференциации и под.) (приведенные признаки подробно описаны в разделе 2.3.3 главы 2).

Одним из собственно-текстовых признаков неповседневного общения является повышенная концентрация институциональных речевых форм и их особое использование, но выявление данного признака относится к одному из результатов данного исследования (одна из гипотез, получивших подтверждение), и в качестве базовых оснований анализа этот признак не использовался.

Представим характеристику привлекаемого к анализу материала на основании указанных базовых признаков. Для его первичной дифференциации выделим тип исследовательской позиции собирателя и отношение к ней собеседника-информанта.

Привлекаемые к анализу тексты были записаны:

(1) при общении информанта с филологом-собирателем, в том числе

(1.1) в рамках направленной беседы (исследовательская позиция собирателя известна собеседнику и актуальна для него);

(1.2) в рамках включенного наблюдения (исследовательская позиция собирателя неизвестна собеседнику);

(2) при общении информанта с социологом (также в рамках направленной беседы – исследовательская позиция собирателя также известна собеседнику и актуальна для него).

Охарактеризуем представленные формы общения в аспекте реализации в них базовых признаков повседневных/неповседневных дискурсов.

(1) Тексты, полученные при общении информанта с филологом-собирателем

(1.1) Тексты, полученные в рамках направленной беседы, зафиксированы исследователями в общении с информантами разного возраста, в городах и в сельской местности, в неофициальных условиях и на производстве.

На начальных этапах общение такого типа характеризуется признаками как латентной институциональности (филолог-собиратель воспринимается как представитель иной – «городской» / «столичной»/ «профессиональной» = социально-статусной – культуры), так и публичности (филолог-собиратель – незнакомый речевой партнер, «чужой»; результаты общения могут быть «описаны в книжке», «переданы другим ученым» и под.). Кроме того, рассказывая о своей жизни, информант чувствует себя не только отдельной личностью, но и представителем «поколения», «деревни», «передового предприятия» и под., т.е. испытывает особую ответственность за текст, произносимый от имени определенного культурного коллектива. Тексты, записанные на начальных этапах такого общения, характеризуются как тексты **неповседневных дискурсов**.

В процессе развития общения эти признаки могут как остаться активными, так и нейтрализоваться.

Так, тексты, записанные в городской среде, в основном – на рабочем месте информантов (РРЗ, РРСВ и др.[94]), отражают сохранение указанных признаков на всем протяжении общения (в целом, судя по объему текстов, недлительного – «не успевающего» настроиться на личностный контакт). В тематической структуре общения превалируют социально-производственные микротемы (возможно, собиратель не стремится направить общение в бытовую сферу). Многие информанты – руководители определенного уровня (*бригадир, начальник цеха, помощник начальника участка шахты* и под.), партийно-комсомольские лидеры (*депутат, секретарь парторганизации* и др.), и на рабочем месте они стремятся поддерживать официальную направленность общения, чувствуя

[94]Список источников и маркирующих их сокращений прилагается.

соответствующую социальному статусу ответственность за свой город и за свою производственную структуру перед «гостями из столицы». Не последнюю роль играет и время фиксации текстов такого типа (в большинстве – 1970-1980е гг.), когда политическая осведомленность и официальность общения имели особый социальный престиж.

Напротив, выраженную нейтрализацию указанных признаков в процессе развития общения, в большинстве, демонстрируют тексты, записанные в непроизводственных условиях (СОГ, АГ, РРТ, РРР, РМ и др.). Длительность общения в неофициальной обстановке, акцент на личностные аспекты обсуждаемой тематики в совокупности с профессиональным стремлением исследователя «разговорить» информанта приводит к установлению личного контакта.

При общении с информантами старшего поколения нейтрализации указанных признаков способствует фактор возрастной разницы собеседников. Информант начинает проявлять покровительственно-дидактические интенции, усиленные тем, что тематика общения в большинстве случаев обращается в бытовую сферу и связана с теми областями жизни информанта, которые он воспринимает как «свои», как «личный опыт», которым он делится с собирателем как с «младшим по возрасту», принимая внутридискурсивную роль «знатока». Исходный социальный статус исследователя теряет для собеседника актуальность. Тексты, записанные на неначальных этапах такого общения, характеризуются как тексты **повседневных дискурсов**.

(1.2) Методика включенного наблюдения нейтрализует влияние дискурсивной роли «филолога-собирателя» на характер получаемого материала. Признаки публичности и латентной институциональности проявляются или не проявляются в соответствии с условиями общения, вне зависимости от дискурсивной роли собирателя. Среди текстов, собранных в рамках включенного наблюдения, можно выделить тексты как повседневных, так и неповседневных дискурсов.

Наличие/отсутствие текстовых признаков повседневного/неповседневного общения определяется, в первую очередь, внешнедискурсивными ролевыми позициями участников общения.

Тексты **неповседневных дискурсов** формируются в условиях личностно-ориентированного общения речевых партнеров, институциональный статус которых (признак латентной институциональности) сохраняется в силу их неблизкого знакомства. В ряде случаев дискурсивный дискомфорт усиливается за счет множественности участников общения (признак публичности). Сохранение институционального статуса участников общения определяется его целью и тематикой (например, в ситуации общения родителей учеников и учителя после родительского собрания, направленного на неофициальное продолжение обсуждения школьных проблем).

Тексты **повседневных дискурсов** формируются в условиях личностно-ориентированного общения речевых партнеров, ролевые отношения которых сложились в пресуппозиции общения, вне институциональных ролей. В основном, это дружеское и семейное общение (например, в НКРЯ на это указывают особые показатели разметки – «тип текста: *домашние разговоры*, *разговор за игрой в карты, разговор подруг*» и под., – а также обозначение участников общения – «бабушка» / «внучка» и под.).

(2) Тексты, полученные при общении информанта с социологом, представлены в НКРЯ с показателями разметки – «источник: *Фонд «Общественное мнение»*»; «тип текста: *беседа с социологом на общественные / социально значимые темы*». Это тексты, полученные в результате применения социологических методик сбора информации, предполагающие ответ участников фокус-групп на открытые вопросы по социально актуальным темам [Ослон, 2003]. Содержание таких методик предполагает участие в беседе с социологом людей, спонтанно включенных в состав фокус-группы, в основном, незнакомых между собой (методика описана в [Ослон, 2003]). Такие тексты также отражают признаки дискурсов, характеризующихся как латентной институциональностью (социолог как представитель некоторой институциональной инстанции), так и

публичностью (во-первых, в беседе участвуют более двух коммуникантов: фокус-группа – 8-10 человек [там же], во-вторых, все они, включая социолога, не связаны личными отношениями). Отметим, что, несмотря на осознание участниками беседы институционального статуса социолога («поллстера»), организаторы опроса «разговаривают с респондентами, предполагая, что примерно так люди разговаривали бы, или, может быть, даже разговаривают между собой, обсуждая те или иные аспекты социальной реальности» [Ослон, 2006]. Таким образом, такое общение не может быть определено как институциональное, но и не является повседневным – в силу обозначенных признаков.

2.2. Следующий фактор результирующего дискурса, определяющий формирование полифонического текста, – **диктумный**. Этот фактор также является универсальным для формирования полифонического текста в дискурсах любого типа, но на текст личностно-ориентированного дискурса его влияние особо активно – в силу неограниченности диктумного содержания.

При этом в любом дискурсе он оказывает влияние на форму реализации субъектной интенции, что проявляется в двух аспектах.

(А) Дикутмное содержание результирующего дискурса отсылает / не отсылает к диктумному содержанию дискурса-источника.

Содержание результирующего дискурса, образующего полифонический текст, может быть ориентировано как на институционально значимую, так и на бытовую тематику. В зависимости от этого использование речевых форм источника может быть мотивировано либо не мотивировано потребностью говорящего в номинировании институционально значимого диктума. Особую роль в реализации данной потребности играет наличие/отсутствие его дискурсивно-нейтрального обозначения, представляющее полифоническое включение либо как единственно возможную номинацию, либо как результат дискурсивно обусловленного выбора речевой формы.

(Б) Диктумное содержание результирующего дискурса отсылает к содержанию, выработанному и получившему модусную интерпретацию в особых

дискурсах, либо к содержанию, обладающему наддискурсивной личностной и социальной значимостью.

Инодискурсивные полифонические включения могут участвовать в формировании полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов для фиксации содержательных элементов двух типов:

(1) содержательных элементов, заданных в дискурсивных картинах мира социально авторитетных дискурсов-источников, для которых рассматриваемые речевые формы становятся носителями этого содержания (результаты анализа их реализации представлены в разделах 4.2.1 и 4.3.1);

(2) содержательных элементов общекультурной и/или этнокультурной картин мира, обладающих наддискурсивной значимостью, для которых рассматриваемые полифонические включения становятся удобной формой представления наддискурсивного содержания (результаты анализа их реализации приведены в разделе 4.4).

2.3.Еще один фактор результирующего дискурса, определяющий формирование полифонического текста, – фактор **социально-речевого типа субъекта** результирующего дискурса, выделяемого на основании специфики полидискурсивного опыта, уровня владения эпистемологическими моделями его освоения и применения. Этот фактор является специфическим для дискурсов рассматриваемого типа в силу их информационной открытости, выраженной направленности на речевое разнообразие, обусловливающие активность обращения к иноречевым формам.

Действие данного фактора направлено на степень дифференцированности образа правильной речи, включающего использование дискурсивно стабилизированных речевых форм, на уровень речевого контроля в процессах формирования полифонического текста. Анализ его действия представлен в разделах 4.2.2 и 4.3.2 данной главы.

4.2 Полифонический текст в повседневных личностно-ориентированных дискурсах

В данном разделе рассмотрим специфику формирования полифонического текста в повседневных дискурсах на основании отношения содержания используемых субъектом инодискурсивных речевых форм к их содержанию в источнике (4.2.1), а также на основании специфики их использования субъектом определенного социально-речевого типа (4.2.2)[95].

4.2.1 Полифоническая организация текста повседневного личностно-ориентированного дискурса как результат обращения к содержанию дискурсов-источников

В повседневных дискурсах речевое поведение субъекта развивается по привычным сценариям общения. Говорящий ориентируется на многократно отработанный образ правильной речи, не требующий использования особых речевых форм для восстановления порядка дискурса.

Свободный от необходимости использовать модусные смыслы дискурса-источника для восстановления порядка дискурса результирующего, субъект

(1) привлекает его речевые формы для реализации собственно-информативной функции, нейтрализуя модусы дискурса-источника,

(2) использует эти модусы для реализации несобственно-информативных субъектных интенций, не ограниченных условиями дискурса и регулярно эксплицируемых в нем, – оценочных(в том числе оценочно-иронических), создания эффекта убедительности и под.

Рассмотрим специфику трансформации модусов дискурса-источника в повседневных личностно-ориентированных дискурсах на материале

[95] Об отдельных аспектах использования речевых форм источника в личностно-ориентированном общении см. [Тубалова, 2008, 2009а, 2009б, 2010а, 2010б, 2011, 2014, 2015].

полифонических включений из дискурса документа, политического и фольклорного дискурсов.

4.2.1.1 Нейтрализация модусов дискурса-источника

Подчиняясь собственно-информативным субъектным интенциям, речевые формы политического дискурса и дискурса документа в повседневных дискурсах регулярно используются при нейтрализации модусов источников. Социальный авторитет этих источников сформирован на государственном уровне и воспринимается обыденным человеком как внешний по отношению к нему. К его экспликации повседневные дискурсы требований не предъявляют, и при отсутствии особых – неинформативных – субъектных интенций их использование направлено только на выражение институционально значимого диктума, приобретающего для говорящего личностную значимость.

Вступление в **дискурс документа** для обыденного человека хоть и обусловлено социальной необходимостью, но выражено в практиках непосредственного участия, определяемого личностным импульсом (требования производственной деятельности, документирования личной биографии и под.). В некоторых социально обусловленных (институциональных) ситуациях обыденный человек самостоятельно продуцирует тексты дискурса документа, предварительно осваивая дискурсивные правила текстопорождения. В результате его речевые формы становятся кодом описания жизни отдельной личности в социальном контексте, и их использование обыденным человеком для номинирования институционально значимого диктума органично встраивается в структуру личностно-ориентированного, в том числе повседневного, общения.

Собственно-информативное использование полифонических включений дискурса документа в повседневном общении связано с нейтрализацией модуса официальности – в основном, в этом случае говорящий привлекает полифонические включения, не имеющие дискурсивно-нейтрального обозначения, номинируя институционально значимое диктумное содержание.

Собственно-информативную функцию выполняют стилистико-ресурсные (в основном – лексические) полифонические включения: *[Ольга, жен, 38] После аптеки я решила зайти еще к одной своей знакомой. Тоже давно не виделись. Мы с ней вместе работали / а потом она нашла другую работу. Взяла здесь* ***административный отпуск*** *и устроилась на новую работу. А у нее кстати в это время в гостях была еще одна знакомая. Ее я тоже долго вообще не видела. Я ее даже не сразу узнала* (НКРЯ) *//Да / у басов хуже долетает / я читала.* ***Высокие частоты*** *далеко летят / а басы / нет* (НКРЯ). Использование полифонических включений из дискурса документа в приведенных примерах мотивировано обращенностью информационного содержания результирующего дискурса к институционально значимому диктумному содержанию источника, выработавшего для него соответствующую номинацию. Социальный авторитет дискурса-источника не востребуется субъектом, образ правильной речи предполагает использование рассматриваемых речевых форм при отсутствии альтернативного варианта номинирования.

Речевые формы дискурса документа в повседневном общении могут использоваться в собственно-информативной функции (также реализуя единственный вариант номинирования), даже если общая эмоционально-насыщенная смысловая структура текста ориентирует на восприятие его социального авторитета как ложного. Так, характерной для повседневного общения является интенция обыденного человека «пожаловаться на обилие работы» или «пожаловаться на бюрократию» (негативнооценочная интенция). Установка на то, что работа и институциональные инстанции мешают обыденному человеку жить «свободно», – достаточно активна: *Это закончится – там другое начнется! Бюрократы эти, знаешь, надоели! Очередь отстой,* ***бланки заполни, резолюцию получи****, у всех подпиши! А они как издеваются: «не тот* ***номер договора****»…* (РРТ). Несмотря на выраженно негативное восприятие социального авторитета дискурса документа обыденным человеком, негативная оценка в результирующем тексте выражается за пределами активно используемых полифонических включений (*Бюрократы эти, знаешь, надоели; как издеваются*).

Не маркируют они и императивность источника, являющуюся основанием негативного восприятия его социального авторитета: этот модус источника выражается в грамматическом оформлении предикатов как форм повелительного наклонения. Использование полифонических включений внутри приведенного текста определяется не его общей оценочной интенцией, а подчиненной ей иерархически интенцией информативности (введение информации, мотивирующей оценку: иллюстрирующей проблемы бюрократической системы). Отсутствие экспликации модусного содержания источника в речевых формах дискурса документа подтверждается их введением в перечислительную конструкцию наряду с дискурсивно-нейтральным компонентом (*у всех подпиши*).

Таким образом, ведущую роль в процессах нейтрализации модуса дискурса документа при использовании его стабилизированных речевых форм в тексте повседневных дискурсов играет потребность говорящего в номинировании институционально значимого диктума при отсутствии общеупотребительных аналогов (фактор диктумного содержания результирующего текста, взаимодействующий с факторами диктумного содержания источника и потенциала существующих для его номинирования стабилизированных речевых форм), проявленная при реализации информативных интенций (фактор субъектной интенциональности).

Обращение к **политическому дискурсу** в большинстве случаев оказывается опосредованным множеством информационных каналов, в соответствии с его манипулятивной природой настойчиво проникающих в личностное пространство обыденного человека извне: в первую очередь – через СМИ, а также в рамках различных политических мероприятий (выборы, пикеты, в советской политической культуре – политинформация, партсобрание, сельский сход и под.). Собственного опыта участия в политических практиках в качестве агента дискурса у обыденного человека нет – он не продуцирует политические тексты, но активно воспринимает их, обращаясь к политике в личностно-ориентированных практиках.

В связи с исторической конкретностью политического дискурса **стилистико-ресурсные** полифонические включения из него используются как знаки кода описания политической истории социума в целом. Обращение к ним в личностно-ориентированном общении связано с реализацией ведущих субъектных интенций двух видов: (1) информативных и (2) оценочных (подчеркнем, речь идет о ведущих интенциях, к которым в процессе развития дискурса могут подключаться остальные – на правах дополнительных).

Политически значимый диктум при реализации названных интенций занимает разное положение в содержательной структуре текста: (1) периферийное (в центре – бытовая, производственная и др. информация неполитического характера); (2) центральное (в центре – информация о событиях социально-исторического характера, трактуемых говорящим с позиции «осведомленного»).

Нейтрализация оценочного модуса дискурса-источника имеет место в рамках реализации как информативной (чаще), так и оценочной субъектной интенции. Разные варианты проявления этих интенций связаны с разным обоснованием такой трансформации.

(1) Информирование (1.1) о событиях неполитического характера (политический диктум – на периферии) при отсутствии дополнительных интенций не фокусирует когнитивную деятельность субъекта на оценке политической позиции дискурса-источника: *А потом де-то в тридцать седьмом или в тридцать… в тридцать шестом, я уже работала, на пасеке, в тридцать седьмом году соединили два колхоза. А чё соединили: председателя колхоза* ***по линии НКВД*** *забрали, нашего, «Мысли пахаря» это колхоз…* (СГсб1)// *А я, между прочим, в школе хорошее, очень хорошее образование получила, потому что у нас в деревне было много* ***репрессированных, ссыльных****, и они учителями в школу устраивались. Были, между прочим, среди них ученые люди…* (РРТ). В первом примере лексическое полифоническое включение *НКВД*, встроенное в дискурсивную речевую формулу *по линии…*, используется как оценочно-нейтральное, номинируя периферийный для данного текста элемент диктумного содержания (в фокусе – информация о личной биографии говорящего).

Оценочный модус дискурса-источника говорящий игнорирует в силу его коммуникативной не значимости. Во втором примере политический статус лиц также не обладает коммуникативной значимостью: на первом месте – способ их проникновения в жизненное пространство говорящего, который на периферии смысловой структуры высказывания представляется как политически мотивированный. Идеологически ориентированный эмоционально-оценочный модус источника в процессе междискурсивного взаимодействия нейтрализуется, и обоснованием его нейтрализации является периферийный статус политически значимого диктума в информационной структуре текста. Как и при собственно-информативном использовании речевых форм дискурса документа, социальный авторитет дискурса-источника не востребуется субъектом, образ правильной речи предполагает выбор рассматриваемых речевых форм в силу отсутствия альтернативного варианта номинирования.

Наиболее кардинальный характер нейтрализации модуса источника полифонические включения из политического дискурса проявляют при их привлечении в качестве «беспристрастных» бытовых маркеров эпохи (темпоральности), к которому располагает темпорально-событийная конкретность дискурса-источника (политический диктум – в максимально периферийном положении). В данной функции эти речевые формы практически нейтрализуют связь с политическим источником и представляют его дискурсивно значимый диктум как идеологически нейтральный: *Тут и родилась. Только что не совсем здесь, вот, а там деревня была та – Кухтерин, – еще построенная при* ***царизьме*** (АГ) // *В начале* ***советской власти*** *ещё сохранилась эта у их обитель-то. Дом моленный. Ходили они туда* (НКРЯ) // *[Жена, жен] Она так шить особенно не умела / она была белошвейка. [Респондент, муж, 85] Она* ***до революции*** *белошвейкой была* (НКРЯ) // *Наше первое озеро / оно очень глубокое / оно ключевое / когда-то* ***до революции*** *вокруг этого озера были частные купальни* (НКРЯ).

Информирование (1.2) о событиях социально-исторического характера предполагает центральное положение политически значимого диктума. Оно

может осуществляться говорящим в двух коммуникативных планах: (а) с позиции внешнего повествователя (как правило, повествование такого типа направлено на события, не касающиеся говорящего лично) или (б) с позиции лично заинтересованного повествователя (говорящий либо принимал участие в описываемых событиях, либо активно переживал их в роли наблюдателя).

(а) В первом случае нейтрализация модуса источника обеспечивается установкой говорящего на объективно-фактологическое повествование, в результате чего политический статус представляемого события заменяется его социально-историческим статусом. Подобная установка не характерна для повседневного общения, примеры единичны. Как правило, такие интенции в повседневном общении носят подчиненный характер по отношению к другим, более органичным для дискурсов рассматриваемого типа: *[Студент1, муж, 18] Да…Ну и нафиг ты мне рассказал всё? [Студент2, жен, 19] Всё? [Студент1, муж, 18] Я теперь знаю / что одного из героев точно прибьют. [Студент2, жен, 19] Ну если учесть / что главный герой / главнокомандующий* ***белой армией*** */ Колчак который / то логично было бы предположить/ что он точно в живых не останется/ так как / как ты знаешь /* ***красные*** *тогда победили. [Студент1, муж, 18] А / ну да… ну я бы все равно надеялась до последнего на «хэппиэнд». Это же кино. [Студент2, жен, 19] Да…сиди учебники читай по истории* (НКРЯ). В данном тексте выделенные речевые формы, спродуцированные в дискурсе-источнике как политически ангажированные, предстают как оценочно-нейтральные. Социальный авторитет дискурса-источника в этом случае также не востребуется субъектом, образ правильной речи предполагает использование рассматриваемых речевых форм как удобную, отработанную форму номинирования диктума (именно в такой речевой форме обыденный человек чаще всего получал информацию о соответствующих фрагментах действительности из собственно-политических и пересекающихся с ним на периферии источников). При этом исторически информативный фрагмент текста участвует в оформлении бытовой оценочной позиции говорящего, органичной для повседневного общения.

(б) Коммуникативный план лично заинтересованного повествователя даже при ведущем характере информативной интенции требует от говорящего занять определенную позицию, совпадающую либо не совпадающую с позицией источника. В результате полной нейтрализации оценки полифонические включения из политического дискурса сопротивляются, но свойственный политическому дискурсу и стабилизированный в его речевых формах эмоционально-оценочный модус в повседневном общении может быть сведен к минимуму при согласии говорящего с политической позицией источника. В рамках презумпции согласия оценочное содержание речевых форм политического дискурса остается в пресуппозиции, политический пафос не эксплицируется, ведущую роль играет диктумное содержание полифонических включений: *[1] А* ***перестройку*** *– это Ельцин замутил? [2] Нет,* ***перестройка*** *– это Горбачев,* ***ускорение*** *еще… Это шок, у людей шоры с глаз упали! Россия* ***вышла на мировую политическую арену****. Мы к телевизорам прилипли, новости стали круглосуточно смотреть – интересно стало. Режиссеры стали сплошную чернуху снимать – теперь стало можно* (РРТ). В данном тексте говорящий не выражает свое отношение к перечисляемым политическим событиям прямо, а предъявляет ее сквозь призму бытового восприятия: о политических событиях говорящий информирует, а последовавшие за ними бытовые изменения – оценивает. В целом говорящий демонстрирует приятие изменений (*шоры с глаз упали, интересно стало, стало можно*), хотя имеет место и элемент неоднозначности оценки (*сплошную чернуху*). В контексте подобной трактовки модус политического дискурса для говорящего теряет релевантность, в результате его речевые формы либо нейтрализуют (*перестройка, ускорение*), либо проявляют оценочность слабо (*вышла на мировую политическую арену*).

(2) Ведущий характер оценочных интенций предполагает (2.1) позитивную оценку политических событий и (2.2) их негативную оценку.

При ведущем характере оценочной субъектной интенции модус источника подвергается нейтрализации значительно реже, причем позитивнооценочная интенциональность (2.1) подобных результатов не дает.

При реализации негативнооценочной интенции (2.2) нейтрализация стабилизированного в речевых формах политического дискурса идеологически ориентированного эмоционально-оценочного модуса становится не результатом его коммуникативно обусловленного игнорирования, а результатом дискурсивного сопротивления (по Т.ван Дейку [Дейк, 2013]) обыденного человека. Такой вариант использования речевых форм политического дискурса также не сопровождается субъектным выдвижением содержания, несмотря на контраст между выраженной идеологически-ориентированной оценочностью и оценочно-нейтральным употреблением. Образ правильной речи предполагает использование рассматриваемых речевых форм при разрушении идеологически ориентированной оценки, и в данном случае результатом разрушения является ее нейтрализация (другой вариант – аксиологическое переориентирование – рассмотрен в разделе 4.2.1.2). Рассмотрим текстовый фрагмент выраженной личностно-ориентированной тематики[96]: *Как **бедняк** сказал, всё. Всё в ясно. Вот он приходить и говорить: «Никихор Яковлич с попом, - говорить, - дружить». Ну, приезжають, там какие тряпки, лохмотки утащили. Чугунок на стол и ложку. Да. /…/ Ну и стали жить, стали жить, стали жить. Ну потом начала **кулачества**. Отца **раскулачили, осудили**. С попом дружил. А сейчас сколько их там в Москве, а? И их кормить надо. Кресты вот такие вот до самых колен. А почему же раньше отца осудили за попа? Год дали тюрьмы, **враг народа** был. Это було тут иде-й-то ли в тридцать третьем, втором, вот тут вот иде-й-то. И вот такие-то вот, ребята, было дела. Как начало **кулачество**, в общем, с двадцать пятого началося, ну, в общем, после революции, как начали вот это вот громить, как мало-мало чуть-чуть: «Ага, пойдём его заберём»* (НКРЯ). В целом данный текст носит выраженный оценочный характер, при этом позиция его автора по отношению к коллективизации с позицией официальной советской идеологии (как и в большинстве зафиксированных текстов) не совпадает. Советская идеологическая оппозиция «свой/чужой», внедрение которой предполагает раскол цельного деревенского коллектива, не находит внутреннего

[96] См. [Тубалова, 2011].

подтверждения «снизу», но созданные данной идеологией понятия требуют номинации, поэтому рассматриваемые включения употребляются, но в сугубо констатирующей функции. Лексическая речевая форма *бедняк* имеет в советском политическом дискурсе положительнооценочный модус, но автор рассматриваемого текста имплицитно выражает актуализацию противоположного оценочного полюса в его контекстуальной семантике. Остальные отмеченные в данном тексте лексические речевые формы политического дискурса (*кулачество, враг народа*: в дискурсе-источнике – отрицательнооценочный модус; *раскулачить*: в дискурсе-источнике – обозначение процесса, приводящего к социальной гармонии) утрачивают аксиологическую ориентированность. Так, при использовании характеристики *враг народа* (отметим, что особо значимо использование этой номинации дочерью по отношению к отцу, с политической оценкой которого она не согласна) в пресуппозиции остается как его содержание, заданное советским политическим дискурсом, так и смена оценочного полюса (характеристика человека как «невинно осужденного»). Данное полифоническое включение в приведенном контексте используется для информативной мотивации описываемой ситуации. Речевая форма *кулачество* используется, в первую очередь, для обозначения определенного исторического этапа в его бытовом восприятии. Таким образом, в приведенном тексте речевые формы советского политического дискурса *враг народа, кулачество* сохраняют только денотативное (диктумное) содержание, политически обусловленное модусное содержание нейтрализуется либо аксиологически переориентируется (*бедняк*). Нейтрализация оценочного модуса источника формируется на противопоставлении его идеологической позиции противоположной оценочной позиции субъекта результирующего дискурса. Авторитет дискурса-источника воспринимается как ложный. При реализации обозначенной интенции политический модус дискурса-источника нейтрализуется подобным образом достаточно регулярно: *[Почему Христа распяли?] Почему Христа роспяли? Дак ведь есть, ведь и теперь – почему Христа роспяли – потому что теперь-то ведь много* ***коммунистов*** *есть, а и раньше тожо розбойники были, дак вот и роспяли* (НКРЯ) // *А он, цыган этот*

самый, был в этим в ***активе*** *– обыскывал и писал на отца. А мне надо итить к нему поклоняться. А куды я денусь?* (РД) и др.

Итак, собственно-информативное использование полифонических включений из дискурса документа и политического дискурса в повседневном личностно-ориентированном общении, в первую очередь, связано с реализацией информативной субъектной интенции – представить диктумное содержание, получившее в источнике привычную, удобную для субъекта номинацию. В связи с этим в данной функции используются только стилистико-ресурсные, в основном – лексические, включения. В большинстве случаев говорящий обращается к ним в силу отсутствия альтернативного варианта выражения диктума. Модус официальности дискурса документа и эмоционально-оценочный идеологически ориентированный модус политического дискурса в этом случае не эксплицируются. При этом если модусное содержание дискурса документа в результирующем тексте нейтрализуется, то соответствующее содержание политического дискурса либо также нейтрализуется (реже), либо остается в пресуппозиции (чаще). В последнем случае собственно-информативное употребление полифонического включения связано с реализацией оценочной позиции субъекта по отношению к идеологической ориентированности дискурса-источника.

Большинство полифонических включений, используемых подобным образом, представляют собой выработанные в дискурсах-источниках речевые формы, не имеющие общеупотребительных аналогов (лексические формы и дискурсивные выражения).

Цитатные полифонические включения, обращение к которым для говорящего является результатом сознательной обработки заданного источником содержания, в собственно-информативной функции не употребляются. Прецедентные высказывания активно сопротивляются нейтрализации модуса источника в силу их особого стилистического оформления, поддерживающего осознанное выдвижение их содержания.

Подобная логика объясняет и отсутствие собственно-информативного употребления **фольклорных** полифонических включений. Фольклорный дискурс воспринимается говорящим как «свой», как продукт той же социокультурной среды, что и дискурс личностно-ориентированный, поэтому его речевая форма для субъекта четко дифференцированна, обращение к ней – всегда осознанно. Кроме того, по отношению к дискурсам повседневности фольклорный дискурс не имеет специфического дискурсивно значимого диктумного содержания, создающего условия для его собственно-информативного номинированияпри отсутствии общеупотребительных аналогов.

4.2.1.2 Междискурсивная трансформация модусов дискурса-источника

Не требуя обязательной экспликации социального авторитета дискурса-источника, повседневные дискурсы и не ограничивают обращение к нему в процессе реализации субъектных интенций. Сохранность/трансформация модусов институциональных дискурсов при обработке инодискурсивной информации, так же как и их нейтрализация, входит в стратегические программы стиля повседневного общения, направленные на реализацию повседневных субъектных интенций. Эти стратегии являются отработанными говорящим в процессах повседневного общения и направлены на поддержание привычного порядка дискурса. Запрашивание инодискурсивных речевых форм определяется в этом случае спецификой восприятия дискурса-источника обыденным человеком, сквозь призму которого он оценивает диктумное содержание, к которому он обращается. Таким образом, общий дискурсивный модус источника в повседневных личностно-ориентированных дискурсах становится инструментом реализации оценочных смыслов, используемых при выражении субъектной интенциональности. Полифонические включения оформляют два связанных между собой аспекта оценки: (1) оценку выражаемого ими диктумного содержания, проявленную через (2) оценку социального авторитета их источника.

Полифонические включения из дискурса документа

Полифонические включения из дискурса документа, сохраняющие/трансформирующие модус источника, по сравнению с речевыми формами политического дискурса (около 73% от общего количества рассмотренных случаев использования иноречевых форм), менее частотно (не более 15%) запрашиваются в повседневном общении. Модус официальности дискурса-источника активно сопротивляется проникновению его стабилизированных форм в устную (спонтанную) раскованную повседневную речь. Тем не менее, интенциональное многообразие повседневного общения допускает формирование ряда неинформативных субъектных интенций, при реализации которых обыденный человек использует полифонические включения из дискурса документа (интенциональный фактор), трансформируя их дискурсивно обусловленное модусное содержание, причем не только при номинировании дискурсивно нейтрального диктумного содержания, но и при номинировании институционально значимого диктума (диктумный фактор). Но и в этом случае субъект всегда чувствует их диссонансное положение по отношению к продуцируемому тексту и сознательно оформляет их как формы выдвижения.

На основании восприятия социального авторитета дискурса документа как **истинного** в повседневном личностно-ориентированном общении формируются различные позитивнооценочные смыслы, которые оформляются при использовании полифонических включений. Модус дискурса-источника подвергается при этом активной трансформации, основанной на его выдвижении.

Наиболее последовательно полифонические включения из дискурса документа реализуют указанный смысл при реализации субъектной интенции, направленной на **достижение эффекта убедительности**: *Г.О.: Давление / я вот щас читал // Там сказано ясно / от всей шийсят (шестьдесят) болезней / и моть (может быть) / от каждой болезни подниматься давление // Надо врачу сначала ее везти / понятно? // Надо* ***компле́ксно*** *лечиться / по́няла?К.П.: (передразнивает) Компле́ксно // (Смеется) (Все смеются)* (РРУ2). В данном

случае выбор речевой формы, воспринимаемой говорящим как «официальная», обусловлен обращением к дискурсу-источнику как социально авторитетному, что позволяет ему выразить позитивную оценку дискурсивно нейтрального диктумного содержания (*комплексно* = «разными способами»). Модус официальной императивности источника усиливает эффект убедительности, представляя передаваемую субъектом информацию от имени истинного (авторитетного) источника (*читал, там сказано* – показатели источника инодискурсивного опыта), с которым данный субъект согласен и который он привлекает, чтобы заставить собеседника действовать определенным образом. С этим связано позитивнооценочное использование полифонического включения, способствующее реализации интенции убедительности. В контексте обозначенное полифоническое включение взаимодействует с другими – субъектными – показателями объективности (*я вот щас читал // Там сказано ясно…*) и императивности (*Надо врачу сначала ее везти / понятно? // Надо**комплéксно** лечиться / пóняла?*). Содержание дискурса документа получает выдвижение, оформленное интонационно и контекстуально (*Надо… Поняла?*). Подобным образом используется речевая форма дискурса документа в следующем контексте: *А ты прямо в трубах разбираешься! У них там есть определенный **технический регламент**, который не позволяет какие попало трубы ставить* (РРТ). Использованное в данном тексте полифоническое включение отличается от рассмотренного выше тем, что оно является номинантом институционально значимого диктума, не имеющим общеупотребительных аналогов. Но при его использовании модус источника не нейтрализуется: речевые формы дискурса документа получают особое контекстуальное оформление, маркирующее выдвижение смысла источника (*определенный…*). Наиболее выраженную основу для междискурсивной трансформации содержания отмеченной речевой формы составляет модус объективности источника, к которому субъект обращается за поддержкой. Объективная истинная инстанция в тексте оформляется как особая – значимая – коммуникативная сфера (*У них там…*), которой противопоставляется сфера «неосведомленности» (*ты прямо … разбираешься; какие попало*). При этом

общая субъектная интенция – доказать собеседнику верность своей позиции – эксплицирует модус императивности, показатели которого (*не позволяет*) также вступают в контекстуальное взаимодействие с данным полифоническим включением. Таким образом, модус официальности дискурса документа как источника полифонического включения, становящегося в повседневном результирующем дискурсе носителем позитивнооценочного модуса, используется при реализации субъектной интенции доказать собеседнику верность собственной позиции. В процессе его междискурсивной трансформации дифференцируются и взаимодействуют особым образом модусы объективности и императивности.

Менее частотно, но тоже достаточно регулярно речевые формы дискурса документа как истинно авторитетного используются в повседневных дискурсах при реализации **позитивнооценочных** интенций. Субъектная интенция благодарности и похвалы предполагает позитивнооценочное номинирование собеседника: *[№ 1, жен, 42] Да / я знаю / что теплая должна быть / 36 градусов… Да… Да / Лен / да… Угу… Очень хорошо… Угу… [нрзб] Ну спасибо тебе / моя хорошая / ты мой главный доктор / можно сказать... Как это сказать?* ***Нефротерапевт*** *практически /* ***нефротерапевт!*** (НКРЯ)). В данном примере она реализуется с помощью речевой формы, заданной в официализированной сфере дискурса документа как объективно-истинного источника номинации (официальный статус врача). В результирующем тексте содержание источника получает выдвижение, оформленное, в первую очередь, за счет метатекстового комментария (*можно сказать... Как это сказать?*), а также за счет особой интонации и синтаксической обособленности. Модус объективности источника повышает статус результативного модуса оценки, верифицируя ее с объективно-официальной позиции. Реализации обозначенной интенции способствует не только модусная, но и диктумная трансформация («врач» –> «человек, обладающий знанием, <u>как</u> врач»).

В другом случае (*[Ю.К., жен, 19] Супер вообще// Вот так// Такого я не видела/ лучшего// Она сама/ хозяйка/* ***является*** *<u>этим</u>/* ***директором предприятия****// Продает металл/* ***горячая сталь/ холодная сталь/*** *<u>всякие вот</u>*

эти вот/ ***шифер/ 7-волновый****// Для меня это/ вагонами чё-то продают// Для меня это вообще китайская грамота* (НКРЯ)) полифонические включения, обозначающие официальный статус личности (***директор предприятия***), оформляющие ее характеристику в виде дискурсивной формулы (***является****…директором предприятия*), а также обозначающие род деятельности через перечисление терминов производственного процесса (***горячаясталь, холоднаясталь, шифер7-волновый***), помимо информативного содержания реализуют уважительное, позитивнооценочное отношение говорящего. Оценочные смыслы усиливаются за счет метатекстовых комментариев, осознанно оформляющих их выдвижение.

Таким образом, при восприятии авторитета дискурса документа как истинного модусные трансформации связаны с переосмыслением модуса официальности, свойственного дискурсу-источнику и воспринятого повседневным дискурсом в качестве стабилизатора верного поведения, верификатора бытовой истинности. Конкретизирующие его модусы объективности и императивности в рамках их личностно-ориентированной трансформации вступают в особое взаимодействие и также способствуют реализации субъектных интенций убедительности и позитивной оценки, в рамках которых полифонические включения из оценочно-нейтрального дискурса документа наделяются позитивнооценочными смыслами. Реализации этих интенций способствует само обращение к институционально значимому диктуму, осуществляемое субъектом при описанных модусных трансформациях, а в особых случаях им способствует и диктумное смещение.

В обозначенных функциях, в основном, используются лексические стилистико-ресурсные речевые формы (реже – дискурсивные выражения), не имеющие общеупотребительных аналогов. Их оценочный смысл формируется за счет особого выдвижения субъектом связи с дискурсом-источником (вне выдвижения модус источника стремится к нейтрализации). Основанием такого выдвижения является особый характер проявления названных субъектных интенций: повышенная потребность субъекта в их реализации, что определяется

повышенной эмоциональностью общения, задающей повышенную интенсивность проявления оценочного смысла (его интенсификацию).В приведенных примерах это проявляется в особых текстовых средствах: показателях оценочной иронии (*прямо ... разбираешься*), уточняюще-убеждающих эмоциональных вопросах (*поняла?*), в использовании эмоциональной формы благодарности (*Ну спасибо тебе*), речевых средствах оценки собеседника (*моя хорошая, главный доктор*), восклицательной интонации. Повышенная эмоциональность общения активизирует потребность в обращении к социальному авторитету дискурса-источника, при этом активность междискурсивной модусной трансформации усиливается за счет контраста официального (социально авторитетного – но эмоционально нейтрального) и личностно-ориентированного (эмоционально насыщенного) содержания и, тем самым, также усиливается интенсивность проявлении оценочного содержания полифонических включений.

Стабильность, институциональная заданность речевой формы дискурса документа осознается обыденным человеком как не соответствующая образу правильной речи, формируемому повседневным дискурсом. Это дает основания для активного осознанного иронического использования соответствующих полифонических включений. Иронические стратегии реализуются на основании восприятия социального авторитета источника как **ложного**. Выдвижение модуса дискурса-источника осуществляется на основании его несоответствия образу правильной речи.

Речевые формы дискурса документа используются в иронических стратегиях повседневного дискурса в двух функциях.

В первом случае они номинируют дискурсивно значимое диктумное содержание, проникновение которого в личностное пространство человека подвергается негативной оценке. Образ правильной речи предполагает тот же характер использования исследуемых речевых форм, что и в источнике, – институционально заданные речевые формы номинируют институционально значимый диктум: *Все теперь умные стали:* ***индекс Хирша*** *стыдливо скрывают,*

зато знают, что такое ***импакт-фактор****, и* ***и-сэ-сэ-эн***[97] *отличают от* ***и-эн-эн***[98] (РРТ). Данный пример представляет все отмеченные речевые формы как номинации, выработанные в дискурсе документа для специфического обозначения дискурсивно значимого диктума. Шутливо-иронический эффект формируется на основании не только личностной интерпретации официально закрепленного содержания, но и намеренного столкновения речевых форм различных профессиональных сфер дискурса документа, близких по внешней структуре. Их объединение обусловлено субъектной **оценочно-иронической** интенцией показать их общую дистанцированность от личной сферы обыденного человека. В основе такой трансформации – восприятие дискурса документа как ложно авторитетного. Но говорящий четко дифференцирует сферу авторитета данного источника: ложным его авторитет признается только в личностно-ориентированной сфере, и именно его проникновение в эту сферу подвергается негативной оценке.

Во втором случае речевые формы дискурса документа номинируют институционально не ангажированный диктум и сами становятся выразителями иронической оценки, используясь в функции оформления ее механизма. Образ правильной речи строится с учетом активности поэтической функции языка (по Р.О. Якобсону: функция, реализующая «направленность (Einstellung) на сообщение, как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» [Якобсон, 1975, с. 203]) и намеренно (осознанно) противопоставляется образу правильной речи, сформированному вне ее учета. В результате допускается использование институционально заданных номинаций для обозначения дискурсивно нейтрального диктума; ироническое содержание полифонического включения выдвигается: *[о дверном звонке, который «дергает током»:] 14л. – Ты чего смотришь? Они новые совершенно/ не были в употреблении// (рассматривает кнопку и звонок на входную дверь)/…/14л. – (шутит) Он с чистой совестью* ***не бывшей в употреблении*** (РРУ). Цель субъекта

[97]ISSN – международныйномерсерийныхизданий (International Serial Standard Number).
[98] Индивидуальный номер налогоплательщика.

– посредством шутки разрядить обстановку, оценивая факт неосознанного использования собеседником институциональной речевой формы (на основании приведенного выше обозначения Р.О. Якобсоном соответствующей функции языка, используемой для реализации субъектной цели, определим данную интенцию как **поэтическую**; в данном случае она подчиняется оценочной). Форма ее реализации – креативное употребление собеседником речевого выражения из дискурса документа для номинирования дискурсивно нейтрального диктума; основание иронического использования полифонического включения – противоречие между актуальным для обыденного человека духовным содержанием (совесть) и институциональной речевой формой его описания). Рассмотрим другой пример: *[1] Отпуск нужно заранее планировать! Чтобы потом не на диване лежать! Маршрут продумать, деньги отложить, что-то купить заранее! [2] И какая у тебя [игнорируя редукцию гласного]* ***кОнцепция*** *проведения отпуска?* (РРТ). Цель субъекта – иронически оценить излишнюю озабоченность собеседника (личностное качество); основание иронического использования полифонического включения – противоречие между обыденным содержанием и институциональной речевой формой его выражения.

Отдельно отметим, что в повседневных дискурсах, в основном, используются лексические речевые формы дискурса документа и – значительно реже – дискурсивные выражения. Дискурсивные формулы употребляются в единственной функции – иронической, реализуемой при осознанном модусном выдвижении социального авторитета источника: *Ну что,* ***на основании данных*** *электронного журнала* *запрещается* *тебе завтра в кино идти…* (РРТ).

Таким образом, модусная трансформация речевых форм дискурса документа в повседневных личностно-ориентированных дискурсах наиболее частотно реализуется на основании восприятия социального авторитета дискурса-источника как истинного. Позитивнооценочные смыслы, формирующиеся в этом случае, используются субъектом при реализации интенции убедительности и позитивной оценки.

Негативное восприятие дискурса документа – как ложно авторитетного – реализуется при осознанном ироническом использовании его полифонических включений. Такая оценка социального авторитета источника используется субъектом повседневного дискурса при реализации оценочно-иронических интенций, характеризующих в различных аспектах диссонансы личностного и официального: проникновение в личную сферу институционально значимых реалий, проникновение в личностно-ориентированную речь институционально заданных форм и под. Для их реализации субъект либо выдвигает содержание речевой формы, подчеркивая диссонанс ее содержания, либо намеренно использует институционально заданную речевую форму для обозначения дискурсивно нейтрального диктума.

Общая модель модусной трансформации речевых форм дискурса документа в повседневном общении строится на преобразовании эмоционально-оценочно-нейтрального содержания, стабилизированного в институционально закрепленной форме, в содержание эмоционально нагруженное и/или оценочно ориентированное.

Полифонические включения из политического дискурса

Полифонические включения из политического дискурса, по сравнению с включениями из других рассматриваемых источников, реализуются в повседневном общении наиболее частотно (около 73% от общего количества случаев использования иноречевых форм в повседневных дискурсах). Ориентированный на обыденного человека как объекта манипулятивного воздействия, политический дискурс продуцирует речевые формы, предназначенные для активного распространения. Его идеологическая направленность способствует стабилизации оценочного содержания, которое, как уже отмечалось, требует от обыденного человека ответной оценочности: именно активизация оценочных субъектных интенций способствует сохранности и трансформации на ее основе модуса источника.

Оценочные модусные смыслы, основанные на переосмыслении речевых форм политического дискурса обыденным человеком, в повседневном общении выражают согласие/несогласие говорящего с политической позицией дискурса-источника. В результате соответствующие полифонические включения (1) сохраняют и выдвигают, личностно присваивая, или (2) выдвигают, переориентируя вектор его идеологического оценочного модуса.

(1) Сохранение и личностное присвоение институционально заданного модуса связано с восприятием политического дискурса-источника как **истинно авторитетного.** Это позволяет использовать его речевые формы для легитимации личностной оценки исторической (политической) реальности – как негативной (*Колхозы возрождались, а были* ***диверсанты****. Это сыновья* ***кулаков*** *и* ***богатеи*** *на* ***вредительство*** *перешли, жгли скирды, хлеба* (АГ) // *...Приехали врачи и объявили прививку/ скажем/ делать /.../ вот укол делают в шею [показывает на себе] / вот через месяц животное погибает // вот это было* ***вредительство*** (НКРЯ)), так и позитивной (*Чёрный ворон подойдёть и пошёл. Да. И вот иде-й-то йих отослали, что нельзя пройтить никуда, остров какой-то. И вот там только самолётом бросють, эжели чего. Вот они там. Ну там они, наверно, погибли, всё. /.../ Это для чо ж делали? Да вы возьмите их, перевоспитайте, он же такой будет* ***рабочий****. И так будеть править и* ***колхозом*** *и* ***совхозом****, всем. И что хошь он будеть делать. Ну и опять я думаю, думаю, чо ж это Сталин виноват? А я кой-когда говорю, вот бы Сталина поднять бы, он кой-кому бы навёл тут решку бы. Он как начал бы это там, в Москве, кострышить бы. Да…*(НКРЯ)). Сохранение оценочного аксиологического вектора источника в большинстве случаев связано с сохранением его эмоционального пафоса, обеспечивающего его выдвижение.

(2) Модусная аксиологическая переориентация речевых форм источника определяется в повседневном общении восприятием социального авторитета политического дискурса как **ложного** (модель дискурсивного сопротивления). При этом эмоциональный пафос источника в большинстве случаев становится основанием для **осознанного** использования речевых форм источника в стратегиях **иронии**, в которых он зеркально отражается в виде иронического

выдвижения смысла полифонического включения: *[Наталья, жен, 23] На выборы пойдешь? [Владимир, муж, 40] Пойду /* ***исполнюсвойгражданский долг.*** *[смех] [Наталья, жен, 23] Ну-ну / сходи. [Разговор дома о политике]* (НКРЯ) *//[Люся, жен, 18] Он мне подарок хочет купить. [Женя, жен, 19] Пошли его. Выгони из дома с его подарком. [смеются] Чтобы просёк* ***линию партии****. [Люся, жен, 18] Нельзя так с отцами-то! [Женя, жен, 19] А как их иначе воспитаешь? [Люся, жен, 18] Это точно* (НКРЯ). При этом диктумный компонент политически значимого содержания может как сохраниться (первый пример), так и нейтрализоваться (второй пример).

Аксиологической переориентации подвергаются объекты, оцениваемые в дискурсе-источнике как позитивно (*И. ...и меня э… Вахтанг Иванович Мчеделов/ готовил/ в/ дублерши Тарасовой/ которая была премьершей/ в молодежном с… спектакле/ «Зеленое кольцо»// Имевшем тада большой успех// Но тут* <u>*подоспело*</u>*/* ***воззвание партии и правительства/ к молодежи****/ заменить/ пустовавших/ э-э… учителей начальной школы// - М. Угу// - И. И/ я/* ***принесла*** *такую* ***жертву революции****/ я бросила Художественный театр/ с почти готовой ролью/ и пошла/ учить детей//* <u>*Я была такая дура/ но что с меня взять/ мне еще/ было восьнадцать лет*</u>*//* (РМ)), так и негативно (*...и в общем вся эта статья в таком духе что весь* ***Запад прогнил*** *и что (ПАТЕТИЧЕСКИМ ТОНОМ) Россия – это пятно чистое в мире грязи! Значит вот буквально цитирую/ /.../ ...но вот возьмем этот же самый* ***гнилой Запад****/ который* <u>*гниет но пахнет прекрасно*</u>*…* (РРУ)).

В отличие от речевых форм дискурса документа, речевые формы политического дискурсастабилизируютсяне только как стилистико-ресурсные, но и как **цитатные**. Но в повседневных личностно-ориентированных дискурсах цитатные полифонические включения из политического дискурса, – как прецедентные высказывания, так и собственно цитаты, – реализуются крайне редко. В исследованных текстах повседневного дискурса собственно-цитатных полифонических включенийиз дискурса политического – не зафиксировано,

прецедентных высказываний – около 4,5% от общего числа случаев использования иноречевых форм в повседневных дискурсах (таблица 4).

Это не связано с общей сопротивляемостью повседневного говорения цитатным (в узком смысле) стратегиям: цитатные полифонические включения разного типа достаточно активно используются в данной сфере (*[1] Ой, какая прическа красивая! И платье красивое! Вся такая красивая! – [2, смеется] Да-а-а, я прямо* <u>*по Достоевскому*</u> *– «**красота спасет мир**»! Всё, всем пока, пошла спасать мир!* (РРТ) – прецедентное высказывание из литературно-художественного дискурса; *Мне его слова очень сильно помогают, я теперь и детям своим говорю: «**Чтобы подумать – не жалей время, а потом делай**»* (РРТ) – собственно цитата). Но политически ангажированное содержание в цитатной форме повседневный дискурс практически не запрашивает. Авторитетность цитаты (когнитивная цель использования которой предполагает максимальную сохранность содержания источника), значимость отсылки к текстовому источнику становится актуальной только при необходимости подтвердить авторитет бытовых смыслов.

Даже то небольшое количество прецедентных высказываний из политического дискурса, которое использует дискурсповседневный, в процессе междискурсивного взаимодействия демонстрирует значительную (в большинстве – ироническую) трансформацию заданного источником содержания, в рамках которой политически значимый смысл проявляется минимально – диктумное содержание источника, выраженное в цитате, теряет в результирующем дискурсе свою политическую значимость. В связи с этим отсутствует их метатекстовое оформление. Значительную роль в обосновании цитирования играет переосмысление формы прецедентного высказывания: *[Мария, жен, 21]Ты лучше не дыши. [Ольга, жен, 19]Может/ ты мне задохнуться предлагаешь? [Мария, жен, 21] Ладно тебе/ не серчай! **Мир/труд/май**? [Ольга, жен, 19] Лады! Дай лучше задачи по языкозу списать. Голова совсем не варит чего-то…*(НКРЯ) – эмоциональный пафос советского лозунга, символизирующего гармонию социальную, трансформируется в модус шутливой фиксации внешней значимости

личностной гармонии, а возникающий при этом смысловой контраст обеспечивает его выдвижение; *[о перспективах совместной работы, заранее обреченной на неудачный результат]* ***Пролетарии все стран – соединяйтесь! Пролетать будем вместе!*** (РРТ) – восприятие авторитета политического дискурса как ложного воплощается в реинтерпретации внутренней формы прецедентного высказывания, основанной на экспликации бытового смысла.

В целом в подобных случаях общая модель трансформации модусного содержания политического дискурса реализует бытовые оценочно-иронические интенции субъекта повседневного общения и строится на основании восприятия авторитета источника как ложного, при этом отношение к содержанию политическому, выраженное в модусе источника, переносится на бытовое. Диктум источника практически нейтрализуется.

Таким образом, модусная трансформация речевых форм политического дискурса открыто или имплицитно связана с выражением политической позиции говорящего, определяющей восприятие социального авторитета дискурса-источника как истинного либо ложного. Образ правильной речи, формируемый обыденным человеком в повседневном общении, не предполагает использования цитатных полифонических включений из политического дискурса при восприятии его социального авторитета как истинного – его сохранность не требует осознанного цитирования. Стилистико-ресурсные полифонические включения используются в этом случае обыденным человеком, в большинстве, неосознанно, социальная позиция дискурса-источника предъявляется как личностная позиция субъекта. Восприятие социального авторитета как ложного, наоборот, располагает к осознанному использованию речевых форм политического дискурса (таких фактов – большинство). Такое его восприятие активно реализуется в привлечении стилистико-ресурсных полифонических включений и в ограниченном числе случаев допускает их цитатные формы.

Полифонические включения из фольклорного дискурса

Сфера повседневного общения – зона максимальной востребованности полифонических включений из фольклорного дискурса, их относительно разнообразного использования обыденным человеком. Количество фиксаций соответствующих полифонических включений в повседневных и неповседневных дискурсах распределяется в соотношении приблизительно 77% и 23% (таблица 4), причем в повседневных дискурсах они более разнообразны по жанру-источнику. Полифонические включения из фольклорного дискурса (которые, как уже отмечалось, не используются в собственно-информативной функции) для реализации субъектных интенций повседневного общения употребляются относительно регулярно, хотя частотность обращения к ним в целом не высока (менее 4,5 % от всех фактов употребления речевых форм рассматриваемых дискурсов – таблица 4).

Использование фольклорных речевых форм в полифоническом тексте личностно-ориентированных дискурсов в целом и повседневных дискурсов в частности отличается от использования речевых форм других рассматриваемых дискурсов, в первую очередь, тем, что социальный авторитет источника всегда предстает в них как истинный. Это определяется, во-первых, спецификой интенции фольклорного дискурса, основанной на его социально значимой функции, – фиксировать идеальную модель человеческого существования (интенциональный фактор). Во-вторых, это обусловлено отсутствием в нем специфического диктумного содержания. В результате обыденный человек воспринимает опыт участия в нем как «общий», в том числе «свой». Ценностноориентирующий модус фольклорного дискурса-источника значительно меньше, чем типовые модусы других источников, подвергается трансформации в процессах междискурсивного взаимодействия. Наибольшей степенью сохранности обладает типовой модус «своего» фольклора. Модус «чужого» фольклора также не подвержен кардинальной трансформации, но при междискурсивном распространении речевых форм источника такого типа их интенционально обусловленное содержание в большей степени подвергается обобщению.

Особое влияние на характер инодискурсивного использования фольклорных речевых форм оказывает специфика его вербального представления – его эстетически значимая, относительно стабильная (на уровне авантекста) форма. Отношение к фольклорному тексту как эстетически стабильному обусловливает обязательность дистанцирования говорящего от цитируемого текста. Наряду с отсутствием его диктумной специфики это определяет нейтрализацию диктумного фактора при использовании фольклорных полифонических включений.

Общий дискурсивный модус фольклорного источника всегда активно выдвигается субъектом, а фиксирующие его речевые формы получают особое осознанное оформление. В большинстве случаев полифонические включения из фольклорного дискурса сопровождаются метатекстовыми комментариями, но даже при их отсутствии – сохраняют свойства узнаваемости и воспроизводимости, поддерживаемые эстетической значимостью их формы. На этом строится сохранность их базового ценностноориентирующего модуса, востребованного в субъектных интенциях обращения к нему. Специфика восприятия фольклорного дискурса-источника обыденным человеком – с одной стороны, и эстетическая закрепленность его речевых форм – с другой, приводят к тому, что образ правильной речи, формируемый в дискурсах повседневных, не допускает полного растворения границ фольклорных полифонических включений.

Ведущая субъектная интенция запрашивания фольклорной речевой формы в повседневных дискурсах связана с созданием эффекта убедительности и оценкой. Оценочные смыслы фольклорного источника, конкретизирующие его типовой ценностноориентирующий модус, присваиваются субъектом и при реализации указанных интенций постулируют его приобщение к фольклорной истине как изначально верной. Они оформляются самим фактом использования эстетически значимой фольклорной речевой формы, контрастирующей с текстовой формой результирующего дискурса. Контраст обеспечивает выдвижение оценочного

смысла, задает повышенный уровень эмоциональности общения, придавая оценке личностную значимость.

При использовании фольклорных полифонических включений адаптация общего ценностноориентирующего модуса источника осуществляется сквозь призму его **жанровых модусов**, по-особому аспектирующих трансляцию оценки.

Рассмотрим специфику их реализации в полифоническом тексте повседневного дискурса с учетом жанровых возможностей продуцировать стабилизированные речевые формы определенного типа.

Наиболее регулярно в повседневных дискурсах запрашивается **пословица**. При ее использовании субъект совмещает интенции исполнения и цитирования (раздел 3.2.3 главы 3). Согласно жанровой функции, пословица в тексте повседневного дискурса реализует ценностноориентирующий модус фольклорного источника наиболее прямо, конкретизируя его в оценочно-дидактическом аспекте. Совмещение интенций исполнения и цитирования (раздел 3.2.3 главы 3) накладывает запрет на междискурсивные трансформации. При этом сам факт обращения к пословице, в большинстве, определяется установкой субъекта на повышение эмоциональности общения и становится одной из форм ее выражения, постулируя личностное присвоение субъектом ее смысла: *Ну, завтра, завтра баню потопим – помоесся.* ***От грязи не треснешь – от чистого не воскреснешь!*** (СОГ) // *[о компьютерной игре][№ 3, жен, 21] Мелковата ты для главной героини. [№ 1, жен, 18] Это почему? Это?* ***Мал золотник / да дорог****! [№ 3, жен, 21] Ростом не вышла. [№ 1, жен, 18] Зато лицом очень даже! И характером!* (НКРЯ). Дидактический характер оценки, заданный в жанровом источнике, активизирует интенцию субъекта использовать пословицу для подтверждения собственной позиции.

Метатекстовое оформление пословицы не является частью дискурсивных правил повседневного общения. Наличие метатекстовых комментариев реализует особые субъектные интенции, связанные с усилением эффекта убедительности: *[об отношениях со свекровью:] Ну, придумала она там что-то – и фиг с ней! Все равно* ***ночная кукушка дневную перекукует****.Вот и кукуй себе, кукуй! Все-таки*

правильная это поговорка! (РРТ) // *[Телефонный разговор:] [№ 2, жен, 58] И эту траву / она воюет с травой / это надо только видеть! Я побыла там два дня и видела это все. Уж чем могла помогала/ но / конечно / моих возможностей там… [№ 30, жен, 43] Вот поэтому я и говорю. [№ 2, жен, 58] Аллочка / но у всех / так сказать /вещей есть прямые и обратные стороны / у всех медалей. Это тоже не выход из положения. Надо постоянно искать. Вот тот /* ***кто ищет / тот находит*** *и находит то / что надо.* ***Ищите в себе еврея****! [№ 30, жен, 43] Есть такая поговорка. [№ 2, жен, 58] Да. [№ 30, жен, 43] Если вы хотите что-то обрести / прекратите этого добиваться. [№ 2, жен, 58] Нет!* (НКРЯ) // *Он всю жизнь охотничали оне с отцом. Оне жили так: не хорошо и не плохо. А в пословице говорится: «****А с охоты и с рыбалки человек богатый не будет****». Вот так, милая моя* (СГ).

Близким к включениям-пословицам по принципам использования цитатной речевой формы в повседневных дискурсах является включения из **анекдота**. Полифонические включения из анекдота чаще реализуются в виде прецедентных высказываний, реже – в виде стилистико-ресурсных полифонических включений, также употребляемых осознанно – по цитатному принципу.

При использовании речевой формы анекдота его **оценочно-саркастический** модус (а) сохраняется или (б) ослабевает – по модели полной или частичной нейтрализации саркастического компонента и его трансформации в оценочно-комический смысл (сходный с жанровым модусом частушки).

Основанием для сохранности саркастического компонента является совмещение интенций цитирования анекдота и его исполнения. Развлекательная интенция в ситуации рассказывания анекдота «по случаю» или его упоминания проявляется на равных с интенцией ценностноориентирующей (в отличие от ситуаций собственно исполнения анекдота: *Давайте анекдоты рассказывать… // Я тут интересный анекдот прочитал – мне понравилось… // Не грусти. Послушай лучше анекдот…* и под.). Развлекательность поддерживает тенденцию к сохранению модусного содержания источника. В полном или редуцированном тексте анекдота сохраняются все ценностные структуры в их заданной в

фольклорном дискурсе иерархии (не только эксплицированные в конкретных дискурсивных условиях и устанавливающие связь с внешним по отношению к тексту анекдота коммуникативным контекстом), сохраняется и саркастический аспект представления оценки. Но действие данной тенденции может быть ограничено коммуникативным контекстом, трансформирующим типового субъекта анекдота в субъекта конкретно-ситуативного – участника повседневного общения (*ты как в том анекдоте…; я прямо как в анекдоте…*). В коммуникативных контекстах такого типа когнитивная дистанция между «героем» анекдота и участником дискурса – как основание для сарказма – сокращается.

(а) Рассмотрим пример, иллюстрирующий сохранность общего жанрового модуса анекдота: *[И., жен] Воздух какой там. Я там совсем другая. Я здесь… Вот / есть такой анекдот*. ***Встретились значит / когда начались все эти перестройки / встретились там эти два*** *с… этих каких … э-э… ветерана…ну…старики-то…* ***пенсионера****! [Ж., жен, 45] Угу. [И., жен] Понимаешь/ склероз/ теряю вот слова/ и всё. Что хочешь! Пенсионера.* ***Один другого спрашивает / «ну как ты живёшь-то?» Он говорит «да как / да ничего так». «Ну а-а / как? Что делаешь там?» «Да / живу на три дэ».*** *[пауза; изображает изумление собеседника]* ***«Три дэ. А что это такое?» «Ну чего? Доедаю / донашиваю / доживаю»****. [Ж смеется]* (НКРЯ). Вершина ценностной иерархии, представленной в рассказанном анекдоте, – ценность свободного человеческого существования, отсутствие политически обусловленных экономических ограничений. Внешний по отношению к анекдоту цитатный контекст в качестве основной также представляет ценность свободы, но ее отрицательно оцениваемые ограничения осознаются в нем вне связи с политикой/экономикой. Центральный для анекдота политический аспект во внешнем контексте не эксплицируется, связь с внешним контекстом устанавливается без его участия. Объект оценочного сарказма в использованном говорящим анекдоте – его типовой субъект – является для участников дискурса внешним (некая «перестроечная» политическая сила). В результате условий,

ограничивающих саркастический компонент жанрового модуса источника, не возникает.

(б) Приведем примеры, иллюстрирующие дискурсивно обусловленное ослабление саркастического компонента жанрового модуса источника при совмещении интенций его исполнения и цитирования: *[Женя, жен, 19] А чё там? [Люся, жен, 18] Судя по названию/ порнуха. [Женя, жен, 19] А мож/ рефераты? [смеются] [Люся, жен, 18] Как в анекдоте/ «**Зайдя на сайт «Школьницы.ру» /восьмиклассник Вася К. вовсе не расстроился/ обнаружив/ что там нет ни рефератов/ ни шпаргалок…**»* (НКРЯ) // *[Алина, жен, 21] Я еще узнала/ что у меня может получиться после института/ получится в Индию поехать на годик поработать. Ну/ в русской компании/ которая там электростанцию строит атомную. [Татьяна, жен, 50] Переводчицей у них? [Алина, жен, 21] Ну/ переводчицей или что-нибудь такое. [Татьяна, жен, 50] Ну/ не электриком же ты туда поедешь. [Алина, жен, 21] Разумеется/ я ж в этом ничего не понимаю/ там все взорвется. А/ мне тут анекдот рассказали. **Самое страшное слово в атомной энергетике? Упс.*** (НКРЯ). В приведенных текстах оценка типового субъекта рассказанных анекдотов становится основанием для оценочной интерпретации поведения реальных участников ситуационных дискурсов, более того – их самооценки. В результате сарказм трансформируется в иронию. Модус источника в результирующем тексте проявляется в виде оценочно-комического смысла.

В процессах исключительно цитатного использования речевых форм анекдота уже на этапе выбора цитатного фрагмента начинается процесс активной адаптации его содержания к результирующему дискурсивному контексту. Уровень негатива по отношению к типовому субъекту, проявленный в анекдоте, ослабевает. Оценочный смысл источника в трансформированном по модели нейтрализации сарказма виде применяется к участнику результирующего дискурса. Развлекательные интенции сохраняются, но уступают по активности проявления оценочным. Ценностные основания оценки, заданные в источнике,

перестраиваются и/или редуцируются. В результате саркастический компонент в результирующем тексте проявляется крайне слабо (реже) либо нейтрализуется.

Так, слабо проявлен саркастический компонент модуса источника в следующем тексте: *[О родственнике-мужчине, который долго собирается:] Ну, быстрей уже давай,* ***горячий эстонский парень****!*[99] (РРТ) – из совокупности ценностных оснований источника выделяется ценность динамики, которая проявляется в приведенном тексте наряду со смыслом, пограничным между сарказмом и иронией (как его «преемником»). Следующий пример иллюстрирует полную нейтрализацию саркастического компонента: *[об испачкавшихся детях:] Ну что,* ***этих отмоем или новых нарожаем****?*[100] (РРТ) – ценность семьи, заданная в анекдоте, при его цитировании теряет актуальность; говорящий использует включение в целях, прежде всего, развлекательно-иронических, а если и выражает оценку, то ее объектом является детская неаккуратность, что для анекдота-источника – на периферии).

Несмотря на относительно высокую активность использования полифонических включений-пословиц и включений из анекдота, принципы их запрашивания достаточно однотипны. Исключение составляют не частотные, но и не единичные случаи обращения к ним на основании значимости их формы (в совокупности с содержанием либо на исключительно формальном основании). Их появление для повседневного общения не уникально и связано с общей цитатной тенденцией дискурсов, речевая форма которых не жестко регламентирована. С другой стороны, внимание говорящего к фольклорной форме усиливается за счет игровой парадоксальности ее внутренней смысловой структуры, особенно характерной для современного фольклора.

---

[99]Для сравнения приведем вариант полного текста анекдота-источника: *Едет по эстонскому просёлку бричка, в ней сидят старый папаша-эстонец и двое его сыновей. Внезапно перед носом лошади что-то пробегает и скрывается в кустах. Эстонцы едут дальше. Через 15 минут старший сын говорит: — Эт-тоо быыл за-аятс. Проходит ещё 15 минут. Младший сын говорит: — Нетт, не похоши. Проходит ещё полчаса. Батя: — Ви ешшё поттери-итесь,* ***каряччие эсто-онские па-арни****…*

[100] Вариант полного текста в источнике: *Цыган – цыганке: «Жена, что-то наши дети грязные? Так что –* ***этих отмоем или новых нарожаем****?».*

Формально-содержательное основание для обращения к современной пословице проявлены в следующем примере: *Г. - Он ушёл/ он ночует только когда у Наташки никого нет// - Б. -Я помешала видно// ну ладно/ в следующий раз я буду уходить/ а вас буду оставлять// - Г. - Он наверно Светка с таким настроем шел/ чуток переночевать// - Б. - Да/ ну я помешала// - Г. - А ты там оказалась// - А. -* ***Так есть хочется что даже переночевать негде// - Г. - Переночевать переночевать негде/ не говори// - Б. - Ну я в следующий раз буду уходить*** (РРР). Во-первых, сам современный фольклорный текст, процитированный в данном случае, обладает выраженной парадоксальностью внутренней формы, не свойственной традиционному фольклору. Внешняя дисгармония текста отражает дисгармонию оцениваемой с точки зрения фольклорной ценностной модели ситуации. Во-вторых, выбор автором именно такого включения в результирующем тексте обусловлен во многом его словесной «перекличкой» с реализованным ранее вне отрицательного модуса глаголом «ночевать», и – далее – с аксиологически ориентированным выражением «чуток переночевать». Реагируя на форму, говорящий обращается к пословице, подходящей для экспликации оценки.

На собственно-формальном основании, при игнорировании диктумного содержания анекдота-источника цитатная речевая форма используется в следующих примерах: *[Муж и жена; жена читает монографию; их ребенок гуляет с N:] А ты что не идешь с ними в снежки играть? – Пусть с ними N играет. – Ему монографию читать не надо? – Да,* ***чукча не читатель, чукча писатель*** (РРТ) // *[1, с капризной интонацией:] Ой, ну я это не могу-у-у… У меня не получа-а-ается… Я его приклеиваю, а он отва-а-аливается… [2, передразнивая:] Ой, и вообще-е-е,* ***я, когда пья-а-аная, такая ду-у-ура!*** (РРТ). Ценностноориентирующий общефольклорный модус сохраняется, но максимально обобщается. Его сохранность обеспечивается связью с анекдотом как источником цитирования и спецификой формы цитатного включения. Сарказм нейтрализуется по вышеописанной модели.

Пословица и анекдот для современного обыденного человека используются в качестве полифонических включений как «свой» фольклор. Именно поэтому их речевые формы запрашиваются в полифоническом тексте личностно-ориентированных дискурсов наиболее частотно и органично: при сохранности и личностном присвоении как общефолькорного ценностоориентирующего, так и жанровых модусов (с учетом вышеописанных трансформаций).

Включения из жанров, усвоение которых имеет для говорящего внешний характер («чужой» фольклор, например – частушка, сказка и др. для современного обыденного человека), – единичны, их модусное содержание подвергается более существенной (хотя и не кардинальной) трансформации.

Так, в диалоге *[Соседка – подростку:] А ты что один тут сидишь? Где твоя* ***матанечка****? – Кто-о-о?!! –* ***Матанечка****! Ну, подружка твоя! – А… Физику учит!* (РРТ) в качестве полифонического включения используется собственно-**частушечная** лексическая единица. При ее использовании только в обобщенном виде сохраняется жанровый модус частушки: ее игровая, комическая установка выражает соответствующее отношение говорящего к ситуации (соседка воспринимает молодых людей и их проблемы как «несерьезные», «игровые», соответствующие общим законам отношений в этом возрасте). Ценностноориентирующий модус фольклора также максимально обобщается (наличие «пары» у молодого человека – обязательно). При этом стабилизированное в источнике отношение к ее героине – *матанечке* – как носительнице «антинормативного» поведения девушки – в результирующем тексте нейтрализуется.

Сказка, в отличие от частушки, хоть и не в аутентичной форме, но достаточно активно распространяется через массовые издания для детского чтения, достаточно подробно изучается в школьной программе, и современный обыденный человек, хоть, в основном, и из внешних живому фольклору источников, но знаком с ней.

Речевые формы сказки, в большинстве (7 из 10 зафиксированных), реализуются в полифоническом тексте в виде сказочных фольклорных формул.

Сказочная формула – один из важных показателей фольклорного языка, изучаемых в школьной программе, что обеспечивает ее внешнюю освоенность. Кроме того, ее смысл, принципиально обобщенный в источнике, легко усваивается обыденным человеком. Так, идея относительности времени – как один из аспектов конкретизации ценностноориентирующего модуса сказки – проявляется в следующем примере: *[Ж1, жен, 60] Женя отпадает // он (...) там я не знаю/ как (...) как они там// [И43, муж, 60]* ***долго ли/ коротко ли****/ да придёт/ упадёт // но пока понедельник полностью свободный // вторник/ заседания // но это часа в четыре/ наверное// [Ж1, жен, 60]сегодня затолкаем/ [нрзб] ... [И43, муж, 60]а среда четверг пятница/ уже (...) новый месяц* (НКРЯ). Так же обобщенно проявляется жанровый модус сказки в следующем тексте: *Ну, тут все понятно, если знать предысторию. А предыстория такая.* ***Жила-была*** *тетенька одна, муж ее бросил.* ***И была у нее*** *подружка благополучная…* (РРТ). Сказочная формула, выполняя функцию логической рамки оформления «предыстории», способствует реализации информативно-оценочной субъектной интенции, дополненной свойственной повседневному общению интенцией развлекательности. Оценочно-дидактический модус сказки обобщается и предъявляется как формальный маркер повествования, из которого необходимо извлечь определенный урок.

Сказка, как жанр дидактический, не смеховой, дает основания для иронического переосмысления содержания ее речевых форм и по содержательному принципу: *[Мать – сыну:]* ***Что пригорюнился, сокол ясный****? Иди-ка в комнате прибери!* (РРТ). Реализация оценочно-иронической субъектной интенции построена на контрасте позитивнооценочного модуса источника, эстетически представленного в нем в лирической форме, и негативной оценки ситуации говорящим.

Рассмотрим еще один пример обращения к сказочному источнику, уникальный в плане развернутости представления его содержания: *[Из разговора преподавателей вуза:] Ну что тут объяснишь? Как будто оправдываться каждый раз приходится, что часов у нас, по сравнению с*

учителями, очень мало! Программы напиши, статьи напиши, работы проверь, к занятиям подготовься – ***и спи-отдыхай****! Потом студентами поруководи, проконсультируй всех и вся, отчет напиши –* ***и спи-отдыхай****!* (РРТ). В результирующем тексте при реализации оценочно-иронической субъектной интенции сохранены не только общий дискурсивный и жанровый модусы источника, но и вариант его сюжетно обусловленной иронической конкретизации, в целом не очень характерный для сказки[101]. Конкретность сохраняемого модуса источника определяет развернутость средств его выражения в результирующем тексте: стилистически значимые речевые формы, выступающие в функции полифонических включений, множественность их повторения, особая текстовая структура нанизывания действий являются показателями отсылки не только к жанру в целом, но и к конкретному сказочному сюжету. Но центром оформления иронического смысла является лексическая единица, бытующая в рамках фольклорного дискурса (*спи-отдыхай*), которая определяет общее ироническое восприятие текста в целом.

Таким образом, в силу априорной авторитетности фольклорного дискурса, во-первых, и противопоставленности человека фольклорного и не-фольклорного в рамках единой социальной роли человека обыденного – во-вторых, обращенные к нему полифонические включения в повседневном общении всегда используются осознанно и подвергаются значительно менее выраженной, чем включения из других источников, модусной трансформации. Авторитетность фольклора закреплена эстетически: образ верного поведения, отражаемый в нем, фиксируют его речевые формы, которые транслируются в образ правильной речи, формируемый субъектом повседневного дискурса.

Трансляция ценностноориентирующего модуса фольклора в повседневную речь осуществляется сквозь призму аспектирующих его жанровых модусов.

---

[101]Вариант реализации авантекста в источнике (фрагмент): *Тебе, девка, житье у меня будет лехкое, – не столько работать, сколько отдыхать будешь! Утром станешь, как подобат, – до свету. Избу вымоешь, двор уберешь, коров подоишь, на поскотину выпустишь, в хлеву приберешься* ***и – спи-отдыхай****!*

Наиболее частотно и при минимальной трансформации содержания источника осуществляется запрашивание речевых форм «своего» фольклора. При запрашивании речевых форм «чужого» фольклора модус источника подвергается более значительной трансформации – по модели обобщения.

Подведем промежуточные итоги.

Обращение к инодискурсивным речевым формам в повседневном личностно-ориентированном общении осуществляется по моделям нейтрализации или сохранности/трансформации общего дискурсивного модуса источника.

Его нейтрализация, в основном, реализуется в рамках информативной субъектной интенции, направленной на представление диктумного содержание, выработанного в дискурсах-источниках. Наиболее активно в процессы нейтрализации модуса источника вовлекаются его единицы, не имеющих общеупотребительных аналогов. При реализации данной субъектной интенции обыденный человек привлекает стилистико-ресурсные речевые формы дискурсов, обладающих по отношению к нему внешним социальным авторитетом и транслирующим, соответственно, авторитетные номинации дискурсивно обусловленного диктумного содержания (дискурса документа и политического дискурса). При этом выраженная идеологически мотивированная оценочность политического дискурса (в отличие от оценочной нейтральности дискурса документа) предполагает более последовательный ее учет при обращении к его речевым формам. В результате ее игнорирование обыденным человеком в ряде случаев проявляется не только при реализации собственно-информативной интенции, но и при реализацииоценочной интенции, представленной как форма дискурсивного сопротивления.

Фольклорный дискурс, как выражающий внутренний по отношению к позиции обыденного человека социальный авторитет, не допускает нейтрализации общего дискурсивного модуса при использовании его речевых форм в повседневном общении: экспликация этого модуса входит уже в саму интенцию цитирования фольклора как авторитетного источника.

Трансформация общего дискурсивного модуса источника и его выдвижение в повседневном общении осуществляется на основании отношения обыденного человека как субъекта результирующего дискурса к социальному авторитету источника. При использовании речевых форм из дискурсов, обладающих внешним социальным авторитетом (дискурс документа и политический дискурс), модус источника, в большинстве, испытывает значительные трансформации, основанные на реализации повседневных модусных смыслов. Их реализация регулируется отношением к внешнему социальному авторитету источника либо как к истинному, либо как к ложному. Отношение к источнику как к истинно авторитетному предполагает использование его общего дискурсивного модуса при реализации субъектных интенций убедительности и позитивной оценки. В этом случае модус официальности дискурса документа трансформируется в результирующем тексте в позитивнооценочный смысл, а идеологически ориентированный оценочный модус политического дискурса сохраняется и выдвигается. Отношение к источнику как к ложно авторитетному предполагает наделение речевых форм дискурса документа негативной оценочностью, а оценочный модус политического дискурса прямо или иронически (в рамках иронических стратегий) переориентируется.

При использовании в повседневном общении фольклорных речевых форм авторитет источника всегда воспринимается как истинный в силу его внутренней природы. Активную роль в процессах передачи фольклорного смысла играют жанровые модусы фольклора как эстетической системы. При обращении к речевым формам «своего» фольклора модус источника сохраняется и интенсифицируется, в ряде случаев подвергаясь трансформации по моделям внутренней смысловой перестройки. При обращении к речевым формам «чужого» фольклора общий модус источника сохраняется, а жанровые модусы, в большинстве, значительно обобщаются.

4.2.2 Полифоническая организация текста повседневного личностно-ориентированного дискурса как результат дискурсной деятельности субъекта определенного социально-речевого типа

Цель данного раздела – представить специфику полифонического текста повседневного дискурса в ее обусловленности фактором социально-речевого типа его субъекта, в основе которого – особые принципы формирования образа правильной речи (разделы 2.3.3.2.3 и 2.3.3.3.1 главы 2).

Ориентируясь на положение об ослабленном, по сравнению с другими дискурсами, различии текстовых форм субъектов различных СРТ в дискурсах личностно-ориентированных, из имеющегося материала мы выбрали для анализа 955 текстов, где принадлежность к определенному СРТ была отчетливо проявлена либо в исследовательском паспорте информанта (например, в пометках собирателя: *разговор преподавателей вуза / образование 2 класса*), либо непосредственно в специфике текстовой формы.

Дифференцированных характер образа правильной речи субъекта СРТ-1, высокий уровень освоенности эпистемологических моделей овладения дискурсами и, следовательно, высокий уровень речевого контроля выражается в следующих принципах употребления инодискурсивной речевой формы:

(1) последовательное соотнесенность инодискурсивных речевых форм с их дискурсивно обусловленным содержанием;

(2) четкая дифференцированность смысловой и коммуникативной сфер и дискурсивных правил их употребления;

(3) высокий уровень осознанности обращения к ним.

В отличие от субъекта СРТ-1, субъект СРТ-2 при использовании инодискурсивных речевых форм

(1) допускает их употребление в неполном соответствии с их дискурсивно обусловленным содержанием (речевая форма используется в результирующем тексте вне всей полноты ее дискурсивно обусловленного содержания – актуализируются только отдельные его компоненты, в отрыве от остальных);

(2) смешивает коммуникативные сферы их употребления, используя их вне зависимости от смысловой обусловленности общения, нарушая дискурсивные правила;

(3) демонстрирует низкий уровень осознанности обращения к ним.

Именно поэтому фактор **ориентации субъектана модусно-диктумное содержание источника**, выражающийся в преимущественном использовании его речевых форм при последовательном учете этого содержания, для субъекта СРТ-1 играет в процессах формирования полифонического текста более значительную роль, чем для субъекта СРТ-2.

Осознанное использование инодискурсивных речевых форм в личностно-ориентированном общении субъекта СРТ-1 превалирует. В большинстве случаев модус источника в результирующем тексте получает выдвижение. Абсолютное большинство фактов *неосознанного* обращения к инодискурсивным речевым формам субъектом СРТ-1 мотивировано потребностью в выражении диктумного содержания, получившего в дискурсе-источнике особую номинацию и **не имеющего общеупотребительного обозначения**. Факты неосознанное употребления речевых форм источника вместо общеупотребительных аналогов также имеют место, но только при определенных условиях. Во-первых, содержание полифонического включения в этом случае последовательно соотносится с дискурсивно обусловленным содержанием. Во-вторых, в основном, такое употребление проявляется при актуализации тематики, продуцируемой дискурсами, которые субъект осознает не только как хорошо освоенные им самим в процессах получения полидискурсивного опыта, но и как освоенные его собеседником. Так, речевые формы дискурса документа, представляющие термины определенной производственной сферы, могут возникнуть в личностно-ориентированном общении субъектов СРТ-1, являющихся агентами этой сферы при переходе в иную социальную роль (например, употребление филологических терминов в раскованной повседневной беседе филологов).

В результате используемые субъектом СРТ-1 в повседневном общении инодискурсивные речевые формы чаще нейтрализуют модус источника:

субъектная интенция направлена на выражение значимого для дискурса-источника диктумного содержания. Если же особые субъектные интенции требуют сохранности модуса источника, то в тексте субъекта СРТ-1 часто появляются специальные маркеры его выдвижения, свидетельствующие об осознанности ее инодискурсивного статуса (*так называемый «советский человек»; рабочие, которые называются «участники производственного процесса»* и др.).

Обращение же к плохо освоенным источникам субъекта СРТ-1 регулируется повышенным уровнем речевого контроля, выраженного в метатекстовом оформлении соответствующих рефлексий, особым выдвижением смысла. Данная рефлексия во многих случаях демонстрирует конкретизацию слабо освоенного источника (*термин есть специальный для этого в юридической практике…*), противопоставление собственной позиции по отношению к нему позиции его агента (*как сказали бы специалисты…; как там эти… кандидаты пишут в своих программах…*), характеристику собственной дискурсивной позиции как уязвимой (*короче, какое-то есть для этого особое название, но я забыл*) и под.: *Б. …пусть он/ один раз будет (с иронией)* ***информантом*** *(произносит утрированно, с «а» носовым) // О. А мне это не страшно// Б. А? О. Я* ***респондентом*** *(только должен быть?) Г.* ***Респондентом****// Б. А* ***респондент****/ это что? Это вот кто на анкету должен твою ответить? О. Я (должен быть только?)* ***респондентом****// (отвечая Б.) Да// Б. А какая разница? О. Очень простая! Б. Ну (пауза) // О. Просто разные науки// Б. Какая разница? (Ну или но ?) …* ***информант*** *это тот ш… который дает… О. (перебивая) Это тот, который дает информацию//* ***Респондент****/ это тот/ которого… который дает информацию// Б. Та-а-ак (смеется)// О. (продолжая) Никакой разницы/ просто разные науки// Б. Просто вы… О. А в психологии/ он же* ***реципиент****// Г. Он может и* ***диктором*** *называться у нас/ а у них (шум, двигают стулья)… О. Да? А у нас (он ?) уже* ***диктором*** *не может называться//* (РРР). И хотя субъект СРТ-2 подобную рефлексию также иногда (в повседневном общении – крайне редко) демонстрирует, степень осознанности иноречевого статуса полифонического

включения оказывается значительно ниже и предъявляется он, в основном, в крайне обобщенном виде (*как это правильно сказать…*). Таким образом, осознанное обращение к инодискурсивным речевым формам свойственно как субъекту СРТ-1, так и субъекту СРТ-2, но уровень осознанности различается. Кроме того, подобное обращение у субъекта СРТ-1 в целом проявляется более частотно.

Субъект СРТ-1 четко дифференцирует разные смысловые сферы, разные коммуникативные сферы, а также дискурсивные правила употребления полифонических включений. Это приводит к тому, что полифонический текст, созданный субъектом СРТ-1, характеризуется значительно меньшим, чем спродуцированный субъектом СРТ-2, количеством «неловких швов» (по Б.М. Гаспарову), выраженных в дискурсивно-стилистических диссонансах – контекстно-грамматических и контекстно-семантических (полное их отсутствие в устной спонтанной речи невозможно).

Случаи использования субъектом СРТ-1 инодискурсивных речевых форм, не мотивированного диктумным содержанием повседневного общения (в большинстве, это касается речевых форм, обладающих общеупотребительными аналогами), в основном, связаны с осознанной реализацией иронических стратегий. В текстах же субъекта СРТ-2 фиксируются факты их слабо мотивированного использования.

Несмотря на то что общие модели содержательной трансформации инодискурсивных речевых форм, реализуемые субъектами различного СРТ в повседневных дискурсах, в целом схожи, в способе и частотности их реализации наблюдаются определенные различия.

Рассмотрим их на материале полифонических включений из обозначенных дискурсов-источников.

Концентрация полифонических включений из **дискурса документа** в текстах субъекта СРТ-1становится достаточно высокой в случае обращения к тематике, активно разработанной и интепретированной в этом дискурсе. Если же

тема бытовая, обращение к речевым формам дискурса документа, в основном, единично.

В текстах субъекта СРТ-2, в большинстве, их употребление, независимо от тематики, единично, хотя отдельные тексты с высокой концентрацией речевых форм источника также фиксируются.

Сохранность и трансформация модуса официальности источника для субъектов СРТ-1 и СРТ-2 (1) преимущественно связана с разными аспектами конкретизации общего дискурсивного модуса источника – модуса официальности (объективность и императивность) – и (2) характеризуется разным уровнем осознанности.

В текстах субъекта СРТ-1 при восприятии социального авторитета дискурса документа как **истинного** использование его речевых форм, обладающих общеупотребительными аналогами, мотивируется обозначенными выше условиями, включающими содержательную ориентированность общения и характер его участников. Вне этих условий, в основном, используются речевые формы дискурса документа, не имеющие общеупотребительных аналогов. Модус официальности дискурса-источника имеет выраженную тенденцию к нейтрализации, а истинность авторитета источника, проявленная в специфическом номинировании субъектом дискурсивно значимого диктумного содержания, остается в пресуппозиции: *В. Пойти погулять с Алешкой хоть часок// (к А.) да/ на всякий случай мне надо взять у тебя сведения когда ты* ***вступала в кооператив*** *(к Г.) Алеш/ ну собирайтесь/ идемте гулять* (РРР).

Сохранность социального авторитета источника, в большинстве, связана с реализацией субъектной интенции создания эффекта убедительности, для воплощения которой речевая форма источника приобретает слабо выраженный оценочный смысл, постулирующий истинность его авторитета («официальное» как «объективно верное»). Содержание полифонического включения не получает особого выдвижения, а его реализация не сопровождается диссонансным положением иноречевой формы. Ведущую роль в основании такой неактивной модусной трансформации играет модус объективности источника – как один из

аспектов модуса официальности. Модус императивности, также свойственный источнику, как правило, поглощается диктумным содержанием высказывания и реализуется в особых – проявленных за пределами полифонического включения – формах его выражения: *[1] И что – ты думаешь, могут вот просто так взять и снять* ***со счета*** *личного,* ***зарплатного*** *какую-то сумму? [2] Могут… Не просто так, конечно,* ***на основании решения суда****… могут снять. Без всяких* ***уведомлений****, конечно, не должно быть, но на практике – запросто* (РРТ). Тематическая ориентированность данного текста (диктум)определяет неединичное использование речевых форм источника, среди которых – не только не имеющие общеупотребительных аналогов (*со счета, зарплатного*), но и обладающие ими (*на основании решения суда = по решению суда = так, как решил суд;уведомлений = сообщений*). Модус официальности источника в ряде речевых форм (*со счета, зарплатного*) нейтрализуется. Их функция – номинировать значимое для дискурса-источника диктумное содержание, востребованное в дискурсе результирующем. В полифоническом включении*на основании решения суда* оценочный смысл проявлен минимально. В основе его формирования в результирующем дискурсе – модус объективности источника. Латентное проявление модуса императивности источника можно усмотреть в ссылке на социальную функцию суда как институциональной предписывающей инстанции, но в данном контексте она не активна (скорее, активна функция закона в целом). Использование речевой формы *уведомлений* в большей степени, чем остальные выделенные речевые формы, основывается на модусе императивности источника, который поглощается содержанием соответствующего фрагмента высказывания, выраженным в форме долженствования (*не должно быть*). В целом в данном тексте рассмотренные результативные модусы не проявляют высокой активности и стремятся к нейтрализации.

В следующем примере за счет взаимодействия речевых форм дискурса документа с показателями перформативной функции высказывания в его поверхностной структуре эксплицируется императивность: *Там из* ***деканата***

бумажка лежит – всем <u>*посмотреть*</u> ***учебно-производственный план****, ну, это,* <u>*сверить*</u> ***количество часов****, там, все ли* ***курсы****…* (РРТ). Но привычность вербального оформления обозначенного действия, освоенность правил дискурса-источника всеми субъектами общения, а также содержательная мотивированность употребления рассматриваемых речевых форм и отсутствие общеупотребительных аналогов сводит модус официальности к минимуму, практически нейтрализуя его.

В текстах субъекта СРТ-2 при восприятии социального авторитета дискурса документа как истинного модус официальности дискурса-источника при использовании его речевых форм, в большинстве, сохраняется и даже имеет тенденцию к активной трансформации и выдвижению. Модусные трансформации содержания источника во многих случаях сопровождаются диссонансным положением речевой формы в тексте результирующего дискурса, что является следствием выдвижения этого содержания, с одной стороны, и неполной связанностью речевой формы с ее дискурсивно обусловленным содержанием, характерной для субъекта СРТ-2, – с другой.

В силу меньшей включенности субъекта СРТ-2 в процессы дискурса документа (по сравнению с субъектом СРТ-1) социальный авторитет источника для него повышается (преувеличивается субъектом), а дискурсивно значимое модусно ориентированное диктумное содержание во многих случаях предъявляется как источник верификации верного, гармоничного – «правильного» существования. В результате в основании модусной трансформации речевых форм более активным, чем при их использовании субъектом СРТ-1, становится модус императивности источника – как один из аспектов модуса официальности. В результирующем тексте для реализации интенций оценки и убедительности полифоническое включение получает оценочность, которая подвергается субъектному выдвижению: *[О нынешней сожительнице сына и бывшей снохе:] Да она лохмошница молчала бы! Такая беда! Чаво Нюська наделала! Напилась в дугу пьяная! Сын говорит ей: «Сматывайся отсель. Чтоб тебе здесь не было, такой поганки!». Ничего не*

было, никого, вся гола была, когда пришла! Первая-то баба законная жена, она ***легистрирована****. Она в каком-то консомоле работает* (СГ). «Регистрированный брак» в данном тексте предстает как форма «правильного», гармоничного существования, фиксируемая в соответствующем полифоническом включении при отсутствии общеупотребительных аналогов. Модус императивности источника проходит два этапа трансформации: (1) чтобы достичь гармонии в быту, необходимо брак зарегистрировать; (2) партнер в зарегистрированном браке оценивается выше. В результате полифоническое включение становится носителем позитивнооценочного модуса, основанного на преобразовании объективно-официального статуса действия в источнике в высокий бытовой статус в дискурсе результирующем, т.е. институциональная значимость его содержания становится основанием для выражения содержания личностно-ориентированного. Диссонансное положение речевой формы источника («неловкость шва») проявляется в нарушении его контекстуально-семантической сочетаемости (*она легистрирована = их брак зарегистрирован*).

Ориентация на модель «правильного» существования, основанная на восприятии модуса императивности дискурса документа и закрепленная в его речевых формах, повышает активность их использования субъектом СРТ-2 в позитивнооценочной функции. Оценочный модус полифонические включения из дискурса документа в текстах субъекта СРТ-2 реализуют значительно чаще, чем в текстах субъекта СРТ-1 (в проанализированном материале – в соотношении приблизительно 73% и 27%).

Косвенным обоснованием активности использования речевых форм дискурса документа субъектом СРТ-2 в оценочной функции также является «внешний» характер расширения полидискурсивного опыта. Некоторое количество речевых форм данного дискурса-источника попадает в их личный речевой опыт опосредованно, но не получает достаточного уровня освоенности (через источники, обладающие внутренним авторитетом, – «услышал» от соседей, взрослых детей, из СМИ и под.). В результате пиететное отношение к закрытой для субъекта сфере выражается в выдвижении позитивнооценочного смысла при

реализации оценочных интенций: *Старшая дочь в* ***отделе кадров****, сын в Томским, третий сын –* ***миркировщик*** *[маркировщик], лес проверяет. Пять человек детей вырастила, выучила!* (СГ) //*Одна дочь уехала в Астонию. Сын на* ***кране****работает. В* ***населенном пункте****. Все устроены дети* (СГ) // *Муж не дает снохе моейной работать, а учена она. Дай бог всем так грамотить, да. Она молода девка, а тута всем не угодишь. А она* ***фтиринар*** *была, врачиха, значит, для скота* (СГ). Использование выделенных речевых форм направлено на маркирование высокого, с точки зрения говорящего, личностного статуса обсуждаемого лица. Оценка проявляется либо через прямое официальное номинирование этого статуса (*миркировщик, фтиринар*), либо через номинирование признаков, характеризующих его особое положение как официально обозначенное (*в отделе кадров, на кране, в населенном пункте*).

Высокая активность оценочного модуса – как результата трансформации модуса официальности источника – может проявляться в текстах субъекта СРТ-2 и при ведущем характере информативной интенции. Рассмотрим текст, представляющий пример особой концентрации речевых форм дискурса документа, не характерной для субъекта СРТ-2 в повседневном общении: *[О строительстве дома:] Блинов у нас был умный мужик/* ***председатель колхоза*** *// научил меня что ты/ делай* ***план-смету*** *// сколько вот этот…* ***коробка*** *будет стоить… и всё/ ну и…* ***согласно*** *в колхоз я деньги* ***заносила*** *// например/ сделали мне/ вон тысячу должна денег/ тысячу иль две там/ полторы или/ вот за эту* ***коробку****/ я отдавала в* ***правление/ правление рассчитывало под роспись****/ как* ***ведомость вели****/ чтобы мало ли/ не отказались/ или там что/ меня научили в городе* (НКРЯ). Ведущая субъектная интенция – информативная. При этом в содержании текста отчетливо проявляется реализация оценочных интенций, дополняющих информативные и отражающих значимость для говорящего официальной фиксации осуществляемых им действий (*умный мужик /…/ научил меня, чтобы мало ли/ не отказались /…/ меня научили в городе*). Такая установка активизирует использование речевых форм дискурса документа, связанных с той частью его дискурсивных правил, которые субъекту в той или иной степени

пришлось освоить. Ориентированность на дискурс-источник как инстанцию, обеспечивающую безопасность субъекта в повседневной жизни (следствие восприятия его социального авторитета как истинного), определяет обращение к его речевым формам как носителям субъектной оценки. Их повышенная концентрация – с одной стороны – и диссонансное употребление (***согласно*** *[в колхоз я деньги]* ***заносила*** *= согласно смете […] вносила* и др.) – с другой, представляют авторитет источника как преувеличенный. Оценка значимости официальной фиксации действий трансформируется в оценку документирования в целом.

Результаты восприятия социального авторитета дискурса документа как **ложного** в полифонических включениях текстов повседневных дискурсов субъектов СРТ-2 практически не фиксируются.

Оценочное использование речевых форм дискурса документа – как результат модусной трансформации – в повседневном общении субъекта СРТ-1, в основном, осуществляется осознанно-иронически и проявляется при восприятии авторитета источника и как истинного (*А че там выбирать? Ты и есть <u>готовый, самый настоящий великий и могучий</u>* ***председатель родительского комитета****. <u>В деле проверенный не раз</u>. Я их не знаю всех, конечно, но вряд ли там кто-то еще будет… Готовься, в общем, я буду тебя предлагать!* (РРТ)), и как ложного (*Даже не предлагай мне его, я ему не подхожу – у него все по полочкам. Он и жену себе найдет* ***в соответствии с требованиями ГОСТа****!* (РРТ) // *Б. Днем было совсем не холодно// Нет наверно// (пауза. А. одевается) ты* ***сепаратно*** *(иронически) собираешься гулять?* (РРР)). Только при осознанной экспликации социального авторитета дискурса-источника как ложного в содержании его речевых форм, используемых субъектом СРТ-1, активизируется модус императивности (говорящий «сопротивляется» этой императивности – см. последние 2 примера).

Отметим, что отличительным свойством субъекта СРТ-1 являются не иронические стратегии в целом (их использует и субъект СРТ-2), а оперирование в их рамках речевыми формами дискурса документа.

Таким образом, ведущим параметром, различающим тип междискурсивной трансформации речевых форм дискурса документа субъектами различного СРТ, является степень полноты восприятия модусно-диктумного содержания речевой формы источника при его обработке в результирующем тексте, определяемая различным уровнем освоенности этого источника.

В результате в текстах субъекта СРТ-1модус официальности, в основном, стремится к нейтрализации. Активные модусные трансформации содержания источника реализуются только в рамках осознанного (преимущественно иронического) использования его речевых форм. В обосновании модусной трансформации речевых форм дискурса документа субъектом СРТ-1 ведущую роль играет модус объективности(как один из аспектов модуса официальности) источника. Модус императивности (как другой его аспект) выдвигается только при обращении к социальному авторитету источника как к ложному.

В текстах субъекта СРТ-2 использование речевых форм дискурса документа имеет тенденцию к модусной сохранности, но в силу неполной, часто «внешней», освоенности их информационного содержания – в смысловой структуре результирующего текста он не растворяется, а, наоборот, чаще проявляет повышенную интенсивность и испытывает активные трансформации. Это проявляется в неосознанном наделении полифонических включений оценочным смыслом. В основе модусной трансформации речевых форм дискурса документа субъектом СРТ-2 – модус императивности (как один из аспектов модуса официальности) источника.

В отличие от дискурса документа, **политический дискурс** равномерно ориентирован на распространение среди всех его клиентов и предназначен для восприятия обыденным человеком, вне зависимости от СРТ. В результате различия в использовании его речевых форм субъектами СРТ-1 и СРТ-2 в значительно меньшей степени обусловлены уровнем его освоенности (количеством освоенных речевых форм). Ведущую роль в данном случае играет фактор сформированности эпистемологических моделей освоения дискурса, обеспечивающий дифференцированность образа правильной речи.

Четче, чем субъект СРТ-2, осознавая манипулятивную природу политического дискурса, субъект СРТ-1 при использовании его речевых форм более последовательно сохраняет их политически ангажированный модус. Если модус дискурса документа при использовании его речевых форм субъектом СРТ-1 в повседневном общении имеет тенденцию к нейтрализации, то модус политического дискурса в аналогичных коммуникативных условиях, наоборот, имеет тенденцию к выдвижению. За счет дискурсивного ограничения на использование речевых форм политического дискурса в собственно-информативной функции их частотность в повседневном общении субъектов СРТ-1 оказывается ниже, чем в соответствующих дискурсах субъектов СРТ-2 (приблизительно 38% и 62%).

Нейтрализацию модуса источника в текстах субъектов СРТ-1 речевые формы политического дискурса демонстрируют только в случае их функционального сближения с речевыми формами дискурса документа (что наиболее характерно для речевых форм советского политического дискурса в силу особой политической ангажированности правовых отношений в советском государстве, отражаемых в дискурсе документа). Значимым условием для такой нейтрализации является то, что документально закрепленные речевые формы не имеют общеупотребительных аналогов, а говорящий в этом случае выступает в коммуникативной позиции внешнего повествователя: *[Бабушка, жен, 93] Вот / и я / когда училась / во-первых / платно было / я платила / за меня папа платил /вот / я платила / и нас не устраивали / устраивайтесь сами. [Внучка, жен, 20] А те / кто на бесплатном учился… [Бабушка, жен, 93] А? Бесплатно* ***рабочие и крестьяне****… [Внучка, жен, 20] А… [Бабушка, жен, 93] И их брали в институт / нас не брали / служащих. [Внучка, жен, 20] А…* (НКРЯ). Несмотря на то, что говорящий повествует о событиях, затронувших его лично, его оценочная интенция направлена на внешние личному событию обстоятельства. Говорящий оценивает уровень самостоятельности современной молодежи, и в контексте этого его положение, не соответствующее обозначенному политически значимому статусу, оценивается как основание для этой самостоятельности. В

результате рассматриваемые речевые формы приводятся как оценочно-нейтральные в силу их документально-правовой значимости (в данном случае – официальное закрепление разной степени доступа к образованию для представителей различных социально-политических групп населения, имеющих особую – политическую = документальную – номинацию). В результате использование речевых форм политического дискурса осуществляется по принципу, приближенному к принципу использования речевых форм дискурса документа, предполагающего стремление к нейтрализации модуса источника. Презумпция приятия/неприятия политической позиции источника для субъекта СРТ-1 не релевантна.

Субъект СРТ-2 в коммуникативной позиции внешнего повествователя использует речевые формы источника как не обладающие, так и обладающие общеупотребительными аналогами. Презумпция приятия политической позиции источника становится релевантной: *Таперь ладно. Уж как красные подошли, они помогнули* ***взять власть в руки****. Колчака тоже расстреляли* (СГ) // *При* ***царским правительстве*** *было* ***неравноправие****. Когда Ленин* ***возглавил*** *–* ***равноправие*** *стало,* ***землю делить по ядокам****; раньше* ***по мужским душам*** *дялили. Сибирь поглуше. Генералы подобрались и* ***свергли власть***(СГ). В данных примерах наряду с речевыми формами политического дискурса, не имеющими общеупотребительных аналогов (***царское правительство*** – негативнооценочное в источнике[102]***,делить землю по ядокам /по мужским душам*** – противоположная оценочная ориентация в источнике), в собственно-информативной функции используются речевые формы, обладающие нейтральными синонимами (***взять власть в руки*** = *победить* – в источнике употребляется только при описании действия позитивно оцениваемой политической силы, т.е. стабилизирует позитивный модус, ***возглавить*** = *стать лидером* – в источнике употребляется при номинировании действия позитивно оцениваемого лидера, ***свергнуть власть***

[102] Здесь и далее: результаты анализа контекстной семантики выделенных речевых форм в политически ангажированных текстах советской эпохи – политические документы, периодическая печать, тексты выступлений политических лидеров (см. список источников).

= *победить* – в источнике применяется при номинировании действия как негативно, так и позитивно оцениваемой политической силы). Возможность употребления последних в собственно-информативной функции обеспечивается презумпцией приятия говорящим стабилизированной в них политической позиции (в контексте это подтверждается сохранением не только диктумного, но и модусного содержания речевых форм ***равноправие/неравноправие***) либо ее вариативностью в источнике.

Как только коммуникативный план говорящего субъекта становится внутренним (позиция лично заинтересованного повествователя), идеологический оценочно-ориентированный модус источника получает выдвижение в текстах как субъекта СРТ-1, так и субъекта СРТ-2. В его основе – восприятие социального авторитета источника.

Активность идеологически ориентированного модуса источника, обеспеченная принятием истинности его авторитета, в этом случае наиболее последовательно проявляется в связи с осмыслением говорящим политической деятельности как части собственной социально значимой трудовой биографии, политического статуса – как результата социально полезных трудовых заслуг, получивших достойную оценку. Сохранность модуса источника проявляется в речевых формах, используемых как субъектом СРТ-1 (*[Воспоминания учительницы-пенсионерки о войне, эвакуации, послевоенной жизни, городе Приозерске:]Значит в сорок пятом году нас поместили… Куда же? Ага/ в гостинице/ вот/ ночевали тоже без стёкол и без дверей/ в такой/ где милиция /…/ а потом /вот/ в этот дом переселились и в сорок третьем году дали квартиру в этом доме/ там дом уже весь обветшал/ был засыпан опилками/ стал… где опилки все провалились/ ну в общем… Я тогда работала/ значит… Где?В* ***горкоме партии секретарём*** */ ну может и это помогло/ что дали нам/ ну/ во всяком случае/ я всё время* ***депутатом городского совета избиралась****/ была* ***членом… избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет****/ ну всякий была/ помощником прокурора/ это общественным/ всё время занималась такой* ***общественной деятельностью****. Читала лекции* ***по международной политике****/*

по ***идеологической борьбе****. Раньше были такие… у нас* ***организации общество знания****/ вот/* ***первичная организация*** *у нас здесь была* ***при горкоме партии****/ вот/ я лектором была. Все районы/ все… то есть все посёлки/ все предприятия обслуживали мы/ поэтому меня знает весь район/ и в городе/ и в районе знают все* (НКРЯ)), так и субъектом СРТ-2 (*Я же* ***труженик военный***[103]*, в колхозе всё-о, всю жисть работала* (АГ) // *Как вспомню свое детство… Мать у меня была* ***стахановкой*** *по льну, ее даже в Москву посылали* (РД)). Воспринимая авторитет дискурса-источника как истинный, субъект любого СРТ сохраняет его идеологически-ориентированный оценочный модус, в результирующем дискурсе эксплицируя значимый для дискурса-источника диктум (политическая=трудовая активность, получающая вознаграждение) и модус (личностное принятие социальной оценки).

При восприятии социального авторитета политического дискурса как **ложного** характер использования его речевых форм субъектами СРТ-1 и СРТ-2 различается более значительно.

Субъект СРТ-2 редко выражает дискурсивное сопротивление через аксиологическую переориентацию модуса источника, значительно чаще модус источника нейтрализуется: *А мы сами в колхоз не всходили. Мы годов пять, а может, более мы в колхоз не всходили. Нас драли, у нас была земля, нам дали по рубежу: у затворницкого, у ляпицкого. /…/ И все равно взошла. Сперва я взошла, замуж-то вышла – мне усадьба нужна, а то у нас усадьба была двадцать пять соток. Нам не давали: как* ***единоличники*** *– нам давали двадцать пять соток* (РД). Отношение к политически значимому содержанию не распространяется на его выработанную политическим дискурсом номинацию (*единоличники*) – ее содержание воспринимается как нейтральное (либо как документальное, но вне политической ангажированности). Ее социальный авторитет говорящим признается, но не воспринимается как форма выражения политической оценки.

---

[103] Вероятнее всего, от «труженик тыла» – официальное наименование государственного статуса, дающего особые социально-экономические привилегии.

Субъект СРТ-1 при восприятии социального авторитета политического дискурса-источника как ложного демонстрирует высокий уровень выдвижения его идеологически ориентированного модуса, проявленный в его аксиологической переориентации. Дискурсивное сопротивление, оказываемое субъектом СРТ-1, всегда имеет осознанный характер и не допускает его нейтрализации. В большинстве случаев содержание речевых форм политического дискурса получает осознанное выдвижение, выраженное через их метатекстовое оформление: *…а первая моя была экспедиция/ я была одна/ это была не… должна была я ехать и Светлана Бах должны были ехать в экспедицию первую экспедицию послевоенную в 45-м году/ в июле а так как мы с ней были членами партии то нас вызвали и отправили в села Хвалынского района куда и экспедиция потом приехала но до этой экспедиции еще/ и порознь в разные села/ это называлось* ***в помощь парторганизации колхоза*** *[Беседы с О.Б. Сиротининой]* (НКРЯ) // *А потом при развале Советского Союза/ когда всё пошло наперекосяк/ когда/ так сказать/* ***национальные окраины получили свою независимость****… ну/ как-то вот что-то в душе перевернулось. Я почувствовала себя/ например/ осиротевшей/ можно сказать. Потому что всё-таки Советский Союз нас всех объединял – людей разных национальностей* (НКРЯ). Выделенные речевые формы номинируют позитивные с позиции дискурса-источника политические акты, от политической оценки которых говорящие осознанно дистанцируются, обозначая понимание их инодискурсивной ангажированности в метатекстовых комментариях. В результирующем дискурсе либо оценка содержания источника не вербализуется (первый пример), либо оно оценивается негативно (*всё пошло наперекосяк; что-то в душе перевернулось*). Метатекстовое оформление (*это называлось; так сказать*) указывает на осознанность оперирования говорящим стабилизированным дискурсивным выражением, закрепляющим позитивнооценочный идеологический модус источника, по цитатному принципу. В результате говорящий, дистанцируясь от политически ангажированной речевой формы, дистанцируется и от его оценочного содержания.

Осознанная аксиологическая переориентация модуса источника субъектом СРТ-1 и его выдвижение проявляется даже при отсутствии специальных метатекстовых показателей: *[Иванова, жен, 93]Из моей ячейки выжила только одна. Нина Стариевская? /которая потом жила здесь/ в Интернате* ***старых большевиков****/ и звонила мне иногда/ и говорила: «Тамара/ приходи к нам на* ***собрания старых большевиков****». [смех] А я ей говорила/ «ты что с ума сошла? Вы меня в девятнадцатом году выгнали/ а я ещё пойду на ваши* ***собрания****?»* (РМ) (осознанность аксиологической переориентации речевой формы проявляется (1) в фабульной (диктумной) структуре текста – ироническое тавтологическое номинирование места проживания (*в Интернате старых большевиков*) и вида социальной деятельности (*собрания старых большевиков*) «политического противника», цитирование его высказывания, где он идентифицирует себя с объектом оценки (*к нам на собрания…*); (2) в его модусной иронической структуре – в самоцитате характеристика действий «политического противника» (*с ума сошла, выгнали*), оценка неуместности его предложения, самодистанцирование от его деятельности (*еще пойду на* ***ваши*** *собрания*)) // *[Собеседница, жен, 36] Интересно. [Успенский, муж, 73] такую жизнь вести. А кроме того у меня был такой/ это вот во второй части я буду подробно рассказывать/ там жулик такой был. Мсье Альбер. Антуан Альбер. Милый очень человечек/ который нам преподавал французский язык// но милый человечек/ он все-таки был (с усмешкой)* ***агентом международного империализма****// Сам того возможно не подозревая* (РРР) (осознанность аксиологической переориентации речевой формы проявляется в двойной иронической структуре текста: (1) бытовая ироническая оценка *милый человечек* (=*жулик*); (2) ироническое переосмысление прямой политической оценки (*агентом международного империализма*); ложно-положительный бытовой статус объекта оценки говорящий иронически представляет как не соответствующий его истинно-отрицательному политическому статусу (*все-таки; Сам того возможно не подозревая* + отмеченная собирателем усмешка) – в результате аксиологический вектор

политической оценки, проявленной в речевой форме *агентом международного империализма*, становится инструментом реализации иронической стратегии).

Таким образом, ведущим фактором, определяющим различие в использовании полифонических включений из политического дискурса субъектами различного СРТ, является уровень осознанности политической ангажированности его речевой формы.

В случае восприятия социального авторитета источника как истинного политическая ангажированность не эксплицируется говорящими и воспринимается как объективированное (естественное) содержание речевой формы. В коммуникативной позиции личной заинтересованности модус источника одинаково последовательно сохраняться в текстах субъекта как СРТ-1, так и СРТ-2: оценка с политической позиции при этом предъявляется как оценка личных достижений. В коммуникативной позиции внешнего наблюдателя нейтрализация модуса источника в текстах субъекта СРТ-1 фиксируется редко и связана с номинированием политических событий и явлений при отсутствии общеупотребительных аналогов. В текстах субъекта СРТ-2, находящегося в той же коммуникативной позиции, подобная нейтрализации более частотна, речевые формы политического дискурса используются и при наличии общеупотребительных аналогов – как удобная, усвоенная вне политической значимости форма номинирования политически значимого диктума.

При восприятии социального авторитета как ложного субъекты СРТ-1 и СРТ-2 демонстрирую разные модели дискурсивного сопротивления. Субъект СРТ-2 частотно использует речевые формы политического дискурса в собственно-информативной функции, нейтрализуя модус источника.

В текстах субъекта СРТ-1, демонстрирующего высокий уровень такой осознанности, идеологически ориентированный модус политического дискурса интенсифицируется, что проявляется в аксиологической переориентации модуса источника и его осознанном выдвижении. Выдвижение оформляется либо в ироническом употреблении полифонического включения, либо в его цитатном употреблении, осознанно фиксирующем иноречевой статус.

В силу естественности интенций овладения правилами **фольклорного дискурса**, включенности позиции его агента в структуру социальной роли обыденного человека – уровень его освоенности слабо зависит от СРТ.

При этом количество использований речевых форм фольклора в качестве полифонических включений в текстах СРТ-1 выше и разнообразнее в плане используемых жанров-источников[104]. Это связано с общим свойством субъекта СРТ-1 четче дифференцировать сферы собственного полидискурсивного опыта, в результате чего он осознанно отделяет специфику фольклорного говорения, осознает специфику его речевых форм, что является необходимым условием цитатного обращения к ним: *[Феоктистова А.С., жен] Внизу в крипте этой церкви похоронен ээ… некто Ипатьев. Ээ… коф… где ээ… этот самый человек/ он жил где-то/ по-моему/ в Сибири или на Урале. Там расстреляно было всё/ всё/ всё семейство Николая Второго. Ипатьев. Отсюда* <u>*пословица*</u>*/ «**От Ипатьевского монастыря до Ипатьева/ который в Праге**». Значит/ там он умер. С.С. Значит в Тобольске он был? В Тобольске* (НКРЯ) – пословица; *На мужа обиделась, поэтому с работы увольняешься… И какая связь? Это как «**летят два крокодила: один – зеленый, другой – в Африку**»! Ничего не понимаю! Объясни…* (РРТ) – цитата из современной загадки-алогизма (см. также примеры обращения к другим фольклорным жанрам, представленные в разделе 4.2.1.2: большинство из них реализовано в текстах субъектов СРТ-1).

В составе речевых форм фольклора, используемых субъектом СРТ-2 в качестве полифонических включений в повседневном общении, в большинстве, обнаруживаются пословицы, использование которых совмещает принципы цитирования и исполнения. Кроме того, при использовании пословиц субъект СРТ-2 практически не выделяет их в процессе повседневного говорения, абсолютно «присваивая» фольклорный авторитет «общего» текста вне интенции повысить статус собственного речевого произведения (в условиях комфортного

---

[104] В связи с тем, что общее количество контекстов, фиксирующих обращение к речевым формам фольклора, невелико на фоне общего количества обработанного материала, убедительность количественного сопоставления фактов цитатного обращения к фольклорным текстам субъектов СРТ-1 и СРТ-2 снижается.

общения): *Хоть мне глаз не надо завязывать, ни одна *** [внебрачного, нагулянного, случайного ребёнка] не принесла.* ***Расти косонька до пят, женихи торопят. Где старая девка есть – тамчерта нет. Где есть козёл да стара девка есть – там черта нет****. Ну уж замуж кака не взята – она злая* (НКРЯ).

Обращение к другим фольклорным жанрам для субъекта СРТ-2, в большинстве, связано со сменой «риторико-стилистического регистра», «точки зрения говорящего» [Адоньева, 2004, 60], приводящей не к цитатной, а к исполнительской модели ретрансляции фольклорного текста, причем случаи метатекстового маркирования такого перехода фиксируются редко (*Вот как в песне…[поет]*). В качестве иллюстрации специфики принципов обращения к фольклору субъекта СРТ-2 показателен следующий контекст: *Бывало в праздник тоже сидим с матерью-то, а никого-то нету, она со мной рядом, своё разговорились, та за свою за жизнь, а я ёй и говорю: «****Буду вечно обижаться на свою родимую, да уродила девушку какую несчастливую****». А она: «Ой, ты уж это бы мне не говорила, и так сердцу тяжело от тебя». Я уж часто ей-то говорила: «****Зачем маменька родила на такое горюшко, да лучше родная меня спустила в буйно морюшко****». –«Ой, девка, не говори, не говори». Как раздумаю, так вот это когда сижу, да и сама-то про себя и стану складывать. Какаа жизнь идёт дак, так и говоришь. Я ить такие песни не пою, а от чо придумаю, что как живу да как трудно, дак всё это и правда* (НКРЯ). Четко осознавая песенную природу самоцитат (*Я ить такие* ***песни*** *не пою*), говорящий, тем не менее, неоднократно маркирует их коммуникативную естественность в ситуации повседневного говорения (*я ёй и говорю; ты уж это бы мне не говорила; Я уж часто ей-то говорила; не говори, не говори; так и говоришь*). С одной стороны, это указывает на переход к фольклорному регистру говорения (не цитирование песни, а исполнение ее фрагмента, который в связи с этим не может быть квалифицирован как полифоническое включение), а с другой – на естественность такого перехода в повседневном речевом процессе, «присвоение» фольклорного авторитета. Таким образом, «свой» фольклор субъект СРТ-2, в основном, не использует (цитирует), а исполняет. К чужому же фольклору он практически не

обращается, отсюда – разница в количестве фактов включений из фольклора в полифоническом тексте повседневных дискурсов субъекта СРТ-1 и СРТ-2.

Разнообразное в функциональном отношении и в плане типов привлекаемых речевых форм обращение к фольклорному источнику, рассмотренное в разделе 4.2.1.2, в основном, характерно для субъекта СРТ-1. Свойственный ему высокий уровень дифференцированности образа правильной речи определяет повышенное внимание к текстовой форме. Это проявляется в обращении к инодискурсивным речевым формам различной прототекстовой принадлежности – в осознанном формировании их диссонансного положения в результирующем тексте, в цитатном использовании стилистико-ресурсных полифонических включений, основанном на осознании их инодискурсивной принадлежности и ангажированности дискурсом-источником и под. Такие принципы осознанного восприятия текстовой формы дискурса-источника и основанные на них принципы порождения результирующего текста субъект СРТ-1 реализует и при использовании фольклорных полифонических включений, расширяя, во-первых, круг цитируемых единиц (привлекаются речевые формы разных жанров; равным образом последовательно выделяются как формы «своего», так и «чужого» фольклора), во-вторых, их функциональность в результирующем тексте. Так, только субъект СРТ-1 активно эксплуатирует специфическую эстетически значимую форму фольклорного текста для реализации игровых, развлекательных, контактоустанавливающих интенций: *[О визите в государственное учреждение:] – И я там был… –* ***Мед-пиво пил****? – Все тебе расскажи…* (РРТ). Запрашивание фольклорной формулы осуществляется на исключительно формальном основании. Сосредоточенность на форме и редукция содержания оформляет общую ироническую оценку ситуации, не конкретизированную применительно к обсуждаемому объекту.

Таким образом, наиболее выраженные различия при формировании полифонического текста повседневных дискурсов субъектами СРТ-1 и СРТ-2 проявляются в использовании речевых форм дискурса документа, требующего для его освоения специальных условий. Общая модель активной трансформации

его речевых форм реализуется субъектом СРТ-1 и СРТ-2 по-разному. Субъект СРТ-1, в основном, неосознанно использует речевые формы, не имеющие общеупотребительных аналогов, при нейтрализации модуса официальности источника.

Использование в повседневных дискурсах речевых форм политического дискурса субъектами СРТ-1 и СРТ-1 различается уровнем осознанности политической ангажированности его речевых форм. Наиболее активно это проявляется при восприятии социального авторитета политического дискурса как ложного.

Полифонические включения из фольклорного дискурса в повседневном общении значительно чаще и разнообразнее использует СРТ-1, демонстрирую более высокий уровень дифференцированности сфер полидискурсивного опыта.

4.3 Полифонический текст в неповседневных личностно-ориентированных дискурсах

В данном разделе рассмотрим специфику формирования полифонического текста в неповседневных дискурсах на основании отношения содержания используемых субъектом инодискурсивных речевых форм к их содержанию в источнике (4.3.1), а также на основании специфики их использования субъектом определенного социально-речевого типа (4.3.2).

4.3.1.Модусное содержание дискурсов-источников в полифоническом тексте неповседневных дискурсов

Неповседневные дискурсы протекают при нарушении привычных сценариев общения, что формирует нестабильность положения говорящего и определяет его стремление к восстановления дискурсивного порядка.

Образ правильной речи, выработанный в повседневном общении, не отвечает дискурсивным интенциям общения неповседневного. Новый образ

правильной речи, не отработанный субъектом, не привычный для него, формируется ситуативно, поэтому его структура характеризуется большей открытостью. Субъект, обращаясь к дискурсивному опыту стратегического использования имеющегося знания [Дейк, Кинч, 1988], формирует образ правильной речи, активно привлекая принципы инодискурсивной организации речевой формы. Если в дискурсах повседневных обращение к инодискурсивным речевым формам является частью привычных принципов общения, то в дискурсах неповседневных наряду с привычными моделями обращения к ним ситуативно формируются новые модели.

В результате во многих случаях границы полифонических включений, даже при их неосознанном использовании, в речевом произведении не растворяются. Количество обращений к ним возрастает (88% от всех случаев использования зафиксировано в дискурсах рассматриваемого типа). Возрастает и их концентрация в отдельном тексте.

Приведенные положения отражают таблицы 4 и 5 (раздел 4.1) и таблица 6, отражающая концентрацию стилистико-ресурсных полифонических включений в текстах повседневного и неповседневного дискурса (соответствующие данные относительно цитатных полифонических включений не показательны, так как, в основном, каждое из них используется в отдельном тексте).

Таблица 6 – Количественные показатели использования стилистико-ресурсных иноречевых форм в личностно-ориентированных дискурсах различного типа

	всего	Повседневные дискурсы	Неповседневные дискурсы
Инодискурсивных речевых форм	2084	379	1846
Случаев употребления иноречевых форм	3309	666	2643
Текстов, включающих иноречевые формы из рассматриваемых дискурсов	1434	559	875
Количество на 1 текст	2,308	1,191	3,021

Рассматриваемые речевые формы выполняют в неповседневных дискурсах функцию легитимации представляемого содержания наряду с информативной: *Работала в сельпо. Ну,* ***комсомолка****, конечно, была,* ***с тридцать пятого года. Направили в органы, секретарь-счетовод****. Работала* ***до пятидесятого года***

(РРА) // ***За работу в тылу награждена тремя медалями – «За самоотверженный доблестный труд», «100 лет со дня рождения Ленина», «Участнику трудового фронта»***. *Привезли в подарок скатерть…* (СГ) //*Работала в Кёнге, начала еще до войны.* ***Имела билет ударника****, возили на слет ударников. Так и жила – куда посылали, туда шла* (СГ) // ***На протяжении это время*** *работал на шахте двадцать седьмой* ***до тысяча девятьсот семьдесят седьмого года / семьдесят шестой году в октябре месяце*** */ так как был* ***запуск*** *шахты Воргашорской / переводом через комбинат перешел на шахту Воргашорскую / и по сей день работаю // За это время* ***провожу большую общественную работу / настоящее время являюсь председателем совета наставников шахты Воргашорская*** (РРСВ) // *…можно сказать двадцать первого июля / вот / будет ровно двадцать три года /как я* ***нахожусь*** *нашей родной Воркуте // Здесь прошли мои годы молодые //* ***Прибыл*** *с армии / город и посёлки строились на глазах /* ***с каждым днем*** *Воркута* ***хорошеет*** */ и всё это радует глаз человека // Вот взять Воргашорская шахта /* ***ровесница десятой пятилетки*** */ которая* ***звучит на всю страну / на весь мир*** */ одна из первых / которая* ***даёт сверхплановый уголь*** (РРСВ). В приведенных монологах разных авторов, записанных в аналогичных условиях общения с представителем иной культуры – филологом-собирателем, говорящие формируют текст при повышенной активности использования инодискурсивных речевых форм, отвечая на просьбу рассказать о себе. Общение с речевым партнером особого типа провоцирует говорящего обращаться к институционально значимому содержанию независимо от изначально заданной тематики общения. Реагируя на просьбу рассказать о себе, информанты, в первую очередь, строят повествование с опорой на социально значимые (и официально оформленные) факты собственной биографии, активно привлекая институциональные значимые ее аспекты и используя для их выражения институционально отработанные речевые формы.В основном, это речевые формы дискурса документа (*с тридцать пятого года; направили в органы; секретарь-счетовод; до пятидесятого года; за работу в тылу награждена … медалями; имела билет ударника; на протяжении…; до*

тысяча девятьсот семьдесят седьмого года; в семьдесят шестом году; проводить большую общественную работу; в настоящее время являться председателем совета наставников шахты; находиться; прибыть и др.) и медийного дискурса, в том числе сферы его взаимодействия с дискурсом политическим (*с каждым днем ... хорошеет; ровесница десятой пятилетки; звучит на всю страну / на весь мир; даёт сверхплановый уголь*).

В процессах формирования полифонического текста неповседневного общения речевые формы дискурсов, обладающих внешним по отношению к обыденному человеку социальным авторитетом, где формы и способы общения закрепляются вне его участия (в нашем материале – дискурс документа и политический дискурс), играют более значительную роль, чем речевые формы дискурсов, социальный авторитет которых является внутренним (фольклорный дискурс). При общем возрастании количества обращений к инодискурсивным речевым формам в неповседневных дискурсах по сравнению с повседневными (таблицы 4, 5, 6) – количество включений из фольклорного дискурса значительно снижается и составляет не более 23 % от общего количества случаев их использования.

Рассмотрим специфику реализации модусов дискурса-источника в неповседневных личностно-ориентированных дискурсах на материале полифонических включений из дискурса документа, политического и фольклорного дискурсов.

4.3.1.1 Сопротивляемость нейтрализации модусов источника в полифоническом тексте неповседневных личностно-ориентированных дискурсов

В разделе 4.2.1.1 мы рассмотрели условия нейтрализации модусов официальности дискурса документа и идеологически ориентированного оценочного модуса политического дискурса в процессе повседневного

употребления их речевых форм. Интенциональность неповседневных дискурсов подобной нейтрализации сопротивляется.

Цель данного раздела – представить причины последовательной сохранности модусов дискурса-источника при использовании его речевых форм в неповседневном личностно-ориентированном общении.

Как уже отмечалось, наиболее последовательно в повседневных дискурсах модус источника подвергается нейтрализации при обращении к речевым формам **дискурса документа**.

Опираясь на положение О.П. Сологуб о том, что официализация формы документа связана со стремлением повысить статус речевого произведения [Сологуб, 2009, с. 60], отметим, что обращение к речевым формам дискурса документа способствует реализации интенции обыденного человека повысить общий статус своего речевого произведения в личностно-ориентированном дискурсе. Это – результат особого доверия обыденного человека к рассматриваемому источнику (отдельный аспект реализации эффекта убедительности). Если в дискурсе документа эффект доверия к его текстам создается за счет поддержки институциональной, то в личностно-ориентированном общении он формируется, в первую очередь, за счет эффекта восприятия его автора как осведомленного в обсуждаемой области. В повседневных дискурсах, где сценарии общения известны, а роли распределены, статус речевого произведения обладает меньшей значимостью: слушающий не придает внешней форме речи собеседника такого значения, как в общении неповседневном, говорящий не стремится соответствовать определенным ожиданиям.

В дискурсах неповседневных, где формирование межсубъектных отношений приобретает самостоятельное значение, а представить говорящего наиболее выгодным образом позволяет не только содержательное обращение к источнику, но и высокий статус продуцируемого им речевого произведения, полифонические включения из дискурса документа становятся одним из способов повышения этого статуса. Содержание включения выступает в тесном

взаимодействии с его формой. Модус официальности дискурса-источника сохраняется, хотя в большинстве случаев и ослабевает. В содержательной структуре результирующего текста полифонические включения из дискурса документа реализуют оценку, направленную (1) на экспликацию авторитета дискурса-источника, статуса институционально значимого диктума и (2) на повышение статуса самого говорящего, проявляющего через использование институциональных речевых форм свою «осведомленность» по поводу сути обсуждаемого объекта. Полифонические включения выполняют функции повышения статуса речевого произведения и объективированной «легитимации» представляемого содержания (наряду с информативной): *[№ 0] каким образом должно заботиться государство о вынужденных переселенцах? [№ 5, муж, 42] должна быть минимальная* ***материальная помощь*** *[№ 3, жен, 35] например /* ***прожиточный минимум*** *на каждого члена семьи* (НКРЯ) // *И за счет этих ненужных* ***единиц управленческих аппарат*** *будет укрепляться/ соответственно* ***повышаться уровень заработной платы/*** *будет* ***повышаться*** *другим* ***должностным лицам/*** *и ответственность должна на них больше будет ложиться* (НКРЯ).

В приведенном тексте говорящий активно использует речевые формы дискурса документа – как не имеющие общеупотребительных аналогов (например, *прожиточный минимум*), так и имеющие их (например, *(будет) повышаться уровень заработной платы = (будет) расти зарплата*). Обращение к единицам второго типа обладает повышенной значимостью, так как прямо соотносится с процессом повышения статуса речевой формы. В этом проявляется специфика использования таких единиц в сравнении с дискурсом повседневным: при их использовании на основании восприятия авторитета дискурса документа как истинного эффект убедительности, основанный на трансформации модуса официальности источника, играет не меньшую роль, чем их информативность.

Обращение к единицам первого типа, в первую очередь, определяется потребностью говорящего в передаче институционально значимого диктумного содержания, не имеющего прочего вербального оформления. Но в условиях

общей ориентированности принципов формирования образа правильной речи на принципы, свойственные дискурсу документа, а также при взаимодействии с единицами второго типа данные полифонические включения также становятся носителями не только диктумного, но и модусного содержания, реализуя интенцию создания эффекта убедительности и способствуя повышению статуса речевого произведения.

При этом модус источника не подвергаются выдвижению при использовании единиц ни первого типа, ни второго типа, что отвечает общему дискурсивно-стилистическому запросу неповседневного общения – в соответствии с образом правильной речи, основанном на априорной значимости институциональных смыслов.

Таким образом, даже если информативная субъектная интенция имеет ведущий характер, при обращении к речевым формам дискурса документа, не имеющим общеупотребительных аналогов, модус официальности источника сохраняется (хотя и не подвергается особому выдвижению), за счет чего статус речевого произведения и его содержания повышается.

Полифонические включения из **политического дискурса** в дискурсах неповседневных также демонстрируют повышенный уровень взаимодействия их формы с содержанием. В результате даже при наличии презумпции согласия говорящего с идеологической позицией дискурса-источника – идеологически-ориентированное содержание, зафиксированное в соответствующей речевой форме, используется для «легитимации» и объективации оценочной позиции субъекта. Статус речевого произведения повышается в особом аспекте – в аспекте его «политически корректного» оформления, что проявляется в верном, с точки зрения субъекта, употреблении его речевых форм:*[№ 5, муж, 26]Я нейтрально отношусь/ ну он наворовали попался/ посадили /вот. [№ 0] А вы как? [№ 4, муж-52]Меня <u>удивляет</u>/ что так <u>все витиевато как-то говорят вокруг/ да около/ так неконкретно</u>/* ***классовый враг****/ <u>четко и ясно</u>. [№ 0] А вы себя к какому классу относите? [№ 4, муж-52] К* ***рабочему****/ скажем так/* ***пролетариат****. [№ 0] А Ходорковский к какому классу относится? [№ 4, муж-52] Он рабовладелец/*

хозяин/ нувориш/ синонимов тьма тьмущая. [№ 6, жен, 26] ***Буржуй****. [№ 4, муж-52]* ***Буржуй*** (НКРЯ). В приведенном примере говорящие проявляют к политически ангажированной форме номинации особое внимание (содержание получает выдвижение, что осознанно оформляется в тексте), используя ее при реализации собственных оценочных интенций и, тем самым, объективируя их.

Таким образом, оценочная интенция политического дискурса-источника в неповседневном дискурсе последовательно сохраняется в его речевых формах, соответствующий модус дискурса-источника не подвергается нейтрализации, объективируя при этом позицию субъектаи обеспечивая ее легитимность.

Ценностноориентирующий модус **фольклорного** дискурса-источника в неповседневных дискурсах сохраняется по тем же причинам, что и в дискурсах повседневных. Во-первых, значимость фольклорной формы всегда остается высокой и поддерживается ее эстетической обработанностью источником. Во-вторых, обращение к фольклорным речевым формам всегда связано с экспликацией априорно верного, «общего» знания.

Таким образом, в силу особой потребности субъекта в восстановлении дискурсивного порядка, привлекающего в качестве значимого способа ее удовлетворения как внешний, так и внутренний социальный авторитет других дискурсов,полифонические включения из этих дискурсов не используются при нейтрализации модусов источников.

4.3.1.2 Междискурсивная трансформация модусов дискурса-источника в полифоническом тексте неповседневных личностно-ориентированных дискурсов

Требуя обязательной экспликации социального авторитета дискурсов-источников, сопротивляясь полной нейтрализации их модусных смыслов, неповседневные дискурсы при использовании инодискурсивных речевых форм дополняют любую субъектную интенцию интенцией восстановления дискурсивного порядка. Следуя ей, обыденный человек при производстве

полифонического текста использует как опыт повседневного общения, так и опыт вступления в дискурсы институциональные.

Рассмотрим специфику трансформации модусов дискурсов-источников, выбранных для анализа, обусловленную обозначенными дискурсивными установками.

Полифонические включения из дискурса документа

Количество и концентрация обращения к речевым формам дискурса документа в неповседневном личностно-ориентированном общении значительно превышает количество подобных обращений в общении повседневном (93,5% и 6,5% от общего количества случаев употребления соответственно). Это объясняется их активным участием в реализации дискурсивно обусловленной направленности на повышения статуса речевого произведения.

В разделе 4.2.1.2 была рассмотрена специфика реализации интенции убедительности при использовании полифонических включениях из дискурса документа – как наиболее последовательное основание для формирования позитивнооценочного модуса, основанного на трансформации социального авторитета источника как истинного. При реализации подобной интенции в неповседневных дискурсах субъект, с одной стороны, апеллирует к отработанным в повседневных дискурсах стратегиям (в виде направленности на обращение к авторитету), а с другой – максимально концентрирует речевые формы источника в силу особой значимости текстовой формы: *[один из родителей в разговоре с другими родителями и учителем:] Вот это у нас такая* ***программа****, где все нужно только с родителями делать. Совсем сам уроки не делает. Но самостоятельность учиться – это та* ***базовая компетенция****, которая должна* ***формироваться*** *в начальных классах, я считаю!* (РРТ). Общение с множественными, не близко знакомыми собеседниками, в непривычной обстановке, а также особый институциональный статус одного из них (учитель) требует использовать речевые формы дискурса документа (в данном случае – методического) не только для номинирования выработанного в нем содержания

(***программа***), но и для обозначения индивидуально-личностной позиции (*та* ***базовая компетенция****, которая должна* ***формироваться*** *в начальных классах = то, чему нужно научить в начальных классах*).

Приведенные пример показывает, что модус официальности, воспринятый из дискурса документа, в исследуемом дискурсе сохраняется в виде оценочного модуса (оценка значимого диктумного содержания и собственной «осведомленности»), построенного на основании восприятия дискурса-источника как социально авторитетного. Речевые формы, не имеющие общеупотребительных аналогов и используемые для передачи институционально значимого содержания, дополняются речевыми формами, замещающими общеупотребительные аналоги в целях повышения статуса речевого произведения.

Обозначенная специфика неповседневных дискурсов приводит к тому, что речевые формы дискурса документа, обладающие общеупотребительными аналогами, используются даже вне дискурсивной интенции передать институционально значимое содержание – для реализации оценочного отношения к неинституциональному диктуму. Подобный способ их использования соответствует реализации оценочного модуса в дискурсах повседневных, но образ правильной речи, формируемый в повседневном общении, не допускает выражения личностной оценки с помощью официализированной речевой формы. В неповседневном общении такое выражение, наоборот, активно поддерживается. В результате оценка событий личностной значимости, выраженная в институционально заданной форме, предъявляется как объективированная, как оценка с позиции социально авторитетного дискурса и формируется на основании заложенного в нем модуса объективности, обеспечивая повышение субъектом статуса собственного речевого произведения: ***В настоящее время*** *семья у меня уже взрослая / сын работает также по традиции отца / работает на шахте Воргашорская электрослесарем // Так как я всю свою жизнь гражданскую / отдал этому хорошему ремеслу /* ***имеет дочь*** */значит / которая* ***окончила*** *первый класс /и внука // Вот я / значит / меньшая / дочь у меня / сейчас* ***окончила*** *второй*

курс Сыктывкарского государственного университета / на историческом факультете / перешла на третий курс / ***в настоящее время находится*** *на практике / значит / пионервожатой* (РРСВ) // *[Завершая пересказ разговора о купании в реке с В.И. Лениным:] Далее Виктор Дмитриевич рассказал также много и других / значит /* ***мероприятий*** */ которые вместе с Владимиром Ильичом* ***проводили*** (РРЗ). Приведенные тексты, отвечая дискурсивным требованиям неповседневного общения, представляют значимые для говорящих субъектов смыслы в эмоционально-нейтральной, официализированной форме. При этом эмоциональные потребности для говорящих не теряют актуальности. Стремясь к восстановлению дискурсивного порядка, говорящие используют речевые формы социально авторитетного дискурса документа, компенсируя одновременно психологическую потребность в выражении личностно значимых смыслов (в первом примере – гордость за свою семью, во втором – причастность к исторически значимым событиям, определяемая значимостью обсуждаемой персоны для обыденного человека советской эпохи (текст записан в 1981 г.), который даже события бытовой жизни этой персоны наделяет высоким статусом) и социальную потребность в повышении статуса собственного речевого произведения. Таким образом, речевые формы дискурса документа выполняют двойную функцию.

Отметим, что отрицательнооценочные модусные смыслы, основанные на восприятии социального авторитета дискурса-источника как ложного, в неповседневных дискурсах практически не формируются. Шутливо-иронические стратегии, в рамках которых этот вид модусной трансформации достаточно регулярно реализуется в дискурсах повседневных, неповседневному общению не свойственны.

Полифонические включения из политического дискурса

Количество полифонических включений из политического дискурса в дискурсах неповседневных также превышает их количество в повседневном

общении, хотя разница не настолькозначительна, насколько для включений из дискурса документа (78,6% и 21,4%).

Как и речевые формы дискурса документа, речевые формы политического дискурса в неповседневном общении ориентируются на сохранность идеологически оценочного модуса дискурса-источника, что также определяется спецификой образа правильной речи, ориентированного на институциональную поддержку и требующего поэтому его сохранности. В неповседневных дискурсах, в отличие от дискурсов повседневных, направление оценочного вектора, стабилизированного в речевой форме источника, в абсолютном большинстве случаев не меняется. При этом модус дискурса-источника сохраняется при употреблении рассматриваемых речевых форм в текстах, реализующих его социальный авторитет и как истинный, и как ложный.

При восприятии авторитета дискурса-источника как истинного его речевые формы создают легитимную («политически корректную») опору для личностной оценки. В этой функции используются как стилистико-ресурсные, так и цитатные полифонические включения.

Если количество собственно цитатных полифонических включений из политического дискурса в дискурсах повседневных близко к нулю, то в неповседневных дискурсах их употребление фиксируется относительно регулярно, хотя их количество также невысоко (около 33% от общего количества случаев неповседневного использования речевых форм политического дискурса). С одной стороны, ограничение на их активность накладывает устный способ речевого выражения дискурса, спонтанный характер общения. С другой стороны, их наличие, не свойственное повседневному говорению, связано с особой потребностью в экспликации внешнего авторитета, которому цитирование придает верифицированный характер, и повышенным вниманием к текстовой форме.

Цитатные речевые формы усиливают внешний социальный авторитет, определяя выдвижение модусных смыслов, основанных на отношении к этому авторитету и как к истинному, и как к ложному.

Авторские цитатные полифонические включения в неповседневных дискурсах, в большинстве, получают метатекстовое оформление, цель которого – усилить истинность/ложность авторитета дискурса-источника через экспликацию авторитета конкретного автора (метатекстовое оформление сопровождает даже широко известные цитаты), поэтому подобным образом, в основном, оформляются именно цитаты, наделенные конкретным авторством: *[№ 2, жен, 52] У нас вся верхушка коммунистическая. Все те кто были в партийных… [№ 9, жен, 23] Простите / а Путин кто был? [№ 2, жен, 52] Тоже был коммунистом. [№ 9, жен, 23] Мы же не с коммунизмом / а с нищетой должны бороться. Вот цель главная. Явлинский как хорошо сказал / «**Мы боремся не с коммунизмом / мы боремся с нищетой!**»* (НКРЯ) // *[№ 3, муж, 57] Он много делает / господин Путин / почему. [№ 5, жен, 68] Так ему нужно идти своим путем / господи / у нас действительно… [№ 3, муж, 57] И дошли. [№ 7, муж, 38] Владимир Ильич Ленин сказал / «**Мы пойдем другим путем**»* (НКРЯ) // *[№ 5, жен, 28] Единственный выбор / это / действительно / выборы президента. Да / там / может быть / пересмотреть как-то вариант /когда предъявляют кандидатуры / там какое-то определенное / может быть / что-то должно как-то влиять. Но всё равно / единственный выход / всё равно это голосовать.[№ 1, муж, 53] Путин тогда тоже хорошо сказал в интервью. Говорит / «**Два срока и всё / человек выдыхается / обрастает / теряет инициативу**». Сам / когда ему сказали / как дальше* (НКРЯ). В первых двух примерах цитата на основании социального авторитета ее автора подтверждает, а в третьем примере – подтверждает и уточняет, но не дополняет диктумное содержание текста. Информативная функция при их употреблении периферийна, ведущая функция их употребления – реализация субъектной интенции убедительности на основании идеологически ориентированного оценочного модуса источника.

«Безавторские» цитаты (прецедентные высказывания), – восходящие к сильным текстам, например, к политическим лозунгам, – используются по принципам включения в полифонический текст, приближающимся к фольклорным (пословица). Их речевые формы присваиваются автором

результирующего текста и не требуют метатекстового оформления, сохраняя связь с источником за счет их узнаваемости и воспроизводимости. При этом отличие от обращения к фольклорному источнику заключается в том, что политические прецедентные высказывания, в силу вариативности восприятия их социального авторитета, часто используются не только в подтверждающей функции (*[4, муж, 36] Да. Я не запрещаю жить / пожалуйста / приезжайте в Москву / в Россию / живите / но вы приехали в гости / не надо вести себя тут / как хозяева. В любом случае* ***Россия для русских*** (НКРЯ) – в качестве включения используется современный националистический лозунг), но и в качестве источника аналитического оценочного рассуждения: *[№ 6, муж, 41] Вот / сколько его смотришь / он сидит и говорит одно и то же / вот валовой продукт повысится /производительность повышается / зарплата повышается. [№ 8, муж, 61] Жить становится лучше. [№ 6, муж, 41]* ***Жить стало лучше / жить стало веселее*** */ у нас / а получается наоборот. Чем дальше в лес / тем страшнее* (НКРЯ). Используя в качестве включения неоформленную как авторскую цитату из речи И.В. Сталина[105], говорящие, как и в предыдущем случае, не дополняют диктумное содержание, но усиливают оценочный модус высказывания за счет апелляции к идеологически ориентированному оценочному модусу источника.

Последний пример демонстрирует еще одну специфическую особенность использования полифонических включений из политического дискурса в неповседневном общении, не характерную для дискурсов повседневных. Повышенное внимание к речевой форме определяет частотность случаев осознанного закрепления за речевой формой источника статуса символического оценочного маркера политических эпох, процессов и явлений, выражающего внешнюю субъекту идеологическую позицию. В этом качестве начинают использоваться не только цитатные речевые формы, но и стилистико-ресурсные. Потенциально этому способствует социально-историческая конкретность

[105] Источник: Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября1935 года [Электронный ресурс] // Сталин И.В. Сочинения. – Т. 14. – М.: Издательство “Писатель”, 1997. – С. 79–92. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t14/t14_29.htm (дата обращения: 30.04.2015).

политического дискурса-источника, с идеологическим содержанием которого субъект личностно-ориентированного дискурса вступает в диалог (при восприятии субъектом политического авторитета источника как ложного): *[№ 3, жен, 45] Я не говорю / что они именно со скинхедами связаны. [№ 0] Я вас именно о скинхедах спрашиваю. [№ 7, муж, 58] Я скажу /что идея национализма присутствует. То есть /* ***Россия для русских*** */ с этой точкой зрения есть / наверняка / люди. [№ 0] Почему? [№ 7, муж, 58] Как почему? [№ 3, жен, 45] Наверное / они решили / что раз разделили СССР / значит в России / где исторически живут только русские/ вот пусть так и будет* (НКРЯ) // *[№ 7, муж, 60] И вот / если КПРФ к этому придет / а к этому пришли КПСС Германии / например / Чехии / еще каких-то стран / они осмотрелись и решились / что / действительно / пора отказаться от такого наследия / как «режь попов» и «****грабь награбленное****» / пора отказаться от этого* (НКРЯ).

Если для цитатных речевых форм возможность подобного использования, помимо стабилизации в источнике, обеспечивается наличием развернутого описания политически значимого содержания, которое можно понять и вне конкретного политического контекста (*Россия для русских // Жить стало лучше, жить стало веселее // Грабь награбленное* и под.), то подобное использование стилистико-ресурсных полифонических включений становится возможным только в силу их стабилизации в источнике и осознанного выдвижения субъектом их содержания в результирующем тексте: *[о значимости принадлежности к социальной группе для отдельного человека][№ 6, жен, 48] Мне / кажется / здесь у нас вопрос о чём идёт / что вот как в 30-е годы ты* ***пионер*** *и я* ***пионер*** */ всё / это значит одно –* ***классовые****. Такого сейчас нет и быть не может* (НКРЯ) // *[О советских учебниках истории]: [№ 1, муж, 33]Про загородительные батальоны ни слова не сказано/ а только «****Слава КПСС! Ура! За Родину! За Сталина!****»* (НКРЯ).

При позитивном восприятии политического вектора источника, как и в дискурсах повседневных, значимость особого оформления речевых форм для

субъекта теряет актуальность (оно реализуется крайне редко и только в авторских цитатах).

В отличие от эмоционально-нейтрального модуса дискурса документа, эмоционально-оценочный модус политического дискурса, его стилистический пафос провоцируют к оценочному выдвижению в результирующем тексте содержания стилистико-ресурсных полифонических включений (такая установка на выдвижение – общая для повседневных и неповседневных дискурсов). На основании отношения к социальному авторитету источника как истинному в неповседневных дискурсах реже, чем в повседневных, но возникают случаи осознанного и неосознанного оценочного выдвижения политического содержания: *[№ 1, муж, 41]Было еще хуже. [№ 4, жен, 22] Конечно/ если были трехметровые очереди за колбасой и за водкой… [№ 8, муж, 57] Не было этого/ я перебью вас. Это когда пришли вот эти/* ***враги народа****/ которые стали* ***в партию внедрять*** *свою* ***вражескую кровь****/ вот они чудеса и творили. В море сбрасывали мясо. Я сам возил свинину и говядину на мясокомбинат. Там по трое суток стояли в очереди/ разгрузить нельзя было* (НКРЯ). Принципы использования политических речевых форм в этом случае приближаются к принципам дискурсов повседневных. Но отличие заключается, прежде всего, в том, что оценка реализуется не только как субъектно-личностная (что в повседневном общении превалирует), но и как оценка с позиции «политической корректности». Кроме того, субъект неповседневного дискурса использует их, в абсолютном большинстве, при восприятии его социального авторитета как истинного, поэтому идеологическое содержание источника в используемых включениях не подвергается нейтрализации или аксиологической переориентации.

В большинстве же случаев использования стилистико-ресурсных речевых форм политического дискурса в неповседневных дискурсах реализуют оценку с объективированной политически легитимной позиции, выраженно доминирующей над личностной оценкой. Содержание источника в связи с этим не подвергается выдвижению: *[№ 7, муж, 36] Если бы* ***члены Политбюро***

прислушались к мнению Ленина / что не ставить его ***у руля партии*** */ то я думаю / он бы никогда и не стал бы Иосифом Железным* (НКРЯ) // *[№ 0] А вот. Валерий/ Максим/ Женя/ что-нибудь можете сказать о Харитонове? [№ 9, муж, 30] Я его не знаю/ ничего не могу сказать. [№ 3, жен, 45] Хотя бы о его* ***партийности****. [№ 9, муж, 30] А при чем здесь его* ***партийность****? Его имя мне ничего не говорит/ поэтому ничего не могу сказать по этому вопросу* (НКРЯ) // *Они примерно параллельно действовали/ примерно параллельно формировались какие-то* ***политические течения****/ что в России/ что у Гитлера в Германии* (НКРЯ).

Полифонические включения из фольклорного дискурса

Речевые формы фольклорного дискурса в неповседневном общении, как уже отмечалось, используются редко. Кроме того, принципы обращения к ним – однотипны. В большинстве – это пословицы. Речевые формы других жанров неповседневным личностно-ориентированным дискурсом не востребуются. Случаи фиксации таких полифонических включений единичны: обращение к ним определяется установкой на представление информации в личностно значимом для субъекта аспекте, а неповседневное общение этому не способствует.

Способы цитирования пословиц в большей степени определяются спецификой данного жанра, ориентированного на включение в спонтанную речь, чем спецификой результирующего дискурса, поэтому неповседневный характер общения не накладывает на их употребление выраженной специфики.

Отметим единственную особенность, определяемую повышенным вниманием субъекта к текстовой форме, установкой субъекта неповседневного дискурса на официализацию речевого произведения. Неофициальный для обыденного человека статус фольклорных текстов-источников вступает в противоречие с установкой на официализацию текста результирующего. В результате для снятия такого противоречия фольклорные полифонические включения требуют, в большинстве случаев, особого метатекстового оформления (что для повседневного дискурса не является не только обязательным, но и частотным): *[4, муж, 36] Маленькая Германия пыталась захватить весь мир /*

быстро пыталась захватить. А здесь не надо ничего/ спешить не надо. Говорят / есть такая поговорка / что ***спешить надо медленно****. Вот Америка потихонечку / не спеша / уже почти весь мир она под себя подмяла* (НКРЯ) // *[№ 0] Что вы думаете обэ том? [№ 9, муж, 23] Это было / есть и будет всегда / мародерство / это всегда. [№ 4, муж, 42] Национальная особенность. [№ 10, жен, 47] Вы знаете / есть такая пословица /* ***для кого война / для кого мать родная****. [№ 9, муж, 23] Это было всегда* (НКРЯ).

Установка на метатекстовое оформление пословицы в структуре спонтанного текста неповседневного личностно-ориентированного дискурса, усиленная установкой на официализацию этого текста, определяет особый статус метатекстового комментария. В его структуру включается не только указание на жанр источника, но и оценка его содержания (*хорошая поговорка, правильная пословица* и под.), а также обозначение его принадлежности к национальному фольклорному/культурному фонду – вплоть до развернутого комментария, эксплицитно выражающего обоснование заложенного в ней эффекта убедительности: *А в то же время у меня после этого взрыва мысль срабатывает / что все сейчас сюда в Москву / все в Россию / не только в Москве / но и в провинции сколько их / сколько их. Вот знаете / как-то они нас / Россию оккупируют. Вот пока мы их будем так радушно /вот как я / как я / я даже про себя вот / пока мы их вот так радушно будем встречать / до тех пор они будут нам пакостить. Ну есть русская такая поговорка /* ***пока не сделаешь добро / не получишь зло*** (НКРЯ) // *[№ 5, муж, 52] Это очень тонкий вопрос / нарушают или не нарушают. [№ 0] Да? [№ 5, муж, 52] Да это можно сегодня сказать / что нарушают / а завтра не нарушают / это вопрос очень такой. [№ 10, муж, 49] Вот у нас очень хорошо все объясняет русская поговорка / мы не самые умные / но достаточно мудрый народ вообще в принципе. [№ 3, жен, 58] Какая поговорка? [№ 10, муж, 49] А вот я вам сейчас скажу.* ***Закон /*** *как говорится /* ***что дышло / куда повернешь / туда и вышло*** (НКРЯ) // *[№ 8, муж, 25] Вы считаете / если у Вас не возникают никакие проблемы / то ни ремонтные / ни профилактические работы не нужны? [№ 9, жен, 40] Нет / я считаю / что*

*должны вестись просто / следуя русской пословице / «**Моя хата с краю / я ничего не знаю**». И поэтому / если отключают людей / то меня это не касается. Я считаю / что у меня нормально пока. Пока* (НКРЯ).

Таким образом, неповседневный дискурс, с одной стороны, провоцирует обыденного человека к активному использованию речевых форм дискурсов, обладающих внешним социальным авторитетом, а с другой – ограничивает возможности их содержательной трансформации. Причиной этого является формирование особой интенции неповседневного общения – повысить статус речевого произведения, – неактуальной в дискурсах повседневных. Речевые формы дискурса документа последовательно сохраняют модус официальности источника не только при содержательном апеллировании к нему, но и при передаче не связанного с источником содержания. Использование речевых форм политического дискурса в неповседневных дискурсах регулируется интенцией выражения содержания с позиции политической корректности, что является особым проявлением интенции повышения статуса речевого произведения. В результате его стилистико-ресурсные речевые формы, в большинстве, используются вне особого выдвижения смысла (случаи неосознанного оценочного выдвижения – низкочастотны). Неосознанное использование стилистико-ресурсных речевых форм политического дискурса реализуется только в рамках восприятия его социального авторитета как истинного. По сравнению с повседневным общением, повышается активность цитатных речевых форм.

Наоборот, низкочастотное и также однотипное (в плане функций и жанровой природы, ограниченной пословицей) использование речевых форм фольклорного дискурса объясняется ограничением, накладываемым неповседневным дискурсом на выражение личностно значимого содержания. Следствием этого являются развернутые метатекстовые комментарии, адаптирующие личностно значимое содержание фольклора к искусственно официализированному содержанию.

4.3.2 Полифоническая организация неповседневного личностно-ориентированного дискурса как результат дискурсной деятельности субъекта определенного социально-речевого типа

Цель данного раздела – представить результаты анализа специфики формирования полифонического текста **неповседневного** личностно-ориентированного дискурса субъектами различного социально-речевого типа, что определяется использованием ими различных принципов формирования образа правильной речи.

Свойственная неповседневному общению ориентация на институционально заданные дискурсивные правила при формировании образа правильной речи, предназначенного для повышения статуса собственного речевого произведения, проявляется у субъектов различного СРТ по-разному.

Субъект СРТ-1, обращаясь за «институциональной поддержкой» с целью восстановления дискурсивного порядка, пользуется правилами дискурса-источника более последовательно и системно. В частности, употребление речевых форм институциональных дискурсов-источников даже в стремлении к официализации текста сохраняет содержательную мотивированность в соответствии с ее заданностью источником.

Субъект СРТ-2 в силу меньшей дифференцированности образа правильной речи, определяемой меньшим уровнем освоенности дискурсов – источников их полидискурсивного опыта, при реализации аналогичных интенций во многих случаях демонстрирует смешение правил различных дискурсов, неполную содержательную освоенность инодискурсивных речевых форм. В результате стремление к восстановлению дискурсивного порядка приводит к содержательно не мотивированному использованию институциональных полифонических включений.

Как и в повседневном общении, субъекты СРТ-1 и СРТ-2 демонстрируют разное количество, разный состав инодискурсивных речевых форм, вошедших в структуру их дискурсивного опыта, и разный уровень их освоенности.

Рассмотрим специфику неповседневного употребления инодискурсивных речевых форм субъектами СРТ-1 и СРТ-2 на материале полифонических включений из обозначенных дискурсов-источников.

Полифонический текст неповседневных дискурсов, содержащий включения из **дискурса документа**, демонстрирует специфику СРТ в неповседневном общении наиболее выраженно.

Концентрация речевых форм дискурса документа, по сравнению с повседневным дискурсом, возрастает в текстах как субъекта СРТ-1, так и субъекта СРТ-2, подчиняясь описанной выше установке на повышение статуса речевого произведения. Но кроме этой установки данную тенденцию в процессах текстопорождения определяют другие основания,различные для субъектов СРТ-1 и СРТ-2.

Оперируя большим, чем субъект СРТ-2, количеством речевых форм дискурса документа и демонстрируя более высокий уровень их освоенности, субъект СРТ-1 при их использовании в рамках общей тенденции к официализации текста никогда не выходит за рамки их мотивированности содержанием общения. Сохранность модуса официальности источника, определяемая спецификой неповседневного текстопорождения, не сопровождается выдвижением этого модуса. Тенденция к повышению концентрации речевых форм дискурса документа в текстах субъекта СРТ-1 регулируется (1) установкой на официализацию текста, свойственной дискурсам такого типа; (2) установкой на соответствие продуцируемой информации форме ее выражения, заданной в дискурсе-источнике, и широтой круга освоенных форм, свойственным субъекту такого типа.

Так, представленный полилог демонстрирует четкую тематическую ориентированность на разработанное в дискурсе документа содержание: *[№ 0] Так / ну хорошо / давайте с этой темой закончим. Следующая наша тема это «Модернизация системы школьного образования». [№ 7, муж, 40]* ***Приведение системы образования в соответствие*** *с современными требованиями. [№ 1, жен, 45]* ***Введение единого экзамена****. Новые* ***санитарно-гигиенические***

требования к учебным заведениям. Переход к 12 летнему периоду обучения. Единая */ в отличие от существующей /* ***программа обучения*** *по всей России. [№ 2, муж, 60] Во-первых / поднять престиж учителей /* ***заработная плата / условия проживания*** */ то есть жилье и т.д. [№ 7, муж, 40] Улучшить* ***качество обучения*** *и сделать общую подготовку основательную. [№ 3, 40]* ***Единый экзамен*** *в 11 классе. [№ 8, жен, 46]* ***Повышение уровня преподавания / обеспечение школ наглядными пособиями / выявление*** *наиболее талантливых детей / стремящихся получить образование и дать возможность учиться дальше* (НКРЯ). Концентрация речевых форм дискурса документа – повышенная, что определяется тематически обусловленным использованием стилистических принципов дискурса-источника. Это не противоречит и реализации установки на повышение статуса собственного речевого произведения, особенно активной при обсуждении темы, обладающей для участников общения (как работников сферы образования) не только социальной (профессиональной), но и личностной значимостью. При этом модус официальности источника не подвергается выдвижению, растворяясь в общей официализированной смысловой структуре текста.

В следующем примере – текст не демонстрирует выраженной ориентации на тематику, разработанную в дискурсе документа, поэтому концентрация его речевых форм не настолько высока: *[представитель университета, где проводится конференция, в разговоре с иногородними участниками этой конференции:]Вот, в общем-то, наш университет. Это роща. Здесь белки бегают! Да-да, самые настоящие лесные белки! С рук едят! Вы их обязательно встретите! Это еще не все корпуса, не все в роще здесь. В университете* ***проходит обучение*** *огромное* ***количество*** *студентов из разных уголков земного… [смеется] Ну, не земного шара, конечно, – страны… Хотя* ***количество иностранных студентов*** *я не знаю точно какое сейчас, но тоже большое* (РРТ). Говорящий использует речевые формы дискурса документа, в первую очередь, реализуя установку на повышения статуса собственного речевого произведения (фактором дискомфортного общения является вынужденное взаимодействие с

малознакомым собеседником). При этом приводится в действие фактор осознания освоенности дискурса-источника собеседником, значимый для субъекта СРТ-1. Кроме того, используемые речевые формы этого источника, несмотря на наличие для некоторых из них общеупотребительных аналогов (***проходит обучение*** *огромное* ***количество*** *студентов = учится много студентов*), употребляются в полном соответствии с обусловленной источником содержательной мотивированностью и вне нарушения дискурсивных правил, обеспечивая дискурсивную корректность их включения в текст.

Субъект СРТ-2 в неповседневном общении значительно чаще, чем субъект СРТ-1, сопровождает использование речевых форм дискурса документа метатекстовыми комментариями, но они имеют обобщенный характер, эксплицируя повышенный уровень речевого контроля и особую напряженность субъекта в процессе порождения текста. Это проявляется в осознанной экспликации процесса выбора речевых средств, в котором использование институционального полифонического включения может быть рассмотрено как результат разрешения дискомфортной для говорящего ситуации публичного общения: *[разговор с филологом-собирателем о своем предприятии:] …У нас вся здесь конкурсы проводятся. Для того чтобы человек* ***повысил свою квалификацию****, как можно еще так сказать. Ну, побыстрей повысил,* ***повысил*** *там* ***разряд*** *или что-то, у нас на работе прям,* ***на рабочем месте, на объектах*** (РРЗ). Реализуемая при использовании рассматриваемых полифонических включений интенция убедительности, как и в повседневном общении, косвенно дополняется оценочной интенцией и интенцией самопрезентации – говорящий «убеждает» представителя иной культуры в высоком уровне организации работы на своем предприятии и собственной осведомленности и сопричастности.

Но главное отличие в неповседневной дискурсной деятельности субъекта СРТ-2 заключается в том, что он использует речевые формы дискурса документа не только для номинирования разработанного в источнике содержания – в соответствии с содержательной мотивированностью (*Ну-у/* ***предприятие*** *наше* ***стабильно/ текучесть кадров незначительная/ увольнения по собственному***

желанию *тоже* ***незначительны****/ по* ***прогулам****/ вообще, единицы/ коллектив очень такой хороший/* ***стабильный/ дисциплина*** *хорошая* (РРСВ)), но и при трансляции содержания бытового, не востребуемого источником: *На следующий день вереница автомашин подъезжает/ забирает невесту. Сначала выкупает/ конечно/ невесту. Очень туго приходится свидетелю. Выкупают по-разному/ детей* ***удовлетворяют*** *разныеконфеты/ бабушки там/ дедушки/ эти уже скупятся на… не скупятся/ а* ***желают приобрести*** *мелочь/ орехи там/ ну/ всютакую мелочовку* (НКРЯ) // *Вот, значит, сравнительно недавно к нам приезжала Зыкина /в общем, она была здесь последний раз двадцать лет назад / и по выступлении / верней / по статье в газете / где она* ***выразила*** *свое* ***чувство удовлетворения*** *городом / по сравнению с тем / что она видела раньше /* ***можно*** *собственно* ***сделать*** *какие-то* ***выводы****…* (РРСВ). Использование полифонических включений из дискурса документа при выражении бытового содержания, прежде всего, способствует реализации установки на повышение статуса собственного речевого произведения. Кроме того, это способствует повышению статуса описываемого события(это ярче показывает второй пример): личностная оценка события получает институциональную поддержку на речевом уровне. Модус источника демонстрирует повышенную интенсивность и выдвигается. В тексте проявляются «неловкие швы».

В использовании речевых форм **политического дискурса**, в силу его активной внешней ориентированности, внуридискурсивной адаптированности его речевых форм для инодискурсивного распространения, субъекты СРТ-1 и СРТ-2 обнаруживают значительно меньше различий, чем при использовании речевых форм документа. Данный признак, отмеченный выше применительно к повседневным дискурсам (раздел 4.2.2), характеризует и неповседневное общение.

В текстах, ориентированных на презентацию социально значимых личных достижений, субъекты СРТ-1 и СРТ-2 используют рассматриваемые речевые формы практически одинаково, опираясь на восприятие авторитета источника как истинного: СРТ-1 – *Ну а сейчас / я собственно /* ***коммунист*** */ меня* ***приняли*** *в*

прошлом году / в семидесятом году ***в члены / КПСС*** */ на мне сейчас лежит еще большая ответственность / и за участок / и за* ***комсомольскую организацию*** *участка // Ну и конечно я не* ***отделяюсь от работы в поселковом совете*** (РРСВ); СРТ-2 – *На протяжении это время работал на шахте двадцать седьмой до тысяча девятьсот семьдесят седьмого года / семьдесят шестой году в октябре месяце / так как был* ***запуск*** *шахты Воргашорской / переводом через комбинат перешел на шахту Воргашорскую / и по сей день работаю // За это время* ***провожу большую общественную работу*** */ настоящее время являюсь* ***председателем совета наставников*** *шахты Воргашорская* (РРСВ).

Находясь в позиции внешнего повествователя, как и в дискурсах повседневных, субъект СРТ-1 демонстрирует более высокий уровень освоенности политического содержания речевой формы, в связи с чем проявляет в текстах дистанцированность от нее. Независимо от согласия/несогласия с авторитетом источника, политическое содержание последовательно сохраняется и выдвигается: *У меня мать учитель истории. Тяжело сейчас особенно историю преподавать в школе. Раньше было всё четко.* ***От съезда к съезду КПСС*** (НКРЯ) // *[№ 0] Почему наши люди соблюдают Конституцию? [№ 7, муж, 55] Потому/ что совесть еще осталась. При КПСС было* ***ум/ честь и совесть****. Сейчас у КПРФ роль несколько другая. А надо сделать так/ чтобы Конституция была* ***умом/ честью и совестью*** *страны* (НКРЯ). В текстах субъекта СРТ-1, по сравнению с текстами субъекта СРТ-2, в неповседневном общении используется значительно больше (примерно в 5 раз) цитатных речевых форм (последний пример).

В текстах субъекта СРТ-2 содержание источника сохраняется не последовательно, во многих случаях его оценочный модус нейтрализуется, подчиняясь частным информативным интенциям: *Кочевать-то они кочуют/ да/ это в любом случае. Паспорта у них сейчас у всех есть. Только в том/ что значит/ есть часть и ненцев или коми/ и до сих пор еще* ***единоличники****/ они не* ***вступали в колхозы****. В общем-то/ все/ которые коми находятся или ненцы находятся в тундре/ они все и члены колхозов. Они считаются пастухами/ пасут*

оленей/ соответственно им идет заработок/ как ***членам совхозов или колхозов****. А есть еще* ***единоличники****/ ну те сам по себе хозяин* (РРСВ).

Цитирование речевых форм **фольклорного** источника в неповседневном общении, в большинстве, свойственно субъекту СРТ-1. Он в любых условиях проявляет большую, чем субъект СРТ-2, полидискурсивную активность, легче оперирует своим полидискурсивным опытом. Реализация установки на повышение статуса собственного речевого произведения требует от субъекта СРТ-2 б<u>о</u>льших усилий и б<u>о</u>льшей сосредоточенности на речевых формах источников, обладающих внешним социальным авторитетом (в первую очередь – дискурса документа). Речевые формы фольклора – как источника, обладающего внутренним социальным авторитетом, – для субъекта СРТ-2 отделены от сферы дискомфортного общения.

Таким образом, наиболее выраженное различие в использовании инодискурсивных речевых форм в неповседневном общении субъекты СРТ-1 и СРТ-2 обнаруживают при обращении к дискурсу документа. При общем возрастании, по сравнению с повседневным общением, количества полифонических включений из него, субъект СРТ-1 никогда не использует модусное содержание его речевых форм в отрыве от востребованного источником диктумного содержания. Субъект СРТ-2, в стремлении к восстановлению дискурсивного порядка за счет институциональной поддержкиофициализируя текст, во многих случаях проявляет дискурсивную неадекватность, не только придавая модусу дискурса документа повышенную значимость (что свойственно и повседневному общению субъекта СРТ-2), но и используя модусно ориентированные речевые формы документа в отрыве от дискурсивно значимого диктума.

Различие в использовании речевых форм политического дискурса субъектами СРТ-1 и СРТ-2 в неповседневном общении, в основном, проявляется в том, что субъект СРТ-1, в отличие от субъекта СРТ-2, осознанно и последовательно сохраняет модус источника, в большинстве случаев подвергая его особому выдвижению.

Обращение к фольклорным источникам в неповседневных дискурсах свойственно, в основном, субъекту СРТ-2, что определяется более высоким уровнем развития навыков использования полидискурсивного опыта.

4.4 Полифоническая организация текста неповседневного личностно-ориентированного дискурса как результат обращения к наддискурсивно значимой информации

Особый случай использования в личностно-ориентированном общении речевых форм социально авторитетных дискурсов – их привлечение с целью развертывания тематического содержания, ценностная ориентация которого, во-первых, проявлена на наддискурсивном уровне (в рамках общекультурной и этнокультурной картин мира), во-вторых, обладает не только личностной, но и **социальной** значимостью (*труд, родина, война* и под.).

Цель данного раздела – представить специфику использования речевых форм социально авторитетных дискурсов для реализации диктумного содержания, представленного как личностно и социально значимое в национально-культурной (наддискурсивной) картине мира.

Особый – социальный и личностно значимый – статус таких концептов (тем), особое отношение обыденного человека к их содержанию предполагает формирование субъектной установки на повышение статуса собственного речевого произведения, способствующей выражению сакрализованного отношения к представляемой информации, ее особой выделенности на фоне повседневных тем. Продуцирование таких тем во многих случаях определяет повышенную эмоциональную заряженность общения, нарушающую повседневные сценарии. За речевое произведение, обращенное к диктуму такого типа, говорящий начинает испытывать особую ответственность. Но содержание, осмысляемое не как политическое – внешне-авторитетное, а как общенациональное, общечеловеческое – внутренне-авторитетное, требует при этом не институциональной, а общекультурной поддержки его значимости.

При обращении к диктумному содержанию такого типа обыденный человек, реагируя на особое содержание общения, в процессах порождения текста обращается к поиску авторитетных речевых форм, содержащихся в структурах его речевого опыта. Выбор авторитетного источника осуществляется обыденным человеком на основании следующих требований к нему:

1) на основании высокой степени дискурсивно-стилистической проработанности данной темы в этом источнике, выраженной в наличии специальных речевых форм;

2) на основании наличия эмоционально-оценочной оформленности ценностной ориентации этих речевых форм в источнике, необходимой для личностно-ориентированного представления данной – особой – темы;

3) на основании наибольшего совпадения ценностной позиции обыденного человека по отношению к диктумному содержанию данной темы с ценностной позицией источника.

Внутренний авторитет повседневного личностно-ориентированного общения не предлагает особых речевых форм, позволяющих повысить статус речевого произведения, поэтому для реализации данной интенции субъект личностно-ориентированного дискурса активно использует речевые формы из дискурсов институциональных.

В институциональных дискурсах ценностное содержание тем рассматриваемого типа может сохраняться и эксплуатироваться особым образом в соответствующих интересах, представая в особой модусной конфигурации.

Рассмотрим специфику использования речевых форм институциональных дискурсов для выражения наддискурсивно значимого содержания на примере представленияв тексте личностно-ориентированного дискурса **темы Великой Отечественной войны**, обладающей общей этнокультурной значимостью для русской нации (впервые об этом см. [Тубалова, 2015]). Как пишет А.А. Ворожбитова, «война стала таким испытанием для этноса, которое не могло не обусловить специфику глобального дискурсивно-текстообразующего процесса

совокупной языковой личности этносоциума, не найти отражение в характере индивидуальной мыслеречевой деятельности» [Ворожбитова, 2000, с. 21].

К анализу привлечено 424 тексталичностно-ориентированных дискурсов обозначенной тематики.

Рассмотрим возможности использования для реализации данной темы речевых форм источников, выбранных для анализа.

Дискурс документа если и образует особые речевые формы для представления данной темы (*ветеран Великой Отечественной войны* – как особый социальный статус, *Орден Отечественной Войны I и II степени* – как официальное наименование государственной награды и др.), то представляет их содержание эмоционально-оценочно-индифферентно, поэтому обращение к ним не отвечает потребности обыденного человека в выражении особого сакрализованного содержания.

Отметим, что речевые формы дискурса документа, не специализированные для развертывания данной темы, при ее реализации используются говорящим в целях повышения статуса собственного речевого произведения, демонстрируя выделенность темы Великой Отечественной войны на фоне повседневных тем.

Фольклорный дискурс, обладающий внутренним социальным авторитетом, активно поддерживает особый ценностный статус данной темы. При этом в устном спонтанном личностно-ориентированном общении обыденный человек за ее поддержкой к фольклорному дискурсу не обращается.

Фольклор, эксплицирующий данную тему, с одной стороны, не является для современного обыденного человека «своим», а с другой – не обладает широкой внешней известностью: его распространение не получает специальной поддержки через институциональные источники – школьные программы, культурные мероприятия и под.

Не фиксируются фольклорные речевые формы и в личностно-ориентированных дискурсах, субъектами которых являются представители военного поколения (для которых этот фольклор может быть «своим»). Тема Великой Отечественной войны вошла в фольклорный дискурс, в основном, сквозь

призму бытовой тематики и выразилась, в первую очередь, в жанрах городского романса, не ориентированного на производство специальных речевых форм, и частушки, производящей специальные речевые формы только для выражения бытового содержания (*матаня, моя милка* и под.). Несмотря на описанную в предыдущих разделах цитатную активность пословиц, случаи цитирования представителями военного поколения военных пословицнами не были обнаружены.

Множество речевых форм, стабилизирующих содержание темы Великой Отечественной войны в аспекте идеологической ангажированности, продуцирует **советский политический дискурс**. И именно его речевые формы активно используются субъектом личностно-ориентированного дискурса для развертывания рассматриваемой темы.

Рассмотрим причины активности использования речевых форм политического дискурса в полифоническом тексте дискурса личностно-ориентированного, обращенного к диктумному содержанию рассматриваемого типа.

Внешний социальный авторитет политического дискурса оказываются предпочтительными по отношению к дискурсам, обладающим внутренним авторитетом, уже в силу высокого уровня его объективации за счет государственной поддержки.

Кроме того, особая интенциональность политического дискурса, определяющая активную эксплуатацию эмоциональных потребностей обыденного человека, в продуцируемых им речевых формах реализует не только собственно-информационный (как, например, дискурс документа), но и эмоциональный код речевого представления конкретной тематики.

При этом, как показано в предыдущих разделах работы, отношение обыденного человека к социальному авторитету политического дискурса неоднозначно, что выражается в различных видах трансформации его общего дискурсивного модуса при использовании его речевых форм в личностно-ориентированном общении. Восприятие внешнего социального авторитета

политического дискурса и как истинного, и как ложного обнаруживается при использовании политических полифонических включений, маркирующих самые различные компоненты политически значимого диктума. Вариативность отношения к социальному авторитету политического дискурса наблюдается и в том случае, если продуцируемые политическим дискурсом темы приобретают дискурсообразующий характер в личностно-ориентированном общении (внешне как комфортном, так и дискомфортном). Это темы, связанные с различными историческими событиями, получившими особую трактовку в отечественном политическом дискурсе: революция, коллективизация, внутренняя политика Сталина, индустриализация, застой, перестройка, современная ситуация в России и др. Позиция обыденного человека с официальной трактовкой совпадает далеко не всегда.

Великая Отечественная война – единственное глобальное событие современной отечественной истории, риторическое представление которого официальным политическим дискурсом было органично воспринято обыденным человеком и стало активно использоваться им при личностно-ориентированном развертывании соответствующей темы.

С одной стороны, неординарность данного события для обыденного человека требовала особой риторики, выделяющей его на фоне повседневности, и отработанные в повседневных дискурсах риторические модели этому требованию не отвечали, а советская политическая риторика предлагала модели, основанные на особом эмоциональном пафосе, соответствующем глобальности события. С другой стороны, неоднозначность восприятия обыденным человеком политически ориентированных смыслов в целом снималась по отношению к политической трактовке Великой Отечественной войны на основании потребности в национальном объединении против общего внешнего врага, являющейся, в свою

очередь, составляющей общей потребности в объединении «снизу», в реализации национальной «соборности»[106].

Отношение к событиям Великой Отечественной войны как к героико-мифологическому сюжету активно культивировалось на протяжении длительного послевоенного периода, не встречая дискурсивного сопротивления обыденного человека. Идеологическую ориентацию получали тексты различных художественных дискурсов (авторское песенное творчество, художественная литература, кинематограф и др.), транслируемые через СМИ воспоминания о войне подвергались все большей обработке в плане развития оценочного пафоса и унификации форм егопредставления. В качестве примера можно привести художественно обработанные тексты, созданные в различные периоды развития советской политической риторики, отраженной в них: *[Хор] Идём мы/* ***товарищ/ за правое дело/ За честь и свободу свою! Твёрже шаг****/ Ряды держите строоже/ С нами* ***Стаалин****/ С нами* ***весь народ****. Наглый* ***враг Быть должен уничтожен/ На врага****!* ***За Родину/ вперёд****! Борьба нелегка/* ***озверелая свора*** *Опасна в безумьи своё-ём. Все силы в кулак соберём для* ***отпора****/ Всю волю свою соберём.* ***Твёрже шаг****/ Ряды держите строоже/* ***С нами Стаалин****/ Снами* ***весь народ****. [Евгений Червяков и др. Боевой киносборник № 2, к/ф (**1941**)]* (НКРЯ) // *[Женя Комелькова, Ольга Остроумова, жен, 25, 1947]Тогда я одна пойду! [Рита Осянина, Ирина Шевчук, жен, 21, 1951] Боец Комелькова! Это тебе не казаки-разбойники/* ***это война****! [Федот Васков, Андрей Мартынов, муж, 27, 1945]* ***За Родину! За Сталина!*** *Вперёд! [Женя Комелькова, Ольга Остроумова, жен, 25, 1947] Слышишь? [Станислав Ростоцкий, Борис Васильев. А зори здесь тихие, к/ф (**1972**)]*(НКРЯ).

Речевые формы советского политического дискурса о войне активно проникали и в фольклор – как речевую сферу, обладающую для обыденного человека внутренним социальным авторитетом (*–Дорогая жена, я – калека, Нету*

[106]Многие исследователи советской культуры развивают идею Н.А. Бердяева о различии между «коммунальностью» (в основе которой – внешнее принуждение) и «соборностью» (исходящей из внутренних побуждений) [Свешников, 2011, Бирюков, Сергеев, 1995, Степин, 2011 и др.].

правой руки, нету ног, Нету ног, они честно служили Для ***защиты Советской страны****. А за это страна наградила, Крепко встретила* ***Родина-мать****. А в письме она крепко сказала: – Раз калека, не нужен ты мне* (песня [Жили да были…, 1997, с. 157]), что подтверждает органичность закрепленного за ними содержания для обыденного человека.

В силу совпадения отношения обыденного человека к военным событиям с их официальной трактовкой, «растворения» советской политической риторики в художественно-поэтической текстовой среде речевые формы советского политического дискурса, стабилизировавшие в нем реализацию темы Великой Отечественной войны в политически обусловленной модусной конфигурации, стали активно использоваться в личностно-ориентированном общении как знаки «двойной» дискурсивной природы – политического и художественных дискурсов, отвечая интенции пафосного представления героических событий этого периода: *Када закончилась война, мы в то время жили, значить, продолжали жить в землянках, когда нам объявили, закончилась война. Мы соскочили со своих нар, мы обнимались, мы целовались, мы* ***радовались со слезами****, значит,* ***на глазах****. Так… И когда это всё такое произошло, нам в знак такого торжества мужчинам дали по сто грамм водки и пачку на двоих махорки, мужчинам. А нам, девушкам, дали по триста грамм конфетки «Голышики», и мы были очень рады* (НКРЯ).

Отметим, что рассматриваемые речевые формы, сохраняя заложенное в них советским политическим дискурсом содержание, вплоть до настоящего времени активно используются не только в личностно-ориентированном общении и в эстетически обработанных текстах, но и в различных коммуникативных сферах, предполагающих устное спонтанное речевое взаимодействие, что также свидетельствует об органичности усвоения их формы и содержания обыденным человеком: *Вот то/ что террористы победят/ скажем так/ в противостоянии государству/ я в это совершенно не верю. В конечном счете/* ***враг будет разбит/ победа будем за нами****. [Радиомост о терроризме на радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы»,* ***2003-2004****]* (НКРЯ) // *[Тимошенко Тарас, муж] Потому что выигрывать с щас три сета подряд/ таков/ банально в двух словах/*

рецепт успеха для московского «Динамо» сейчас/ ***отступать некуда****/ грубо говоря/* ***позади Москва****/ и проигрывать «Динамо» уже не имеет права/ для того чтобы побеждать в целом матче/ надо выигрывать в каждом следующем сете. [Тарас Тимошенко, Александр Еременко. Спортивный репортаж: волейбол. Лига чемпионов. Мужчины. «Финал четырёх». 1 / 2 финала. «Сислей» (Италия) - «Динамо» (Россия) (25.03.2006) // Т/к «Спорт», непрямой эфир,* ***2006****]* (НКРЯ).

Таким образом, тема Великой Отечественной войны – одна из очень немногих политически ангажированных тем, при трансляции которой стабилизированные в политическом дискурсе речевые формы не подвергаются аксиологической переориентации в речевых сферах обыденного человека.

В **личностно-ориентированных дискурсах** обращение обыденного человека к рассматриваемой теме всегда носит оценочно-ориентированный характер, демонстрирующий ее активное личностное осмысление. В абсолютном большинстве зарегистрированных фактов такого обращения эта оценка совпадает с официальной политической трактовкой (сохраняющейся независимо от смены политического режима, в отличие от аналитической трансформации трактовки событий Великой Отечественной войны другими институциональными дискурсами).

Оценочное обращение к рассматриваемому диктуму реализуется в двух аспектах: (1) оценки влияния Великой Отечественной войны на личную жизнь автора текста, проявленной вне экспликации социальной значимости данного события; (2) оценки Великой Отечественной войны как события социально-исторического.

Тексты, **не эксплицирующие социальную значимость** данного события (1), в основном, представляют описание личной жизнь их автора в тылу. При отсутствии соответствующих внешних условий дискомфортного общения они могут строиться по модели общения повседневного. Особой потребности привлекать речевые формы политического дискурса, стабилизированные в нем для развертывания рассматриваемой темы, субъект дискурса в этом случае не испытывает: *Отец не вернулся с войны. Нас воспитывала потом одна мама.*

Хорошего ничего не видели. Война нам хорошего ничего не принесла, кроме потерь и горя (НКРЯ) // *В войну хорошего я не видела. Ходили жали, молотили, я это уже говорила, потом перехватили нас и угнали в Сталинград. В Сталинграде… там я заболела, кипятила воду… около речки* (НКРЯ).

(2) Если при реализации рассматриваемой темы говорящий **обращается к социальному аспекту** ее развертывания, у субъекта, осознающего выделенность рассматриваемого диктума на фоне повседневных тем, формируется установка на повышение статуса собственного речевого произведения, потребность в авторитетной речевой поддержке этого содержания. В результате в текстах не только неповседневных, но и повседневных дискурсов активизируется процесс полифонического обращения к речевым формам источника, поддерживающего этот авторитет. Принципы полифонической организации текста повседневных и неповседневных дискурсов сближаются. По рассмотренным выше причинам в качестве авторитетного источника выступает советский политический дискурс.

При этом если характер реализации авторитета источника в полифоническом тексте повседневных и неповседневных дискурсов сближается, то характер его восприятия (как основание для полифоничности) различается.

В **неповседневных** дискурсах обращение к авторитету источника определяется его как социальной, так и общекультурной и личностной значимостью при трактовке данной темы. Совпадение внешнеавторитетной – социальной – и внутреннеавторитетной – общекультурной и личностной – позиции позволяет использовать авторитет советского политического дискурса как основание для социальной («политическая корректность») и личностной («сакральность темы») легитимации текста. Институциональные полифонические включения последовательно сохраняют заданное в источнике политически обусловленное оценочно ориентированное модусное содержание. Политическая ангажированность речевых форм используется для представления внешнего авторитета источника, а заданная в нем оценочность предстает как социальная, общекультурная и личностная одновременно:*[№ 0] Чем является этот день* [22 июня – И.Т.] *для нашей страны? Почему вы так думаете? [№ 5, жен, 52]*

Освобождение нашей страны от захватчиков. *[№ 1, жен, 59]Это же начало. [№ 5, жен, 52] Начало/ да. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Новосибирск) // Фонд «Общественное мнение», 2003]* (НКРЯ). Говорящий использует дискурсивное выражение источника для информирования о собственном понимании социально-исторического статуса события, выражая совпадение личностной и политической его оценки.

В **повседневных** дискурсах восприятие социального обоснования авторитета источника снижает для субъекта свою значимость. Но особый характер диктума требует его особого личностного обусловленного модусного представления. Совпадение оценочной позиции советского политического дискурса с личностной позицией субъекта повседневного общения позволяет использовать его речевые формы для легитимации рассматриваемой темы, но при стремлении к нейтрализации ее социально-политического звучания. В результате собственно-политический компонент модусного содержания источника при обращении к рассматриваемому диктумному содержанию в личностно-ориентированных дискурсах стремится к нейтрализации. Сохраняется оценочность, предстающая, во-первых, как личностная, во-вторых – как оценка с позиции общекультурной, общенациональной. Авторитет, к которому обращается субъект для легитимации текста в личностном и общекультурном аспекте, воспринимается им как внутренний (сходный в этом отношении с авторитетом фольклорного дискурса) – априорно истинный.

Даже при реализации собственно-информативных субъектных интенций тексты повседневных дискурсов о Великой Отечественной войне включают речевые формы обозначенного источника при последовательном сохранении заданной в нем оценочности, но вне собственно-политической апелляции: *Жизнь наша <u>была заключена в том, чтобы</u> работал дизель, который должен быть укапан в земле даже незаметен* ***врагом, врагом****. Вот така… э… там он совсем не виден. Вы его…Замаскированный так-ота… И когда… этим электричеством и двигалось всё такое, и все <u>данные</u>, и мы были обогреты и вот этим… этой машиной* (НКРЯ). В данном тексте представлен фрагмент воспоминаний ветерана

о военных буднях. Социально-исторический аспект рассматриваемой темы не является ведущим в структуре его содержания, но он привлекается косвенно: в целях определения субъектом собственного места в военном процессе. Обращение к нему провоцирует развертывание темы с использованием речевых форм, повышающих статус речевого произведения (*была заключена в том, чтобы* = «заключалась в том, чтобы», *данные* – речевые формы дискурса документа, используемые как знаки внешнего социального авторитета вне его политической заданности). Речевая форма *враг*, стабилизированная политическим дискурсом как номинация конкретного противника в конкретной войне, отвечает реализации этой интенции. Вероятнее всего, она используется говорящим вне выдвижения ее идеологически-ориентированного оценочного модуса (контекст об этом однозначных сведений не предоставляет), но заложенное источником кодовое содержание, предполагающее сужение ее семантики (референции) и фиксацию значимости диктума, сохраняется.

Чем активнее проявляется социальный аспект в развертывании рассматриваемой темы, тем выше концентрация полифонических включений из политического дискурса. Не оказывая дискурсивного сопротивления, обыденный человек при ее представлении в аспекте социальной значимости в личностно-ориентированном общении любого типа продуцирует политические полифонические включения с повышенной концентрацией – даже в сравнении с их высокой концентрации в неповседневных дискурсах.

Специфика выбранного для анализа диктумного содержания определяет наличие дополнительного фактора формирования полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов, обращенных к нему. Это характер говорящего субъекта, рассуждающего о войне (2.1) как о социально значимом событии собственной биографии (представители поколения, пережившего войну) либо (2.2) как о социально значимом событии истории своей страны (представители поколения, не заставшего войну). В зависимости от обозначенного типа субъектов тексты, использующие речевые формы политического дискурса в качестве кодовых элементов развертывания темы

Великой Отечественной войны, различаются в уровне и принципах выдвижения модуса источника.

Рассмотрим специфику полифонической организации текста повседневного и неповседневного дискурса о Великой Отечественной войне с учетом типа субъекта.

(2.1) В текстах **повседневных дискурсов**, субъектами которых являются представители **военного поколения**, в силу дискурсивной включенности, погруженности субъекта в политическую риторику ее описания этот модус проявляет значительно меньшую активность за счет низкой активности эмоционального пафоса источника. Использование обозначенных речевых форм, в первую очередь, регулируется интенцией передачи личностно и общекультурно значимого содержания, совпадающего с позицией политической – как составляющей интенции повышения статуса речевого произведения при обращении к значимой теме.

В результате при реализации информативных интенций содержание этих речевых форм редко подвергается выдвижению. В качестве полифонических включений выступают, в большинстве, стилистико-ресурсные речевые формы, оценочный модус которых сохраняется, но подвергается эмоциональной нейтрализации, заданной в дискурсе-источнике как проявление стилистического пафоса. Политическая обусловленность речевой формы не эксплицируется. С одной стороны, в этом проявляется максимально органичное, неаналитическое принятие заложенной политическим дискурсом идеологической позиции, а с другой – установка на представление особого статуса диктума, выделенного на фоне повседневности: *И они там жили, уже трое детей у ней стало. А муж погиб в армии (как мне он дядей доводится),* ***на фронте Великой Отечественной войны*** (РД) // *Не давали ничего. Хлеб, который вырастёт – на государство сдавали. Всё сдавали. Тоже надо было* ***поддярживать*** *и* ***фронт****, и всё ведь* (НКРЯ) // *А они поднимаются вверх и, как гуси, этим стаем, и летят эти снаряды, да и сразу траекторию делаить, и там уже знають* ***наши****, где* ***немцы*** (НКРЯ).

При активизации оценочных интенций у говорящего возникает потребность в эмоциональном оформлении текста, и удобной его формой становится экспликация эмоционального пафоса источника. В текст начинают активно привлекаться нехарактерные для повседневного общения цитатные речевые формы, сохраняющие его эмоциональный код.

Но цитатные речевые формы в качестве полифонических включений в текстах представителей военного поколения используются особым образом – без экспликации говорящим их цитатного статуса, без их метатекстового маркирования – вне выдвижения политической ангажированности их содержания, что также свидетельствует о максимальной адаптации речевых форм политического дискурса к речевой сфере субъекта такого типа, отсутствии дифференцированности личностной и социально-политической позиции: *[Респондент, жен, 83]Мы люди были такие –* ***все для фронта***[107]*, мы не жалели. Надо на фронт – мы все отдадим. И весь народ был такой. В блокаду все делали – работали, на операции шли на передовые* (НКРЯ) // *...Началась* ***Великая Отечественная война, вероломно напал***[108] ***на*** *нас… ну, Германия и Гитлер. Ну, и мы на этом, значить… наше всё кончилось, и учёба прекратилась наша* (НКРЯ) // *Ну и так проучилась я, вот, наверное, с декабря сорокового года и до июня, двадцать второго июня сорок первого года.* ***Без объявления начала войну Германия***[109]*.Утром мы просыпаемся все в переполохе:* ***объявили*** *войну. Ну, как мы понимали тогда «война»? Мы думали, что* ***наша страна*** *такая* ***сильная*** *и*

---

[107] Источник: Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина 3 июля 1941 года [Электронный ресурс] // Проект «100 главных документов российской истории». – Электр. данные. – [Б. г.]. – URL: http://doc.histrf.ru/20/stalin-i-v-vystuplenie-po-radio-predsedatelya-gko-3-iyulya-1941-goda/ (дата обращения: 16.05.2015).

[108] Там же.

[109]Перефразированный фрагмент текста выступления по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел В.М. Молотова. Опубликован в газете «Правда» 23 июня 1941 года. В источнике: «…без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну» (Выступление по радио заместителя председателя СНК СССР, народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова в связи с нападением гитлеровской Германии на СССР [Электронный ресурс] // Огонь войны 1941-1945. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.fire-of-war.ru/echo_of_war/documents.htm (дата обращения: 11.09.2015)).

народ *такой* ***сильный****, организованный. Ну что, нас оповещали по радио и дирекция – все говорили, что* ***врах будет изгнан из страны****,* ***врах будет разбит***[110]*. Настроение поддерживали, хотя все были очень настроены, ну, ужасно было страшно, что это такое. Но верили в то, что* ***врах будет разбит*** (НКРЯ). С одной стороны – такое использование цитатных речевых форм определяется принципами полифонической организации текста повседневных дискурсов, которым политические цитаты не свойственны, с другой – высокий уровень освоенности цитатного потенциала такого типа свидетельствует о значимости выражаемого ими диктума. Выдвижение цитатных речевых форм осуществляется в соответствии с принципами использования стилистико-ресурсных дискурсивных выражений – на основании их узнаваемости и воспроизводимости, в результате чего они получают функцию носителей не только особого содержательного, но и эмоционального кода.

В текстах **неповседневных дискурсов**, субъектами которых являются представители **военного поколения**, речевые формы советского политического дискурса, выработанные в нем для представления темы Великой Отечественной войны, во-первых, становятся легитимной опорой предъявления личностно обусловленности оценки особого содержания, но и ее социально-политической обусловленности. Установка на представления особого содержания с позиций «политической корректности» требует полного сохранения модуса источника: его политического, оценочного и эмоционального компонентов. Для его передачи используются различные речевые формы политического дискурса, но повышенную активность демонстрируют дискурсивные выражения, для которых стилистический идеологический пафос является одним из оснований стабилизации (*до последней капли крови; погибать, но защищать нашу родину; у развернутого красного знамени* и под.). В первую очередь, обилие дискурсивных выражений – результат разработанности манипулятивной политической риторики военного времени, поэтому дискурсивные выражения при развертывании темы Великой Отечественной войны используются значительно чаще, чем при

[110] Там же.

развертывании других политически ангажированных тем. Но на фоне других идеологически заряженных стилистико-ресурсных речевых форм они обладают повышенной эмоциональной заряженностью, их использование автоматически реализует выдвижение идеологического пафоса, поэтому в рамках неповседневного общения именно они позволяют субъекту обеспечить максимальную реализацию не только оценочной, но и эмоциональной легитимности представления темы: *Ну, и ещё что… Принимали мы* ***присягу на верность Родине***, ***Советскому Союзу служить***, *так, и мы все* ***клялись***, *девушки, вплоть до того, что* ***погибать, но защищать нашу Родину***, *и* ***клялись*** *мы* ***у развёрнутого Красного Знамени***, *так .Ещё что… Я была – это был третий Белорусский фронт, так, которым командовал Черняховский Иван… а отчество забыла* (НКРЯ) // *Мне* ***вынесли благодарность за бдительную****… [Присутствующая при разговоре женщина]:* ***Службу… Службу и вахту на посту***, *вот* (НКРЯ).

(2.2) В текстах, субъектами которых являются представители **поколения, не заставшего войну**, идеологически ориентированный эмоционально нагруженный оценочный модус последовательно выдвигается говорящим, использующим политическую риторику описания Великой Отечественной войны с внешней личностной и социально-исторической позиции. Но представление социальной позиции дискурса-источника в результирующем полифоническом тексте осуществляется особым образом. Великая Отечественная война в текстах послевоенного поколения мифологизируется, и социально-политический код источника становится маркером этого мифологического кода.

Тип субъекта предполагает развертывание темы исключительно в социально-историческом аспекте.

Обращение к рассматриваемой теме субъектов данного типа, в абсолютном большинстве, реализуется в текстах **неповседневных дискурсов** (примеры ее реализации в повседневном общении – единичны (см. далее)).

Стилистико-ресурсные и цитатные речевые формы, сохраняя модус источника, выполняют при развертывании темы разные функции. Стилистико-

ресурсные речевые формы, выступая в качестве маркеров политической позиции, демонстрируют ее совпадение с позицией обыденного человека. Цитатные речевые формы, в основном, используются в том случае, если позиция обыденного человека по отношению к политической позиции приобретает аналитический характер. Сохраняя модус источника, они маркируют осознанное дистанцирование говорящего от него.

Любые виды деятельности человека эпохи войны предъявляются как образцы идеального/антиидеального человеческого поведения – **стилистико-ресурсные** речевые формы советского политического дискурса участвуют в реализации мифологического оценочного кода: *В экстремальных ситуациях мысль работает очень целенаправленно. Поэтому такие изобретения/ как выйти. Человек же всегда изворачивается. И вот во время войны все эти открытия/ когда* ***всё для фронта****/ всё ы/ поэтому и были такие всплески* (НКРЯ).

Абсолютное большинство текстов, использующих полифонические включения такого типа, отражают повышенную эмоциональность общения, соответствующую политическому пафосу источника, оценочную полярность различных социальных категорий, где позитивный полюс описывается с их помощью: дифференциация социально индифферентных и социально активных (*Не бояться неудач. Они будут в любом случае/ истории успеха Абрамовича и Рокфеллера полны ими. Важно не то/ получилось что-то или нет/ а то/ какой вывод ты из этого сделал/ и каково твое эмоциональное состояние. Из истории мы помним/ что/ чтобы победить в Великой Отечественной войне/ Красной Армии пришлось первые два года отступать и обороняться/ но она никогда не теряла мысли о том/ что однажды/ когда станет опытнее и сильнее/* ***пойдет в наступление*** *и* ***дойдет до Берлина****. Из этого примера вытекает и второй важный/ как мне кажется/ закон успеха/ всегда поднимайте перед собой планку/ подгоняйте себя вперед/ если потребуется* (НКРЯ)), состояние общества при наличии национальной идеи и при ее отсутствии (*[№ 7, жен, 28] А сейчас/ не дай бог/ случилась бы такая война/ не знаю/ выиграли бы мы ее или нет? [№ 1, жен, 58] Ни в коем случае. [№ 7, жен, 28] Тогда все* ***шли от мала до велика/ за***

Родину*/ на фронт. [№ 8, жен, 34] Все упирается в национальную идею. [№ 7, жен, 28] А сейчас половина посдадутся и не пойдут никуда. [№ 3, муж, 43]* ***Перейдут на сторону врага*** (НКРЯ)) и др. Максимально частотно используются стилистико-ресурсные речевые формы при развертывания темы Великой Отечественной войны в аспекте категории патриотизма – представляемого как особое качество поколения, пережившего войну: *[1, жен, 45] Ну/ в общем-то/ да/* ***за Сталина*** *любой шёл на смерть. [0] На какой идеологии основано это? [4, муж, 36] Родины своей. [1, жен, 45]* ***За Сталина*** *шли. Как они шли/* ***за Сталина****/ как шли. [4, муж, 36] И* ***за родину****/ наверное. [1, жен, 45] Да/* ***за родину/ за Сталина****/ да* (НКРЯ) // *Вообще всё забыли. Беспринципное поколение растет. Именно/ многие могут не согласиться с тем/ но то поколение/ которое* ***защищало****/ именно у них была какая-то идеология и принципы. Они же* ***защищали Родину****/ которая была* ***Родиной****! Сейчас же взять/ такого уже не повторится никогда/девятого мая не будет!* (НКРЯ) // *[сравнивая современную молодежь и молодежь военного поколения] Представь современных 18-летних инфантилов! Это не в контр-страйк играть, это* ***война!*** *А они* ***шли, и кровь проливали, и под пули, и под танки, за Родину…*** *А этим что Родина? Пустой звук!* (РРТ). Последний пример демонстрирует редкий случай развертывания рассматриваемой темы в **повседневном** общении: ее выделенность на фоне повседневных тем определяет множественность использования политических полифонических включений, сохранность не только оценочного, но и эмоционального кода источника, что в таких условиях становится особо показательным.

Аналитическую позицию обыденного человека в рамках тематически ориентированных текстов позволяют выразить **цитатные** полифонические включения. Таких текстов в рассматриваемом материале значительно меньше (не более 8%). Различия в их использовании строятся на основании согласия/несогласия обыденного человека с политической позицией источника, что находит отдельное выражение в продуцируемых текстах. Цитатные полифонические включения при этом всегда сохраняют позицию источника,

маркируя либо объект несогласия (*У КПРФ/ наверняка/ поколение чуть постарше меня даже. За КПРФ 70-80% пойдут/ потому что на этом они и жили/ на коммунистах. Ну/ не* ***за Родину/ за Сталина/*** *нет конечно. Но все равно старое поколение/ КПРФ вывезет…* (НКРЯ)), либо неправильное, с точки зрения обыденного человека, отношение к объекту согласия (*[№ 5, жен, 20] Я еще хотела сказать/ что очень было странно и не правильно после того/ как развалился союз/ вскрывались все эти вещи/ про Ленина/ Про Сталина. [№ 6, муж, 29] То есть охаяли. [№ 5, жен, 20] То есть резко все вынесли все эмоции найти виноватых/ как это всегда делается в России/ это не совсем правильно. С большого плюса/ с лозунгов/* ***за Ленина/ за Сталина/ умрем за Родину*** *резко перейти к тому/ что все большие дураки. [№ 6, муж, 29] Выбили у людей почву. [№ 5, жен, 20] Почву/ не почву/ просто это неправильно. Чисто исторически прыгать из плюса к минусу и закинуть в сейф/ то есть мы нашли виноватого* (НКРЯ)). В данных текстах говорящий, используя цитатные речевые формы в собственно-информативной функции, обозначает их заданную источником эмоциональную значимость за пределами полифонических включений. В первом примере относительно взвешенная позиция современных сторонников КПРФ противопоставляется фанатичной позиции военного поколения через конструкцию ее отрицания. Во втором примере модусное содержание источника обсуждается говорящим как диктумный компонент результирующего текста (*резко все вынесли все эмоции; с большого плюса; из плюса*), используемый для противопоставления диктумной номинации современной социальной позиции (*все большие дураки; к минусу*), с которой говорящий не согласен.

Итак, речевые формы советского политического дискурса становятся удобной формой отражения темы Великой Отечественной войны в личностно-ориентированном общении обыденного человека, представляющего ее в социальном аспекте как наддискурсивно значимую.

Единство личностной и политической трактовки данной темы сближает принципы полифонической организации текстов повседневных и неповседневных дискурсов. При этом в повседневных дискурсах политический характер оценки,

заданный в источнике, в основном, игнорируется, а в неповседневных – в большинстве случаев – выдвигается.

Выводы к главе 4

Полифонический текст личностно-ориентированных дискурсов формируется при отсутствии внешних институциональных ограничений. Ведущим фактором его формирования является субъектная интенция говорящего, выражаемая в выборе представляемой информации (диктум), ее интерпретации (модус) и использовании полифонических включений как одной из составляющих ее вербализации (дискурсивный стиль).

Когнитивно-стилистическим основанием порождения полифонического текста личностно-ориентированного дискурса является наличие субъектного опыта вербализации информации в других дискурсах (факторы дискурса-источника). При его использовании для реализации субъектной интенции говорящий устанавливает между выражаемым им содержанием и содержанием, заданным в источнике, определенные смысловые параллели, выстраивая модусные и/или диктумные соответствия смысла источника и результирующего текста. Диктумные соответствия могут быть установлены при игнорировании результатов интерпретирующей деятельности источника – при этом говорящий употребляет инодискурсивные речевые формы как модусно нейтральные. Модусно-диктумные соответствия устанавливаются с учетом как диктума, так и модуса источника – говорящий сохраняет диктумное содержание источника и выражает свое отношение к нему, копируя или трансформируя заданный в источнике модусный смысл. Исключительно модусные соответствия, проявляющие особую активность в дискурсах рассматриваемого типа, предполагают обращение к модусу источника вне его диктумного содержания – говорящий использует модус источника, применяя его для оценки иного диктумного содержания.

Вариативность субъектной модусной интерпретации речевых форм источника определяется внешним характером его социального авторитета. Модусное содержание дискурсов, обладающих для говорящего внутренним

авторитетом, в полифоническом тексте личностно-ориентированных дискурсов сохраняется.

Модусное содержание результирующего полифонического текста, выраженное в его полифонической организации, реализуется на основании «двойной» оценочности. Оценка авторитета дискурса-источника как истинного либо как ложного может становиться основанием для использования его речевых форм при оценке обрабатываемого субъектом в личностно-ориентированном дискурсе содержания.

Оценочный модус инодискурсивной речевой формы при формировании полифонического текста субъект использует при реализации следующих интенций: (1) создание эффекта убедительности (привлекая для этого социальный авторитет дискурса-источника), (2) позитивнооценочные интенции (эксплицируя заданную в источнике позитивную оценку или используя в этой функции оценочно нейтральные речевые формы истинно-авторитетного источника), (3) негативнооценочные интенции (эксплицируя заданную в источнике негативную оценку, противопоставляя собственную оценку диктумного содержания позиции дискурса-источника или наделяя негативной оценочностью оценочно нейтральные речевые формы ложно-авторитетного источника), (4) интенции самопрезентации (позитивной самооценки) и постулирования собственной осведомленности, в том числе – через повышение статуса собственного речевого произведения (акцентируя внимание на своей приобщенности к содержанию социальной сферы дискурса-источника и к его речевой форме).

Характер трансформации заданных в источнике смыслов иноречевых форм в личностно-ориентированных дискурсах различного типа различается. Значительно большую активность трансформации обнаруживают тексты повседневных дискурсов, не ограничивающих субъекта в адаптации содержания источника к привычным сценариям общения. При этом в повседневных дискурсах субъект меньше нуждается в обращении к иноречевым формам в силу отсутствия потребности в восстановлении дискурсивного порядка: полифонические включения из институциональных дискурсов в таких текстах используются менее

частотно. В неповседневных дискурсах обращение к ним определяется стремлением субъекта к преодолению дискурсивного дискомфорта за счет институциональной поддержки. В результате содержание источника в тексте неповседневных дискурсов менее активно трансформируется, а иноречевые формы используются более частотно.

Представленные результаты восприятия смысла источника, выраженные в его речевых формах, различным образом реализуются в личностно-ориентированном текстопорождении субъектов различного СРТ. Максимально полифонический текст субъектов СРТ-1 и СРТ-2 различается в неповседневных дискурсах, где в тексте проявляется разный уровень успешности слабо содержательно адаптированных иноречевых форм.

Заключение

Текст личностно-ориентированных дискурсов обладает особым – в сравнении с текстом дискурсов институциональных – характером организации. Личностно-ориентированные дискурсы, свободные от институциональных правил, регулируют процессы текстопорождения на основании отработанных сценариев дискурсивного существования обыденного человека – социально-ролевой позиции, противопоставленной роли институционально заданной. Обращение к иноречевым формам, определяющее полифоническую организацию текста, является одним из аспектов реализации этих сценариев.

Теория полифонической организации текста, активно разрабатываемая в филологических исследованиях второй половины XX – начала XXI века, обнаруживает на материале текстов личностно-ориентированных дискурсов новые аспекты и новые результаты.

Идея обусловленности текста внешними межтекстовыми связями, зародившаяся в литературоведческих исследованиях и позднее усвоенная лингвистикой художественного текста, выразилась в положениях о том, что (1) интенция дискурса находится в динамическом взаимодействии с интенциональностью автора и читателя как его субъектов, что определяет непрямые отношения между полифоническим текстом и его источником, возможность интертекстуального обращения не только к конкретному источнику, но и к литературным архетипам; (2) источник может быть объективирован в тексте в виде определенных вербальных средств (наряду с логико-смысловыми); (3) смысловой компонент источника в результирующем тексте реализуется динамически, получает множество вариантов прочтения, что обусловлено внешними условиями его порождения/восприятия.

Общая «постмодернистская революция» и формирование концепции текста как «генератора смысла», как динамического вербального компонента

коммуникативного процесса, результативной стороны дискурса определили интеграцию названной идеи в лингвистику нехудожественной речи.

Новое понимание текста позволило рассматривать любой текст как полифонический – организованный при участии инодискурсивных речевых форм, выступающих в нем в качестве полифонических включений.

Первоначально проблема интертекстуальности и полидискурсивности нехудожественных текстов решалась исследователями на материале институциональных дискурсов, характеризующихся жестким отбором диктумного содержания и его последовательным модусным ориентированием на основании институционально заданной дискурсивной интенции.

Концепция полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов в настоящее время находится в начале пути своего развития, и настоящая работа – один из первых опытов ее представления.

Специфика подхода к анализу полифонической организации текстов личностно-ориентированных дискурсов, в первую очередь, определяется их особой информационно-стилистической открытостью. Факторы результирующего дискурса играют в ее формировании ведущую роль.

Диктумное содержание личностно-ориентированных дискурсов включает как информацию, производство которой осуществляется в институциональных дискурсах в соответствии с их социально обусловленной интенциональностью, так и информацию бытового, внутреннего для них характера. Процесс обработки информации субъектом, направленный на ее вербализацию, в дискурсах такого типа осуществляется при отсутствии институциональных ограничений. Текст оказывается открытым для проникновения инодискурсивных речевых форм.

При отсутствии институционально заданных информационно-стилистических ограничений определяющую роль в процессе формирования полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов играет интенция говорящего субъекта, выражаемая в выборе представляемой информации (диктум), ее интерпретации (модус) и использовании полифонических включений как одной из составляющих ее вербализации (дискурсивный стиль). Обращение к

инодискурсивным речевым формам определяется характером опыта участия субъекта в иных дискурсах, где он получил возможность их усвоения.

Несмотря на отсутствие институциональных ограничений, текст личностно-ориентированных дискурсов подчиняется особому характеру организации, особой конвенциональности, определяемой спецификой отработанных моделей общения, которые формируются в процессах регулярного коммуникативного взаимодействия говорящих. Интенция говорящего субъекта реализуется особым образом в зависимости от коммуникативных условий ее осуществления. В связи с этим на процесс выбора и использования инодискурсивных речевых форм влияет также специфика интенции дискурсивной, рассматриваемой как проявление «власти дискурса» – с одной стороны, и как типовая для данного вида дискурса интенция – с другой.

Типы личностно-ориентированных дискурсов, обнаруживающие специфику полифонической организации текста, противопоставляются по характеру дискурсивной интенции, социально заданным условиям общения, определяющим уровень психологического комфорта субъекта в дискурсе. На основании специфики дискурсивной интенции выделяются личностно-ориентированные *дискурсы практической направленности*, ориентированные на преобразование текущей экстралингвистической ситуации с привлечением речевых средств, и *интерпретационной направленности*, где порождение текста – действие доминантное, существующее относительно независимо от сопровождающих его неречевых действий. Обращение обыденного человека к инодискурсивным речевым формам в личностно-ориентированном общении является частью его интерпретационной дискурсной деятельности (проявленной в дискурсах *интерпретационной направленности*). Личностно-ориентированные дискурсы практической направленности условий для использования инодискурсивных речевых форм не создают.

На основании социально заданных условий общения, также влияющих на специфику субъектной интенции в дискурсе, выделяются *дискурсы повседневные,* протекающие по привычным для говорящего сценариям, освоенным в процессах

получения дискурсивного опыта, и *неповседневные* – связанные с нарушением этих сценариев под влиянием социальных обстоятельств. Повседневные дискурсы формируются в комфортных условиях общения. Неповседневные дискурсы характеризуются различными признаками коммуникативного дискомфорта (наиболее значимые для формирования полифонического текста – публичность, наличие латентной институциональности).

Помимо факторов результирующего дискурса, на характер полифонической организации текста личностно-ориентированных дискурсов оказывают влияние *факторы дискурса-источника*. Дискурсивно-стилистические процессы социально авторитетных речевых сфер, с их особой интенциональностью и социальной функцией, приводят к стабилизации речевых форм, в которых выражается модусно-диктумное содержание этих дискурсов (как специфика дискурсивной картины мира).

Анализ текстов личностно-ориентированных дискурсов выявил высокую степень регулярности использования в качестве источников полифонической организации текста речевых форм дискурса документа, политического и фольклорного дискурсов. Характер их включения в результирующий текст определяется процессами координации интенциональности принимающего дискурса и модусно-диктумного содержания дискурсов-источников. Обладая общими качествами институциональности и социальной авторитетности, рассматриваемые дискурсы качественно различаются характером восприятия этого авторитета обыденным человеком и наличием/отсутствием оценочной позиции в содержании дискурсивного модуса.

Дискурс документа формируется на основании оценочно нейтрального общего дискурсивного модуса официальности – типового модусного смысла дискурса документа, который конкретизируется в модусах объективности и императивности. Общий дискурсивный модус политического дискурса – это модус идеологически (политически) ориентированной эмоциональной оценочности. Фольклор отличает общий дискурсивный ценностноориентирующий (верифицирующий) модус. В каждом из названных

дискурсов указанные смыслы стабилизируются в его речевых формах. Внешний авторитет дискурса документа и политического дискурса, сформированный вне участия обыденного человека, может быть воспринят им как истинный или как ложный. Внутренний авторитет фольклорного дискурса всегда воспринимается как истинный.

Стабилизированные речевые формы источника субъект личностно-ориентированного дискурса обрабатывает особым образом. Привлекая их в полифонический текст личностно-ориентированных дискурсов, обыденный человек нейтрализует, сохраняет или трансформирует модусное содержание источника, используя его для реализации субъектной интенции.

Сохранность/трансформация модуса дискурса-источника при использовании его речевых форм в качестве полифонических включений выражается в сохранении их институционально заданного оценочного содержания или в формировании нового оценочного смысла на основании отношения обыденного человека к институциональному авторитету.

Формирование полифонического текста в *повседневных* личностно-ориентированных дискурсах осуществляется субъектом в рамках привычных сценариев текстопорождения.

Нейтрализация модуса источника имеет место в повседневных дискурсах в процессе использования инодискурсивных речевых форм для номинирования институционально значимого диктума, осуществляемого при отсутствии общеупотребительных аналогов (частный случай – результат дискурсивного сопротивления, оказываемого субъектом при восприятии институционального авторитета политического дискурса как ложного).

Сохранение модуса источника вне его трансформации наиболее последовательно реализуется при обращении к фольклорному источнику, речевые формы которого используются только в рамках осознанного выдвижения его модуса. Это объясняется внутренним характером социального авторитета фольклорного дискурса. Кроме того, эта модель использования модуса дискурса-источника реализуется в повседневных дискурсах при восприятии

институционального авторитета политического дискурса-источника как истинного: согласие с политической оценкой выражается в сохранении оценочного вектора, во многих случаях сопровождающемся выдвижением политически заданного смысла.

В полифонической организации текста повседневных дискурсов активно проявляются *модусные трансформации* содержания источника. При использовании речевых форм дискурса документа его модус официальности интенсифицируется и трансформируется. При восприятии субъектом институционального авторитета дискурса документа как истинного его речевые формы приобретают позитивнооценочный смысл. При его восприятии как ложного модус дискурса документа, в основном, востребуется в рамках иронических стратегий и реализуется как негативнооценочный. Речевые формы политического дискурса в процессах модусной трансформации переориентируют заданный в источнике оценочный вектор, участвуя в реализации собственно-оценочных и оценочно-иронических субъектных целей. Фольклорные полифонические включения не испытывают активной трансформации модуса источника, но при их использовании он может быть подвергнут обобщению (в основном – при обращении к речевым формам «чужого» фольклора).

Неповседневные дискурсы, направляя текстопорождающую деятельность субъекта на восстановление дискурсивного порядка, активизируют его обращение к речевым формам институциональных дискурсов как маркерам особого статуса речевого произведения. В связи с этим полифонические включения из институциональных дискурсов, во-первых, используются в них более частотно, во-вторых, сопротивляются нейтрализации исходного модусного содержания, сохраняя и даже в большинстве случаев выдвигая его, в-третьих, значительно менее частотно допускают его трансформацию.

В неповседневном общении последовательно сохраняется общий дискурсивный модус дискурса документа, который в повседневном общении так же последовательно трансформируется в силу его сопротивления любым проявлениям официальности. Сохраненный оценочный модус политического

дискурса в неповседневном общении при восприятии социального авторитета дискурса как истинного выполняет ту же функцию, что и модус официальности дискурса документа, отвечая на стремление субъекта найти институциональную поддержку и, тем самым, восстановить дискурсивный комфорт. При восприятии авторитета политического дискурса-источника как ложного оценочная позиция субъекта, в основном, выражается за пределами полифонического включения, заданное в источнике содержание которого становится объектом оценивания. Фольклорные полифонические включения в неповседневных дискурсах используются редко, но в случае использования – сохраняют модус источника так же последовательно, как и в дискурсах повседневных.

Особую функцию приобретают институциональные полифонические включения при обращении к *концептам, обладающим наддискурсивной личностной и социальной значимостью*. В этом случае они могут быть использованы говорящим в качестве удобной, институционально отработанной формы передачи общекультурного и национально-культурного содержания. В обозначенной функции используются речевые формы политического дискурса – как дискурса, последовательно задающего любому диктумному содержанию оценочно-ориентированный вектор, сопровождающийся выражением политического пафоса. При обращении к наддискурсивно значимому содержанию принципы формирования полифонического текста в повседневных и неповседневных дискурсах сближаются, реализуя субъектную установку на повышение статуса речевого произведения, обладающего особым диктумным содержанием. Использование речевых форм политического дискурса в процессах реализации сценариев такого типа основывается на восприятии социального авторитета источника как истинного.

Представленные результаты восприятия смысла источника, выраженные в его речевых формах, различным образом реализуются в личностно-ориентированном текстопорождении *субъектов различного СРТ*.

Субъект СРТ-1 формирует более дифференцированный образ правильной речи и обнаруживает более высокий уровень осознанности использования

полифонических включений из институциональных дискурсов. В повседневном общении речевые формы дискурса документа он неосознанно употребляет только при обращении к заданному в источнике диктумному содержанию – при отсутствии их общеупотребительных обозначений. В остальных случаях обращение к ним субъекта СРТ-1 осуществляется либо в рамках осознанных иронических стратегий, либо в рамках общения на профессиональную тематику с осведомленным речевым партнером. Субъект СРТ-2 как в повседневном, так и в неповседневном общении часто неосознанно использует речевые формы дискурса документа при сохранении модуса источника, причем в неповседневном общении он регулярно привлекает их в отрыве от диктумного содержания источника, эксплуатируя модус официальности при реализации установки на повышение статуса собственного речевого произведения. Различия в формировании полифонического текста СРТ-1 и СРТ-2 в неповседневных дискурсах проявляются ярче.

При обращении к речевым формам политического дискурса, интенциональность которого адаптирует их для личностно-ориентированного употребления, наиболее выраженные различия субъекты СРТ-1 и СРТ-1 демонстрируют в позиции дискурсивного сопротивления. Субъект СРТ-1, четче осознавая манипулятивную природу речевых форм политического дискурса, последовательно выдвигает и во многих случаях аксиологически переориентирует его оценочный модус. Субъект СРТ-2 в повседневном общении чаще реализует восприятие авторитета источника как ложного через нейтрализацию этого модуса.

Полифонические включения из фольклорного дискурса в повседневном общении значительно чаще и разнообразнее использует СРТ-1, демонстрируя более высокий уровень дифференцированности сфер полидискурсивного опыта. В неповседневном общении субъект СРТ-2 речевые формы фольклорного дискурса использует крайне редко.

Таким образом, несмотря на лояльность личностно-ориентированного дискурса к проникновению иноречевых форм, он обладает достаточно жесткими внутренними принципами их адаптации, заданными дискурсивными правилами,

отработанными в повседневном общении и в процессах полидискурсивного существования говорящих субъектов.

Полифоническая организация текста личностно-ориентированных дискурсов – результат естественной реализации полидискурсивного опыта обыденного человека в процессах внеинституциональной обработки информации в дискурсе.

Проведенное исследование может быть продолжено как в аспекте расширения привлекаемых к анализу типов дискурсов-источников (исследование специфики личностно-ориентированной адаптации заданных в них модусных смыслов), так и в аспекте расширения типов результирующего текста – внеинституциональной (неофициального интернет-общения, письменной неофициальной речи) и институциональной коммуникации. Интересным представляется также анализ полифонической организации текста языковой личности, специфика полифонического текста отдельных жанровых форм и др.

Список условных сокращений

АГ – Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. – Благовещенск: АмГУ, 2005; Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. – Благовещенск: АмГУ, 2005.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1948-1965.

БухС – Большой бухгалтерский словарь / Под ред. А. Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 1999.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.

НКРЯ – материалы Национального корпуса русского языка (URL: www.ruscorpora.ru).

НСРЯ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. В 2-х т / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.

ПССГ – Полный словарь сибирского говора: в 4-х т. / Главный ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992-1995.

РД – Русская деревня в рассказах ее жителей / Под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2009.

РМ – Китайгородская М. В. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. – Москва: Научный мир, 2005.

РП – Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. – М.: Б. и., 1995.

РРЗ – Русская разговорная речь Заполярья: Норильск: Тексты. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.

РРР – Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е.А.Земская, Л.А.Капападзе. – М.: Наука, 1978.

РРСВ – Русская разговорная речь европейского северо-востока России: Сборник текстов / Под ред. Н.С. Сергиевой и А.С. Герда. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1998.

РРТ – записи текстов городской разговорной речи, сделанные студентами Томского госуниверситета и автором работы в г. Томске (2003-2012 гг.).

РРТаг – Русская разговорная речь. Тексты / Автор-сост. Г.Г. Инфантова. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2006.

РРУ1 – Живая речь уральского города. Тексты. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995.

РРУ2 – Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия / [сост. И.В. Шалина]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 6 т. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник», 1998-2003.

СГ – записи текстов среднеобского говора, выполненных в рамках экспедиций студентов и сотрудников Томского госуниверситета в районы бытования среднеобского говора (60е-80е гг. XX в.).

СГсб1 – Иванцова Е. В. Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. – Томск, 2007.

СГсб2 – Богословская З. М. Устная народная речь русских старожилов Сибири: сб. текстов. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2007.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб., 1998. 700 с.

Список литературы

1. Абанина И. Л. Специфика интертекстуальных связей в аналитическом жанре газеты: на материале аналитических статей англо-американских газет : дис. … канд. филол. наук / И.Л. Абанина. – М., 2009. – 212 с.

2. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке / П. Адамец. – Praha: Academia, 1966. – 101 s.

3. Адоньева С. Б. Категория ненастоящего времени (антропологические очерки) / С. Б. Адоньева. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 176 с.

4. Адоньева С. Б. Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. – 312 с.

5. Азбелев С. Н. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. – М.; Л., 1966. – С. 260-302.

6. Азнаурьян Б. Э. Когнитивно-прагматические особенности делового дискурса: на материале документооборота табачной промышленности : дис. … канд. филол. наук / Б. Э. Азнаурьян. – Краснодар, 2005. – 320 с.

7. Алещенко Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е.И. Алещенко. – Волгоград, 2008. – 45 с.

8. Алиференко Н. Ф. «Язык» и «текст» культуры / Н. Ф. Алефиренко // Текст: Восприятие, информация, интерпретация: Сб. докл. I Междунар. науч. конф. Рос. нового ун-та. – М., 2002. – С. 58-69.

9. Алексеева В. О. Прецедентные феномены современного российского политического дискурса // Феномен прецедентности и преемственность культур. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – С. 149-153.

10. Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика / В. М. Алпатов. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 432 с.

11. Алпатов В. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.

12. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: [учебное пособие] / А Г. Алтунян. – М.: Логос, 2912. – 384 с.

13. Андрамонова Н. А. Теоретико-образовательный потенциал грамматического наследия В.А. Богородицкого // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научной конференции (Казань, 4-7 мая 2007 года). – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – Т. 1. – С. 8-12.

14. Андреева С. Л. Интертекстуальность как способ объективации концептов // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов Международной научной конференции (Магнитогорск, 12-14 ноября 2003 года). – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С. 45-53.

15. Андриенко А. А. Концепт УСПЕХ в американской и русской лингвокультурах (на материале популярно-делового дискурса): дис…канд. филол. наук / А. А. Андриенко. – Белгород, 2010. – 195 с.

16. Аникин В. П. Не «постфольклор», а фольклор (к постановке вопроса о его современных традициях) // Славянская традиционная культура и современный мир: Сборник материалов научно-практической конференции. – Вып. 2. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1997. – С. 224–240.

17. Аникина Э. М. Лингвокультурная специфика реализации интертекстуальности в дискурсе СМИ: На материале англо-американской прессы : дис. ... канд. филол. наук / Э. М. Аникина. – Уфа, 2004. – 243 с.

18. Апухтин В. Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Б. Апухтин. – М., 1977. – 29 с.

19. Арнольд И. В. Тематические слова художественного текста // Иностранный язык в школе. – 1971. – № 2. – С. 6-12.

20. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 23-31.

21. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. (Стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.

22. Арнольд И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста) / И.В. Арнольд. – СПб.: Образование, 1995. – 60 с.

23. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 443 с.

24. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: [учебник для вузов] / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

25. Артеменко Е. Б. Фольклорная формульность и вариативность в аспекте текстообразования // Язык русского фольклора. – Петрозаводск: ПГУ, 1985. – С. 4-12.

26. Артеменко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования / Е. Б. Артеменко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. – 174 с.

27. Артеменко Е. Б. Миф. Фольклор. Эстетика тождества // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Гацака. – М.: Наука, 2004. – С. 57-67.

28. Артеменко Е. Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: Сб. статей: Материалы науч. регион, конф. 2004 г. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 138-150.

29. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

30. Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 50-65.

31. Арутюнова Н. Д. Высказывание в контексте диалога и чужой речи [Электронный ресурс] // Revue des Études Slaves. – Année, 1990. – Volume 62. – Numéro 1. – P. 15-30. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из портала Persee.fr. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_1990_num_62_1_5862#ml (дата обращения: 21.02.2013).

32. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

33. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.XVI. – Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 8-42.

34. Ахманова О.С. Текст // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 365.

35. Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н. А. Ахренова. – М., 2009. – 36 с.

36. Бабаева А. В. Роль междисциплинарных исследований в изучении проблем повседневности // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001. г.Санкт-Петербург. Серия «Symposium». – Выпуск №12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 177-179.

37. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.

38. Баева Н. А. Категория интертекстуальности в романах Ч. Диккенса : дис. … канд. филол. наук / Н. А. Баева. – Барнаул, 2003. – 178 с.

39. Баженова Е. А. Политекстуальность научного текста // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 1999. – С. 66-89.

40. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е.А. Баженова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 272 с.

41. Баженова Е. А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – Вып.5. – С. 24-32.

42. Баженова Е. А. Научный дискурс в стилистическом аспекте / Е. А. Баженова // Русская речевая культура и текст: Материалы VI

Международной научной конференции (25 – 27 марта 2010 г.). – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С. 272-277.

43. Баженова Е. А. Научный текст и среда // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып.2(8). – С. 60-64.

44. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. – 2005. – Вып. 15. – С. 50-51.

45. Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Бакумова. – Волгоград, 2002. – 200 с.

46. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.

47. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 17-48.

48. Банникова С. В. Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов) : дис. … канд. филол. наук / С. В. Банникова. – Тамбов, 2004. – 181 с.

49. Баранникова Л. И. К вопросу о развитии функционально-стилевого многообразия языка // Вопросы стилистики. Межвуз. научн. сб. – Вып. 6. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. – С. 70-89.

50. Барнет В. К принципам строения высказываний в разговорной речи // Bulletin ruského jazyka a literatury, XVIII. – Praha, 1974. – P. 133-138.

51. Барсукова М. И. Медицинский дискурс (стратегии и тактики речевого поведения врача) : дис. ... канд. филол. наук / М. И. Барсукова. – Саратов, 2007. – 141 с.

52. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

53. Барт Р. Нулевая степень письма // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 50-96.

54. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества / Э. Я. Баталов. – М.: Наука, 1990. – 254 с.

55. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с.

56. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

57. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

58. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. – Киев: NEXT, 1994. – 509 с.

59. Бахтин М. М. Человек в мире слова / М. М. Бахтин. – М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. – 269 с.

60. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М.М. Бахтин [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. – Электрон. дан. – [Б. г.]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/probl_sod.php (дата обращения: 18.01.2009).

61. Баширова Н. З. Интертексты в современных английских газетных статьях (на материале произведений В. Шекспира) // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 168-172.

62. Белоглазова Е.В. Полидискурс(ив)ность [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Дискурсология». – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=129%3Adiscursologia-proyecto-enciclopedico&catid=134%3Adiscursologia-proyecto-enciclopedico-&Itemid=55 (дата обращения: 11.05.2012).

63. Белоглазова Е. В. Полидискурсность как особый исследовательский фокус // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2009. – № 3 (59). – С. 66-71.

64. Белозерова Н. Н. Интегративная поэтика / Н. Н. Белозерова. Тюмень: Издательство ТГУ, 1999. 208 с.

65. Белозерова Н. Н. Модель функционирования интертекста [Электронный ресурс] // Language and Literature: электронный журнал Факультета

романо-германской филологии Тюменского государственного университета. – 2005. – Вып. 4. – URL: http://frgf.utmn.ru/last/No3/text10.htm (дата обращения: 11.07.2012).

66. Белоусов К. И. Синергетика текста: От структуры к форме / К.И. Белоусов. – М.: Либроком, 2008. – 248 с.

67. Бельчиков Ю. А. Стилизация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 492.

68. Белякова С. М. Диалектоноситель и современность: взгляд информанта и взгляд лингвиста // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф., 14-16 апр. 2005 г., Екатеринбург, Россия. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 332-339.

69. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. – 123 с.

70. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.

71. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

72. Беседа с Юлией Кристевой // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1995. – №2. – С. 5.

73. Библер В. С. Ю.М. Лотман и будущее филологии // Лотмановский сборник 1: памяти Ю.М. Лотмана. – М.: ИЦ-Гарант, 1995. – С. 278–285.

74. Бирюков Н. М., Сергеев В. М. Демократия и соборность: представительная власть в традиционной русской и советской политической культуре [Электронный ресурс] // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6. – С. 53-68. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.ecsocman.edu.ru/ons/msg/17119256.html (дата обращения: 10.01.2011).

75. Бирюкова Н. С. О типах прецедентных феноменов // Известия УрГПУ. Лингвистика. – 2005. – Вып. 15. – С. 60-65.

76. Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания / Х. Блум. Екатеринбург: – Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 352 с.

77. Бобков И. М. Кристева Юлия // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 387-389.

78. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения : дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Бобырева. – Волгоград, 2007. – 465 с.

79. Богатырев П. Г. Фольклор как особая форма творчества / П. Г. Богатырев, Р. О. Якобсон // Богатырев П. Г. Вопросы народного творчества. – М.: Искусство, 1971. – С. 369-383.

80. Богаднов К. А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности / К. А. Богданов. – СПб.: Искусство – СПБ, 2001. – 438 с.

81. Богданов К. А. Прецедентные тексты в современном фольклоре [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Информационный портал. – Электрон. дан. – [Б. г.]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlov1.htm (дата обращения: 05.11.2007).

82. Богданов К. А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры / К. А. Богданов. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 368 с.

83. Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуации текста // Жанры речи. – Саратов: Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 11-33.

84. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. / В. А. Богородицкий. – М.; Л., 1935. – 356 с.

85. Болдырев Н. Н. Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. – СПб: Тригон, 2005. – С. 31-46.

86. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа модусных категорий // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации: Сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. – СПб.: Лема, 2010. – С. 17-27.

87. Болдырев Н. Н. Исследование оценочных смыслов в контексте познавательных процессов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах

Ставропольского отделения РАЛК. – Выпуск 8. – Ставрополь: СГПИ, 2010. – С.24-37.

88. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. 312 с.

89. Болотнова Н. С. К вопросу о прагматике художественного текста: коммуникативные универсалии, соотносящиеся с максимой П. Грайса // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 169–177.

90. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: [учеб. пособие.] / Н. С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.

91. Болотнова Н.С. К вопросу о понятии «Когнитивный стиль языковой личности» // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 10 (125). – С. 164-168.

92. Большакова Е.И. Автоматический анализ дискурсивной структуры научного текста / Е.И. Большакова, Н.В. Баева [Электронный ресурс] // Материалы международной конференции «Диалог'2004»: Международная конференция по компьютерной лингвистике. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2004. – URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Bolshakova.htm (дата обращения: 02.02.2011).

93. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.

94. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.

95. Борисов С. Б. Материалы Круглого стола: обсуждение «Что такое «наивная литература»?» / С. Б. Борисов, М. Л. Лурье, К. А. Маслинский и др. [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/bel_circl.html (дата обращения: 26.10.2013).

96. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика / И. Н. Борисова / И. Н. Борисова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001а. – 408 с.

97. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Проблема интегративности / И. Н. Борисова : дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2001б. – 430 с.

98. Борисова И. Н. Режимы диалоговедения и динамические типы разговорного диалога // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 245-261.

99. Борисова И. Н. Цельность разговорного текста в свете категориальных сопоставлений // Stylistyka. 6. – Opole, 1997. – С. 17-25.

100. Бородин П. А. Фольклор в Интернете и вне его: попытка сопоставления // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. – С. 27-42.

101. Брагинская Н.В. Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 119-140.

102. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: / М. П. Брандес [учебник]. 3-е изд., перераб. и доп. – М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

103. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф Бродель. – М.: Прогресс, 1986. – 623 с.

104. Брудный А. А. Текст как форма существования знания // Знание, понимание, действительность. – Фрунзе, 1986. – С. 3-8.

105. Булатова Э. В. Дискурсивные формы рекламы // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 4 (81). – С. 24-29.

106. Бурганова Л. А. Проблема теории в постмодернистском дискурсе // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». Материалы научной конференции. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 25-27.

107. Бухбиндер В.А. О цельности и структуре текста / В. А. Бухбиндер, Е. Д. Розанов // Вопросы языкознания. – 1975. – №6. – С. 73-86.

108. Вавилова Е. Н. Жанровая квалификация виртуального дискурса телеконференций Фидонет : автореф. дис. …канд. филол. наук / Е. Н. Вавилова. – Томск, 2001. – 23 с.

109. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 370-387.

110. Валгина Н. С. Теория текста: [учебное пособие] / Н. С. Валгина. – М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. – 210 с.

111. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991. – С. 39-50.

112. Вамбольдт Н. В. Повседневность в истории / Н. В. Вамбольдт, М.П. Шубина [Электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета: Электронный научный журнал. – Электрон. дан. – Вып. 2006. – URL: http:// www.omsk.edu.ru (дата обращения: 17.07.2011).

113. Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи / Ю. В. Ванникова. – М.: Русский язык, 1979. – 296 с.

114. Варченко В. В. Цитатная речь в медиа-тексте / В. В. Варченко. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 240 с.

115. Вдовиченко А. В. Интертекстуальность и дискурсивно-лингвистический подход к тексту // Языкознание: Взгляд в будущее. – Калининград: ФГУ ИПП «Янтарный сказ», 2002. – С. 106-115.

116. Ведение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: [учеб. пособие] / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк.; Академия, 1999. – 556 с.

117. Вежбицкая А. Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. – М., 1982. – С. 237–262.

118. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402-421.

119. Векшин Г. В. Языки общения и функциональные стили (в их отношении к тексту) // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н.С. Валгиной. – М.: МГУП, 2002. – С. 35-67.

120. Векшин Г. Ф. Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое (о некоторых двусмысленностях в функциональной стилистике) // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – С. 40-58.

121. Венгранович М. А. Традиционность как базовая стилевая черта фольклорного текста // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов. – Пермь: Перм. ун-т., 2004. – С. 96-110.

122. Венгранович М. А. Фольклорный текст в аспекте специфики фольклорной эстетической макросферы [Электронный ресурс] // Научно-культурологический журнал. – Электрон. дан. – 2006. – №18 [140]. – URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1171&level1=main&level2=articles (дата обращения: 11.06.2011).

123. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.

124. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов: На материале современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Вербицкая. – М., 2000. – 47 с.

125. Веселовский А. Н. Избранные статьи / А. Н. Веселовский. – М.: Художественная литература, 1939. – 572 с.

126. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 648 с.

127. Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь: Сборники статей / Под ред. Л. В. Щербы. – Пг.: Издание фонетич. ин-та практич. изучения языков, 1923. – Ч. I. – С. 195-293.

128. Виноградов В. В. О стиле Пушкина // Литературное наследство: Т. 16-18. А.С. Пушкин: Исследования и материалы. – М.: 1934. – С. 135-214.

129. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 389-435.

130. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60-87.

131. Виноградов В. В. Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы // О языке художественной литературы. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С. 84-166.

132. Виноградов В.В. Введение // Грамматика русского языка: в 2 т. / под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, С.Г. Бархударова. – Т. I. – М., 1960. – С. 7-44.

133. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика/ В. В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.

134. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 58–87.

135. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» (1936) // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 70-82.

136. Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1990. – 386 с.

137. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 207-226.

138. Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений (1946) // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 229-259.

139. Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. – С. 388-393.

140. Винокур Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи (1944 г.) // Г.О. Винокур Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1990. – С. 196-240.

141. Винокур Г. О. Поэтика. Лингвистика. Социология (Методологическая справка) (1923 г.) // Г. О. Винокур Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1990. – С. 22-31.

142. Винокур Т.Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М.: Наука, 1968. – С. 18-25.

143. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1980. – 140 с.

144. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993а. – 172 с.

145. Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993б. – С. 5-29.

146. Витгенштейн Л. Философские исследования [Электронный ресурс] // Библиотека философского факультета МГУ. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.philosophy2.ru/library/witt/phil.html (дата обращения: 05.07.2010).

147. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.

148. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке [Электронный ресурс]. – Ленинград: Прибой, 1930. – 160 с. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/VOLOSHINOV-29/introd.html (дата обращения: 26.05.2008).

149. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной

деятельности. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. – Воронеж, 2002. – С. 79-95.

150. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

151. Ворожбитова А. А. Официальный дискурсивный фон исторического этапа Великой Отечественной войны: экспрессия Победы в лингвориторике «Правды» 1941–1945 гг. // Былые годы. – 2012. – № 3 (25). – С. 76-81.

152. Воскресенская Е. Г. Интертекстуальные включения в произведениях И. Во : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Воскресенская. – Барнаул, 2004. – 18 с.

153. Гаврилова М. В. Ключевые концепты русского политического дискурса "народ", "власть", "Россия" [Электронный ресурс] // Политэкс. – 2006. – №1. – URL: http://www.politex.info/content/view/198/30/ (дата обращения: 25.04.2011).

154. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Гаврилова. – СПб., 2005. – 468 с.

155. Гак В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак. – М.: Наука, 1973. – С. 349-372.

156. Гак В. Г. Речевые рефлексы с речевыми словами // Логический анализ языка. Язык речевых действий / В. Г. Гак. – М.: Наука, 1994. – С. 6-10.

157. Галкин Д. В. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна // Критика и семиотика. – 2000. – № 1-2. – С. 26-34.

158. Гаспаров Б. М. В поисках другого: Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов // Новое литературное обозрение. – 1996б. – № 14. – С. 53-71.

159. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993а. – 304 с.

160. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве» / Б. М. Гаспаров. – М.: Аграф, 2000. – 608 с.

161. Гаспаров Б. М. Принципы синтагматического описания уровня предложений // Уч. зап. Тартуского ун-та. – 1975а. – Вып. 347. – С. 3-29.

162. Гаспаров Б. М. Структура формальной связи предложений в современном русском языке // Уч. зап. Тартуского ун-та. – 1975б. – Вып. 347. – С. 30-63.

163. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 348 с.

164. Гаспаров М. Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия АН, серия ЛИЯ. – 2002. – № 4. С. 3-9.

165. Гаспаров М.Л. Ю.М. Лотман: наука и идеология // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – С. 9-17.

166. Гаузенблас К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 57-78.

167. Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. – М.: Наука, 1971. – С. 7-46.

168. Георгиева Т.С. Культура повседневности: В 3 кн. Кн. 2. Частная жизнь и нравы от Средневековья до наших дней. – М.: Высш. шк., 2006. – 479 с.

169. Герд А. С. Специальные словари их источники // Современная русская лексикография. 1981. – Л.: Наука, 1983. – С. 136-145.

170. Гиндин С. И. Советская лингвистика текста: Некоторые проблемы и результаты: (1948—1975) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1977. – Т. 36. – № 4. – С. 348-361.

171. Гиндин С. И. Опыт анализа структуры текста с помощью семантических словарей. Статья 1 // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 14. – М.: МГПИИЯ, 1971. – С. 114-135.

172. Гиндин С.И. От истории к тексту и от науки к искусству: Г.О. Винокур в раздумьях над предметом и статусом филологии // Винокур Г.О. Собрание трудов. Введение в изучение филологических наук. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 122-159.

173. Гиндин С. И. Связный текст: формальное определение и элементы типологии / С. И. Гиндин. – М.: АН СССР. Ин-т рус. яз., 1971. – 44 с.

174. Гинзбург Л. Я. Поэтика ассоциаций // Л. Гинзбург. О лирике. – М.: Советский писатель, 1974. – С. 354-402.

175. Гинзбург Л. Я. Поэтика Осипа Мандельштама // Гинзбург Л.Я. О старом и новом. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1982. – С. 245-300.

176. Голанова Е. И. Публичная речь. Современное словоупотребление: соотношение литературной нормы и узуса (на материале дискурсивных слов) // Современный русский язык: Система – норма – узус. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 341-375.

177. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 338-348.

178. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. – 2008а. – № 3 (4). – С. 5-17.

179. Голев Н. Д. От редколлегии: лингвистика метаязыкового сознания (проблемы и перспективы) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. – Кемерово; Барнаул, 2008б. – С. 6-11.

180. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Кемерово; Барнаул, 2009а. – Ч. 1. – С. 7-40.

181. Голев Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («Правильность» как

базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Томск, 2009б. – Ч. 2. – С. 378–409.

182. Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – С. 66-69.

183. Головницкая Н. П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. П. Головницкая. – Волгоград, 2002. – 24 с.

184. Голуб И. Б. Русский язык и культура речи: [учебное пособие] / И. Б. Голуб. – М.: Логос, 2002. – 432 с.

185. Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. – М.: Наука, 2002. – С. 58-63.

186. Гольдин В. Е. Текстообразующие факторы диалектной речи // Проблемы современной русской диалектологии: Тез. докл. международ, конф. 23-25 марта 2004 г. / Отв. ред. JI.JI. Касаткин. – М., 2004. – С. 40-41.

187. Гольдин В. Е. Машиннообрабатываемые корпусы диалектных текстов и проблема типологии русской речи // Русистика сегодня. – М., 1995. – № 3. – С. 72-87.

188. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского унивеситета. – 2009. – Т. 9. – Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 1. – С. 3-7.

189. Гольдин В. Е. Текст и знание в диалектной коммуникации / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова // Материалы и исследования по русской диалектологии; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2008. – Кн. 3 (9). – С. 398-413.

190. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. – Саратов, 1993. – Вып. 25. – С. 9-19.

191. Гольдин В.Е. Речевая культура / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Дрофа, 1997. – С. 413-414.

192. Голян Е. Г. Текст разговорной речи. Понятие. Проблемы. Специфика : дис. … канд. филол. наук / Е. Г. Голян. – Саратов, 1997. – 175 с.

193. Гончарова Е. А. К вопросу об изучении категории «автор» через проблемы интертекстуальности // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. – С. 20-28.

194. Гордиевский А. А. Категория интердискурсивности в научно-дидактическом тексте (На материале лекций на русском и немецком языке) : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Гордиевский. – Тюмень, 2006. – 170 с.

195. Горелов И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.

196. Горшков А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А. И. Горшков. – М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2008. – 344 с.

197. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.

198. Граудина Л. К. Культура русской речи: [учебник для вузов] / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА, 1999. – 560 с.

199. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты / В. С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.

200. Григорьева В. С. Элементы теории и практики делового дискурса (на материале немецкого и русского языков) / В. С. Григорьева, М. К. Любимова. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. – 80 с.

201. Грицанов А. А. Моррис (morris) Чарльз [Электронный ресурс] // Энциклопедии & Словари: Социологический словарь. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://enc-dic.com/sociology/Morris--CHarlz-4703.html (дата обращения: 23.01.2010).

202. Гудков Д. Б. Для чего мы говорим? (К проблеме ритуала и прецедента в коммуникации) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1997. – С. 26-40.

203. Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 307-323.

204. Гунько Ю. А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка : дис. … канд. филол. наук / Ю. А. Гунько. – СПб., 2002. – 166 с.

205. Гурова О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью / О. Гурова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 288 с.

206. Гусева С. В. Семантика интертекстем «сильных» нелитературных текстов как отражение лингвокультурного сознания языковой личности (на материале эпистолярных текстов А.П.Чехова) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 215-216.

207. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 101-116.

208. Гынгазова Л. Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциоанльной лингвистики: Материалы Всероссийской научной конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 167-174.

209. Гынгазова Л. Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 230-238.

210. Давыдов С. А. Социология. Конспект лекций / С. А. Давыдова. – М.: Эксмо, 2008. – 160 с.

211. Данилевская Н. В. Стилистическое значение / Н. В. Данилевская, М. Н. Кожина, В. А. Салимовский // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 493-495.

212. Данилевская Н. В. Стилистические ресурсы синтаксиса (синтаксическая стилистика) / Н. В. Данилевская, Т. Б. Трошина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 474-482.

213. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.

214. Дедова О. В. О специфике компьютерного дискурса // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Сборник тезисов. – М., 2004. – С. 9-10.

215. Дейк Т. А. ван Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259-336.

216. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк: Пер. с англ./ Сост. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

217. Дейк Т.А. ван Стратегии понимания связанного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-211.

218. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке коммуникаций / Т.А. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

219. Дементьев В. В. «Извращенная фатика» // Вопросы стилистики. Язык и человек. Вып. 26. – Саратов: Государственный учебно-научный центр «Колледж», 1996. – С. 93-102.

220. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 109-121.

221. Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. – Саратов: Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – С. 34-44.

222. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – 248 с.

223. Дементьев В. В. Разговор по душам // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 231-245.

224. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.

225. Дементьев В.В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1998. – 107 с.

226. Дементьева И. Е. Интертекстуальность и устойчивые элементы текста [Электронный ресурс] // Language and Literature. – 2003. – № 9. – Электрон. дан. – URL: http://utmn.ru/frgf/No9/text16.htm (Дата обращения: 08.06.2011).

227. Демьяненко В. Н. Съезд колхозников России: Новый устав колхоза [Электронный ресурс] // Правоведение. – 1992. – № 6. – С. 52-58. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=156450 (дата обращения: 20.10.2009).

228. Демьянков В. 3. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюзн. центр переводов. Тетради новых терминов, 39. – М., 1982. Вып. 2. – 90 с.

229. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 116-133.

230. Демьянков В.З. Интерпретация текста и стратегемы поведения // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования). – М.: Институт языкознания АН СССР, 1979. – С. 109-116.

231. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309-323.

232. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс] // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С. 32–43. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.infolex.ru/Dem_Publ.html#_Toc33076931 (дата обращения: 11.04.2010).

233. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 368-377.

234. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г. В. Денисова. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.

235. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер с франц... сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 407-420.

236. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 53-57.

237. Дискурс в современном мире. Психологические исследования. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2011. – 368 с.

238. Долинин К. А. Стилистика французского языка / К. А. Долинин. – М.: Просвещение, 1987. – 303 с.

239. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 111-137.

240. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. – М.: Наука; Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984. – 232 с.

241. Дронова Е. М. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2004. – Выпуск 3. – С. 92-96.

242. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т. В. Дубровская. – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.

243. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX - XX вв.) / М. Я. Дымарский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.

244. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М.: Лингвистическое наследие XX века, 2006. – 248 с.

245. Енина Л. В. Современные российские лозунги как сверхтекст : дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Енина. – Екатеринбург, 1999. – 147 с.

246. Ермакова О. П. Языковая норма и типы иронии // Современный русский язык: Система – норма – узус. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 380-409.

247. Ерофеева Е. В., Кудлаева А. Н. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС [Электронный ресурс] // Проблемы социо- и психолингвистики: Сборник статей. – Пермь, 2003. – Вып.3. – С. 28–36. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://psychsocling.narod.ru/erkudl.htm (дата обращения: 02.11.2009).

248. Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени. – М.: Наука, 1989. – 372 с.

249. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

250. Жигарина Е. Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Жигарина. – Москва, 2006. – 25 с.

251. Жинкин Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жигарина. – М.: Медицина,1968. – 370 с.

252. Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III-VII классов // Изв. Академии пед. наук РСФСР. – 1956. – Вып.78. – С. 141-250.

253. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М.: Политиздат, 1982. – 250 с.

254. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы / А. К. Жолковский. – М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 428 с.

255. Жолковский А.К. К понятиям «тема» и «поэтический мир» / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов [Электронный ресурс] // University of Southern California College of litters, arts sciences. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://college.usc.edu/alik/rus/ess/bib14.html (дата обращения: 23.01.2010).

256. Жуков И. В. Война в дискурсе современной прессы [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.teneta.ru/rus/ii/iliazhukov_war.htm (дата обращения: 14.08.2010).

257. Жулинская А. С. Интертекстуальность как объект лингвистических исследований // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2005. – Т. 18 (57). – № 1. – С. 71-75.

258. Журавлев С.В. «Микроскоп» и «скальпель» в руках исследователя: новые подходы и инструментарий социальной истории // С.В. Журавлев «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. – М., 2000. – С. 5-25.

259. Заколодний Р.А. Концептология: аксиологический анализ политических концептов [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. Февраль, 2012. – Электрон. дан. – URL: http://human.snauka.ru/2012/02/647 (11.01.2013).

260. Зарубина Н.Д. О некоторых психолингвистических особенностях внутренней структуры письменного текста // Материалы III Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. – М., 1970. – С. 76-78.

261. Захаренко И.В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 46-53.

262. Захарова М.В. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // Знамя. 2006. № 5. С. 159-168.

263. Звягинцева В.В. К вопросу об определении границ семейного дискурса в свете лингво-прагматической теории [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация: Электронный научный журнал. – 2010. – №1 (7). – Электрон. дан. – URL: http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=7 (дата обращения: 14.08.2010).

264. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913 гг. / Д. К. Зеленин. – М.: Индрик, 1994. – 204 с.

265. Зеленин Д.К. Современная русская частушка // Заветные частушки из собрания А.Д.Волкова: В 2 т. – М., 1999. – Т. 2. – С. 459-482.

266. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23-31.

267. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.

268. Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. – М.: Наука, 1996. – С. 157-168.

269. Земская Е. А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 258 с.

270. Зиновьев А. Коммунизм как реальность [Электронный ресурс] / А. Зиновьев. – Электрон. дан. – 1980. – 79 с. – URL: http://www.litmir.net/br/?b=30727&p=79 (дата обращения: 18.12.2009).

271. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

272. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онтипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Филологический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 528 с.

273. Золотухина-Аболина Е. В. Повседневность и другие миры опыта / Е. В. Золотухина-Аболина. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. – 192 с.

274. Зорькина О. С. О психолингвистическом подходе к изучению текста // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 205-210.

275. Зуева Т.В. Русский фольклор / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – М.: Флинта, 1998. – 400 с.

276. Иванов В. В. Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Типологические исследования по фольклору. – М.: Наука, 1975. – С. 44-76.

277. Иванов В. В. К реконструкции праславянского текста / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // V Международный съезд славистов. Славянское языкознание: доклады советской делегации. – М.: АН СССР, 1963. – С. 88-158.

278. Иванов М. Н. Строение абзаца и его пунктуация // Русский язык в школе. – 1950. – № 3. – С. 16-20.

279. Иванова В. С. Проблема жизненного самоопределения в контексте повседневных практик : дис. … канд. филос. наук / В. С. Иванова. – Томск, 2003. – 167 с.

280. Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор. Том XXVI. Проблемы текстологии фольклора. – Л., 1991. – С. 5-12.

281. Иванцова Е. В. К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора // Актуальные проблемы русистики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 135-146.

282. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности : дис. … д-ра филол. наук / Е. В. Иванцова. – Томск, 2002. – 395 с.

283. Извекова М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса : дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Извекова. – Волгоград, 2006. – 204 с.

284. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 255 с.

285. Ильин М. В. Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) // Полис. – 1994. – № 1. – С. 127–140.

286. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учебное пособие. – М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. – 432 с.

287. Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко: [учебник]. – М.: Высшая школа, 1973. – 500 с.

288. Калашникова Е. А. К вопросу о формульности эпического текста [Электронный ресурс] // Рябининские чтения '95: Материалы международной научной конференции «Рябининские чтения-1995»: Сборник научных докладов. Музей-заповедник «Кижи». – Электрон. дан. – Петрозаводск. 1997. – URL: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1995/150.html (Дата обращения: 18.11.12).

289. Калиткина Г. В. Русский язык и культура речи: [учеб. пособие для студентов нефилологических факультетов] / Г. В. Калиткина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 156 с.

290. Канащук С. А. Структурные, стилистические и коммуникативные особенности традиционных текстов дискурса инструкций // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 344. – С. 18-22.

291. Кандинский Б. С. Расчлененные интонационные структуры и тональные группы // Уч. зап. Моск. пед. ин-та иностр. яз. – 1968а. – Т. 39. – С. 394-402.

292. Кандинский Б. С. Целый текст и его интонационная структура // Иностранный язык в высшей школе. – 1968б. – Вып. 4. – С. 93-102.

293. Капаназде Л. А. О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 230-234.

294. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. трудов. – Волгоград-Саратов: Перемена, 1998. – С. 185-197.

295. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. научных трудов. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19.

296. Карасик В. И. Ритуальный дискурс // Жанры речи. – Саратов: Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 156-169.

297. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

298. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

299. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М.: Русский язык, 1986. – С. 105-126.

300. Караулов Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В. В. Петров. – М.: Прогресс, 1989. – С. 2-8.

301. Каргин А. С. Фольклор в современном культурном пространстве. От повседневной практики до элитарного досуга // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. – Том III. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. – С. 6-22.

302. Каргин А. С. К вопросу об исследовании интернет-творчества / А. С. Каргин, А. В. Костина // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. – С. 9-26.

303. Карипиди А. Г. Агрономический дискурс: понятийно-терминологические и концептуальные основания : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. Г. Карипиди. – Краснодар, 2007. – 24 с.

304. Карпук Г. В. Контактоустанавливающая функция языка: направления и перспективы исследования // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2010. – № 1(44). – С. 35-45.

305. Касавин И. Т. Повседневность как философско-эпистемологическая проблема // Наука глазами гуманитария. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 137-166.

306. Касавин И. Т. Постижение повседневности // Языки культур: образ – понятие – образ. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2009. – С. 35-60.

307. Касавин И.Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М., 2004. – 432 с.

308. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 309 с.

309. Качинская И. Б. Корпус диалектных текстов в национальном корпусе русского языка: состояние и перспективы // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. – СПб: Наука, 2009. – С. 57-68.

310. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 176 с.

311. Квятковский А. П. Частушка // Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Сов. Энцикл., 1966. – С. 333-338.

312. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 3-21.

313. Кибрик А. А. Обосновано ли понятие «Дискурс СМИ»? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел: OGIIK, 2008. – С. 6-11.

314. Кириллов А. Г. Политический нарратив как особый вид медиа-текста // Жанры, типы и сорта текста: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 1. – Орёл: ОГИИК, 2004. – С. 40-44.

315. Кириченко Н. В. Стилистические ресурсы морфологии и словообразования / Н. В. Кириченко, Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 470-474.

316. Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С.65-90.

317. Китайгородская М. В. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Русские словари, 1999. – 395 с.

318. Китайгородская М. В. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 496 с.

319. Киященко Л. П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка) / Л. П. Киященко. – М.: Институт философии РАН, 2000. – 199 с.

320. Климец Ю. С. Интертекстуальность в речи подростка : дис. … канд. филол. наук / Ю. С. Климец. – Иркутск, 2011. – 156 с.

321. Клюев Е. В. Между двух стульев (Книга с тмином) [Электронный ресурс] / Е. В. Клюев. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.kluev.com/?p=5 (дата обращения: 18.02.2013).

322. Клюев Е. В. Фатика как предмет дискуссии // Поэтика. Стилстика. Язык и культура: сб. ст.: памяти Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1996. – С. 212-220.

323. Кнабе Г. С. Диалектика повседневности // Вопросы философии. – 1989. – № 5. – С.26-46.

324. Кобякова И. К. Роль лингво-креативной функции в создании вторичных текстов // Культура народов Причерноморья: научный журнал. Симферополь: Межвузовский Центр «Крым». – 2007. – № 110. – Т. 1. – С. 253-255.

325. Кобрина О. А. Модусные коммуникативные категории и их реализация в английском языке // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 319-333.

326. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М., 1976. – 239 с.

327. Кожевникова К. О смысловом построении спонтанной устной речи // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. С. 512-523.

328. Кожевникова Н. А. Цитата в литературе русского зарубежья // Литературный текст: проблемы и методы исследования / «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – Вып. V. – С. 34-43.

329. Кожемякин Е. А. Лингвистические стратегии институциональных дискурсов // Современный дискурс-анализ. – 2011. – Вып.3. – С. 62-69.

330. Кожина М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль: Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 9-33.

331. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики / М. Н. Кожина. – Пермь: Перм. гос. ун-т., 1968. – 252 с.

332. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / М Н. Кожина. – Пермь. Изд-во Перм. ун-та, 1972. – 395 с.

333. Кожина М. Н. Функциональный стиль (функциональная разновидность языка) // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. – 2006. – Вып. 8-9 (16-17). – С. 150-154.

334. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 463 с.

335. Козлов Е. В. К вопросу о повторяемых структурах в художественном тексте массовой коммуникации [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Информационный портал. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlov1.htm (дата обращения: 18.01.2012).

336. Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора / Н. Н. Козлова. – М.: Ин-т философии РАН, 1996. – 215 с.

337. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова. – М.: Европа, 2005. – 544 с.

338. Козлова Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 47-56.

339. Колесников А. С. Мишель Фуко и его «Археология знания» // Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. – С. 5-30.

340. Колмогорова А. В. Аргументация в речевой повседневности / А. В. Колмогорова. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 150 с.

341. Колодий Н. А. Поиск социальных онтологий: феноменолого-герменевтическая перспектива : дис. … д-ра филос. наук / Н. А. Колодий. – Томск, 2002. – 318 с.

342. Коломиец С. В. Интертекстуальные маркеры культурно-семиотического кода в художественном дискурсе (на материале жанра фэнтези) / С. В. Коломиец, Е.В. Медведева // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – Т. 2. – С. 92-97.

343. Кольцова Л. М. Художественный текст в современной лингвистической парадигме [Электронный ресурс] / Л. М. Кольцова, О. А. Лунина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. – 51 с. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://window.edu.ru/resource/558/59558/files/may07122.pdf (дата обращения: 25.10.2014).

344. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследования в лингвистике / З. И. Комарова. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.

345. Комлева Е. В. Лингвостилистические особенности выражения побудительности в текстах официально-деловой прозы: На материале современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Комлева. – СПб, 2003. – 221 с.

346. Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение / М. А. Кормилицына. – Саратов, 1988. – 151 с.

347. Кормилицина М. А. О структуре разговорного текста / М. А. Кормилицын, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. – Саратов. 1999. – Вып. 28. – С. 92-103.

348. Корниенко Н. В. Частушка-рассказчик в прозе 1920-х годов // Текст. Поэтика. Стиль: Сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 294-306.

349. Косиков Г. К. Текст/Интертекст/Интертекстология // Пьеге-Гро Натали. Введение в теорию интертекстуальности. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С.8-42.

350. Костомаров В. Г. О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный» // Проблемы современной филологии. – М., 1965. – С. 172-176.

351. Костомаров В. Г. Насущные задачи учения о культуре речи // Русский язык в школе. – 1965. – № 4. – С. 3-16.

352. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М.: Гадарики, 2005. – 287 с.

353. Костомаров В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73-76.

354. Костомаров В. Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Язык как творчество. К 70-летию В. П. Григорьева. – М., 1996. – С. 297-302.

355. Костяшина Е. А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Костяшина. – Томск, 2009. – 232 с.

356. Котюрова М. П. Творческая индивидуальность и цитирование // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2001. – С. 244-258.

357. Котюрова М. П. Стилистические ресурсы лексики (лексическая стилистика) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 456-469.

358. Кох В. А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 149-171.

359. Кочеткова М. О. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект / М. О. Кочеткова, И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 1 (27). – С. 39-52.

360. Кочеткова Т. В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры // Вопросы стилистики. Язык и человек. Вып. 26. – Саратов: Государственный учебно-научный центр «Колледж», 1996. – С. 14-30.

361. Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Кочеткова. – Саратов, 1999. – 53 с.

362. Кравченко А. И. Культурология: Словарь. – М.: Академический проект, 2000. – С. 421-422.

363. Кравченко А. И. Культурология: [учебное пособие для вузов]. – М.: Академический проект, 2001. – 496 с.

364. Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект / Е. В. Красильникова. – М.: Наука, 1990. – 128 с.

365. Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология, 1997. – № 3. – С. 62-75.

366. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

367. Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.

368. Крикманн А. 1001 вопрос по поводу логической структуры пословиц [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf (дата обращения: 11.01.2013).

369. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427-457.

370. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

371. Кронгауз М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак: Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике. – М: Рус. учеб. центр МС, 1994. – С. 233-244.

372. Крылова О. А. Лингвистическая стилистика: В 2 кн. Кн. 1. Теория: Учеб. пособие / О. А. Крылова. – М.: Высшая школа, 2006. – 319 с.

373. Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М., 2004. – С. 468-474.

374. Крысин Л. П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения): Специализированный вестник. – 2000. – Выпуск 3 (11). – С. 61-64.

375. Крысин Л. П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике // Русистика. – Берлин, 1992. – № 2. – С. 96-10.

376. Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М., 1989. – С. 78-86.

377. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция / Отв. ред. В.Я. Порхомовский, Н.Н. Семенюк. – М., 1994. – С 262-282

378. Крысин Л. П. Социальный аспект владения языком // Социальная психолингвистика. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 96-125.

379. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык, 1998. – 847 с.

380. Крючкова О. Ю. Рефлективность диалектной речи // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 214-223.

381. Крючкова О. Ю. Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин [Электронный ресурс] // Диалог: международная конференция по компьютерной лингвистике – 2011. – Электрон. дан. – URL: http://www.dialog-21.ru/dialog2011/materials/html/36.htm#_ftn1 (дата обращения: 03.06.2011).

382. Кубрякова Е. С Память и ее роль в исследовании речевой деятельности // Текст в коммуникации: Сборник научных трудов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. – С. 4-21.

383. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. – Т. 1. – М., 2001. – С. 72-81.

384. Кузнецова Е. В. Институциональная природа управленческого документа : автореф. дис. … канд. социол. наук / Е. В. Кузнецова. – Екатеринбург, 2004. – 19 с.

385. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – Екатеринбург; Омск: Изд-во Урал. ун-та; Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 268 с.

386. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 272 с.

387. Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Н. А. Кузьмина. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – 228 с.

388. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса [Электронный ресурс] // Медиаскоп: Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. – Электрон. дан. – 2011. – № 1. Электрон. дан. – URL: http://mediascope.ru/node/755 (дата обращения: 16.05.2012).

389. Кузьмина Н. А. Когнитивные механизмы цитации // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов Перм. ун-та. – Пермь, 1999. – С. 217-235.

390. Кулагин А. Ф. Конструкции с прямой речью и сложное предложение // Русский язык в школе. – 1969. – № 1. – С. 82-89.

391. Кулагина А. В. Поэтический мир частушки / А. В. Кулагина. – М.: Наука, 2000. – 303 с.

392. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л. В. Куликова. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2006. – 392 с.

393. Кульжанова Г. К. Язык политики как социолингвистический феномен [Электронный ресурс] // Библиотека политолога: К языку политики. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: www.policy03.narod.ru/29.doc (дата обращения: 12.06.2011).

394. Купина Н. А. Тоталитарные идеологемы и мифологемы на страницах районных газет Урала // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. – 2006. – Выпуск 8-9 (16-17). – С. 81-89.

395. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-та, ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.

396. Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – № 3. – С. 106-112.

397. Курьянович А. В. Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008а. – № 2. – С. 44-49.

398. Курьянович А. В. Эпистолярный дискурс как средство современной межличностной и социальной коммуникации // Сибирский филологический журнал. – 2008б. – № 4. – С. 215-224.

399. Курьянович А. В. «Фигура умолчания» в системе функциональной стилистики: к вопросу определения стилистического статуса эпистолярия // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 6. – С. 84-88.

400. Курьянович А. В. Элитарная речевая культура в зеркале отечественной эпистолярной традиции // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3. – С. 76-80.

401. Курьянович А. В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX – начало XXI вв.) : дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Курьянович. – Томск, 2013а. – 397 с.

402. Курьянович А. В. Анализ речевых средств стилевого синкретизма в эпистолярных текстах патриарха Алексия I // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013б. – № 10 (138). – С. 183-187.

403. Курьянович А. В. Полидискурсивность жанра как отражение особенностей национального менталитета (на примере анализа текстов эпистолярного жанра) // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 18. – С. 636-638.

404. Кутькова А. В. Речевые стереотипы и проблемы речевого общения // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 2. – С. 5-7.

405. Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : дис. … канд. филол. наук / С. Л. Кушнерук. – Екатеринбург, 2006. – 228 с.

406. Кушнерук С. П. Документная лингвистика: [учеб. пособие]. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.

407. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте [Электронный ресурс] // Classes.ru. Иностранные языки для всех. Словари онлайн. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.classes.ru/grammar/154.new-in-linguistics-7/source/worddocuments/_11.htm (дата обращения: 03.03.2013).

408. Лабов У. О механизме языковых изменений [Электронный ресурс] // Classes.ru. Иностранные языки для всех. Словари онлайн. – Электрон. дан. –

[Б. г.]. – URL: http://www.classes.ru/grammar/154.new-in-linguistics-7/source/worddocuments/_22.htm (дата обращения: 03.03.2013).

409. Ладыженская Т. А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся. – М.: Педагогика, 1975. – 256 с.

410. Лазутин С. Г. Частушка // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 493.

411. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: [учеб. пособие для вузов] / С. Г. Лазутин. – М.: Высш. школа, 1981. – 221 с.

412. Лазутин С. Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы: [учеб. пособие для вузов] / С. Г. Лазутин. – М.: Высшая школа, 1990. – 237 с.

413. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис / О. А. Лаптева. – М.: Наука, 1976. – 400 с.

414. Лаптева О.А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 12-19.

415. Лаптева О. А. О грамматике устного высказывания // Вопросы языкознания. – 1980. – № 2. – С. 45-60.

416. Лассвелл Г. Стиль в языке политики // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. 2 (22). – С. 165-177.

417. Лашина Е. Б. Прототипические и непрототипические способы кодовых терминологических включений в художественный текст // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 4. – С. 229-234.

418. Лебедева Н. Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – С. 18-25.

419. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь: проблемы изучения // Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Сборник тезисов. – М., 2001а. – С. 260-261.

420. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. – 2001б. – № 1. – С. 4-11.

421. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры // Антропотекст – 1: Сб. статей. – Томск: Из-во Том. ун-та, 2006. – С. 295-302.

422. Лебедева Н. Б. Повседневная письменная речь как новый объект исследования // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия. – Томск, 2006. – С. 67-80.

423. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 116-123.

424. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка / Н. Б. Лебедева, Е.Г. Зырянова, Н.Ю. Плаксина, Н.И. Тюкаева. – М.: КРАСАНД, 2011. – 256 с.

425. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки / Н. Б. Лебина. – СПб: Дмитрий Буланин, 2008. – 442 с.

426. Лебина Н. Б. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия / Н. Б. Лебина, А. Н. Чистиков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 341 с.

427. Левинтон Г. А. «Интертекст» в фольклоре [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton1.htm (дата обращения: 18.11.2009).

428. Левинтон Г. А. К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. – М.: Наука, 1975. – С. 303-319.

429. Левинтон Г. А. Лексика славянских эпических традиций и проблема реконструкции праславянского текста // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 152-172.

430. Лекомцев Ю. К. Антонимический текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 197-206.

431. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств, 2002. – 320 с.

432. Лелис Е. И. Синергетика художественного текста [Электронный ресурс] // Славянские чтения. Вып.5. – Электрон. дан. – Кишэнэу, 2005. – URL: http://surm.md/index.php?option=com_content&task=view&id=298&Itemid=146 (дата обращения: 08.07.2011).

433. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

434. Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. – М.: МГПИИЯ, 1974. – Ч. 1. – С. 169-172.

435. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. – М., 1979. – С. 18-36.

436. Леонтьев А. А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 92-100.

437. Леонтьева Н. Н. О смысловой неполноте текста (в связи с семантическим анализом) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 12. – М.: МГПИИЯ, 1969. – С. 96-114.

438. Леута О. Н. Ю.М. Лотман о трех функциях текста // Юрий Михайлович Лотман / Под. ред. В.К. Кантора. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 294-309.

439. Липгарт А. А. К проблеме языковедческого описания публицистического функционального стиля [Электронный ресурс] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Электрон. дан. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – URL: http://evartist.narod.ru/text12/10.htm (дата обращения: 21.08.2012).

440. Литвиненко Т. Е. О статусе производных имен с формантом «-текст» в современной теории текста // Вестник Красноярского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2006. – № 3/1. – С. 184-188.

441. Литвиненко Т. Е. Интертекст и его лингвистические основы (на материале латиноамериканских художественных текстов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. Е. Литвиненко. – Иркутск, 2008. – 34 с.

442. Литературная энциклопедия. В 11 т. Под редакцией В.М. Фриче, А.В. Луначарского [Электронный ресурс]. – М.: Издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература, 1929-1939. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4167/Сарказм (дата обращения: 14.06.2015).

443. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1967. – 372 с.

444. Логинова К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М.: Наука, 1968. – С. 186-230.

445. Лосева Л. М. Как строится текст / Л. М. Лосева. – М.: Просвещение,1980. – 96 с.

446. Лосева Л. М. Текст как единое целое высшего порядка и его составляющие // Русский язык в школе. – 1973. №1. – С. 61-67.

447. Лосева Л. М. Что такое текст? / Л. М. Лосева. – М.: Просвещение, 1982. – 80 с.

448. Лотман Ю. М. Место киноискусства в механизме культуры // Труды по знаковым системам. VIII. – Тарту, 1977. – С. 141–142.

449. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992а. – С. 129-132.

450. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992б. – С. 148-160.

451. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. Т. 1. – Таллин: Александра, 1992в. – С. 191-199.

452. Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Ю. М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. – Таллинн: «Александра», 1992г. – С. 248-268.

453. Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы / Ю. М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. – Таллин: Александра, 1992д. – С. 90-101.

454. Лотман Ю. М. Устная речь в историко-культурной перспективе // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. Т. 1. – Таллинн, 1992е. С.184-190.

455. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992ж. С. 203-216.

456. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994а. – С. 10–257.

457. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПБ, 1994б. – 399 с.

458. Лотман Ю. М. Задачи и методы структурного анализа поэтического текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПБ, 1996а. – С. 25-31.

459. Лотман Ю. М. Текст как целое. Композиция стихотворения / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПБ, 1996б. – С. 116-121.

460. Лотман Ю. М. Текст и система // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПБ, 1996в. – С. 121-127.

461. Лотман Ю. М. Чужое слово в поэтическом тексте // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб, 1996г. – С. 101-112.

462. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПБ, 1996д. – С. 121-127.

463. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПБ», 1998. – С. 14-285.

464. Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1998. – 704 с.

465. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

466. Лубский А. В. Политическая концептология как «захват мира политики» и приглашение к дискурсу // Политическая концептология. – 2009. – № 1. – С. 117-128.

467. Лукин В. А. Художественный текст: Основы теории и элементы анализа / В. А. Лукин. – М.: Ось-89, 1999. – 192 с.

468. Лукьянова Н. А. Языковая интуиция носителей говоров как источник информации о семантике экспрессивного слова // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 193-208.

469. Лунева В. П. о степени самостоятельности предложений в сложном синтаксическом целом // Русский язык в школе. – 1972. – №1. – С. 100-104.

470. Лутовинова О. В. Виртуальный дискурс как одно из направлений в исследовании киберпространства // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2009. – № 1. – С. 26-32.

471. Лутовинова О. В. Виртуальный дискурс: к определению понятия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.lingvomaster.ru/files/178.pdf (дата обращения: 11.03.2010).

472. Лушникова Г. И. Внутренняя и внешняя интертекстуальность произведений Д. Сэлинджера / Г. И. Лушникова, Н.А. Панова // Концепт и культура: Материалы международной научной конференции (Кемерово, 30 сент. 2003 г.). – Кемерово, 2005. – С. 151-154.

473. Лушникова Г. И. Специфика интертекстуальных отношений в литературной пародии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 26. – С. 86-91.

474. Любаева Е. А. Когнитивный стиль ученого-гуманитария: социокультурные детерминанты / Е. А. Любаева, Н. В. Орлова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24. – С. 243-245.

475. Лысков И. Период [Электронный ресурс] // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. – М.: Сов. Энцикл., 1972. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-5712.htm (дата обращения: 21.02.2013).

476. Ляпон М. В. «Грамматика самооценки» // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. – М., 1992. – С. 75-89.

477. Макаров М. Л. Диалог с целью принятия решения. Опыт дискурсивной психологии // Жанры речи. – Саратов: Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 153-162.

478. Макаров М. Л. Изучение межкультурной коммуникации: проблема сбора материала // Язык. Культура. Словари. – Иваново, 2001. – С. 5-6.

479. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

480. Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Максимова. – СПб, 2006. – 41 с.

481. Малаховская М. Л. Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводоведческом аспекте: на материале произведений К.С. Льюиса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Малаховская. – СПб, 2007. – 25 с.

482. Малетина О. А. Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса: На материале произведений Т. Драйзера : дис. … канд. филол. наук / О. А. Малетина. – Волгоград, 2004. – 181 с.

483. Мальченко А. А. «Чужое слово» в заглавии художественного текста // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. – С. 76-82.

484. Манаенко Г. Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста // Язык. Текст.

Дискурс: Межвузовский научный альманах. Выпуск 3. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. – С. 22-31.

485. Марков Б. В. Теория познания и структуры повседневности / Б. В. Марков // Марков Б.В. Философская антропология. Очерки истории и теории. – СПб., 1997. – С. 241-252.

486. Марков Б. В. Культура повседневности / Б. В. Марков. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.

487. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Markuze/index.php (дата обращения: 26.12.2009).

488. Мартемьянов Ю. С. Связный текст – изложение расчлененного смысла / Ю. С. Мартемьянов. – М.: АН СССР. Ин-т рус. яз., 1973. – 59 с.

489. Мартынова С. Э. Народно-поэтический стиль диалекта : дис. … канд. филол. наук / С. Э. Мартынова. – Томск, 1992. – 242 с.

490. Марченко Т. В. Манипулятивный потенциал интертекстуальных включений в современном политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Марченко. – Ставрополь, 2007. – 255 с.

491. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 206 с.

492. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – 2008.– Вып. 1 (24). – С. 43-48.

493. Матвеева Т. В. Непринужденный диалог как текст // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 125-140.

494. Матвеева Т. В. Учебный словарь: Русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М.: Флинта, 2003. – 432 с.

495. Матвеева Т. В. Фактор иерархии в категориальной структуре разговорного текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 322-329.

496. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал. ГУ, 1990. – 172 с.

497. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1967. – С. 239-245.

498. Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1967. – С. 444-523.

499. Махлина С. Т. Семиотика культуры поведения / С. Т. Махлина. – СПб.: Алетейя, 2009. – 232 с.

500. Медведев С. СССР: деконструкция текста (К 77-летию советского дискурса) [Электронный ресурс] // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1995. – URL: http://old.russ.ru/antolog/inoe/medved.htm#s7 (дата обращения: 11.12.2012).

501. Медведева Т. Н. Особенности функционирования прецедентных феноменов в речи носителей традиционной культуры деревенского общения // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. – М.: Наука, 2002. – С. 368-376.

502. Мелетинский Е. М. Статус слова и понятие жанра в фольклоре / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 39-104.

503. Минюшев Ф. И. Социальная антропология: [учебное пособие] / Ф. И. Минюшев. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2004. – 288 с.

504. Митрофанова О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения / О. Д. Митрофанова. – М.: Русский язык, 1976. – 199 с.

505. Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 18 с.

506. Михайлова О. А. Жизнь чужого слова в живой речи горожан // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С. 153-167.

507. Михалева И. М. Типы прецедентных текстов и их цитирование // Деятельностные аспекты языка. – М., 1988. – С. 137-143.

508. Мишанкина Н. А. Виды текстовой информации / Н. А. Мишанкина. – Томск, 2007. – 109 с.

509. Мишанкина Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Мишанкина. – Томск, 2010. – 409 с.

510. Можейко М. А. Ирония // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – С. 438.

511. Моисеева И. Ю. Синергетическая модель текстообразования. дисс…д-ра филол.наук / И. Ю. Моисеева. – Оренбург, 2007. – 379 с.

512. Моррис Ч. У. Основания теории знаков [Электронный ресурс] // Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1982. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://kosilova.textdriven.com/narod/studia/sinn/morris.htm (дата обращения: 14.06.2010).

513. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.

514. Мурзин Л. Н. О динамических законах текста // Текст как объект лингвистического и психолого-педагогического исследования: Тезисы докладов. – Пермь, 1982. – С. 46-47.

515. Мурзин Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 171 с.

516. Мурот В. П. Функциональный стиль // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 567-568.

517. Наливайко И. М. Повседневность и проблема культурной самоидентификации (Границы культуры и культура границ) // В перспективе культурологи: повседневность, язык, общество. – М.: Академический проект, РИК, 2005. – С. 224-234.

518. Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – Т. 13. – С. 166-174.

519. Нахимова Е. А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. – 2005. – Вып. 15. – С. 102-113.

520. Невская Л. Г. Тавтология как один из способов организации фольклорного текста // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 192-197.

521. Неклюдов С. Ю. О слове устном и книжном // Живая старина. – 1994. – № 2. – С. 2-3.

522. Неклюдов С. Ю. Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научно-практической конференции. Вып. 3. – М., 1999. – С. 54-62.

523. Неклюдов С. Ю. Антитезисы к «Метафизике фольклора» И.П. Смирнова [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – Электрон. дан. – 2001а. – № 52. – URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/nek.html (дата обращения: 11.06.2011).

524. Неклюдов С. Ю. Авантекст в фольклорной традиции // Живая старина. – 2001б. – № 4. – С. 2-4.

525. Неклюдов С. Ю. От составителя сборника // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю. Неклюдов. Серия «Научные доклады». № 129. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001в. – С. 3-14.

526. Неклюдов С. Ю. Вариант и импровизация в фольклоре // Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи. – СПб., 2002. – С. 230-243.

527. Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. – 2002. – № 3. – С. 3-7.

528. Неклюдов С. Ю. Специфика слова и текста в устной традиции // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. – М., 2003. – С. 108-119.

529. Неклюдов С. Ю. Почему сказки одинаковые? // Живая старина. – 2004. – № 1 (41). – С. 7-10.

530. Неклюдов С. Ю. Семантика текста и «знания традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции. Вып. 8. – М., 2005. – С. 22-41.

531. Неклюдов С. Ю. Фольклор и его исследования: век двадцатый // – Экология культуры. – 2006. – № 2 (39). – С. 121-127.

532. Неклюдов С. Ю. Литература как традиция // Россика / Руссистика / Россиеведение. Кн. 1. Язык. История. Культура. – М.: РГГУ, 2010а. – С. 312-359.

533. Неклюдов С. Ю. Активные / пассивные, продуктивные / непродуктивные формы в народной культуре (согласно концепции Богатырева) // МПГ’2010. Сб. статей в честь М.П. Чередниковой. Сост. В. Ф. Шевченко. – М.: Лабиринт, 2010б. – С. 128-138.

534. Неклюдов С.Ю. Несколько слов о постфольклоре [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор. Структура, типология, семиотика. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm (дата обращения: 18.01.2008).

535. Немченко Л. М. Праздник и искусство: варианты взаимодействия. По фестивальному спектаклю Д. Крымова / Л. М. Немченко, Ф. В. Каплан // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 2 (76). – С. 56-63.

536. Никитина К. В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием [Электронный ресурс] // Управление общественными и экономическими системами: многопредмет. науч. журн. – Электрон. дан. – Орел: ОрелГТУ, 2006. – №2. – URL: http://www.bali.ostu.ru/umc/arhiv/2006/2/Nikitina.doc. (дата обращения: 27.12.2009).

537. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 34-41.

538. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. – М.: Наука, 1993. – 187 с.

539. Никифорова О. И. Роль представлений в восприятии слова, фразы и художественного описания // Изв. Академии пед. наук РСФСР. – 1947. – Вып.7. – С. 121-162.

540. Николаева Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход к интерпретации языковой эволюции // Вопросы языкознания. 1984. № 3. С. 111-119.

541. Николаева Т. М. Единицы языка и теория текста // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С. 27-57.

542. Николаева Т.М. Лингвистика текста // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 267-268.

543. Николаева Т.М. Теория текста // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 466-467.

544. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.

545. Норман Б. Ю. В языковом микромире маршрутки // Антропотекст – 1: Сб. статей. – Томск: Из-во Том. ун-та, 2006. – С. 70-77.

546. Одинцов В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М.: Наука, 1980. – 261 с.

547. Олизько Н. С. Типология интертекстуальных отношений // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов Международной научной конференции (Магнитогорск, 12-14 ноября 2003 года). – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С. 59-63.

548. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.

549. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 317 с.

550. Орлов Л. М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Л. М. Орлов. – М., 1970. – 43 с.

551. Орлов С. «Эпоха застоя» – крах «социально-однородного» общества (часть 1) [Электронный ресурс] // Актуальная история: Научно-публицистический журнал. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://actualhistory.ru/articles-zastoi-society1 (20.10.2009).

552. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. – Саратов: Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – С. 51-56.

553. Орлова Н. В. Дискурсивные детерминанты порождения документного текста // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2013. – Т. 8. – № 1. – С. 156-163.

554. Орлова Н. В. Доступность современного официально-делового документа: лингвопрагматические аспекты // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3 (19). – С. 184-192.

555. Орлова О. В. Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в контексте современных лингвоконцептологических исследований // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 326. – С. 34-38.

556. Орлова О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта : дис. ... д-ра филол. наук / О. В. Орлова. – Томск, 2012. – 465 с.

557. Орлова О. В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. в контексте идей М.Н. Кожиной // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 19-25.

558. Осина А. В. Хорошая речь и среднелитературная речевая культура [Электронный ресурс] // Журнал ГРАМОТА.РУ. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.litwater.qsoft.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_114 (дата обращения: 01.02.2011).

559. Осипов Б. И. Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: теоретические аспекты / Б. И. Осипов, Г. А. Боброва, Н. А. Имедадзе, Г. А. Кривозубова, М. П. Одинцова, А. А. Юнаковская. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1994. – 144 с.

560. Ослон А. А. Мнение – сила! (О Фонде «Общественное мнение»): отчет [Электронный ресурс] // База данных ФОМ. – Электрон. дан. – 06.02.2003. – URL: http://bd.fom.ru/report/map/os0307 (дата обращения: 16.02.2011).

561. Ослон А. А. Опросы общественного мнения [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий: информационно-аналитический портал. – Электрон. дан. – 16.11.2006. – URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/435 (дата обращения: 16.02.2011).

562. Павлов А. П. Природа коммуникативного порядка [Электронный ресурс] // Парадигма. – Электрон. дан. – 1998. – №2. – URL: http://library.sibstu.kts.ru/paradigma/2/2.htm (дата обращения: 10.01.2011).

563. Павлова А. А. Жанр. Гипертекст. Интертекст. Концептосфера / А. А. Павлова. – Белград: Изд-во БелГУ, 2004. – 162 с.

564. Падучева Е. В. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и его смыслом // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1975. – N 6. – С. 548-559.

565. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 272 с.

566. Падучева Е. В. В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 54. –1995. – № 3. – С. 39-48.

567. Падучева Е. В. О структуре абзаца (1965) // Статьи разных лет. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С. 731-181.

568. Падучева Е. В. О способах представления синтаксической структуры предложения (1964) // Статьи разных лет. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С. 21-40.

569. Падучева Е. В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. – Электрон. дан. – На правах рукописи. – М., 2014. – URL: http://rusgram.ru (дата обращения: 12.06.2015).

570. Панченко А. А. Политический фольклор как предмет антропологических исследований // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 1-7.

571. Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.

572. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

573. Переверзев Е. В. Политический дискурс: многопараметральная модель [Электронный ресурс] / Е. В. Переверзев, Е. А. Кожемякина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Электрон. версия печат. публ. – 2008. – № 2. – URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/02/pereverzev.pdf (дата обращения: 20.10.2009).

574. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – М.: Наука, 1970. – 240 с.

575. Петров К. Е. Концепт “Европа” в современном политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Полис. – Электрон. версия печат. публ. – 2004. – № 3. – URL: http://www.politstudies.ru/arch/2004/3/14.htm (дата обращения: 25.04.2011).

576. Петрова Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Н. В. Петрова. – Волгоград, 2005. – 23 с.

577. Петрова Т. А. Лингвокультурологический аспект официально-делового дискурса (на материале документации учреждений сферы образования Уральского региона): дис. … канд. филол. наук / Т. А. Петрова. – Челябинск, 2005. – 261 с.

578. Петряков Л. Д. Единство правил и практики социальных дискурсов // Философия и общество. – 2014. – Вып. 1 (73). – С. 110-117.

579. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 225-290.

580. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

581. Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. … канд. филол. наук / Ю. Б. Пикулева. – Екатеринбург, 2003. – 23 с.

582. Пихурова А. А. Судьба советизмов в русском языке конца XX – начала XXI века: На материале словарей и текстов : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Пихурова. – Саратов, 2005. – 214 с.

583. Подлесская В. И. Непрямые употребления глаголов речи и их грамматикализация // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 42-45.

584. Подъяпольская О. Ю. Типология интертекстуальности и лингвистические средства ее реализации в романе К. Вольф «Медея» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. – 2011. – № 33 (248). – С. 171–173.

585. Покровский Н. Е. История социологии XX века / Н. Е. Покровский, В. Г. Николаев, О. А. Симонова – Москва: НИУ-ВШЭ, 2007. – 971 с.

586. Пономаренко В. А. Фразеологические единицы в деловом дискурсе (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. …. канд. филол. наук / В. А. Пономаренко. – Краснодар, 2007. – 18 с.

587. Попова Е. А. Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе: на материале англоязычных текстов о политической карьере А. Шварценеггера : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Попова. – Самара, 2007. – 220 с.

588. Попова З. Д. Методы изучения и описания лексической системы языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Когнитивная лингвистика. Гл. III. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 160-217.

589. Порядина Р. Н. Дискурсивные правила как текстопорождающий механизм (на материале русских говоров Среднего Приобья) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 294. – С. 65-72.

590. Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Учен. зап. Моск. гос. ун-та. – 1948. – Кн. 2. – Вып. 137. – С. 20-33.

591. Поспелов Н. С. Из наблюдений над синтаксическим строем романа «Евгений Онегин» (1971) // Н. С. Поспелов. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. – М.: Наука, 1990. – С. 160-165.

592. Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения (1950) // Н.С. Поспелов. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. – М.: Наука, 1990. – С. 126-142.

593. Поспелов Н. С. Предложение как формула и предложение как высказывание (1974) // Н.С. Поспелов. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. – М.: Наука, 1990. – С. 117-123.

594. Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры (1948) // Н.С. Поспелов. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. – М.: Наука, 1990. – С. 99-117.

595. Потебня А.А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.

596. Правикова Л. В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы / Л. В. Правикова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – 300 с.

597. Приходько А. Н. Таксономические параметры дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 7. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2009. – С. 22-29.

598. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.

599. Пропп В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. – М., 1976. – 327 с.

600. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 224 с.

601. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – СПб.: Наука, 1994. – 239 с.

602. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения [Электронный ресурс] // «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Glasnik Etnografskogo institute SAN (Beograd). – 2005. – № LIII. – С. 21–34. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://doiserbia.nb.rs/img/doi/0350-0861/2005/0350-08610553021P.pdf (дата обращения: 18.01.2012).

603. Пушкарева Н. Л. История повседневности как направление исторических исследований [Электронный ресурс] // Портал «Перспективы». – Электрон. дан. – [Б. м.], 2010. – URL: http://perspektivy.info/misl/koncept/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istorich eskih_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 18.01.2012).

604. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.

605. Рабинович Е. Г. Риторика повседневности: Филологические очерки. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. – 240 с.

606. Радченко Д. А. Сетевой фольклор как способ осмысления актуальной реальности // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. – С. 63-75.

607. Ратникова И. Э. Современный фольклорный дискурс: социолингвистический аспект // Славянские чтения: Материалы научн.-теорет.

конференции. Славянский Ун-т Респ. Молдова. Вып. 3. – Кишинев: S.n., 2005. – С. 115-130.

608. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. – 2005. – Вып.8. – С. 66-78.

609. Ревзина О. Г. Лингвистика XXI века на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 11-20.

610. Ревзина О. Г. Язык и литература: учение академика В.В. Виноградова в свете современного гуманитарного знания // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. – 1995. – № 6. – С. 83-89.

611. Ревко П. С. Искусственные интеллектуальные системы и повседневная жизнь человека. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009. – 130 с.

612. Резанова З. И. Языковые показатели коммуникативных тактик рекламного текста // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы русистики», посвященной 70-летию профессора кафедры русского языка ТГУ О.И. Блиновой. – Томск, 2001. – С. 112-115.

613. Резанова З.И. Языковые средства воплощения дискурсных стратегий в рекламном тексте // Актуальные проблемы русистики: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского государственного университета (Томск, 21-23 октября 2003 г.). Вып. 2, ч. 1. Томск, 2003. С. 253-262.

614. Резанова З. И. Языковая картина мира: предмет и методы исследования // Резанова З.И., Катунин Д.А., Ермоленкина Л.И., Мишанкина Н.А. Дискурсивные картины мира: Теория и практика социолингвистического исследования: Учеб.-метод. пособие. Томск, 2006. С. 7-19.

615. Резанова З. И. Дискурсивный аспект миромоделирующей функции языка // Прикладная филология и инженерное образование: Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции (Томск, ТПУ, 7-10 февраля 2006 г.) Ч.2. – Томск: Изд. ТПУ, 2006. – С. 3-9.

616. Резанова З. И. Теория и методология языкознания XX в.: Учебно-методический комплекс [Электронный ресурс] / З. И. Резанова. – Электрон. дан. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – URL: http://ido.tsu.ru/bank.php?course=198 (дата обращения: 16.04.2010).

617. Резанова З. И. Методологическая интеграция в процессе дискурс-анализа: анализ дискурсивной картины мира // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 3. –С. 96-105.

618. Резанова З. И. Языковая личность в институциональном дискурсе: позиция слушателя // Американские исследования в Сибири: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Вып. 9. – Томск, 2008а. – С. 357-371.

619. Резанова З. И. Современные институциональные дискурсы: интерпретирующая деятельность адресата // Комментарий и интерпретация текста: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск, 2008б. – С. 201-214.

620. Резанова З. И. Трансформации советских стереотипов и мифологем в дискурсе региональных СМИ // Язык и культура. – 2008в. – № 3 – С. 63-71

621. Резанова З. И. Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 334. – С. 195-199.

622. Резанова З. И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. – С. 15–97.

623. Резанова З. И. Метафора в виртуальном дискурсе (на материале чатов) / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспект: Материалы конференции. Ч.2: Теория и практика современной письменной речи. – Барнаул, 2003. – С. 107-118.

624. Резанова З. И. От новых лингвистических объектов – к интегрированной интерпретации естественного языка (на материале виртуального дискурса) / З. И. Резанова, Н.А. Мишанкина // Филология и философия в

современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия: Сборник научных докладов. – Томск: Издательство Томского университета, 2006. – С. 53-66.

625. Резанова З.И. Ценностные картины мира современной чат-коммуникации / З. И. Резанова, Н.А. Мишанкина // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. – Томск, 2005. – С. 296-326.

626. Резанова З.И. Предисловие / З. И. Резанова, И. В. Тубалова // Ностальгия по советскому / Отв. ред. З.И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 9-16.

627. Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Н. Рис. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 368 с.

628. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Наука, 1980. – Вып.9: Линовостилистика. – С.69-97.

629. Рожкова О. Е. Когнитивно-прагматические аспекты политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / О. Е. Рожкова. – Калининград, 2003. – 169 с.

630. Розенберг Н. В. Социокультурные фильтры как механизм функционирования повседневности // Вестник ТГУ. – Вып. 9 (89). – 2010. – С. 202-206.

631. Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ритора / А. П. Романенко. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 212 с.

632. Романенко А. П. Особенности организации семантики «советского языка» (культурологический аспект) // Русский язык сегодня. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 247-256.

633. Романенко А. П. Проблемы составления словаря советизмов / А. П. Романенко, З. С. Санджи-Гаряева // Русский язык сегодня. – М., 2004. – Вып. 3. – С. 277-286.

634. Романенко А. П. Общефилологические основания советской жанровой системы / А. П. Романенко, З. С. Санджи-Гаряева // Жанры речи. – Саратов:

Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 62-74.

635. Ронен О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама [Электронный ресурс] // Slavic poetics: Essays in honor of Kiril Taranovsry. – The Hague; Paris, 1979. – P. 367-388.

636. Росовецкий С. К. Русский фольклор. Главы из учебника для филологов Украины [Электронный ресурс] / С. К. Россовецкий. – Электрон. дан. – Киев, 2003. – URL: files.lovi-moment.com.ua/Show/dwn_file.php?fileid=3702 (дата обращения: 17.10.2012).

637. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 193 с.

638. Ростова А. Н. Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. Н. Ростова. – Томск, 1983. – 23 с.

639. Ростовцев Н. Ф. Ирония // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 132.

640. Рукомойникова В. П. Интернет как среда существования фольклора // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. – С. 54-62.

641. Рыжков М. С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. С. Рыжков. – Воронеж, 2010. – 25 с.

642. Рытникова Я. Т. Беседа семейная // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под. общ. ред. К. Ф. Седова. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 162-172.

643. Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 82-92.

644. Саблина М. В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: дис. … канд. филол. наук / М. В. Саблина. – Красноярск, 2011. – 172 с.

645. Садова Т. С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста : дисс…д-ра филол. наук / Т. С. Садова. – М., 2006. – 373 с.

646. Салимовский В. А. Стилистические средства // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 482-483.

647. Салова Г. С. Информативные потенции цитаты в научно-критическом тексте // Разновидности и жанры научной прозы. – М.: Наука, 1989. – С. 106-120.

648. Сальникова Е. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты / Е. Сальникова. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 572 с.

649. Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма / Б. Сарнов. – М.: Эксмо, 2005. – 768 с.

650. Свешников Б. Н. Духовная культура России: Конспект лекций [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. г.] – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Svesh/index.php (дата обращения: 10.01.2011).

651. Седакова И. А. Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи / И. А. Седакова , Т. М. Николаева // Revue des études slaves. – 1994. – Vol. 66. – Num. 66-3. – P. 607-625.

652. Седов К. Ф. Речевая манипуляция как стремление к власти над человеком // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – Вып. 4. – С. 183-190.

653. Седов К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Вып. 26. – Саратов, 1996. – С. 8-14.

654. Седов К. Ф. Нейропсихолингвистика / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2007. – 224 с.

655. Седов К. Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. – 2000. – Вып. 2 (10). – С. 38-43.

656. Седов К. Ф. Коммуникативная компетенция // Хорошая речь. – Саратов, 2001. – С. 107-118.

657. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. – Саратов: Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 14-28.

658. Седов К. Ф. Разговор // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 220-230.

659. Седов К. Ф. Речежанровая идентичность и социализация личности // Известия саратовского университета. – 2009б. – Т. 9. – Сер. Философия. Психология. Педагогика. – Вып. 4. – С. 84-89.

660. Седов К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта // Вопросы стилистики. Язык и человек. – Вып. 26. – Саратов: Государственный учебно-научный центр «Колледж», 1996. – С. 8-14.

661. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 9-38.

662. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009а. – С. 23-39.

663. Секачева Е. Р. Городской фольклор как феномен массовой городской культуры начала XX в. [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник (журнал Российского государственного гуманитарного университета). – Электрон. версия печат. публ. – 2001. – № 3 (5). – С. 67-75. – URL: http://www.nivestnik.ru/2001_3/5.shtml#_ednref2 (дата обращения: 18.11.2012).

664. Семенец О. П. Прецедентный текст в языке газеты : дис. … канд. филол. наук / О. П. Семенец. – СПб., 2004. – 225 с.

665. Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологи / Э. Сепир. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.

666. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи (1924) [Электронный ресурс] // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sepir/11.php (дата обращения: 12.12.2008).

667. Сергеева Г. Г. Прецедентные имена и понимание их в молодежной среде (Школьники 10-11 класса) : дис. ... канд. филол. наук / Г. Г. Сергеева. – М., 2005. – 206 с.

668. Сергеева О. В. Домашний телевизор: экранная культура и пространство повседневности / О. В. Сергеева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – 162 с.

669. Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 337-383.

670. Серио П. Язык – плоть нации. Беседы о русском языке эпохи Брежнева // Политическая лингвистика. – 2008. – Вып. 3 (26). –С. 102-110.

671. Серль Д. Р. Логический статус художественного дискурса [Электронный ресурс] // Логос. – Электрон. дан. – 1999. – № 3 (13). – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_04.htm (дата обращения: 25.04.2011).

672. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 151-169.

673. Сибирякова И. Г. Опыт тематического анализа диалогического разговорного текста // Языковой облик уральского города. – Свердловск: Изд-во УГУ, 1990. – С. 59-68.

674. Сибирякова И. Г. Тема и жанр в разговорной речи // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 56-66.

675. Сидоркова Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия : дис. ... д-ра филол. наук / Г. Д. Сидоркова. – Краснодар, 1999. – 322 с.

676. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидорова. – М.: Наука, 1987. – 141 с.

677. Сидорова Н. Ю. Метакоммуникативные речевые действия медицинского дискурса // Лингвистика. Герменевтика. Концептология: Сборник научных трудов, посвящённый 60-летнему юбилею профессора Е.А. Пименова. – Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2008. – С. 360-364.

678. Силантьев И. В. Газета и роман: Риторика дискурсных смешений / И. В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.

679. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.

680. Сиротинина О. Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994. – С. 105-124.

681. Сиротинина О. Б. Человек и его язык // Вопросы стилистики. Язык и человек. Вып. 26. – Саратов: Государственный учебно-научный центр «Колледж», 1996. – С. 3-7.

682. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. – Саратов, 2001а. – С. 16-28.

683. Сиротинина О. Б. Разговорные типы речевой культуры и хорошая речь [Электронный ресурс] // ГРАМОТА.РУ. Справочно-информационный портал. Электрон. дан. – 2001б. – URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_129 (дата обращения: 11.11.2013).

684. Сиротинина О. Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта, Наука, 2006. – С. 343-347.

685. Скат Т. Н. Метакоммуникация в диалоге: Теоретический аспект // Структуры языкового сознания. – М.: Наука, 1990. – С. 146-158.

686. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1985. – 210 с.

687. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 142 с.

688. Слышкин Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

689. Слюсарева Н. А. Категориальная основа тема-рематической организации высказывания-предложения // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 3-15.

690. Смирнов И. П. Структурализм в литературоведении [Электронный ресурс] // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. – Электрон. дан. – М.: Сов. Энцикл., 1972. – URL: http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke7/ke7-2311.htm (Дата обращения: 01.07.2012).

691. Соболев Д. М. Лотман и структурализм: опыт невозвращения // Вопросы литературы. – 2008. – № 3. – С. 5-51.

692. Солганик Г. Я. Стилистика текста: [учеб. пособие]. – М.: Флинта, Наука, 1997. – 256 с.

693. Солганик Г. Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 312-315.

694. Сологуб О. П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект : дис. ... д-ра филол. наук / О. П. Сологуб. – Кемерово, 2009. – 383 с.

695. Сологуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 51-57.

696. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. – М., 1997. – С. 57-62.

697. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Извлечения [Электронный ресурс] // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и

извлечениях. – Часть 1. – Электрон. дан. – М., 1960. – URL: http://www.gramma.ru/BIB/?id=4.49 (дата обращения: 11.07.2009).

698. Сохань И. В. Повседневность как универсальное основание человеческой культуры : дис. … канд. филос. наук / И. В. Сохань. – Томск, 1999. – 124 с.

699. Стексова Т. И. Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 63-66.

700. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. – М.: ИЯ РАН, 1995. – С. 35-73.

701. Степанов Ю. С. Стиль // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 494-495.

702. Степин В. С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. – М., 2010. – С. 16-28.

703. Стилистика и литературное редактирование: [учебник] / под ред. В.И. Максимова. – М.: Гардарики, 2007 – 651 с.

704. Сыров В. Н. Массовая культура: мифы и реальность / В. Н. Сыров. – М.: Водолей, 2010. – 328 с.

705. Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) [Электронный ресурс] // Личность. Культура. Общество. – Электрон. дан. – 2000. – Т.2. – С. 147-159. – URL: https://sites.google.com/site/siterium2/home/stati/w-2 (дата обращения: 05.07.2010).

706. Сыщиков О. С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем) : дис. : канд. филол. наук / О. С. Сыщиков. – Волгоград, 2000. – 191 с.

707. Тарановский К. Ф. Очерки о поэзии О. Мандельштама: I. Концерт на вокзале. К вопросу о контексте и подтексте // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 13-39.

708. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1967. – С. 17-41.

709. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса (1959) [Электронный ресурс]. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из: URL: http://www.classes.ru/grammar/172.Tesniere/ (дата обращения: 02.08.2008).

710. Терских М. В. Реклама как интертекстуальный феномен : дис. … канд. филол. наук / М. В. Терских. – Омск, 2003. – 198 с.

711. Тихомирова Л. С. Интертекстуальность как предпосылка нового знания в научном тексте // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 4. – С. 19-24.

712. Тодоров Цв. Понятие литературы // Семиотика. – М., 1983. – С. 355-369.

713. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

714. Тороп П. Х. Проблема интекста // Текст в тексте. Труды по знаковым системам XIV. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Тарту, 1981. – С. 33-44.

715. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания / И. Г. Торсуева. – М.: Наука, 1979. – 109 с.

716. Трипольская Т. А. Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями / Т. А. Трипольская, Е. Ю. Булыгина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (24). – С. 28-40.

717. Троицкая А. Л. К вопросу об особенностях интертекстуального хронотопа готического романа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 63-1. – С. 357-360.

718. Тубалова И. В. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 257–296.

719. Тубалова И. В. Лингвокультурологический портрет сибирской деревни: к вопросу о методологии представления на фольклорном материале / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Филология и философия в современном культурном

пространстве: проблемы взаимодействия / ред. В.А. Суханов. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – С. 394-402.

720. Тубалова И. В. Текстовые модели народной аксиологии в анекдоте и частушке: к проблеме трансформации смеховой культуры // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 298. – С. 13-18.

721. Тубалова И.В. Современная сибирская деревня в фольклорном эстетическом отражении (Лингвокультурологическое описание) / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 86-92.

722. Тубалова И. В. Текст народно-речевой культуры как полифоническая структура // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 139-147.

723. Тубалова И. В. «Голоса» советской эпохи в полифонической структуре современного анекдота // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 34-38.

724. Тубалова И. В. Коммуникативные модели реализации полифонической рефлексии в разговорно-бытовом дискурсе // Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / ред. З.И. Резанова. – Томск : ИД СК-С, 2009. – С. 56-96.

725. Тубалова И. В. Сибирский фольклор как источник реконструкции картины мира русского населения Сибири / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – С. 168–198.

726. Тубалова И. В. Текстовое пространство Дня города и Дня рождения вуза: к проблеме праздничного миромоделирования / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 2. – С. 11-22.

727. Тубалова И. В. Фольклор как прототекстовая среда полифонического текста бытовой культуры: к проблеме полидискурсивности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 96-102.

728. Тубалова И. В. Полифоническая рефлексия в рамках стратегии обращения к авторитетному высказыванию (на материале разговорно-бытового дискурса) // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – С. 26-31.

729. Тубалова И. В. Коммуникативные модели обращения к «чужому» голосу в разговорно-бытовом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 3. – С. 75-83.

730. Тубалова И. В. Официально-деловой дискурс как прототекстовая среда бытового диалектного текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1. – С. 80-90.

731. Тубалова И. В. «Советский текст» в речевой среде постсоветской деревни – свидетельство ностальгии по советскому прошлому? // Ностальгия по советскому / Отв. ред. З.И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 215-231.

732. Тубалова И. В. Проблемы трансформации смысла «советского текста» в речевой среде постсоветской деревни // Язык и культура. – 2011. – № 3. – С. 94-105.

733. Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 4. – С. 41-52.

734. Тубалова И.В. «Конфликтогенный текст»: когнитивные и языковые особенности порождения (экспериментальное исследование) / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер, Д. А. Перевалова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 365. – С. 33-38.

735. Тубалова И. В. Коммуникативные модели обращения к иноречевым текстовым формам в современной частушке // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4. – С. 130-138.

736. Тубалова И. В. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 377. – С. 30-35.

737. Тубалова И. В. Институциональные речевые модели в личностно-ориентированных дискурсах различного типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 5 (31). – С. 38-52.

738. Тубалова И. В. Концепт «Великая Отечественная война» в личностно-ориентированных дискурсивных практиках обыденного человека // Русин. – 2015. – № 2 (40). – С. 241-257.

739. Тураева З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): [учеб. пособие] / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.

740. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – 574 с.

741. Тынянов Ю. Н. Проблема поэтического языка: Статьи / Ю. Н. Тынянов. – М.: Советский писатель, 1965. – 301 с.

742. Тюпа В. И. Новелла и аполог // Русская новелла проблемы теории и истории. – СПб., 1993. – С. 13-25.

743. Тюпа В. И. Пролегомены к теории эстетического дискурса [Электронный ресурс] // Дискурс. – Электрон. дан. – 1996. – № 2. – URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse2_3.htm (дата обращения: 03.04.2011).

744. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) [Электронный ресурс] // А. П. Чехов. – Электрон. дан. – Тверь, 2001. – URL: http://www.my-chekhov.ru/kritika/tupe/content.shtml (дата обращения: 16.01.2011).

745. Тюпа В. И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы) / В. И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с.

746. Ускова Т. А. Вербализация интертекстуальности в текстах массовой коммуникации : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Ускова. – М., 2003. – 213 с.

747. Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 1997. – Том 56. – № 5. – С. 12-21.

748. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 1998. – Том 57. – № 5. – С. 25-38.

749. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

750. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. – Саратов: Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 66-88.

751. Федотова Н. С. Концепт «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе : автореф. дис…канд. филол. наук / Н. С. Федотова. – Волгоград, 2005. – 31 с.

752. Фигуровский И. А. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста // Русский язык в школе. – 1948. – № 3. – С. 21-31.

753. Фигуровский И. А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1961. – 171 с.

754. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Филинский. – Тверь, 2002. – 163 с.

755. Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 352 с.

756. Фокина О. В. Интертекстуальность СМИ как когнитивно-вербальный феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 699-703.

757. Фосслер К. Позитивизм и идеализм в языкознании // История языкознания: XIX – 1-я половина XX в. / Сост., автор комментариев и заданий д-р филол. наук З.И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Ч. 1. – С.164-178.

758. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

759. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

760. Фуко М. История безумия в классическую эпоху (1972) / М. Фуко. / Пер. с фр. И. Стаф / под ред. В. Гайдамака. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 613 с.

761. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук (1966). / М. Фуко. / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой [Электронный ресурс]. – СПб: A-cad, 1994. – 408с. – Электрон. версия печат. публ. –URL: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt (дата обращения: 21.11.2008).

762. Фэ Хоанг. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 399-404.

763. Хазагеров Г. Г. В поисках новой дискурсивной стилистики (о слабостях функционально-стилистического подхода и перспективности риторических теорий стиля) // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах. Вып. 3. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. – С. 13-22.

764. Хазиева Г. Р. Человек «обыденный» как социальный феномен : дис. ... канд. филос. наук / Г. Р. Хазиева. – Набережные Челны, 2011. – 132 с.

765. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.

766. Харрис З. Метод в структуральной лингвистике // История языкознания: XIX – 1-я половина XX в. / Сост., автор комментариев и заданий д-р филол. наук З.И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Ч. 2. – С. 88-105.

767. Хачмафова З. Р. Интертекстуальность как отражение лингвокультурного сознания женской языковой личности / З. Р. Хачмафова, Е. Н. Лучинская [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. – Электрон. дан. – 2012. – № 3. – URL: http://vestnik.adygnet.ru//files/2012.3/2045/khachmafova2012_3.pdf (дата обращения: 11.08.2014).

768. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб., 2002. – С. 17-31.

769. Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – М.: ЛКИ, 2007. – 320 с.

770. Хашимов Р. И. Модус // Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др.; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т. 2. – М.: Флинта, 2014. – С. 183.

771. Хроленко А. Т. Лексика русской народной поэзии / А. Т. Хроленко. – Курск: Изд-во. КГПИ, 1976. – 64 с.

772. Хроленко А. Т. Проблемы фольклорной лексикографии // Диалектная лексика 1977. – Л., 1979. – С. 229-241.

773. Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. – Т. 19. – Л., 1979. – С. 147-156.

774. Хэллидей М. А. К. Место «функциональной перспективы предложения» (ФПП) в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 138-148.

775. Цивьян Т. В. К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту: Изд-во Тартусского ун-та, 1973. – С. 13-17.

776. Цуладзе А. М. Политические манипуляции, или покорение толпы / А. М. Цуладзе. – М.: Книжный дом «Университет», 1999. – 144 с.

777. Чейф У. Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения (1976) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – М., 1982. – С. 277-316.

778. Челышев П. В. Кризис обыденного сознания в современном мире [Электронный ресурс] // The XXII World Congress of Philosophy. July 30 – August 5, 2008. Seoul National University, Seoul, Korea. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2008. – URL: http://www.globalistika.ru/congress2008/Doklady/22510.htm (дата обращения: 24.07.2013).

779. Чепкина Э. В. Практики конструирования поля политики в журналистском дискурсе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 6. – С. 72-77.

780. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды, 1995-2000 гг. : дисс…д-ра филол. наук / Э. В. Чепкина. – Екатеринбург, 2001. – 389 с.

781. Чепкина Э. В. Языковедческие функциональные методы: дискурсивный анализ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М: Флинта, Наука, 2003. – С. 661-663.

782. Черкасский М. А. К проблеме семиотической сложности текста // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч.1. – М., 1971. – С. 106-109.

783. Чернявская В. Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория вторичного текста в научной коммуникации (на материале немецкоязычных научно-критических текстов) / В. Е. Чернявская. – Ульяновск: Изд-во Средневолжского научного центра, 1996. – 107 с.

784. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11-22.

785. Чернявская В. Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – дискурс – стиль: Коммуникации в экономике: сб. науч. ст. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2003. – С. 23-42.

786. Чернявская В. Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст – Дискурс – Стиль: Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 33-41

787. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста / В. Е. Чернявская. – М.: URSS, 2005. – 124 с.

788. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интедискурсивность // Лингвистика

текста и дискурсивный анализ: Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 7-26.

789. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: [учебное пособие] / В. Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

790. Чикина Л. К. Лингвистика текста: [учебное пособие]. – Саранск: Изд-во мордов. ун-та, 1986. – 84 с.

791. Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста // IX Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Доклады советской делегации. – М.: АН СССР, 1983. – С. 143-170.

792. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция / К. В. Чистов. – М.: ОГИ, 2005. – 272 с.

793. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

794. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Электронный ресурс] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2003. – 248 с. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03b.htm (дата обращения: 25.02.2011).

795. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Общие проблемы, метафора: [учеб. пособие] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 194 с.

796. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: [учеб. пособие] / А. П. Чудинов. – М.: Флинта, 2007. – 256 с.

797. Чуковский К. И. Живой как жизнь: О русском языке / К. И. Чуковский. – М.: Детская литература, 1966. – 207 с.

798. Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание / Н. Л. Чулкина. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

799. Чумак-Жунь И. И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия / И. И. Чумак-Жунь. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 228 с.

800. Чумаков Г. М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Г. М. Чумаков. – Днепропетровск, 1977. – 47 с.

801. Шахнарович А. М. Прагматика текста: психолингвистический подход / А. М. Шахнарович, М. А. Габ // Текст в коммуникации: Сборник научных трудов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. – С. 68-81.

802. Шаховский В. И. Эмоциональный интеллект в языковой игре // Мир лингвистики и коммуникации. – 2006. – Т. 1. – № 2. – С. 76-82.

803. Шварцкопф Б. С. О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией (на материале русского языка) [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех.– Электрон. дан. – [Б. м.], 2006. – URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/rr/?page=2 (дата обращения: 01.06.2012).

804. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 378 с.

805. Шевченко В. Д. Введение в теорию интерференции дискурсов / В. Д. Шевченко. – Самара: СамГУПС, 2008. – 194 с.

806. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дисс…д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 с.

807. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. – Саратов: Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 204-212.

808. Шилихина К. М. Интертекст как средство создания иронии // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 152-157.

809. Ширяев Е. Н. Структура разговорного повествования // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения III. – М., 1982. – С. 106-121.

810. Ширяев Е. Н. Культура речи как лингвистическая дисциплина // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 44-61.

811. Ширяев Е. Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. № 1. – М., 2001. – С. 132-147.

812. Ширяева Т. А. Деловой дискурс как коммуникативный акт // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2005. – №3-4. – С. 92-111.

813. Ширяева Т. А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Ширяева. – Краснодар, 2008. – 50 с.

814. Шмелёв А. Д. Осознанное и неосознанное в наивной лингвистике // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Томск, 2009. – Ч. 2. – С. 36-46.

815. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М.: Наука, 1976. – 148 с.

816. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). – М.: Наука, 1977. – 168 с.

817. Шмелева Е. Я. Рассказывание анекдота как жанр современной русской устной речи / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев // Труды Международного семинара Диалог’98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. – Казань, 1998. – С. 262-271.

818. Шмелева Е.Я. Русский анекдот. Текст и речевой жанр/ Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.

819. Шмелева Е.Я. Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев // Жанры речи. Вып. 4. Жанр и концепт. – Саратов: ИЦ Наука, 2005. – С. 296-301.

820. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984. – С. 78-100.

821. Шмелева Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 168–202.

822. Шмелева Т.В. Лозунг // Культура русской речи: энцикл. словарь-справ. / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 313.

823. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов: Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 88-99.

824. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

825. Шмидт В. Соотношение языка и политики как предмет исследования социальной эффективности языка с позиций марксизма-ленинизма // Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык – идеология – общество. – М., 1979. – С. 73-77.

826. Шпанова Э. М. К вопросу о необходимости учета экстралингвистического фактора «тип содержания» при анализе официально-деловых текстов // Вопросы стилистики. Межвуз. научн. сб. – Вып. 18. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. – С. 16-24.

827. Шумарина М. Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Р. Шумарина. – М., 2011. – 46 с.

828. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы) / М. Р. Шумарина. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 328 с.

829. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии / А. Шютц. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

830. Шюц А. Мир светящийся смыслом / А. Шютц. – М.: Росспэн, 2004. – 1056 с.

831. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 12. – С. 129-137.

832. Щавелев С. П. «Синяя птица» повседневности / С. П. Щавелев. – Курск: Изд-во Курск. гос. мед. ун-та, 2002. – 124 с.

833. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 24-39.

834. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1957. – С. 110-129.

835. Щирова И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. – 472 с.

836. Эмер Ю. А. Концепт «Природа» и язык фольклора // Филология на рубеже веков: материалы конф. молодых ученых. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – С. 101–104.

837. Эмер Ю. А. Миромоделирование в языке фольклора // Миромоделирование в языке и тексте: сб. науч. тр. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – С. 82-90.

838. Эмер Ю. А. Жанровая специфика миромоделирования в языке фольклора // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 150–155.

839. Эмер Ю. А. Миромоделирование в традиционном и современном фольклоре // Літературознавчіобрі. Праці молодих учених. – Киев: Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАНУ, 2005. – Вип. 7. – С. 30–34.

840. Эмер Ю. А. Ценностная модель мира традиционного фольклора в жанровом воплощении // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 297. – С. 25-32.

841. Эмер Ю. А. Частушка как народная рефлексия советской ценностной системы // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 39-42.

842. Эмер Ю. А. Фольклорный жанр (к проблеме лингвокогнитивного моделирования) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 107-117.

843. Эмер Ю. А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 91-99.

844. Эмер Ю. А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ : дис. … д-ра филол. наук / Ю. А. Эмер. – Томск, 2011а. – 458 с.

845. Эмер Ю. А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы / Ю. А. Эмер. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011б. – 266 с.

846. Эмер Ю. А. Фольклор: когнитивно-дискурсивное описание // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011в. – № 2. – С. 51-60.

847. Юнг А. В. Когнитивные основы текста делового письма на английском языке (На материале деловых писем-оферта) : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Юнг. – Владивосток, 2004. – 192 с.

848. Ядрышникова Л. Г. Культурные практики повседневности: к вопросу о методологических принципах изучения // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 53. – С. 194-202.

849. Ядрышникова Л. Г. Фольклор и постфольклор в культурных практиках повседневности : автореф. дис. ... канд. культурологи / Л. Г. Ядрышникова. – Екатеринбург, 2008. – 27 с.

850. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

851. Якобсон Р. О. Язык и бессознательное / Р. О. Якобсон. – М.: Гнозис, 1996. – 248 с.

852. Якубинский Л. П. О функциональных многообразиях речи // Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17-58.

853. Ярмахов Б. Б. Повседневность как проблема герменевтики : автореф. дис. … канд. филос. наук / Б. Б. Ярмахов. – Нижгий Новгород, 1994. – 16 с.

854. Ярославцева А. В. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. В. Ярославцева. – Томск, 2007. – 22 с.

855. Beaugrande R.-A. de. A New Introduction to the study of text and discourse: Discursivism and Ecologism [Электронный ресурс] // POETICA. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: http://www.philologoz.ru/beaugrande.bizland.com/new_intro_to_study.htm (дата обращения: 14.02.2009).

856. Beaugrande R.-A. de. New foundations for a science of text and discourse: cognition, communication, and the freedom of access to knowledge and society (advances in discourse processes, V. 61) [Электронный ресурс] // beaugrande.com. – Электрон. дан. – Praeger, 1997. – URL: http://www.beaugrande.com/new_foundations_for_a_science.htm (дата обращения: 10.02.2009).

857. Beaugrande R.-A. de. Introduction to Text Linguistics [Электронный ресурс] / R.-A. de. Beaugrande, W.V. Dressler. – Электрон. дан. – London; New York: Longman, 1981. – URL: http://www.beaugrande.com/introduction_to_text_linguistics.htm (дата обращения: 14.02.2009).

858. Beaugrande R.-A. de. Text, Discourse, and Process: Toward a Multidisciplinary Science of Texts. Norwood: Ablex, 1980 [Электронный ресурс] //

beaugrande.com. – Электрон. дан. – [Б. г.]. – URL: hppt:// www.beaugrande.com/ TDPOpening.htm (дата обращения: 10.02.2009).

859. Brinker K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker. – Aufl. Berlin, 1992. – 150 p.

860. Dijk T. A. van. Introduction: Discourse and Domination // T.A. van Dijk. Discourse and Power. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. – P. 1-26.

861. Dijk T.A. van. News as Discourse [Электронный ресурс] / T.A. van. Dijk. – Электрон. дан. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988. – URL: http://www.philologoz.ru/www.questia.com/PM.qst?action=openPageViewer&docId=14361207 (дата обращения: 10.12.2009).

862. Dijk T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse / T.A. van. Dijk. – The Hague: Mouton, 1981. – 331 p.

863. Eco U. The Role of the Reader: Explorations in the semiotics of texts / U. Eco. – Bloomington, L., 1979. – 273 p.

864. Elias N. Zum Begriff des Alltags // Materialien zur Soziologie des Alltags. – Opladen, 1978. – P. 22-29.

865. Emer Yu.A. Writing a riddle: "genre memory" and modern information environment (an experimental study) / Yu.A. Emer, V.V. Kashpur, I.V. Tubalova // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – V. 154. – Pp. 386-390.

866. Emer Yu.A. The Chastushka on the Internet: the Problem of Genre Viability / Yu.A. Emer, V.V. Kashpur, I.V. Tubalova // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2015. – V 200. – Pp. 199-205.

867. Halliday M. Current Ideas in Systemic Practice and Theory. – London: Pinter, 1991. – 157 p.

868. Harweg R. Pronomina und Textkonstitution. – Munchen, 1968/1970. – 331 p.

869. Kristeva Y. La rvolution du langage potique: L’avant-garde la fin du XIX-e sicle [Электронный ресурс]. Электрон. дан. – Электрон. дан. – P., 1974. Электрон. дан. – URL: http://www.pileface.com/sollers/article.php3?id_article=669 (дата обращения: 11.12.2010).

870. Labov W. The Transformation of Experience in Narrative Syntax // Language in the Inner City. – Philadelphia: University of PA Press, 1972. – P. 354-396.

871. Lachmann R. Value Aspects in Jurij Lotman’sSemiotics of Culture/Semiotics of Text // Dispositio. – Vol. XII. – № 30-32. – P. 13-33.

872. Leech G. Language in Literature: Style and Foregrounding / G. Leech. – Longman Pub Group, 2008. – 222 p.

873. Leech G.N. Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose / G.N. Leech, M. H. Short. – L., N.Y.: Longman, 1985. – 399 p.

874. Maas U. «Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand». Sprache im Nationalsozialismus / U. Maas. – Opladen: Deutsche Verlagsanstalt, 1984. – 205 p.

875. Maslow A.H. Motivation and personality [Электронный ресурс] / A. N. Maslov. – New York: Harper & Row, 1954. – 411 p. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.pep-web.org/document.php?id=paq.024.0447a (дата обращения: 18.01.2012).

876. Riffaterre M. Semiotics of Poetry / M. Riffaterre. – London: Taylor & Francis, 1980. – 213 p.

877. Sacks H. Schegloff E.A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-talking for conversation // Language. – 1974. – P. 696-735.

878. Searle John R. What is a speech act? // Philosophy in America. – London: Alien and Unwin, 1965. – P. 221-239.

879. Siegfried J. Schmidt, Texttheorie. Probleme einer Linguistik der sprachlichen Kommunikation / J. Siegfried. – Munchen: Wilhelm Fink, 1973. – 184 p.

Список источников

1. Богословская З. М. Устная народная речь русских старожилов Сибири: сб. текстов. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2007. – 102 с.

2. Большой бухгалтерский словарь / Под ред. А. Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 1999. – 574 с.

3. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 858 с.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1978–1980.

5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. В 2-х т [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.efremova.info/ (дата обращения: 01.11.2015).

6. Живая речь уральского города: Тексты / Авт.-сост.: И. Н. Борисова, И. Т. Вепрева, Т. В. Матвеева и др.; Под ред. Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1995. – 206 с.

7. Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия / [сост. И.В. Шалина]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 360 с.

8. Жили да были: Фольклор и обряды томских сибиряков / Собиратель, составитель и автор комментариев П. Е. Бардина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 222 с.

9. Записи текстов городской разговорной речи, сделанные в г. Томске (2003-2012 гг.).

10. Записи текстов среднеобского говора, выполненных в рамках экспедиций студентов и сотрудников Томского госуниверситета в районы бытования среднеобского говора (60е-80е гг. XX в.).

11. Иванцова Е. В. Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. – 104 с.

12. Китайгородская М. В. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская. – Москва: Научный мир, 2005. – 493 с.

13. Китайгородская М. В. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Б. и., 1995. – 127 с.

14. Коноплицкий В., Филина А. Это – бизнес. Толковый словарь экономических терминов. – М.: Альтпресс, 1996. – 448 с.

15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: www.ruscorpora.ru.

16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – М.: Азбуковник, 1998. – 943 с.

17. Политическая наука: словарь-справочник / Авт. и сост.: И. И. Санжаревский Изд. 6-е, испр. и доп. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Тамбов, 2014. – URL: http://glos.virmk.ru/ (дата обращения: 01.11.2015).

18. Полный словарь сибирского говора: в 4-х т. / Главный ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992-1995. – Т. 1-4.

19. Русская деревня в рассказах ее жителей / Под ред. Л. Л. Касаткина. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. – 512 с.

20. Русская разговорная речь европейского северо-востока России: Сборник текстов / Под ред. Н. С. Сергиевой и А. С. Герда. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1998. – 158 с.

21. Русская разговорная речь Заполярья: Норильск: Тексты / Под ред. А. С. Герда. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 92 с.

22. Русская разговорная речь. Тексты / Автор-сост. Г. Г. Инфантова. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2006. – 274 с.

23. Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. – М.: Наука, 1978. – 306 с.

24. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 6 т. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник», 1998-2003. – Т. 1-3.

25. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. В. Серов. – М.: «Локид-Пресс», 2005. – 880 с. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://bibliotekar.ru/encSlov/index.htm (дата обращения: 14.04.2015).

26. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 1-4.

27. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1948-1965. – Т. 1-17.

28. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. – Благовещенск: АмГУ, 2005. – 184 с.

29. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. – Благовещенск: АмГУ, 2005. – 119 с.

30. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Скляревской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб., 1998. – 700 с.